ВАДИМ ПАНОВ

КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ

АНКЛАВЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир Анклавов рационален до мозга костей: компьютеры и информационные технологии насквозь пронизали все сферы жизни, успехи генной инженерии достигли небывалых и даже пугающих высот, а сверхскоростные транспортные системы в корне изменили понятия о расстонии. Однако именно в этом мире разгорелась битва за обладание рукописью одного из последних представителей древней Традиции, само существование которого напрочь опровергало все законы материализма. В ожесточенной схватке сошлись храмовники Мутабор и высше иерархи Католического Вуду, китайцы и европейцы, опытнейшие сетевые ломщики и просто бандиты. Обладание таинственной книгой сулило победу в вечной битве за неоцифрованные даже в эпоху всесилия Цифры человеческие души. И в пропитанном виртуальностью мире вновь полилась реальная кровь.

- Панов Вадим
  - Пролог
  - Часть 1
  - Часть II
  - Часть III
  - Эпилог
  - Словарь

Панов Вадим
Костры на алтарях

Пролог

за два года до описываемых событий
анклав: Сингапур
территория: Центральный Бизнес-Округ
территория: Мутабор-холл
поиски истины требуют терпения и внимательности

Вечер в «Европейском» салоне одного из самых лучших отелей Сингапура – «Pan Pacific» протекал по традиционному, давным-давно сложившемуся сценарию, приятному для гостей, удобному для хозяев. В обширном, с высокими потолками помещении, украшенном подлинниками флорентийских мастеров, собралось около сорока человек. Мужчины – преимущественно в смокингах, женщины – преимущественно в платьях. Не обязательно в вечерних, но тем не менее – платьях. Неписаные правила не рекомендовали гостям отеля облачаться для выхода в салон в деловые костюмы. На диванах и в креслах шли неспешные разговоры, где-то о бизнесе, где-то о политике, где-то о нашумевших театральных постановках. Незаметные официанты разносили напитки, рыбачьей джонкой вертелся главный менеджер «Pan Pacific», лично приветствуя дорогих постояльцев, а слух гостей услаждала негромкая мелодия, ее отголоски долетали даже до открытой террасы, в которую плавно переходил салон.

Стояла редкая для морского города безветренная погода, и даже на высоте тридцатого этажа воздух оставался на удивление спокойным.

– Вы позволите?

Все выставленные на террасу кресла были заняты, и лишь в самом дальнем углу, у небольшого столика, за которым сидел бритый наголо старик в старомодном черном костюме, оказалось свободное место. Именно к нему подошла высокая рыжеволосая женщина, появившаяся в салоне без спутников и уже успевшая отделаться от менеджера «Pan Pacific». В руке она держала бокал с коктейлем.

– Мне хочется подышать свежим воздухом.

– Как я могу возражать, мадам? – Старик поднялся на ноги и учтиво склонил голову: – Хасим Банум, мадам, к вашим услугам.

– Лина Томпсон. – Женщина опустилась в кресло.

– Очень приятно. – Банум вновь присел. – Вы из Америки?

Вопрос был задан с приличествующей случаю вежливостью: старик явно не испытывал потребности в общении, но воспитание

не позволило ему проигнорировать появление соседки.

– Приехала по делам из Анклава Сиэтл. А вы?

– Из Европы, – коротко ответил Хасим. – Я путешествую.

– Просто так?

– Определенная цель присутствует, – не стал скрывать Банум. – Я веду уединенный образ жизни, однако раз в несколько лет покидаю дом, изучая произошедшие в мире изменения.

– Какие именно?

– Наиболее интересные.

– Весьма расплывчато. – Американка поднесла к губам бокал.

– Я человек широких взглядов, – улыбнулся старик.

– Вы ученый?

– В какой-то мере – да. Но академическая карьера меня не прельщает, я веду изыскания с целью удовлетворения собственного любопытства. Мне интересно наблюдать за происходящими в мире процессами и размышлять, куда они нас заведут.

– Для чего?

– Удовлетворяю свое любопытство, – повторил старик.

– Завидую, – вздохнула Томпсон. – В наши дни мало кто может себе позволить жить так, как хочется. У большинства есть дела и обязательства.

– Не соглашусь насчет немногих, – тут же отозвался Банум. – Вы, насколько я понимаю, принадлежите к высшим слоям общества?

– Обычные люди в этом салоне не появляются.

Фраза прозвучала с легким высокомерием: американка выразила удивление сомнениям собеседника.

– В таком случае, вы видели множество людей, которые могут себе позволить жить так, как им хочется. К сожалению, хочется им не так уж и много: роскошь, развлечения, наркотики…

– В вашей жизни этого не было?

– Когда-то я не отказывал себе в удовольствиях, – признался старик.

– Тогда почему вы обвиняете других?

– Ни в коем случае! – Банум выставил перед собой руки ладонями вперед, и Лина впервые с начала разговора обратила внимание на то, что кисти скрыты тонкими черными перчатками. – Молодость дается только раз, ее надо прожить широко, тем более когда есть возможность. Но возникает вопрос: что дальше? Я видел и сорокалетних и даже пятидесятилетних «мальчиков», продолжающих бездумно транжирить унаследованные состояния.

– Такое случается, – подтвердила Томпсон.

– Но в большинстве своем отгулявшая «золотая молодежь» бодро идет по стопам родителей, занимая их кабинеты и кресла.

– Что в этом плохого? – Американка поставила опустевший бокал на столик – его тут же подхватил официант – и удивленно посмотрела на старика. – Я унаследовала дело отца и теперь являюсь председателем совета директоров корпорации. Пусть и небольшой корпорации, но…

– А кем вы хотели быть в юности? Председателем совета директоров?

– Еще коктейль, мадам?

– Да.

Банум, предпочитающий красное сухое, сделал маленький глоток вина, продолжая вопросительно смотреть на собеседницу.

– Именно это я и имела в виду, когда говорила об обязательствах, что накладывает на нас жизнь, – твердо ответила Лина. – Я должна была встать во главе корпорации.

– Кому должны?

– Отцу, детям… – протянула Томпсон. – В конце концов, тем людям, которые на нас… на меня работают.

– Почему вы считаете, что под вашим руководством им хорошо?

– Потому что я умею вести дела!

– Так кем вы мечтали стать в юности?

– Не ваше дело!

Лина отвернулась, приняла из рук официанта бокал с коктейлем и сделала большой глоток.

Ветер постепенно усиливался, пробирался под одежду, гости покидали террасу, и ей захотелось пересесть на освободившееся кресло, подальше от несносного старика. Но воспитание, воспитание…

– Жизнь в Китае отличается от уклада, принятого в Исламском Союзе или Омарском эмирате, – негромко произнес Банум. – В Индии или странах Католического Вуду она течет совсем иначе, чем в Анклавах. Но везде, я подчеркиваю – везде, постепенно формируется система, близкая к кастовой. Истории о том, как честолюбивый молодой человек сумел подняться в высшие слои общества, выглядят правдиво лишь в телесериалах. Получать хорошее образование – долго и дорого, в результате подавляющее большинство людей остается внизу, на уровне, который определен их примитивными знаниями.

– Вы бы хотели, чтобы каждый человек на Земле владел личной транснациональной корпорацией? – язвительно осведомилась Томпсон.

– Я наблюдатель, – пожал плечами Банум. – Я ничего не хочу:

ни мира для всех, ни войны. Не обижайтесь, Лина, но мне плевать и на верхолазов, и на работяг. Я поделился наблюдениями, полагая, что они вам интересны. Я ошибся?

– Нет, – буркнула американка. – Признаюсь честно: выходя на террасу, я хотела отдохнуть после напряженного дня, но… беседа меня увлекла.

– Спасибо. – Старик задумчиво посмотрел на стремительно наползающие облака. – Не сочтите меня ретроградом, но по сравнению с нынешним положением дел классическая дворянская система давала обществу гораздо больше плюсов. Титул наследовал старший сын, а остальным детям приходилось добиваться всего самостоятельно. Кто-то удачно женился, кто-то шел в армию, кто-то искал себя в других сферах. У меня есть теория, что научный расцвет, случившийся в девятнадцатом веке, порожден именно этим обстоятельством: множество молодых, образованных и честолюбивых людей искали себя вне пределов своего круга. У них не было возможности сесть в родительское кресло, а потому приходилось работать. В том числе – исполнять юношеские мечты.

– Одно из ваших наблюдений?

– Один из моих выводов, Лина, один из моих выводов. Сын ученого не обязательно станет гением, дочь бизнесмена не всегда хорошо разбирается в делах. Разбитое на касты, лишенное притока свежей крови общество обязательно останавливается в своем движении. Сын верхолаза становится верхолазом, сын лавочника – лавочником, сын мусорщика – мусорщиком. Люди делают то, что должны, не понимая, что должны они делать то, к чему лежит душа.

Он не сказал ей ни одного дурного слова, но Томпсон почувствовала себя оскорбленной.

«Я не разбираюсь в бизнесе?!»

Однако воспитание не позволило американке вспылить. Она допила коктейль и холодно поинтересовалась:

– Что вы ищете в Сингапуре?

– В этом Анклаве, насколько мне известно, скоро произойдут интересные события, – любезно ответил Банум.

Ветер еще не успел унести его слова, как небо над ночным Сингапуром осветило зарево мощного взрыва. Он прозвучал далеко за пределами Центрального Бизнес-Округа, звук не долетел до террасы, однако вспышка напомнила дорогим гостям «Pan Pacific» о некоторых аспектах повседневной жизни Анклавов.

– Все знают, что здесь будет бунт, – вздохнула Томпсон.

– Вы приехали, потому что беспокоитесь о вложениях?

– А вы, чтобы посмотреть?

– Да, – улыбнулся старик.

– Так кто из нас хуже?

Банум покачал головой:

– Лина, разве я обвинял вас в чем-то? Мы оба такие, какие есть. Позвольте угостить вас коктейлем, и давайте вместе посмотрим на город. Что-то мне подсказывает, что взрыв, который мы с вами только что наблюдали, – не последний.

Впоследствии, анализируя события, приведшие к беспрецедентному событию – захвату сингапурского филиала Мутабор, военные эксперты особенно подчеркивали два обстоятельства. Во-первых, крупномасштабные столкновения, вспыхнувшие между малайцами и китайцами и оттянувшие на себя значительные силы СБА. Обычно храмовники сами защищали свои территории, однако Мутабор имел статус транснациональной корпорации, Служба обязана была оказать помощь, но из-за беспорядков подразделения СБА прибыли со значительным опозданием, когда здание уже горело. Во-вторых, военные кивали на крайне неудачное расположение филиала. Мутабор всегда держался особняком, контролировал довольно большие зоны в каждом Анклаве, а вот в Сингапуре, остро страдающем от нехватки земли, ограничился всего одним кварталом, расположенным как раз у южной границы малайской и китайской территорий. И тот факт, что его коснулись беспорядки, не вызвал ни у кого удивления.

Однако никто из экспертов, во всяком случае – официально, не признал, что захват храмового комплекса был спланирован и проведен на высоком уровне. Мутабор-холл атаковали не толпы погромщиков – с бунтарями прятки разобрались бы без особого труда, – а профессионалы. Дом-квартал Мутабор представлял собой единое строение – атаковали с четырех сторон одновременно. Стены проламывали тяжелыми бульдозерами, затем внутрь врывались бойцы, а уж за ними – толпа погромщиков. Немногочисленные прятки, о боевых качествах которых по миру ходили только восторженные отзывы, оказались бессильными против массированного вторжения. Они сумели задержать нападавших, позволив храмовникам запустить механизм самоуничтожения наиболее важных объектов, а затем организовали прорыв, увели людей на корпоративную территорию, оставив горящий филиал во власти погромщиков.

– Как в пещере Али-Бабы, да?

Тай был невысок, худощав и… опытен. Очень опытен. Он вырос на улицах Бангкока, стал бандитом, служил в специальном

армейском подразделении, снова вернулся в опасные кварталы, сумев пройти путь от уличного убийцы до лидера довольно крупной организации. Он видел много крови, знал свою силу – немаленькую силу, но старика боялся до колик. Отчетливо боялся, бессознательно демонстрируя это и жестами, и мимикой, и тембром голоса. И шутка его прозвучала вымученно.

– Неудачное сравнение, – ответил Банум, внимательно разглядывая разложенные вокруг сокровища. – Если верить сказкам, коллекция разбойников состояла из целых вещей, вы же предлагаете остатки… точнее, останки.

Несколько разбитых компьютеров (Тай уверял, что жесткие диски не повреждены), пять или шесть образцов тканей в пластиковых контейнерах с непонятными маркировками, несколько лабораторных журналов, которые Банум пролистал без особого интереса, несколько колб с жидкостями, которые старик не преминул понюхать, – вот, собственно, и все, что удалось вынести из филиала Мутабор.

– У храмовников был план на случай вторжения, – пробормотал Тай. – Они сожгли и взорвали большую часть помещений. Мои ребята вынесли эти предметы, рискуя жизнями.

– За это вам платят.

«Не вы», – хотел сказать Тай, но прикусил язык.

Да, платил ему не старик, а корпорация. Хитрецы из «Фарма 1» решили воспользоваться назревающим в Сингапуре бунтом, чтобы добраться до секретов Мутабор – обычный для Анклавов случай промышленного шпионажа. Каперы наняли банду Тая, щедро заплатили за услуги, но… первым собранные трофеи изучал Банум. Хмурый старик нашел Тая два дня назад и сделал предложение, от которого тот не смог отказаться. Тай до сих пор не мог понять, как Банум проведал о его роли в деле, как смог отыскать его, укрывшегося перед операцией в надежнейшем месте, и как ему одному – одному! – удалось перебить пятерых телохранителей. Но Тай не искал ответов. Он был опытен и знал, когда нужно уступить. Он принял предложение старика, выложил ему добычу, а представители «Фарма 1»… представители «Фарма 1» приедут в «пещеру Али-Бабы» через час. Заберут то, что останется.

– Что это такое? – Банум взял в руки два обгоревших листа бумаги и медленно прочел напечатанный латиницей текст: – «Авва марда Авва. Куар…»

– Нашли в одном из помещений, – торопливо объяснил бандит. – Там все горело, но в окно залетела граната, и взрывной волной листочки вынесло в коридор. Я заметил и взял.

– Вы молодец, Тай.

– Спасибо.

Таким вежливым бандит был только в далекой юности.

– Я возьму их. – Банум аккуратно положил листочки в твердую пластиковую папку. – И заплачу вам… двадцать тысяч юаней.

– Спасибо, – еще раз поклонился Тай, который никак не рассчитывал на вознаграждение – живым бы остаться. И уточнил: – Возьмете только их?

Ведь нужно что-нибудь показать каперам…

– Любой, кто хотя бы поверхностно знаком с принципами Мутабор, знает, что храмовники не хранят важную информацию в обычных компьютерах, – усмехнулся Банум. – Лабораторные образцы меня тоже не интересуют, в отличие от «Фарма 1» меня не прельщают промышленные секреты. Я хочу знать, что есть Мутабор, а не что он умеет.

– Зачем?

Таю не следовало задавать этот вопрос, но он не сдержался. Уж больно неожиданно прозвучали слова старика.

«Не интересуешься промышленными секретами?»

Банум помолчал, то ли подбирая слова, то ли обдумывая, не послать ли задавшего вопрос бандита подальше, а затем, улыбнувшись, с видом человека, отыскавшего оригинальный ответ, произнес:

– Я пишу книгу, мой друг, пишу книгу…

Человек должен верить.

Не быть уверенным в доказательствах, собранных в трактатах ученых мужей, а именно верить.

Знание рационально, его стихия – материальный мир, подчиняющийся сложным, но объяснимым законам, овладеть которыми способен любой, проявивший некоторое усердие человек. Знание – выверенная последовательность действий и холодный расчет. А вера дарит надежду. В том числе – на несбыточное. Знание укажет твое место на круглой Земле, а вера позволит слиться со всей Вселенной. Знание отщелкивает время безразличными стрелками часов, а вера открывает путь к вечности. Знание опирается на неопровержимые факты, льется со страниц учебников и научных журналов. Вера же прячется в душе, и единственное доказательство ее силы – твоя крепость.

Перспектива и надежда, песчинка и Вселенная, секунда и вечность, факты и убежденность, разум и душа. Откажись от надежды – и тебя проглотят серые будни,

превратят в шестеренку, в тупого голема, вся жизнь которого – работа и развлечения. Забудь о разуме – и потеряешь фундамент, мир потускнеет, сузившись до размера догм.

Человек обязан знать.

Человек не может не верить.

Человек раскалывает атом, строит километровые небоскребы, летит на Луну и… И вчитывается в строки, написанные за тысячи лет до его рождения, в строки, в которых таится ключ к его душе. Строки, в которых сосредоточена мудрость его Традиции.

Путь любого учения, овладевшего душами миллионов, одинаков. Сначала Слово, книга или предание, способные достучаться до людских сердец. Идеи, которым предстоит стать окаменевшими догмами, но пока еще бурлящие живостью и силой. Затем – долгое становление. Не обязательно только мечом, не всегда только словом. Человек – хищник, а хищника можно убедить, лишь продемонстрировав силу. Силу духа и силу стали. Любая Традиция должна пройти испытание на прочность, в противном случае она зачахнет, отомрет, подобно лишенной воды лозе, исчезнет, не оставив после себя ничего, даже памяти. Ведь слова, даже те, что коснулись сердца, это всего лишь слова…

Но вот преодолены трудности, повержены враги, и наступает период расцвета, эпоха величия и лавровых венков. Миллионы адептов не ставят под сомнение основополагающие постулаты, верят искренне, всей душой, готовы умереть ради слов, слившихся с их сердцами. Хранители ревностно берегут покой Традиции, без колебаний вытаптывая сорную траву, защищая свое право быть Истиной в последней инстанции. Сколь долго будет продолжаться период расцвета, зависит от многих причин. Вместо героев приходят хитрецы, величие и гордость подменяются самолюбованием, обряды становятся рутиной, привычкой, теряется их глубинный смысл, и когда появляется новое – дерзкое, бурлящее и сильное, оно кажется притягательным. Ведь новое еще не окаменело, оно еще живое…

Люди ошибаются, полагая, что испытание на прочность Традиции проходят лишь во время становления. Люди слабы, и блестящие игрушки современности всегда будут казаться им более привлекательными, нежели древние, «ограничивающие личность» правила.

Именно поэтому я с таким интересом исследую феномен нейкизма – учения, порожденного «блестящими игрушками современности». Слово, пришедшее из материального мира. Попытка создать религию, опираясь на факты и доказательства.

Можно ли рассматривать учение машинистов как Традицию или, учитывая незначительность времени, прошедшего с момента появления «Чисел Праведности», как зарождающуюся Традицию?

Детальный анализ «Чисел Праведности» показывает, что Эммануэль Мария Нейк хорошо изучила опыт становления существующих Традиций и создала книгу, способную заложить основы полноценного учения, весьма и весьма интересного современному человеку. Учения, ставшего порождением материального мира, а потому понятного каждому. Люди знают, что такое компьютер, сеть, программное обеспечение, легко увязывают все это в глобальное понятие «Цифра», оглядываются вокруг, видят, сколь глубоко проникла она в привычный мир, и задаются вопросом: «Где место Человека?» Нейк дает ответ: в слиянии. Нейк дает ответ: мы изменили мир и не должны бояться управлять им. Блестящие игрушки обретают сакральную силу и тянутся к душам. Не Слово лежит в основе нейкизма, но холодное железо, творение рук человеческих, инструмент.

Материальный мир предлагает верить в то, что можно только использовать. Обожествить лопату или микроскоп. Вам кажется это странным? На самом деле это естественно, ибо материальный мир неспособен предложить ничего другого.

Вся история человечества рассматривается нейкистами как необходимый, но темный, ужасающий период. Тысячелетия, в течение которых люди приближались к созданию первого компьютера, в интерпретации Поэтессы являют собой время безусловного варварства. Homo sapiens в полном смысле этого слова, по мнению нейкистов, явился лишь в Эпоху Цифры. Но и его судьба будет короткой, очень скоро ему предстоит уступить место новому человеку, называть которого, судя по всему, станут Homo arifmeticus. Нейкисты согласны с тем, что именно человек создал Эпоху Цифры, но в уважении, которое они выказывают людям прошлого, есть доля лукавства. В нем сквозит

снисходительность инфантильных юнцов, искренне надеющихся обойтись без родительских советов. Обожествляя средства связи, нейкисты отказываются использовать накопленный за тысячелетия опыт нематериального мира, отказываются от Слова, объявляют мракобесами и лжецами всех, чьи действия невозможно просчитать на компьютере. И это отнюдь не недостаток, как поспешили заявить критики «Чисел», это системная ошибка.

Это разница между материальным миром Цифры и миром Слова.

Прошлое для нейкистов – это собрание достоверных и не очень фактов, подкрепленных археологическими изысканиями. Это массив информации. Прошлое для нормального человека – это чувства. Он может забыть, в какой день недели впервые влюбился, но никогда не забудет своих эмоций. Он не скажет, кто именно спланировал битву на Курской дуге, но помнит о ней и гордится своими предками. Отрицание прошлого – не очернение, не выборочное использование в своих интересах, а именно отрицание – еще никому не помогло.

Несомненно привлекательным покажется современному человеку основной постулат «Чисел Праведности»: возможность возвыситься благодаря уму и способностям. Поэтесса уверяет, что любой нейкист способен достичь статуса Бога.

Обманывает? Не совсем. Просто использует сильные слова для обозначения простых вещей.

Тщательно изучив истории компьютерных войн, я обнаружил примеры странных, необъяснимых с рациональной точки зрения, успешных атак на самые защищенные сети современности. Я услышал истории о ломщиках, способных вставлять в «балалайки» «поплавки» и разгонять их до максимальных скоростей. О ломщиках, умеющих переносить свое сознание в сеть.

Статус Бога?

Но тогда при чем здесь «синдин», укол которого является обязательным условием «переноса сознания»? Зачем нужен знаменитый наркотик ломщиков? И почему Эммануэль Мария Нейк написала свою книгу после появления «синдина», а не до? Уж не потому ли, что настоящая Эпоха Цифры началась не с первого компьютера, а именно с «синдина»? Кстати, до сих пор неизвестно, действительно ли его разработал Мутабор.

Как мы знаем, храмовники упорно открещиваются от этих лавров.

Заявляя, что любой человек способен достичь уровня Бога и предъявляя в качестве доказательства группу обколотых «синдином» ломщиков, нейкисты не просто выставляют себя на посмешище, но и допускают еще одну системную ошибку.

Если Бога можно создать, если его уровня можно достичь, то это уже не религия. Это компьютерная игра.

Нейкизм – переполненное системными ошибками порождение материального мира. Любой уважающий себя машинист читал «Числа Праведности», но Библией она стала не для всех. Книга Поэтессы приятно щекочет самолюбие машинистов, уверяя их в собственной значимости, если не сказать – избранности, но не более того. Люди душой чувствуют Слово, настоящее Слово, и не ощущают ничего сакрального в холодном железе, а потому многие чтящие «Числа Праведности» машинисты ходят по воскресеньям в церковь или расстилают молитвенный коврик пять раз в день. Тем не менее идеи Поэтессы обладают притягательной силой, они востребованы современным миром, и я буду удивлен, если рано или поздно не придут люди, которые захотят сформировать на их базе полноценную организацию. Возможно, появится и тот, кто попытается избавить нейкизм от системных ошибок, и именно тогда можно будет говорить о начале становления новой Традиции.

И именно тогда мне придется переписать эту главу.

книга Урзака

Часть 1

территория: Европейский Исламский Союз
Штутгарт, Баварский султанат
в жизни любого человека есть место небольшим приключениям

Дом, как и предсказывал Сорок Два, оказался не таким простым, каким выглядел со стороны, каким представлялся рядовому прохожему, завернувшему по своим делам в христианскую часть Штутгарта. Что можно увидеть с улицы? Четырехэтажное здание фисташкового цвета, построенное давным-давно, еще в двадцатом веке, и пару раз отреставрированное. Глобальным переделкам дом не подвергался, ремонтировали его по мелочам: штукатурку обновили, двери, когда-то выходившие на улицу, заложили наглухо, оставив только один вход – со двора, окна новые вставили, более надежные, да ворота в арке установили крепкие, из сплошного титапласта. Вот, собственно, и все. Стандартный набор модификаций, призванных защитить жилье от мелкого жулья и ерундовых уличных беспорядков – без применения сторонами гранатометов или «ревунов». Посмотришь на такое строение и решишь, что обитатели дома – люди или небогатые, или прижимистые, причем, скорее, первое: богачи в этом квартале не селились, предпочитали дорогой «Mercedes Green Zone», виллы которого раскинулись к западу от центра.

Одним словом, выглядел домик незаметно, не хуже и не лучше соседних, однако Сорок Два, сумевший проникнуть во внутреннюю сеть здания, предупредил Вима, что расслабляться не следует.

«Ребята маскируются, Девятка, к своей безопасности они относятся очень серьезно».

«Неужели?»

«Ты уж мне поверь».

Вим поверил – за все время совместной работы напарник ни разу не кричал «Волки!» ради шутки. Поверил, принял все меры предосторожности и теперь, преодолевая шаркающей походкой полутемную арку, видел, что Сорок Два не ошибся. Новые окна, новая штукатурка и новые ворота? А чего-нибудь посерьезнее не хотите? В обеих стенах арки располагались пулеметные гнезда, при появлении посетителя титапластовые шторы бесшумно разошлись, и на Вима уставились черные глазки стволов. Девятимиллиметровые «василиски», разработанные корпорацией «Хеклер Кох» и установленные кем-то из официальных дилеров, –

гнезда располагались правильно, «мертвые» зоны отсутствовали. Очень хороший выбор. Если оружие действительно монтировали профессионалы, то все шесть стволов управляются центральным компьютером, который видит внутреннее пространство арки в любых условиях: и при свете дня, и в полной темноте, а в случае задымления «василиски» будут палить согласно показаниям датчиков движения.

Сорок Два прав: к безопасности жители дома относились очень серьезно.

Еще один сюрприз – совмещенный с наноскопом стационарный полицейский сканер под сводами арки. Законно он установлен или нет – вопрос второй, ответ на который Виму Дорадо никогда не узнать. А вот для чего он здесь стоит, очень даже ясно. Сканеры сами по себе особой ценности не представляли, ну, считает он твою «балалайку», ну и что? Устанавливали их только в том случае, если у хозяев имелся постоянный доступ (законный или нет – вопрос второй, точнее, уже третий) к полицейской базе данных. Посетитель еще до ворот не добрался, а охранники дома уже знают о нем столько, сколько, в общем-то, им знать запрещено.

«Здесь живут параноики».

«Прекращаем связь, Девятка, сначала войди внутрь».

«Понял».

Напарник никогда не отказывал себе в удовольствии потрепаться, и раз уж он замолчал, значит, занят до невозможности. Скорее всего, борется в поте лица с охранными программами неприметного домика.

«Вот тебе и тихий уголок…»

Вим остановился у калитки, надавил на кнопку замка и произнес чуть дребезжащим, старческим голосом:

– К господину Шварцу.

Ответ пришел немедленно:

«Господина Шварца нет дома».

Ставивший охранную систему машинист был склонен к дешевым эффектам: ответ прозвучал не из динамиков, а пришел в «балалайку» Дорадо – фраза высветилась красными буквами на глазном наноэкране. Намек понятен: «Нам уже все о вас известно, уважаемый». Маленькая демонстрация возможностей внутренней сети.

«Выпендрежники».

Тем не менее развитие ситуации Виму понравилось. Спокойный ответ показал, что охранной системе его маскировка оказалась не по зубам. В противном случае ему бы или предложили убраться, или бы заставили встать лицом к стене,

ожидая приезда полиции.

Два дня назад Зорм, подпольный мюнхенский пластик, поработал над внешностью Дорадо, состарив его на пару десятков лет, – следы операции компьютер не засек. В затылке Вима сидела фальшивая «балалайка», изготовленная Сорок Два специально для этой операции, – электронные сторожа сочли ее настоящей. Впрочем, и Зорм, и Сорок Два – признанные мастера.

– У меня есть пароль, – спокойно сообщил Дорадо. – Господин Шварц попросил обождать его в квартире.

Господина Шварца Сорок Два выбрал за пристрастие к «Замку Павлины», модной в этом сезоне игре, в которой виртуальная реальность густо перемешивалась с галлюцинациями, вызванными разрешенными наркотиками. В настоящее время господин Шварц полулежал в релаксационном кресле салона «Q-Тоу», предаваясь невинным забавам в компании семи других игроков, и у напарников было от пяти до шести часов свободного времени.

– Пароль принят.

На этот раз сторож ответил через динамики, по всей видимости, к жителям и гостям дома программа относилась более вежливо. А Вим отныне – гость, приглашение которого подтверждено паролем. Наноскоп молчит, ничего запрещенного у посетителя нет, значит, можно пропускать. Раздался негромкий щелчок замка, калитка отворилась, и Дорадо, не забывая шаркать, прошел во внутренний дворик.

«Идиоты!»

Вим знал, что общение с живым подозрительным сторожем потребовало бы от него гораздо больше усилий. Впрочем, согласно широко распространенному и в целом правильному мнению, хороших сторожей немного. Потому в наши дни принято доверять машинам, которые, согласно все тому же широко распространенному мнению, не ошибаются. Хорошее дело – общественное мнение.

Текущий контракт Вима считался не очень сложным, и на сухом языке сервера dd назывался «Возвращение утраченного имущества».

Три недели назад с проходящей в одном из кельнских музеев выставки похитили карандашный набросок древнего художника Пикассо. Спустя еще одну неделю владелец раритета получил предложение выкупить драгоценность за половину рыночной стоимости – ситуация стандартная для случая, когда преступление совершили не по заказу могущественного любителя живописи, а ради заработка. Однако грабители пожадничали: согласно неписаным правилам, они должны были просить не

более тридцати процентов от стоимости и после короткой торговли соглашаться на двадцать пять. Возмущенный владелец начал переговоры с похитителями, но одновременно обратился на сервер dd, менеджеры которого после некоторого раздумья затребовали за услуги всего пятнадцать процентов. Контракт был заключен, и Дорадо отправился на дело.

Каким образом менеджерам удалось выяснить местонахождение раритета, Вима не волновало. Возможно, грабители оставили слишком много следов, которые умелые машинисты dd отыскали в сети. Возможно, утечка произошла благодаря предательству: кто-то из грабителей мог решить, что десять процентов одному – это гораздо лучше, чем пятьдесят на всех, и сдал подельников начальникам Дорадо. А возможно, само похищение картины было спланировано менеджерами dd по заказу какой-то мафиозной группы, и теперь они во второй раз зарабатывают на том же преступлении.

Возможно было все, но Вима это не касалось. Его дело – «Возвращение утраченного имущества» и точка. Никаких имен, никакой лишней информации, только технические подробности и стоимость контракта. Если он попадется, то не сможет ничего рассказать, он станет первым и последним звеном в цепочке расследования.

«Анонимность – это безопасность!» – главный лозунг сервера dd.

В захваченном компьютерами мире сохранять анонимность становилось все труднее и труднее, однако менеджерам dd удалось создать надежную схему работы, удобную и для заказчиков, и для исполнителей. Они вообще умели работать с информацией, эти никому не известные менеджеры всем известного сервера. Их машинисты, непосредственно ведущие dd во время операций, чувствовали себя в сети как рыбы в воде, демонстрируя настоящие вершины искусства ломщиков. Но даже если ты проник во внутреннюю сеть Анклава, ты не сможешь взять сигару, лежащую на столе верхолаза. Для этого нужны руки.

Руками являлся Дорадо.

Христианские территории европейских городов, особенно спальные районы, нравились Виму значительно больше исламских или смешанных, ибо в первых было шумно, а во вторых – ОЧЕНЬ шумно. Жизнь там била ключом: кричали уличные торговцы и зазывалы, пестрела и переливалась огнями реклама, гудели мобили, «табуретки» и велосипедисты. Здесь же, на территориях этнического и конфессионального меньшинства, какое-то подобие бурления возникало всего два раза в сутки:

утром, когда жители района ехали на работу, и вечером, когда они направлялись в любимые заведения пропустить перед сном пару пива. Дорадо, сам выросший на подобной территории, чувствовал себя как дома, уверенно, едва ли не до расслабленности. Но в то же время прекрасно знал проблемы, которые появлялись у людей его профессии в таких районах: слишком мало народу днем на улицах. Будто не двадцать первый век на дворе. Дети, резвящиеся на небольшой, огороженной со всех сторон высокими решетками площадке. Спешащие за покупками домохозяйки. Две остановились посреди мостовой и заболтались, то ли о ценах на продукты, то ли обсуждают перипетии сюжета любимого сериала. Из небольшой кафешки тянет жареной картошкой и сосисками. Двери маленьких магазинчиков нараспашку, но зазывал нет. Все чинно, спокойно, тихо. Интересно, проезжают ли здесь полицейские патрули? Пару раз в день, не больше.

И не подумаешь, что в столь спокойном уголке скрываются преступники, совершившие дерзкое ограбление музея. Молодцы ребята, хорошее нашли укрытие.

Вим закрыл жалюзи, отошел от окна и присел к лежащему на полу ящику.

Необходимое для операции снаряжение доставили в квартиру господина Шварца за час до появления Дорадо. Сорок Два сгенерировал ложный заказ в один из сетевых магазинов, выдал подлинный пароль, и охранная система дома позволила курьеру донести ящик до порога квартиры. Содержимое, разумеется, проверялось наноскопом, но в современных коммуникаторах слишком много деталей и химических элементов, а потому проверки в девяносто девяти случаях из ста носят поверхностный характер. Схема совпадает с классической? Совпадает. Идентификационные чипы производителя и продавца на месте? На месте. Значит, все в порядке. Да и кто поверит, что господин Шварц закажет себе коммуникатор с секретом? Никто не поверит. И правильно, между прочим, сделает. Потому что не для господина Шварца предназначалось сие устройство.

«Спишь?»

«Почти».

Сигнал от Сорок Два пришел, когда Вим уже собрал расфасованный по уголкам коммуникатора пистолет, зарядил его и беззаботно перекуривал, сидя на полу комнаты. Само же устройство висело на стене напротив.

«Скучное дело, да, Девятка?»

«Судя по тому, как долго ты молчал, – нет».

По всей видимости, сражение с охранной системой

потребовало от напарника гораздо больше усилий, чем предполагалось.

«Угадал!»

В левом верхнем углу наноэкрана появилась смеющаяся рожица: Сорок Два показал, что ему весело. Впрочем, рожица сразу исчезла.

«Теперь все в порядке, так что к делу, Девятка».

Дорадо пошевелил указательным пальцем, гоняя вшитую в его подушечку «мышь» по напыленному на глаза наноэкрану, и активизировал стоящие в «балалайке» боевые программы. Стрельбовой комплекс, согласованный с собранным только что пистолетом, и навигационный комплекс, с заложенным в него планом здания и окрестностей.

«Я готов».

Снятая похитителями квартира находилась по соседству с обиталищем господина Шварца. Общих стен несколько. Вим выбрал самую большую: гостиная Шварца – спальня похитителей, и именно на нее повесил коммуникатор.

«У них двойная система безопасности, Девятка. Помимо внешней, которая предусмотрена для всех квартир дома, они поставили внутреннюю, автономную, не имеющую выхода в сеть».

«Предусмотрительно».

«Ага. Мне в нее не проникнуть, поэтому действовать придется по плану „В“. То есть шумно».

«Я помню план „В“.

«Ты у нас вообще молодец».

«Сколько народу внутри?»

«В настоящий момент двое».

«И все?»

«И все, Девятка, гарантирую».

Выбрав здание с хорошо отлаженной системой безопасности, похитители стали ее заложниками: взломав сеть дома, Сорок Два проследил все их перемещения и абсолютно точно знал, сколько человек находится в квартире. Но это еще мелочи, издержки излишнего доверия к технологиям. А вот выбрав в качестве дополнительной меры безопасности еще одну систему электронной охраны, воры расписались в собственной глупости. Во всяком случае, по мнению Дорадо. Если у тебя есть деньги на автономную систему и ловушки, которые к ней прилагаются, то… не скупись, добавь еще столько же и потрать получившуюся сумму с умом. Купи собаку. А еще лучше – сторожевого терьера Мутабор, восьмидесятикилограммового зверя с генетически улучшенными органами чувств, бешеной реакцией и ядовитыми железами в клыках. Если бы Виму сказали, что картинку, за

которой он шел, охраняет подобная тварь, он бы трижды подумал, прежде чем лезть внутрь. И, скорее всего, отказался бы. Хорошо натасканную псину не обманешь, это тебе не наноскоп, она бы через стену почуяла, что в новом коммуникаторе подозрительно повышенное содержание некоторых химических веществ, и насторожилась бы. И предупредила бы хозяина. Это не значит, что наноскоп плох, он ведь тоже засек особенности доставленного коммуникатора, но сработала машинная логика: упаковка запечатана, идентификационные чипы в порядке, электрическая схема стандартна – значит, мы имеем дело с новой модификацией устройства. У наноскопа и управляющего им компьютера есть логика, но отсутствует инстинкт самосохранения. А сторожевым терьерам Мутабор плевать на чипы и целостность упаковки, они чуют опасность и реагируют на нее.

Вот и все дела. Будь внутри собака, картина находилась бы в гораздо большей безопасности. А два человека и автономная электронная система… Это всего лишь два человека и автономная электронная система. Люди глупы. Они доверяют железякам, которые Сорок Два сломал, находясь за сотни километров от Штутгарта, и забыли о тех, кто тысячи лет оберегал их от различных неприятностей.

Вим поднялся на ноги, аккуратно положил окурок на коммуникатор – ни к чему оставлять лишние следы, отошел на несколько шагов назад, снял пистолет с предохранителя и натянул на голову наномаску.

«Начинай отсчет».

«Золото и адреналин! Да, Девятка?»

«Да, Сорок Два. Золото и адреналин!»

«Удачи!»

«К черту!»

Полгода назад Вим прошел пару уровней виртуальной игры о приключениях dd, посмеялся тогда – обычные операции не имели ничего общего с захватывающими приключениями компьютерных героев, однако сейчас наступал тот редкий момент, когда реальная жизнь становилась похожей на игру.

«Обратный отсчет! – провозгласил Сорок Два и немедленно начал: – Шестьдесят!»

Направленный взрыв заложенного в коммуникатор устройства – точнее, весь коммуникатор и был, по сути, взрывным устройством – выбил кусок стены в соседнюю квартиру.

«Пятьдесят семь!»

Вим нырнул в дыру, перекатился через голову и, оставшись лежать на полу, принялся стрелять вверх. Автономные системы

безопасности предполагают установку на потолке небольших пулеметов, и первая задача, которую Вим решил с помощью «дыродела» – вывел из строя их механизм. Прыжком поднялся на ноги, беглый взгляд на разнесенный пулемет, машинально отметил эмблему производителя: «Науком», – хоть здесь они не поскупились…»

«Сорок шесть!»

В дверном проеме появилась фигура. Вим выстрелил три раза. Откатился к стене, озираясь в поисках второго, и через мгновение понял, что ему повезло: в том месте, где он взорвал стену, стояла кровать, рядом с которой теперь лежало лишенное головы тело второго бандита.

«Тридцать восемь!»

Внешняя система безопасности не реагировала на происходящее – над ней поколдовал Сорок Два. Жители услышали взрыв, но, поскольку электронные сторожа спокойны, наверняка решат, что проводятся какие-то работы. Забеспокоятся не сразу, минуты через две-три. Оставались охранники, но и они сначала начнут расспрашивать о происходящем систему безопасности и лишь после этого отправятся искать источник подозрительного шума. Так что время есть.

«Тридцать шесть!»

Теперь необходимо разобраться с установленной похитителями внутренней системой. Вим огляделся, взглядом нашел на стене, рядом с включателем, коробочку с логотипом «Науком», сорвал с нее крышку и подсоединил к одному из портов выданное Сорок Два устройство.

«Тридцать! Внутренняя система наша, Девятка! Продолжай!»

Теперь можно не беспокоиться о ловушках в других комнатах. Вим включил сканер и быстро просмотрел стены спальни.

«Здесь чисто!»

«Сейф на кухне, Девятка, встроен в нижнюю дверцу холодильника. Сюда едут наши друзья».

Подключившись к внутренней системе, Сорок Два узнал многие тайны похитителей, однако прежде она успела подать сигнал бедствия остальным членам банды. Неплохая все-таки вещь – электронная защита. Но гораздо хуже сторожевых терьеров Мутабор.

А вот и кухня.

«Двадцать!»

В дверь заколотили охранники.

«Сейф заперт!»

«Он автономный. Не подключен к внутренней системе!»

Единственное умное решение, которое приняли похитители.

Поскольку скрываться больше не имело смысла, Вим отстрелил петли нижней дверцы холодильника и торопливо покинул кухню.

«Десять! Быстрее, Девятка!»

«Я стараюсь!»

Через десять секунд включится резервная охранная система, которую до сих пор удерживал Сорок Два. С этого момента дом превратится в запертую крепость, и уйти из него станет очень и очень непросто.

С трудом удерживая широкую и тяжелую дверцу холодильника, Дорадо выскочил на балкон и перевалился через перила.

«Пять!»

Лететь вниз недалеко – всего один этаж, дальше начиналась плоская крыша флигеля. Короткая пробежка до ее края – и вновь прыжок. На этот раз с высоты двух этажей.

«Один!»

Сейф уже лежал на асфальте – прыгать с ним в руках Вим не решился. Подхватил добычу и нырнул в закрытый фургон припаркованного у тротуара маленького «Рено Арба», одной из самых массовых моделей мобилей, на которых мелкие оптовики развозили по лавкам и магазинчикам товары. Машина немедленно тронулась с места, устремившись к шумной улице.

«Время! Ты молодец, Девятка!»

«Адреналин и золото, Сорок Два! Адреналин и золото!»

Вим рассмеялся. Он чувствовал себя прекрасно.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Башня Стражей»
кто сказал, что неприлично хоронить людей заранее?

Подавляющее большинство людей считало сердцем Мюнхена знаменитую мечеть Трех имамов, которые, согласно канонической версии, принесли на пребывавшую во тьме баварскую землю свет великого учения. Действительно, сложенная из белоснежного мрамора красавица и четыре ее двухсотметровых минарета были видны из любой точки города, и мечеть давно превратилась в визитную карточку Мюнхена. В нее шли паломники со всего Исламского Союза, ибо для правоверного европейца помолиться в мечети Трех имамов почти столь же

важно, как совершить хадж в Мекку.

Другие люди называли сердцем города, да и всей Баварии, дворец султана, не очень большой, но восхищающий совершенством архитектуры комплекс, со всех сторон окруженный прекрасным парком.

Третьи, преимущественно либералы, почитали важнейшим зданием расположенный в деловой части Мюнхена Дом Министров, однако майор Хамад Аль-Гамби имел на этот счет свое собственное мнение.

Мечеть Трех имамов – это душа султаната, привольно раскинувшегося от Альп до северных морей. Дворец – это мозг, из которого исходят законы и указы. А сердцем, мотором, который гоняет кровь по жилам государства, является… не Дом Министров, не Дворец Правосудия, а простая, как вставший на дыбы спичечный коробок, восьмидесятиметровая «Башня Стражей», скромно притулившаяся на окраине делового центра. Лишенный каких бы то ни было архитектурных излишеств дом, нижнюю половину которого занимает мюнхенское управление Европола, а остальные помещения – баварское. Хамад был полицейским в четвертом поколении, а потому и представить себе не мог, что сердцем Мюнхена может быть правительство, послушно исполняющее волю властителя, или судьи, столь же послушно исполняющие законы. Сердце здесь, среди людей, которые ежедневно трудятся над тем, чтобы жизнь Баварского государства, да и всего Союза, оставалась спокойной и размеренной.

В «Башню» Хамад ходил всю жизнь. Сначала, с первых классов школы, – на дополнительные занятия для будущих стражей порядка, затем, в юношеском возрасте, – в полицейские спортивные залы, а по окончании академии – на работу. Но сегодня Аль-Гамби переступил порог с детства знакомого здания почти с тем же волнением, с каким когда-то вошел в него облаченным в новенькую офицерскую форму. Сегодня его ждала очень важная встреча, от которой будет зависеть вся его дальнейшая карьера. Ведь именно так сказал майору его покровитель, всесильный генерал Аль-Кади: «Будет зависеть твоя дальнейшая карьера», а шеф баварского Европола громкими фразами не бросается. Раз сказал, значит, так оно и есть.

Потому и замирало сердце.

Однако демонстрировать волнение окружающим Хамад счел излишним.

Неторопливо и спокойно прошел он через вестибюль к особому лифту, на дверцах которого был золотом выгравирован герб султаната, и протянул стоящему полицейскому особую

карточку, полученную от самого Аль-Кади.

– У меня приказ явиться на совещание.

Украшенный гербами лифт поднимался всего на два этажа: на пятнадцатый, где находился секретариат начальника мюнхенского Европола, и еще выше, на тридцатый, к руководителю всей баварской полиции.

Сканер считал «балалайку» Хамада, в которой было продублировано разрешение подняться на занимаемый руководством этаж, охранник проверил подлинность карточки, вернул ее майору и коротко осведомился:

– Оружие?

– Я знаю, что не имею права брать его с собой.

Новый адъютант генерала предупредил, что следует одеться не в мундир, а в брюки и сорочку из легкой ткани, но и это предупреждение было излишним – Аль-Гамби поднимался в кабинет Аль-Кади не в первый раз.

Охранник жестом попросил Хамада приподнять руки, снял белые перчатки и быстро пробежался пальцами по телу майора. Этому полицейскому сделали операцию на подушечках, в сотни раз повысив их чувствительность. Говорили, что «люди-руки» ощущали каждое сухожилие, каждую вену, каждый внутренний орган обыскиваемого, и обмануть такой досмотр было гораздо сложнее, чем электронный сканер.

– Пожалуйста, проходите.

Дверцы закрылись, и лифт понес Хамада наверх.

Скромное расположение «Башни Стражей» – на самом краю делового центра – имело определенное преимущество: из окон открывался превосходный вид на Мюнхен. Невысокие постройки старых кварталов, стоящая на большой площади мечеть Трех имамов, дворец султана – все как на ладони, однако людей, собравшихся в кабинете генерала Аль-Кади, красоты родного города не интересовали. Наслаждаться замечательной перспективой хорошо утром, перед работой, прихлебывая ароматный кофе, или ближе к вечеру, завершив дела и предаваясь блаженным минутам отдыха. Днем же правоверному европейцу любого ранга следует трудиться, а не заниматься созерцанием живописных окрестностей. День создан для работы, которой в последнее время было довольно много…

– Возможно, я покажусь вам недостаточно вежливым, друзья мои, – произнес, покончив с обязательными приветствиями, генерал Аль-Кади, – но я бы хотел как можно быстрее перейти к делу.

Хозяин кабинета, шеф баварского Европола генерал

Мохаммед Аль-Кади, являл собой образ настоящего офицера: высокий, плечистый, нерасплывшийся, а потому, несмотря на то что Аль-Кади давно перевалило за пятьдесят, генеральский мундир сидел на нем идеально.

Высокую должность Мохаммед получил благодаря высокому происхождению, семья Аль-Кади входила в двадцатку самых уважаемых кланов Баварии, однако никто, даже недолюбливающие шефа полиции либералы не отказывали Мохаммеду в профессиональной компетенции.

– Я прекрасно понимаю, что вы занятой человек, и приложу все усилия, чтобы наша встреча прошла как можно быстрее. – Наиф Тукар вежливо склонил голову. – Но при этом мы должны избегать поспешности.

– Согласен, – кивнул Аль-Кади.

В отличие от генерала, сорокалетний Тукар не мог похвастаться знатным происхождением, свое место под солнцем – должность личного секретаря султана – он заработал умом, напором и потрясающей работоспособностью. Все знали, что баварский властелин безгранично доверяет любимцу и принимает практически любой его совет. Тем не менее недовольства у элиты Наиф не вызывал: умный Тукар относился к представителям знатных семейств с подчеркнутым уважением, не вбивал клинья между ними и султаном, а, напротив, демонстрировал желание стать своим. И, похоже, его усилия не пропали даром: ходили слухи, что старый Аль-Монташари согласился выдать за Тукара одну из своих внучек.

– Причина, по которой мы собрались, весьма любопытна и вызвала живой интерес Его Величества, – мягко продолжил Наиф. – Вопрос связан с нашим другом, Хасимом Банумом, и его нынешним путешествием в Москву.

– Хасим разговаривал со мной перед поездкой, – кивнул третий участник совещания, шейх Аль-Темьят. – Говорят, китайцы нашли свое Чудовище.

Последнее предложение шейх произнес с заметным презрением в голосе, показывая свое отношение и к желтой Традиции, и к страхам ее адептов.

– Китайцы предполагают, что нашли Чудовище, – уточнил секретарь султана. – И попросили господина Банума о помощи.

– Мне это известно, – махнул рукой Аль-Темьят.

– Мне тоже, – кивнул генерал.

Выражение лица Тукара красноречиво показывало, что он не сомневался относительно осведомленности собеседников.

– Так что же вызвало интерес Его Величества? У нас хорошие отношения с Хасимом, он наш друг, хоть и неверный, и, полагаю,

вернувшись домой, расскажет подробности своей поездки.

– Интерес Его Величества вызвало предположение, что господин Банум может не вернуться, – объяснил Наиф.

Пару мгновений шейх переваривал фразу, а затем покачал головой:

– Вы подсказали Его Величеству эту мысль?

Секретарь молча склонил голову.

– Я в этом не сомневался. – Аль-Темьят вздохнул. – Вы недостаточно осведомлены, господин Тукар, не знаете всех нюансов ситуации. Я не имею права раскрывать вам некоторые тайны, а потому поверьте на слово: у Хасима нет достойных соперников. Именно поэтому все предпочитают с ним дружить.

– Я отдаю себе отчет в том, что не могу соперничать в знаниях с мудрыми шейхами. – Наиф на мгновение опустил глаза, но затем его взгляд вновь уперся в собеседника. – Тем не менее, проанализировав происходящее, я взял на себя смелость высказать Его величеству свои опасения. Китайцы всерьез обеспокоены силой Чудовища, и если их страхи имеют под собой основания, случиться, может всякое.

– Гипотеза!

– Планирование – это череда гипотез. Некоторые сбываются, некоторые нет. Но следует прорабатывать как можно больше вариантов.

Шейх покосился на хозяина кабинета, но Аль-Кади благоразумно помалкивал, не желая влезать в его спор с любимцем султана.

– И вы, как я понимаю, принялись размышлять над тем, что мы станем делать, если китайские бредни о Чудовище окажутся былью? – Аль-Темьят вложил в реплику всю язвительность, отпущенную ему Аллахом.

– Я бы никогда не осмелился взять на себя обдумывание столь важных планов, – предельно серьезно ответил Тукар. – Подобные вопросы решают люди, в круг которых я не вхожу.

Шейх слегка расслабился – лесть подействовала. Выскочка в очередной раз показал, что знает свое место.

– Тогда зачем мы собрались?

– Когда я высказал Его Величеству свои опасения, он задумался, а затем припомнил одну беседу, которую имел с господином Банумом тет-а-тет, – сообщил Наиф. – Во время этой беседы была упомянута некая книга…

– Эта беседа проходила не наедине. – Аль-Темьяту не нравились выражения на мертвых языках, он предпочитал не засорять родной аммия. – Я присутствовал при том разговоре.

– Его величество не упоминал об этом, – склонил голову

секретарь.

Но теперь его вежливость показалась шейху издевательской. Он корил себя за то, что сам не догадался высказать подобные опасения султану. Ведь он присутствовал при разговоре! Слышал о книге! Он, и только он, должен был намекнуть Его Величеству, что следует делать в случае неуспеха Банума! Он, и никто другой! Тем более не этот липкий ублюдок.

– Полагаю, мне будет разрешено узнать, о какой книге идет речь? – осведомился Аль-Кади.

Генерал понял, что собеседники покончили с придворными играми и совещание наконец-то входит в деловое русло.

– Не сомневаюсь, вы знаете, кто такой господин Банум. – Тукар молниеносно повернулся к шефу полиции – теперь любимец султана крепко держал в руках нити совещания.

– Разумеется, – подтвердил Аль-Кади.

Знакомы они не были, однако Европолу, личным распоряжением султана, было предписано обращаться с Банумом как с шейхом, то есть со всем возможным уважением.

– В свое время господин Банум оказал нам ряд серьезных услуг. Он друг Исламского Союза и личный друг султана. Некоторое время назад он обронил фразу, что пишет книгу. Заметки… мысли… воспоминания.

– Хасим много знает, – проворчал шейх.

Аль-Темьят решил не мешать Тукару вести совещание, но оставил за собой право на многозначительные реплики.

– Книга находится в доме господина Банума. Полагаю, он не просто так рассказал нам о ее существовании. Возможно, господин Банум ожидал встретить серьезного соперника и хотел, чтобы в этом случае именно мы стали обладателями хранящейся в книге информации.

– Выходит, речь идет о своеобразном завещании? – уточнил генерал.

– Именно.

Аль-Кади перевел взгляд на шейха.

– Наиф прав, – нехотя протянул Аль-Темьят. – Хасим много знает, и в случае его смерти нам следует изучить его мемуары. А раз он рассказал о них нам, значит, они предназначаются для нас. Мы имеем на них полное право.

– Именно поэтому, уважаемый Мохаммед, я прошу вас организовать постоянное слежение за функционированием «балалайки» господина Банума.

Шейх не изменился в лице, но зарубку в памяти сделал: с каких это пор шеф баварской полиции стал для Тукара просто «уважаемым Мохаммедом», а не «господином генералом»?

Пронырлив, любимчик султана, ох, пронырлив…

– С технической точки зрения ваша просьба не вызовет никаких трудностей, – деловито ответил Аль-Кади. – Номер «балалайки» нам известен, запустим программу слежения и будем в любой момент времени знать, функционирует чип Банума или нет. – Генерал помолчал. – Взламывать «балалайку» не надо?

– Нет, – покачал головой Тукар.

– Надеюсь, вы предупредили Хасима о том, что планируете следить за ним? – осведомился шейх.

– Сегодня утром я, по просьбе султана, попросил у господина Банума разрешение на слежку и получил положительный ответ. Полагаю, господин Банум прекрасно понимает наши мотивы.

«Полагает он!»

Аль-Темьяту очень хотелось отпустить в адрес секретаря какую-нибудь гадость, но в голову ничего не приходило. Проклятый Наиф действовал очень правильно, очень продуманно. Не подкопаешься.

«Ладно, выскочка, упивайся своей властью. Расположение султана переменчиво, рано или поздно ты допустишь ошибку, и тогда…»

– Но как мы узнаем, что Хасим именно погиб, а не вытащил «балалайку» по каким-либо причинам?

Шейх не очень хорошо разбирался в современных технологиях.

– Программа слежения сумеет понять причину прекращения работы чипа, – объяснил Аль-Кади.

– А если во время смерти в Хасиме не будет «балалайки»?

– Надеюсь, этого не произойдет.

– Я не верю, что Хасим встретит достойного соперника, – после короткой паузы произнес Аль-Темьят.

– Но если это произойдет, наши люди должны незамедлительно отправиться в его дом и взять книгу, – закончил Тукар.

И выжидательно посмотрел на шейха.

Аль-Темьят понял, чего ждет любимчик султана. И почему его вообще позвали на это совещание – банальный вопрос слежки за Банумом Наиф мог решить с генералом один на один.

«Не можешь без меня обойтись? В том-то и дело, выскочка, в том-то и дело…»

Шейх не отказал себе в удовольствии помучить собеседников. Делая вид, что обдумывает невысказанный вопрос, Аль-Темьят почти две минуты перебирал четки и лишь после этого небрежно кивнул:

– Если Хасим погибнет, мы сумеем войти в его дом.

– Отлично, – улыбнулся Тукар. – Его величество не сомневался в ваших способностях.

Уверенность полностью вернулась к Аль-Темьяту, он вновь вел совещание, и его голос звучал в полную силу:

– Мы должны будем действовать быстро. Хасим наш друг, но он пользуется уважением и у монсеньоров Католического Вуду, и у китайцев, и у индусов. Кто знает, не рассказал ли он им о своих мемуарах?

– Операцию должен возглавить надежный человек, – согласно кивнул Тукар. – Опытный и умелый.

– У меня есть подходящая кандидатура, – улыбнулся Аль-Кади. – Офицер как раз находится в приемной.

– Пригласите, – попросил шейх.

Генерал надавил на кнопку, дверь распахнулась, и в кабинет вошел среднего роста мужчина типично баварской наружности: смуглая кожа, черные курчавые волосы, пышные усы.

– Майор Хамад Аль-Гамби, – представил подчиненного шеф полиции. – Четвертый департамент Европола. – И внимательно посмотрел на протеже: – Не подведи меня, Хамад.

Аль-Гамби молча кивнул.

Четвертый департамент занимался силовыми операциями: от разгона демонстраций до штурма захваченных террористами самолетов. Полицейский спецназ. А стоящий перед секретарем султана и шейхом типичный баварец был одним из самых опытных его сотрудников, прошедшим путь от офицера спецназа до начальника оперативного отдела.

– Присаживайтесь, Хамад, – радушно улыбнулся Тукар. – Мы должны вам кое-что рассказать…

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
отель «Дом Бедуина»
никто не идет в одиночку

Говорят, мода на высотные гостиницы зародилась в Азии, в Китае. Одни историки рассказывают о некоем «Гранде», построенном в начале двадцать первого века и снесенном во время перестройки Большого Шанхая, другие кивают на Токио и Сингапур, третьи отдают пальму первенства Эмиратам. Историки спорят, но никто из них не отрицает тот факт, что после Большого Нефтяного Голода моду на сверхвысокие отели возродили

Анклавы. Да и где еще, как не на перенаселенных корпоративных территориях, могла возникнуть необходимость в подобных сооружениях? Московский «Дядя Степа», эдинбургский «Дункан», сингапурский «Альбатрос»… Небоскребы распахивали двери для тысяч постояльцев, владеющая ими корпорация «FQS Inc.» процветала, расширяла бизнес, и постепенно сверхвысокие гостиницы появились практически в каждом крупном городе.

Правда, не везде они поднимались на привычную для Анклавов высоту.

В свое время самый первый владыка Баварского султаната повелел, чтобы ни одно здание в его столице не превосходило по высоте минареты строящейся в ту пору мечети Трех имамов. К этому моменту в Мюнхене уже стояли два небоскреба (один – четыреста тридцать, другой – пятьсот десять метров), и их владельцев новый закон не порадовал. Будучи людьми не бедными и со связями, они приложили все усилия, дабы их недвижимость осталась на прежнем месте и в прежнем виде: давали взятки, писали слезливые прошения на имя султана, проводили опросы жителей и даже предлагали считать расположенный ближе к окраине Мюнхена деловой центр совершенно другим городом. Или поселком. Или хутором. Плевать, главное, чтобы он не считался частью столицы. Все напрасно. Небоскребы укоротили до максимально возможной высоты – сто девяносто восемь метров, а следующие новостройки недотягивали и до нее. Именно поэтому отель «Дом Бедуина» оказался самым маленьким среди принадлежащих «FQS Inc.» небоскребов, но при этом – самой высокой гостиницей столицы султаната. Пятьдесят этажей первоклассного сервиса и четыре пентхауса, выходящие на четыре стороны света и отделанные соответствующим образом: «Север» поражал резной мебелью эпохи Ренессанса и классическими витражами, «Запад» отдан во власть хай-тек, «Восток» выдержан в китайском стиле, «Юг» – традиционная арабская роскошь.

Вим бывал в каждом из них, но больше всех ценил «Север», обстановка которого наилучшим образом отвечала вкусам Дорадо.

Ветер, гуляющий на стовосьмидесятиметровой высоте, подхватывал музыку и разносил ее по всему деловому центру. Опоясывал ею соседние небоскребы, окутывал проезжающие по многоуровневым дорогам мобили, поднимал вверх, к скрывающимся за облаками Луне и звездам, а наигравшись, скользил с нею к старому Мюнхену, опаляя страстным дыханием баркаролы белоснежную мечеть.

Великолепный дуэт рояля и скрипки, гармония струн и душ музыкантов, настоящих профессионалов, прекрасно дополняющих друг друга.

Вим сидел за роялем, его пальцы скользили по клавишам, но словно бы сами по себе, ибо все внимание Дорадо было приковано к скрипачке – тоненькой девушке, стоящей у балюстрады, отделяющей ее от бездны, и самозабвенно играющей для ночных облаков.

Для небоскребов, звезд и Вима.

Ветер, единственный их слушатель, жадно впитывал страстную музыку дуэта, а вместо аплодисментов игриво трепал роскошные, до самой талии, волосы девушки. Ее единственную одежду.

Жизнь Дорадо, а правильнее – его жизни напоминали шеренгу банковских сейфов. Надежно запечатанных и открываемых только по очереди. Вим делал все, чтобы ни один обрывок информации, ни одно слово, ничто не просочилось из сейфа в сейф, из настоящего в настоящее, а уж тем более – в настоящее из прошлого. Чем меньше о тебе знают, тем безопаснее. Сейфы с надписью «Молодость» не открывались практически никогда. Из сейфов с надписями «Детство» и «Юность» периодически извлекались воспоминания, но они крайне редко содержали конкретные факты. Сейфы настоящего открывались по очереди. А сейф «Личное» – кладовка, в которой Дорадо прятал свой аленький цветок, – охранялся с особой тщательностью.

Вим познакомился с Камиллой случайно: ему предложили недельные гастроли в одном из крупных венецианских ресторанов, Дорадо прибыл в город на день раньше, по делам заглянул к менеджеру заведения и увидел ее – тоненькую девушку со скрипкой.

Завораживающее мастерство Камиллы пронзило сердце Вима.

Ту ночь они провели, катаясь на гондоле по древним каналам. Иногда болтали, иногда молчали. Иногда смотрели друг на друга, иногда – на звезды и старинные дома. Расстались, ни разу не поцеловавшись. Но разве это главное?

Через две недели Камилла позвонила и сказала, что ей предложили гастроли в Дрездене. «Может, сыграем дуэтом?» Вим бросил все дела, примчался в Саксонию и уже на первой репетиции окончательно убедился в том, что они с Камиллой созданы друг для друга.

Рояль и скрипка.

Вим не был виртуозом, для этого у него были слишком грубые руки. Он считался хорошим, выше среднего уровня,

исполнителем, обладающим к тому же феноменальной памятью – Дорадо очень редко пользовался нотами. Но и это не было главным – хороших исполнителей хватает. Вима ценили за умение едва ли не мгновенно улавливать эмоции публики, определять господствующее в зале настроение и безошибочно выбирать ту музыку, что наилучшим образом подходила в этот вечер этим людям. Шопен, Лист, Рахманинов… Дорадо имел репутацию идеального тапера. Камилла же играла для себя, восхищала мастерством, но послушно следовала за Вимом, и их дуэт пользовался успехом у хозяев дорогих ресторанов, модных курортов и элитарных клубов – «любовь» к классической европейской музыке считалась у знати признаком хорошего вкуса.

Нечастые совместные гастроли всегда заканчивались одинаково…

Последние звуки баркаролы упали на Мюнхен, Камилла замерла, прощаясь с сыгранной мелодией, и Вим почувствовал, что не может больше сдерживаться. Рывком поднялся с табурета и подошел к девушке.

Рояль и скрипка. Натянутые струны.

Инструмент Камиллы опустился на мягкий ковер, покрывающий террасу пентхауса, а следом на нем оказались любовники.

– Богиня, – прошептал Вим.

Девушка обняла его за шею и нежно укусила за ухо.

– Моя богиня…

В постели они тоже идеально подходили друг другу. Камилла не уступала Виму в напоре, он ей – в страстности. Их тела сливались с той же силой, с той же гармонией, что их музыка. Их любовь становилась продолжением дуэта.

Рояль и скрипка. Совершенство.

И всякий раз – как первый. И всякий раз чаша выпивается до последней капли. И всякий раз Вим терял голову, чего никогда не случалось с ним раньше.

Поиск женщины никогда не казался мужчинам задачей сложной, требующей особенно больших усилий. На протяжении человеческой истории женщин похищали, покупали, выбирали (экстерьер, родословная), а бывало и обменивали на что-нибудь срочно необходимое. Найти женщину в современном мире еще проще: хочешь быстрой любви – иди в соответствующий квартал, хочешь несложных отношений – к твоим услугам официально разрешенный в Исламском Союзе институт наложниц. Кандидаток во временные жены полным-полно, начиная с

шестнадцатилетних крестьянок, пытающихся вырваться из нищеты, и заканчивая сходящими с ума от одиночества холеными бизнес-леди. Найти женщину несложно. Чертовски трудно отыскать Женщину. Не идеал слабого пола, а твою Женщину. Рожденную для тебя.

Камиллу трудно было назвать красавицей. Маленькая грудь, довольно широкие для ее роста бедра, тонкие губы… Любители выставочных жен прошли бы мимо и не заметили, но для Дорадо экстерьер не имел особого значения. В объятиях Камиллы он нашел не развлечение, а любовь.

– Знаешь, когда мы только познакомились, я думала, что ты какой-нибудь верхолаз, развлекающийся инкогнито. – Камилла улыбнулась. – Дорогие рестораны, дорогие отели…

– Мне нравится, как ты паришь над городами.

– Ты тратишь все гонорары. – Заработков тапера не хватило бы на их не частые, но яркие встречи. Девушка это понимала, но в ее вопросе не слышался подтекст. – Для меня не очень важно, где мы проведем ночь. Главное, что мы проведем ее вместе.

– В жизни не так уж много восхитительных моментов. Пусть они будут красивыми от первой до последней черточки.

Они остались на мягком ковре террасы, под облаками, но ветер, как ни старался, не мог унести с нее шелест разговора. Концерт, данный ночному городу, закончился, теперь Вим и Камилла говорили друг для друга.

– А потом мы разъедемся по своим домам…

– А потом встретимся снова.

– Да, – после короткой паузы согласилась девушка. – Обязательно встретимся.

Он едва не сказал: «Я люблю тебя». Едва не сказал…

Камилла погладила руку Вима. Длинные пальцы. Достаточно нервные, чтобы их обладатель стал виртуозным пианистом, и в то же время слишком грубые, чтобы это произошло.

– Почему ты стал музыкантом?

Оказывается, подобрать ключик к тщательно запертым сейфам не очень сложно. Твоя Женщина и есть ключ.

– Семейная традиция, – негромко ответил Дорадо. – Мой отец был первой скрипкой в Венской опере. Ему рукоплескали настоящие ценители. Я сел за рояль в три года.

Но стал всего лишь тапером…

– Что произошло потом?

Он стал всего лишь тапером, значит, было «потом».

– Отец погиб за месяц до того, как мне исполнилось четырнадцать. Сын какого-то шейха обкурился травкой и решил

покататься по ночному городу на новеньком спортивном автомобиле. Дело замяли.

– А твоя мать?

– Она умерла, когда я был совсем маленький.

– Ты остался один.

– Жил у сестры отца. Но становиться профессиональным музыкантом передумал. Лицедеи не всегда могут постоять за себя.

Камилла снова посмотрела на руку Дорадо. Когда-то изящную, теперь – изрядно погрубевшую.

Она не спросила, как это произошло. Только обронила:

– Но ведь ты лицедей.

– Да, лицедей, – согласился Вим. – Я вырос в подходящей семье.

Нервные пальцы пианиста плохо приспособлены для рытья окопов. Для лазания по отвесным скалам. Для ударов. Руки Дорадо стали крепкими, сильными, грубыми. Они перестали быть руками виртуоза, зато стали руками солдата. Они наглядно демонстрировали, на что может пойти четырнадцатилетний мальчишка, решивший, что его несправедливо обидели. Мальчишка, который перестал верить окружающим.

Вим приоткрыл сейф под названием «Юность», но вовремя спохватился и захлопнул тяжелую дверь. Не стал рассказывать девушке о том, как отметил десятилетие гибели отца, как покарал обидчика и как после эйфории от свершившейся мести навалилась на него пустота. Ощущение бессмысленности всего. Ощущение того, что он сам сломал себе жизнь.

Пустота, которая исчезла лишь при появлении Камиллы.

* * *

территория: Китайская Народная Республика
окрестности Пекина
главное богатство руководителя – его подчиненные

Небольшой дом, выдержанный в классическом китайском стиле, прятался в живописнейшем уголке дальних пекинских окрестностей, в заповедной зоне, предназначенной для вилл высших чиновников Поднебесной. Покрытые лесом холмы на горизонте, большая поляна перед домом, аккуратный сад и пруд позади. Стороннему наблюдателю открывалась картина идиллическая, нежная, едва ли не хрупкая. Милое здание расположилось вдали от других построек, казалось одиноким и

беззащитным, но… только казалось. На деле же поместье старейшины китайской разведки генерала Ляо охранялось тщательнее многих военных объектов. Слишком важные разговоры вел старик в своем доме, и многие готовы были отдать любые деньги ради доступа к главным тайнам Поднебесной. Но все усилия этих людей ни к чему не приводили – хрупкое на вид строение являлось настоящей крепостью.

– Последний отчет, который я получил от машинистов за пять минут до начала нашей встречи, показал, что с господином Банумом все в порядке. Он жив и здоров.

Полковник Ван, несколько месяцев назад ставший ближайшим помощником генерала, склонил голову и замолчал. Доклад о текущих делах окончен, наступило время вопросов и уточнений.

Ляо чуть пошевелился, удобнее устраиваясь в кресле, и, не открывая прикрытых в начале встречи глаз, поинтересовался:

– Каково мнение аналитиков о происходящем в Москве?

– Факты свидетельствуют о том, что нынешний конфликт между индусами и арабами активно поддерживается некой третьей силой. Анализ показывает, что СБА, с большой долей вероятности, не сумеет удержать ситуацию под контролем и в Москве возникнут по-настоящему крупные беспорядки. Которые, по самым скромным прогнозам, затронут не менее трех территорий Анклава.

– А по нескромным прогнозам?

– Согласно самому пессимистичному для СБА сценарию, волнения охватят Аравию, Кришну, Занзибар, Урус и Болото. Возможно вторжение на корпоративные территории. Как минимум, неделя погромов и уличных боев. – Полковник улыбнулся: – Слишком много факторов играет против Мертвого. На этот раз он действительно влип.

– Скоро выборы президента СБА, – обронил старик. – Моратти хочет свалить Кауфмана, а массовые беспорядки – замечательный повод для увольнения директора филиала. Даже верхолазам ничего объяснять не надо, не говоря уже о журналистах.

Ляо прекрасно понимал, что за «третья сторона» пытается раздуть в Москве пожар.

Ван тихонько вздохнул и осмелился проявить инициативу:

– Может, предложим главе московской Триады добавить Мертвому неприятностей?

«Пусть запылает еще и Шанхайчик». В этом случае Анклав превратится в настоящее поле боя.

Первоначально мысль показалась старику интересной: глава московского филиала СБА Максимилиан Кауфман по кличке

Мертвый был старым врагом Ляо, однако, поразмыслив, генерал покачал головой:

– В настоящий момент главным для нас является не устранение Кауфмана, а миссия Банума. Если бы Хасиму потребовалось устроить в Анклаве хаос, он бы нас проинформировал. Но его, как я понимаю, устраивает существующее положение вещей, поэтому предупредите главу московской Триады, что мы не заинтересованы во втягивании Шанхайчика в конфликт.

– Да, товарищ генерал.

Ляо открыл глаза и бросил быстрый взгляд на в очередной раз склонившего голову подчиненного.

«Почему ты сразу согласился? Почему не попробовал настоять на своем? Или ты предложил ввести в игру московскую Триаду просто так? Не обдумав?»

И старик в очередной раз поймал себя на мысли, что ему не хватает Тао. Цепкого полковника Тао, понимавшего все с полуслова, предлагавшего только обдуманные действия и готового отстаивать свою точку зрения перед кем угодно. Но Тао больше нет, сгинул в Москве, проиграв схватку Мертвому. Теперь против Кауфмана играет Урзак, и чем закончится их бой – еще не ясно…

Смотреть на демонстрирующего предельную почтительность Вана не было никаких сил, и Ляо вновь прикрыл глаза. И опять укорил себя за то, что в свое время не подготовил для Тао достойного преемника. Впрочем, нет, был еще Шэнхун. Тоже толковый офицер. И тоже погиб…

– Сегодня утром я узнал о том, что в европейском доме Банума хранится интересная книга.

Помощник не выразил неудовольствия или удивления тем фактом, что информация прошла мимо, хотя именно в его обязанности входило систематизировать для старика поступающие сведения. Ван понимал, что еще не достиг того уровня доверия, которым пользовался у Ляо предшественник.

Однако генерал решил сгладить ситуацию: когда появится толковый помощник – неизвестно, а до тех пор все равно придется терпеть полковника.

– У меня есть друзья на самом верху Исламского Союза, лично у меня, – объяснил старик. – О книге я узнал от них.

– Понимаю.

Ляо был гением разведки, легендой, за свою долгую карьеру он успел завербовать сотни людей, многие из которых занимали теперь высокие посты в самых разных странах.

– Могу я узнать, о какой книге идет речь?

– Предполагается, что это своего рода мемуары Хасима Банума, история его жизни. Наш друг много знает, а потому его сочинение может оказаться крайне любопытным. – Старик помолчал. – Но до тех пор пока Банум жив, проникнуть в его дом практически невозможно…

Полковник, свято верящий в безграничные возможности современной техники, удивился подобному замечанию, однако оставил сомнения при себе. Проникнуть можно куда угодно, было бы желание.

– А вот если с Урзаком случится непоправимое, защита ослабеет… – Генерал вновь открыл глаза, но теперь его взгляд оказался весьма жестким. – В этом случае книга должна оказаться у нас. Я не хочу, чтобы арабы наложили на нее лапу. Это понятно?

– Да, товарищ генерал.

Ван понял, что Ляо поручил ему ОЧЕНЬ важную операцию. До сих пор задания были куда более понятны и вполне укладывались в рамки обычной разведывательной деятельности: найти, узнать, завербовать, пристрелить, проанализировать… На этот раз все не так. Чем могут быть любопытны воспоминания человека, о котором никто не знает? О чем он может рассказать? Ван служил в разведке не первый год и знал, что руководство Народной Республики информировано о подноготной любого мало-мальски значимого события в мире едва ли не лучше, чем его непосредственные участники. Почему в дом Банума невозможно войти до его смерти? Но самое главное – гнетущий взгляд Ляо. Взгляд, ясно показывающий, что будущее полковника напрямую зависит от результатов операции.

Последнее обстоятельство разозлило Вана больше всего. Разве к этому он стремился? Разве для того высокопоставленные родители протолкнули его в свое время в военную разведку, чтобы блестящая карьера оказалась под угрозой из-за одного-единственного поручения, данного каким-то стариком? Ну да, Ляо – патриарх, легенда, личный друг Председателя, но все видят, что его методы устарели. Теперь все решает команда, группа единомышленников, а не одиночки, предпочитающие проводить время не в Генеральном штабе, а на загородной вилле. Вслух об этом, разумеется, не говорили, но намеки, которые Ван слышал в высоких кабинетах перед назначением к Ляо, не оставляли сомнений в том, что нынешней команде старик изрядно надоел. А полковник хорошо умел понимать намеки.

Тем не менее ни эти мысли, ни зародившаяся в глубине души ярость не помешали Вану ответить со всем возможным уважением:

– Я приложу все усилия, товарищ генерал, чтобы достойно выполнить ваш приказ.

«Разумеется, приложишь! Ведь это твой единственный шанс остаться в разведке».

Ляо терпеть не мог карьеристов, но что делать? Растерял толковых ребят, растерял…

Взгляд старика немного смягчился.

– Чуть позже я расскажу, как можно будет попасть в дом Банума и отыскать книгу.

– Вы прикажете мне лично отправиться в Европу?

– В этом нет необходимости, Ван, вы нужны мне здесь.

– Задействовать наших агентов или подключить к операции баварскую Триаду?

«Пусть не толковый, но исполнительный. Хоть что-то…»

Ляо устремил задумчивый взгляд на окно и после непродолжительных раздумий отрицательно покачал головой:

– Нет, Ван, в этот раз я не хочу использовать наших людей. В Европе недолюбливают Народную Республику, постоянно ищут повод, чтобы выразить возмущение или протест, поэтому следует вести себя осторожно. Во всяком случае – пока. – И вновь перевел взгляд на помощника. – Подберите надежных людей со стороны.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

* * *

территория: Соединенные Штаты Америки
Новый Орлеан
храм Иисуса Лоа
большая цель – большой труд

Говорят, что когда-то, в древние и просто старые времена, например в двадцатом веке, предпринимались попытки строить города так, чтобы они представляли собой некую правильную фигуру: круг или пятиконечную звезду, квадрат или полумесяц. Однако, несмотря на все усилия архитекторов и строителей, ничего не получалось. Города сложны, слишком много людей в них живет, и всегда найдется тот, кто построит дом за разрешенными пределами. Или не один дом. Есть деревушки, что лепятся к окраинам городов. Уничтожить их? Другими словами, дело оказалось убыточным, неперспективным. К тому же было непонятно, кто насладится величием осуществленного замысла? Пассажиры самолетов? Космонавты? Идея канула в Лету.

И люди, чтобы хоть как-то выделить свои города, принялись

выставлять напоказ некоторые их сооружения. Небоскребы, гигантские статуи, храмы, мечети – все, имеющее неповторимый облик, должно было притягивать взоры и днем, и ночью, сиять круглосуточно, постоянно демонстрируя лицо города. Эйфелева башня в Эль-Париже и американская Статуя Свободы, великолепная «Башня Света» в Сингапуре и знаменитый московский «Подсолнух». Эти и многие другие творения украшали города Земли, демонстрируя силу человеческого гения. Километры вверх! Сотни метров вширь! Мы царапаем небо и свысока поглядываем на проплывающие вдоль средних уровней здания облака.

Мы можем все!

Или почти все.

И редко, очень редко принимались меры для того, чтобы выделить лишь одно здание. Ведь чем больше гигантских сооружений, тем лучше! Есть «Подсолнух», но есть и «Дядя Степа». Неподалеку от Статуи Свободы растут величественные небоскребы. Эйфелева башня кажется коротышкой на фоне причудливой, спиралью устремленной ввысь «Раковины»… Удивить! Восхитить! Чем грандиознее постройки, тем сильнее и богаче считается город. А вот в Новом Орлеане рассуждали иначе. Согласно местному закону, высотные здания разрешалось строить лишь в нескольких местах, и то до определенной высоты, а ночную подсветку небоскребов тщательно проверяли городские власти. Ибо из каждой точки города и днем и ночью должен открываться вид на грандиозный храм Иисуса Лоа. На монументальный собор черного камня, что поднялся над старым городом много лет назад. На его километровую башню, увенчанную огромной статуей. На две его колокольни, по семьсот метров каждая. На основное здание, высотой почти двести метров.

Люди должны видеть свой храм. Должны помнить о Традиции, под сенью которой живут.

Должны помнить о Католическом Вуду.

Чтобы попасть в главный храм, в пульсирующее сердце Традиции, раскинувшей крылья почти над всей Америкой и Африкой, требовалось пересечь гигантских размеров площадь, на которой, бывало, собиралось до миллиона человек. Затем надо было подняться по лестнице из тринадцати пролетов и пройти в двери. Но не в центральные двери – стрельчатые произведения искусства пятидесятиметровой высоты, на которых темнели бронзой все святые духи Лоа. Не в них. Парадный вход открывался исключительно по праздникам, а в обычные дни посетители попадали в главный храм Католического Вуду через

небольшие боковые двери. И оказывались в грандиозном помещении, сводчатые потолки которого смыкались на двухсотметровой высоте.

Все без исключения люди, впервые попавшие в храм Иисуса Лоа, переживали потрясение. Легкий аромат благовоний, приглушенные удары барабанов, что всегда звучали в храме, а главное – ощущение нереальности происходящего, невозможности самого существования подобной постройки били наверняка: неофиты и сомневающиеся выходили из храма убежденными приверженцами Католического Вуду. Верующие же частенько впадали в экстаз, вызывая радостный переполох у окружающих.

Храм Иисуса Лоа был велик во всех смыслах. Являлся не только символом, но возведенной в камне проповедью.

При этом высшие иерархи Католического Вуду, хотя это и покажется странным, появлялись в главном помещении храма крайне редко, только по настоятельной необходимости. И площадь, на которую падала гигантская тень Иисуса Лоа, они недолюбливали, предпочитали приезжать в святыню через сеть подземных дорог. Высшим иерархам не нравилось ощущать себя маленькими и слабыми, а это чувство появлялось у каждого, кто шел к храму в тени Иисуса Лоа; им не требовалось читать безмолвную проповедь камня, ибо они знали о силе Традиции гораздо больше, чем могла рассказать величественная постройка.

Высшие иерархи Католического Вуду считали себя не менее значимой частью Традиции, чем главный ее храм, а потому они (и те, чьи честолюбие и сила позволяли надеяться войти в число избранных) проникали в главную святыню просто и буднично, по-деловому.

Каори оставила машину на последнем уровне подземной парковки, на лифте поднялась на тринадцатый этаж, прошла по знакомому коридору и без всякого волнения толкнула дверь в приемную самого Ахо, настоятеля храма Иисуса Лоа. Встреченные по дороге монахи-замбийцы, призванные поддерживать порядок в святыне, лишь расступались и кланялись – Каори здесь прекрасно знали. Секретарь настоятеля, симпатичная девчонка в плотно облегающем пышные формы белом платье, при появлении мамбо торопливо вскочила и даже сделала попытку открыть дверь в кабинет, но не успела – Каори двигалась слишком быстро, не торопливо, но стремительно. Девчонка лишь плотно затворила не до конца закрытую дверь и тихонько выдохнула – она побаивалась приехавшую к Ахо мамбо. Которая, оказавшись в кабинете настоятеля, сменила деловитую стремительность на почтительную неторопливость.

– Долгих лет жизни, отец.

Девушка опустилась на одно колено и склонила голову.

– Долгих лет жизни, Каори.

Облаченный в традиционные белые одежды Ахо встал из-за стола, подошел к замершей у двери девушке и, после того как та поцеловала ему руку, помог подняться.

– Рад тебя видеть.

– Я тоже рада встрече, отец.

– Моя маленькая Каори…

Но ни слова, ни сопровождавший их жест – настоятель притянул девушку к себе и нежно поцеловал в лоб – не были похожи на поведение любовника. Скорее – отца. Ахо был наставником Каори в сосьетте, именно он, разглядев в семилетней девчонке гигантский потенциал, превратил ее в первоклассную мамбо, а потом, заняв высший пост в Католическом Вуду, потянул Каори за собой.

– Ты превосходно выглядишь.

Он усадил девушку в кресло, а сам пристроился напротив, на диване.

– Спасибо, отец.

В отличие от Ахо, внешность которого выдавала чистокровного кафра, в Каори смешалось много кровей. В чертах ее изящного, привлекательного лица можно было угадать не только предков-дагомейцев, что плыли некогда в трюмах невольничьих судов, но и индейцев, китайцев, испанских конкистадоров и английских пиратов. По крови, что текла в жилах Каори, можно было воссоздать историю Америки.

– Впрочем, этот комплимент тебе можно говорить постоянно.

– Ты слишком добр ко мне.

– Нет, Каори, добры к тебе духи Лоа. А я говорю то, что вижу.

Матовая кожа – кофе с большим количеством молока, большой рот с пухлыми, едва-едва вывернутыми губами, ямочки на щеках – смешение кровей породило цветок редкой красоты. Вопреки распространенному среди мамбо поверью о связи длинных волос с колдовской силой, Каори не боялась стричься и обожала замысловатые прически. Сейчас ее густые волосы были собраны в тринадцать аккуратных, похожих на маленькие розы, пучков, равномерно расположенных на голове. И странная прическа, способная испортить внешность иной женщины, лишь добавила девушке привлекательности.

– Мне понравилось, как ты донесла мое неудовольствие до архиепископа Карвалья, – мягко произнес Ахо.

Возжаждавший власти духовный лидер Боливии принялся плести интриги, настраивая монсеньоров против настоятеля

храма Иисуса Лоа. Слухи дошли до Ахо, и он отправил ученицу уладить возникшую проблему.

– Архиепископ оказался невосприимчивым к аргументам, – ровно ответила Каори. – И даже попытался продемонстрировать мне свою силу.

Причем не только колдовскую. Карвалья не воспринял сексапильную посланницу Ахо всерьез и попытался ее изнасиловать.

– Не думал, что ты с ним справишься.

– Разве настоятель храма Иисуса Лоа выберет выразителем своего неудовольствия слабака?

– Это не было экзаменом, Каори, – улыбнулся Ахо. – Я действительно думал, что архиепископ проявит разум и воспримет мои доводы. Но мне не жаль, что я ошибся. – Настоятель помолчал. – Ты очень сильная мамбо.

– Духи Лоа добры ко мне.

– Да, – согласился Ахо. – Добры.

Согласно официальной версии Карвалья умер от сердечного приступа. Именно так заявила Каори ворвавшимся в апартаменты слугам. Спорить с ней, с головы до ног забрызганной кровью еще не остывшего архиепископа, не осмелились – Карвалья был сильным хунганом, и связываться с победившей его колдуньей никто не решился. Пышные похороны мятежника прошли вчера, монсеньор удостоился собственной гробницы в склепе архиепископов храма Иисуса Лоа, а уже вечером прислуживал Ахо за ужином: настоятелю нравилось превращать своих врагов в зомби.

– Теперь тебя ждет задача менее опасная, но тоже интересная. И очень важная.

– Я слушаю, отец.

Ахо посмотрел на девушку, и где-то глубоко, на самом дне глаз, мелькнуло легкое неудовольствие. Каори олицетворяла новые веяния Католического Вуду, являлась образцом подражания для многих молодых адептов, привносила в классические правила дух непокорности. Впрочем, разве Вуду олицетворяет темницу и послушание? Отнюдь. Традиция, рожденная в борьбе за свободу, всегда привечала гордых и самолюбивых. Именно поэтому старые монсеньоры лояльно относились к вызывающему поведению молодежи – пусть перебесятся. Рано или поздно они поймут преимущество классических правил и сделают выбор. Лучших из них Замби приведет в дом. А остальные могут вести себя как хотят и носить что хотят.

И поэтому Ахо, несмотря на всю свою приверженность к

традиционным одеждам, не сделал замечания девушке, явившейся в храм в не подобающем для мамбо виде. В черной одежде, которая великолепно оттеняла матовую кожу.

В этом возрасте большинство выбирает черное, еще не понимая, что настоящая сила не в умении убивать, а в умении добиваться своего. Черная вязаная блузка с рукавами до локтя коротким балахоном спадала до пояса, ее широкий, от плеча до плеча, вырез не открывал взглядам грудь и спину, зато выгодно подчеркивал красивую шею девушки, на которой извивалась черная татуировка замбийского монастыря. На длинных ногах – черные брюки из тончайшего «паучьего» шелка, способного и эротично прилипнуть к коже, выделяя каждую точечку, и плавно развеваться на ветру. Туфли на высокой шпильке – Каори относилась к тому типу женщин, которые умели и никогда не уставали ходить на высоких каблуках. Но если в одежде она отдавала предпочтение черному, то все ее украшения были зеркальными. Но не зеркально-стеклянными, а зеркально-стальными, сделанными из отполированного до идеального состояния металла. Глаза скрывали тонкие, плавно изогнутые очки, целиком зеркальные – и отполированная оправа, и стеклопластик. Легкие, почти невесомые, но необычайно прочные и насыщенные огромным количеством электроники, они заменяли Каори глазные наноэкраны. Сережки в ушах – два малюсеньких металлических зеркала, в которых желающий, если таковой найдется, может рассмотреть бородавку на собственном носу. На правом запястье неширокий браслет, чешуя блестящих пластин, и такой же ремень на брюках, что появлялся на виду, когда свободная блузка поднималась вверх, демонстрируя пояс и плоский животик девушки.

«Духи Лоа действительно добры к тебе, Каори, поэтому тебе многое разрешается».

Ни одна другая мамбо не осмелилась бы заявиться к настоятелю в столь фривольном наряде. И это при том, что обнажения во время обрядов были обычной практикой, а стиль жизни мамбо далек от целомудренного. Но одно дело церемонии и личная жизнь, и совсем другое – будни.

– Помнишь, я рассказывал тебе о человеке по имени Хасим Банум?

– Вы упоминали еще одно имя – Урзак, – немедленно ответила Каори.

– Я рад, что ты не забыла эту подробность.

– Вы говорили, это очень опасный человек. Информацию о подобных людях я стараюсь не забывать.

– Сильный, да, очень сильный. Опасный? Не знаю. –

Настоятель потер подбородок. – Урзак стоит вне Традиций и никому не мешает. Более того, он помогал шейхам, оказывал услуги китайцам и даже, если верить некоторым документам, способствовал святому Мботе.

– Урзак настолько стар?

– Никто не знает, когда он родился.

– Опасный человек.

Ахо улыбнулся.

– Сегодня я узнал две новости. Первая: есть вероятность того, что Урзак скоро умрет. Точнее – его убьют.

– Я должна узнать, кто это сделает?

Появление еще одного опасного и сильного человека не осталось без внимания Каори.

– Это было бы неплохо, – вздохнул настоятель, – но, боюсь, невозможно. У нас нет информации, где находится Урзак и чем занимается. Известно лишь то, что дело крайне опасное даже для него.

Девушка промолчала.

– А вот вторая новость напрямую связана с тобой, Каори. Совету архиепископов стало известно, что Урзак написал книгу. Историю своей жизни. Книга хранится в его европейском доме и, вполне возможно, завещана шейхам, с которыми Урзак тесно сошелся в последнее время.

Задание показалось не очень интересным.

– Я должна ее выкрасть?

– Не совсем, – покачал головой Ахо. – Обстоятельства таковы, что осуществлять эту операцию будет другой человек, ибо нам не известны ни местонахождение дома, ни время смерти Урзака, если она, конечно, наступит. А тот человек будет располагать и той, и другой информацией. Он выкрадет книгу и передаст ее тебе. А ты доставишь ее в Новый Орлеан. Нам важны эти мемуары, Каори, Урзаку есть что рассказать.

– Я все поняла, отец.

Каори сделала движение, чтобы подняться, но Ахо взглядом усадил ее обратно.

«Хорошая, умная, сильная девочка, но, увы, немного торопливая. Не живет, а бежит…»

– Не спеши. – Выдержал короткую паузу. – Если ты добудешь книгу, это станет большой победой. Я смогу ввести тебя в Совет мамбо.

Совет мамбо и Совет хунганов составляли два звена управления Католического Вуду, над которыми стоял только Совет архиепископов. Каори достаточно юна, она может стать самым молодым членом Совета мамбо за всю его историю. А из

него так удобно подбираться к красному плащу монсеньора…

Невозмутимость девушки исчезла. Она сняла очки, и Ахо впервые с начала разговора увидел ее чудесные сапфировые глаза. Необычные и притягательные.

– Книга настолько важна?

– Очень важна.

– Я ее добуду, – твердо произнесла девушка.

– Вот именно, Каори, именно ты должна ее добыть. – Настоятель вновь выдержал короткую паузу, но, заметив в глазах девушки непонимание, вздохнул и разъяснил: – В том, чтобы привезти книгу из Европы в Новый Орлеан, героического мало. Такой подвиг членов Совета не убедит. Я же планирую рассказать, что именно ты вскрыла дом Урзака. Сама. Авторитет Банума велик, и этот рассказ укрепит твою репутацию мамбо.

– Но в дом Урзака пойдет другой. – На губах девушки заиграла улыбка. – Значит, тот человек, о котором ты упоминал, должен умереть.

– Я не упоминал никакого человека, – рассмеялся Ахо. – О чем ты, Каори?

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
качественный сыр – главная деталь любой мышеловки

Любой город, любой Анклав на планете состоит из одинакового, в общем-то, набора районов, что подчеркивается случающимися иногда совпадениями названий. Если сохранились исторические кварталы, они, скорее всего, будут «старым городом». Деловой центр традиционно именуют «Деловым центром» или «Сити». Дорогие районы, застроенные для проживания элиты, частенько несут в своем названии что-нибудь зеленое, экологически чистое: «сад» или «парк». Над наименованием кварталов среднего класса (высшего среднего, среднего среднего и низшего среднего) особенно не задумываются, как правило, смысл их названий давно потерялся. Совсем же глухие трущобы приобретают новые клички: нью-йоркский «Крысятник», «Помойка» в Санкт-Петербурге… Никто и не помнит, что когда-то эти районы звались Бруклином и Озерками.

Вот уже десять лет, с тех пор как он поселился в Мюнхене, Вим Дорадо жил в районе среднего класса, в хорошо известном

баварской богеме «Доме гениев» – небольшой колонии «людей искусства», среди обитателей которого попадались личности и творчески одаренные, и творчески одержимые. Квартиры в «Доме гениев» делились так же, как и жилые районы: для элиты, среднего класса и остальных. «Элита» – более-менее удачливые художники, имеющие постоянную работу музыканты и колумнисты местных изданий, мечтающие стать великими писателями, – занимала четырех-пятикомнатные апартаменты на верхних этажах, с малюсенькими спальнями и большими гостиными, в которых периодически устраивались шумные вечеринки, бывшие центрами культурной жизни «Дома». Впрочем, до настоящей творческой элиты обитателям колонии было далеко, и многокомнатные апартаменты снимались в складчину, двумя, а то и тремя парами. Средний класс «гениев» селился в одно-двухкомнатных квартирах с удобствами. Остальные проживали в «дюжинах» – одинаковых, как почтовые коробки, комнатах двенадцати квадратных метров; их входные двери выходили в общий коридор, в конце которого находились душ (налево) и туалет (направо).

Вим, считающийся «гением» с положением, мог бы позволить себе квартиру на верхних этажах, однако предпочитал оставаться в скромной угловой «двушке», провоцируя сплетни о собственной скаредности. Истинная же причина нежелания менять жилье на более престижное заключалась в другом. Окна «двушки» выходили на узкий переулок, преодолеть который, в случае необходимости, не составило бы труда: всего один прыжок с подоконника на невысокую крышу бойлера соседнего дома. Несколько шагов – и стена скрывает тебя от преследователей, затем двадцать метров бега, еще один прыжок – и ты уже во дворе, откуда ведут четыре выхода на разные улицы. Очень удобно.

Дорадо делал все, чтобы каждая из его жизней текла сама по себе, чтобы друзья тапера Вима Дорадо никогда не узнали о dd198819, но о мерах безопасности позаботился.

– Музыкант, привет!

Махмуд Бауэр появился из общественной уборной в тот самый миг, когда Вим спускался по лестнице. Долговязый, лохматый и, как обычно, слегка навеселе. Махмуд не утруждал себя запоминанием имен даже тех людей, кто одалживал ему деньги чаще других, предпочитал обращаться ко всем знакомым по косвенным признакам.

– Привет, – кивнул Вим. – Как дела?

– Дай пару динов до завтра!

– Извини, не при деньгах.

– Врешь, – уверенно заявил Бауэр и схватил Дорадо за рукав. – Пойдем.

– Куда?

– Покажу кое-что.

Вим не торопился и позволил Махмуду увлечь себя в «дюжину». Неубранная кровать, давным-давно не стиранное белье которой радовало взгляд всеми оттенками серого, ободранный стол – два компьютера, два монитора, несколько листочков с нотами, какие-то мелкие гаджеты и коробочки из-под дешевой, купленной на улице еды. Над столом дешевый коммуникатор, настроенный на новостной канал: толпа разъяренных людей, подожженные мобили, разбитые витрины, трупы… В правом верхнем углу пометка: «Moscow Live».

– В русском Анклаве бунт, – сообщил Бауэр, перехватив взгляд Дорадо. – Наши с индусами дерутся. – Широко улыбнулся, продемонстрировав крупные желтые зубы. – Прикольно.

Съемки с вертолета перемежались «взглядами очевидцев» – многие люди грузили в «балалайку» программы, позволяющие качать увиденное на серверы информационных агентств, редакторы которых вставляли наиболее интересные кадры в новостные блоки. Гонораром в данном случае служило имя живой камеры, помещенное в нижней части экрана, – пятнадцать минут славы. Вот кто-то наблюдает, как толпа осадила дом: стрельба, взрывы гранат. Дети, бегающие по разоренным улицам. А вот съемка участника погрома: взметается вверх рука с зажатым в кулаке камнем, бросок, пару мгновений картинка скачет, после чего фокусируется на разбитой витрине. Победный клич. Дурак, что еще скажешь – сам собрал доказательства для дознавателей СБА.

– Нравится смотреть на беспорядки?

– Помогает в работе над проектом, – хмыкнул Махмуд, выключая звук.

Вопли, выстрелы и бормотание комментаторов ушли, осталась лишь картинка. Вим заставил себя отвести взгляд.

– Что за проект?

– А ты никому не скажешь? – подозрительно осведомился Бауэр. – Только между нами?

– Клянусь, – вздохнул Дорадо.

– Тогда смотри! – Левую руку Махмуд запустил в длинные волосы, правой же взялся за «мышь» и вывел на монитор изображение какой-то пещеры. – Я пишу дополнение к «Мстителю Шао-Линь»! Маньяк Даниил Кремлевский пытается взорвать земное ядро! Четырнадцать уровней, не меньше ста часов игрового времени. Круто, да? Представляешь, сколько рекламы

можно будет загрузить в это дополнение?

Последние фразы Бауэр выпаливал скороговоркой, не отрывая взгляд от монитора, на котором мелькали пещеры, пустыни, огромные человекообразные роботы и грудастые красотки. В рейтинге мировых онлайн-игр виртуалка «Мститель Шао-Линь» делила третье место с «Ковбоем и Тварью», и тысячи одержимых творческим зудом программистов мечтали написать для нее удачное дополнение, искренне надеясь обыграть десятки высококлассных машинистов и профессиональных сценаристов, работающих над развитием игры каждый день с девяти до шести с перерывом на обед. Впрочем, некоторым удавалось вытянуть счастливый билет. Год назад дополнение «Смерть жизни», выведшее виртуалку «Принцесса Ли» на твердое второе место в мировом рейтинге, сделало миллионером никому не известного машиниста из Ванкувера.

– Что тебе нужно от меня, Махмуд?

– Напиши звуковые эффекты, – попросил Бауэр.

– Звуки выстрелов и шипение земного ядра?

Творческая личность не почувствовала иронии.

– Ты же музыкант, – с жаром произнес Махмуд. – Напиши какую-нибудь три-па-па-па-па и все такое. Ты же умеешь. Качественный саунд – это сила. Двадцать процентов твои.

Щедрое предложение было сделано не просто так: после заключения сделки Бауэр собирался вернуться к просьбе ссудить до завтра пару динаров.

– Тебе нужен композитор, а не простой музыкант, – улыбнулся Дорадо. – К тому же я недолюбливаю современные «три-па-па-па-па», предпочитаю классику.

– Есть разница? – поинтересовался будущий миллионер.

– На уровне ощущений.

Махмуд задумался.

Жизнь в независимых Анклавах имела достаточно весомых плюсов, чтобы уравновесить очевидные недостатки. Перенаселенность, дороговизна, практическое отсутствие социальных программ, но при этом – мягкие законы, точнее – едва ли не отсутствие таковых, и максимальная свобода. Все возрастающее количество запретов и ограничений, которые правительства накладывали на своих граждан, жителей Анклавов не касались.

Казалось бы, человеку, работающему с опасными контрактами, сама судьба велит поселиться в Анклаве, однако Дорадо предпочитал относительно спокойный Мюнхен. Виму нравились рискованные операции, однако жить на лезвии бритвы

он не хотел, будучи по характеру не пиратом, а рейдером – нанес удар, получил свою долю адреналина и золота и укрылся до лучших времен. Да и нравилась Дорадо его вторая (или первая?) жизнь. Нравилось выступать на публике, играть любимую музыку для жующих, болтающих и флиртующих, но все-таки слушателей. Нравилось, что его ценят и зовут в разные города. Мюнхен и Вена, Милан и Неаполь, Франкфурт, Ланданабад, Эль-Париж… Дорадо играл по всему Исламскому Союзу, и его частые гастроли помогали скрывать отлучки в рейды за золотом и адреналином.

Помогали таперу Виму Дорадо скрывать от окружающих dd198819.

Термин «dd» – сокращение от dark dog – появился пятнадцать лет назад. Вывалился в сеть вместе с новым сервером, предлагающим «особые услуги», а информационные ленты заполонили броские рекламные слоганы: «Без проблем избавим от проблем!», «Идеальное предложение для людей, переживающих временные трудности», «Абсолютная безопасность и абсолютная анонимность!». Защита сервера находилась на самом высоком уровне, адреса клиентов тщательно шифровались, а досье на агентов содержали лишь перечень выполненных контрактов и предпочтения самих dd: «Не желаю участвовать в акциях устранения», «Берусь только за возвращение похищенного», «Готов на все». «Темные собаки» позиционировали себя как идеальные наемники, которые не задают вопросов, ничего не знают о заказчике, готовы работать через цепочку посредников и получать вознаграждение только по выполнении контракта. И люди «с проблемами» быстро оценили достоинства нового сервера. Жена слишком много хочет при разводе? Кинул деловой партнер? Полиция не может найти похищенную вещь? Новые игроки на рынке «особых услуг» брались за любые контракты и выполняли большую их часть. У сервера начала складываться репутация, им вплотную занялись спецслужбы, однако прижать dd не получилось. Сеть – это информационное море, и невозможно взять под контроль каждую его каплю. Заблокируешь прямой адрес: через пять минут возникнет миллион кривых направлений, начнешь отслеживать адреса посетителей по вызовам – наткнешься на программу встречного прикрытия: компьютер сообщит любопытствующим спецслужбистам, что перебирает каталоги сетевого гипермаркета или фотографии звезд, а его хозяин тем временем общается с менеджерами dd через зеркало в монгольской юрте. В конце концов, полиция и СБА отстали от dd по той простой причине, что среди клиентов сервера появились солидные люди – у верхолазов ведь тоже случаются проблемы, требующие радикального

решения, но о которых не расскажешь СБА. Верхолазы любят устраивать друг другу подлости, а наемники лучше всего подходят на роль исполнителей. Именно это обстоятельство позволяло оставаться в сети серверам dd и других объединений наемников, Консорциума Транснациональных Перевозчиков – контрабандистов, способных обеспечить доставку чего угодно и куда угодно, и даже печально известной Ассоциации Поставщиков Биоресурсов – ведь только они могли прислать почку или печень, взятые у гарантированно здоровых, специально для этого выращенных жителей третьего мира.

Рано или поздно запрещенные услуги могут потребоваться любому члену общества. Даже очень законопослушному.

Постепенно «темные собаки» стали самым востребованным сообществом наемников на планете. Менеджеры dd могли подобрать исполнителя для любого контракта, а сами агенты чувствовали себя защищенными от любых случайностей. Основная прелесть работы dd заключалась в том, что ею можно было заниматься в свободное время: подбирать интересные лично тебе контракты, исполнять их, а затем… а затем бывало так, что днем офицер полиции расследовал преступление, которое совершил ночью, или известный тапер читал на новостном сайте о перестрелке в Штутгарте, перед тем как отправиться играть классическую музыку в дорогой мюнхенский ресторан.

«Добро пожаловать в современный мир! Добро пожаловать на сервер dd!»

Ни имен, ни фамилий, ни фотографий. Только порядковый номер. И если зайти на рейтинговую страницу сервера, то на шестом месте можно отыскать dd198819. Работает не часто, но очень аккуратно, никаких заказных убийств, никаких акций устрашения, предпочтение – «Возвращение утраченного имущества». Это и есть вторая (или первая?) жизнь Вима Дорадо.

Насколько все-таки приятно пользоваться официально зарегистрированной «балалайкой»! Ощущать себя полноценным членом общества и по-настоящему спокойно реагировать на черные зрачки сканирующих твой затылок устройств. Выходя на улицу, Вим получил последнее напутствие от компьютера «Дома гениев»: «Возможны кратковременные дожди, вы не забыли зонтик?» Одновременно появился значок холодильника, напоминающий, что закончились молоко и яйца. Еще одно сообщение – счет от обслуживающей здание компании.

Дорадо поймал такси, назвал водителю адрес, а сам принялся разбираться с делами: оплатил квартиру, заказал недостающие холодильнику продукты – курьер оставит их в ящике на первом этаже, проверил официальный банковский счет, убедившись, что

владелец ресторана перечислил деньги за два предстоящих вечера.

Милая рутина, размеренные будни.

Власти Исламского Союза пропагандировали чинную и сытую жизнь. Не нужно потрясений, не нужно ни о чем думать. Соблюдай законы, соблюдай правила, и все будет хорошо. Закончи школу, затем училище или институт, работай, зарабатывай, заводи потомство, а если не хочешь потомства, то и не надо – людей в Европе и так больше, чем нужно. Принимать ислам необязательно: в полицию берут граждан любого вероисповедания, правда, начальником тебе не стать, но это уже ерунда. Зато можно даже стать депутатом по квоте для немусульман, следить за соблюдением Европейской хартии равноправия и уважения. Христианские либералы гордятся тем, что их жены имеют право ходить по улицам без хиджаба. Правда, разумные женщины этим правом не пользуются, но оно у них есть. Это называется демократическими принципами. А вот за совершенное преступление христианина будут судить по законам шариата, но это уже называется иначе: социальным мироустройством и общественным порядком, покушаться на которые либералы не рискуют.

Впрочем, подобные материи мало занимали Дорадо – в этой своей жизни он не собирался нарушать законы.

Вим вышел из такси у Изарских ворот, расплатившись за поездку электронным переводом, и неспешно прогулялся по улицам – такова его легенда на случай расспросов: гулял, ходил по магазинам. Он даже зашел в зоомагазин, который содержал добродушный храмовник Стефан. Дорадо нравилось смотреть на причудливых тварей, которых можно увидеть лишь во сне или у генетиков Мутабор: птеродактилей с мозгами попугаев, щенят сторожевых терьеров, еще веселых, немного нелепых, только готовящихся стать беспощадными убийцами, и на хит нынешнего сезона – добродушных амфибий, переливающихся всеми цветами радуги. Путешествие по историческому центру завершилось у ближайшей станции метро, на котором он добрался до района Blumenmarkt, одной из нескольких мюнхенских территорий, жители которых с пониманием относились к скрывающим лица наномаскам. А также к отсутствию в положенном месте «балалаек» и к расчету наличными. Даже в благополучном Мюнхене есть паршивые овцы.

Много паршивых овец.

Район, выросший вокруг небольшого цветочного рынка, практически полностью контролировался преступными кланами. Здесь было царство незаконных коммерческих сделок и запретных

развлечений. Местные женщины демонстративно не носили хиджаб, а мужчины могли себе позволить выпить на улице бутылку пива.

А еще Blumenmarkt остался единственным районом Мюнхена, в котором можно было отведать свиных сосисок. И говорили в нем только по-немецки.

Наномаску Дорадо натянул в туалете подземки. И там же, убедившись в отсутствии людей и видеокамер, связался с Сорок Два с помощью незарегистрированного коммуникатора.

– Привет!

Напарник отозвался сразу:

– Соскучился по работе?

– Говорят, контракт очень выгодный.

– Посредник предлагает сто тысяч, но думаю, есть возможность поторговаться.

– В чем подвох?

– Вроде все чисто. Кроме того, что посредник запросил личную встречу с исполнителем.

Правило вести дела только через сеть не являлось для dd законом, ибо во многих случаях клиенты предпочитали лично или через посредников инструктировать агентов, не желая раскрывать нюансы контракта даже менеджерам dd.

– Кто посредник?

– Чезаре Кодацци.

– Мы его знаем?

Своего напарника-машиниста Вим никогда не видел, общался с ним исключительно по делам, исключительно через сеть и исключительно по псевдониму: Сорок Два. Через пару месяцев после знакомства Дорадо спросил, почему Сорок Два, а не Тридцать Восемь? И услышал: «Потому что Сорок Два – это ответ на Самый Главный Вопрос». Псевдоним был выбран неслучайно – напарник оказался кладезем самой разнообразной информации, но при этом слегка помешанным на числах: Вима Сорок Два называл Девяткой, объяснив, что эта цифра является результатом сложения порядкового номера Дорадо в списке агентов dd.

– Чезаре Кодацци – миланский юрист, специализирующийся на экспортно-импортных операциях. Фирма у него небольшая, консультирует он только мелких промышленников, вот и приходится подрабатывать…

– Жучок, – понял Вим.

– Да, – подтвердил Сорок Два. – Кодацци известен нам пять лет. Он работал посредником в девяти контрактах, и все они завершились успешно.

– Что о нынешнем деле?

– Кодацци связался с менеджерами и сказал, что контракт связан с похищением. Дал список желаемых dd. Круче тебя там только 165441…

«Третье место в рейтинге, – машинально вспомнил Дорадо. – Специализация та же – „Возвращение утраченного имущества“.

– Но 165441 сейчас занят. Следующий в списке – ты.

«Ему нужен опытный вор…»

– Встреча через пятнадцать минут.

– Дождись меня, – попросил Вим. – Я позвоню сразу после встречи.

– Тебя что-то смущает?

«Меня всегда все смущает!»

Дорадо улыбнулся и покачал головой:

– Не каждый день предлагают контракт на сто тысяч динаров.

Кодацци назначил встречу в «Мотыльке», самом крупном развлекательном комплексе района Blumenmarkt. Шесть подъездов, подземная парковка с двумя воротами, неизвестное количество потайных ходов, и никаких видеокамер в большинстве помещений. «Мотылек» контролировали албанцы, которые любили получать информацию, но не отдавать ее.

Впрочем, как и большинство нормальных людей.

– Покажи затылок.

– Пожалуйста.

Вим приподнял плотно облегающую голову наномаску, позволяя спутнице адвоката увидеть пустое гнездо. Первое правило личных встреч dd с посредниками – никаких записей. «Балалайки» следует вытаскивать заранее.

– Все в порядке.

Второе правило гласило, что dd может прийти на встречу в наномаске, и в ста случаях из ста агенты так и поступали. А вот посредникам прятать лица запрещалось – это называлось «Правом на месть». Посредник мог выследить агента, узнать, кто он и где живет, и устранить после операции. Если же dd удавалось выпутаться из такой переделки, то он мог указать менеджерам сервера на обидчика. Разумеется, в наши дни сменить лицо нетрудно, вокруг полно подпольных пластиков, готовых провести нехитрую операцию за разумные деньги, но придется менять официальную «балалайку» (если она есть), а это уже следы в сети и лишние вопросы.

– Ваши головы можно посмотреть?

– Смотри. – Адвокат и девчонка продемонстрировали Виму пустые гнезда. – Формальности улажены?

– Ага.

– Отлично, камрад, тогда давай приступим к делу.

«Интересно, где макаронник мог подцепить это словечко: „камрад“? Уж точно не в Итальянской автономной области Исламского Союза».

Камрадами называли друг друга солдаты Иностранного легиона, причем только в тех частях, где правили бал выходцы из Баварского султаната. У гражданских это словечко на язык не ложилось. Впрочем, Виму доводилось видеть ребят, щеголявших знанием армейского сленга… Плохим знанием. Позеры.

– К переговорам, – уточнил Дорадо. – Дело будет позже.

– Любишь точные формулировки, камрад?

– Не люблю неясные.

– Молодец.

Это замечание dd оставил без внимания.

Изначально Кодацци показался Виму типичным посредником: в меру нахальный, в меру самовлюбленный, в меру умный. Как и большинство жучков, Чезаре держался с оттенком превосходства, небрежно намекая, что знает гораздо больше, чем говорит, и вообще является серьезным человеком. Крупной рыбой, так сказать. В свою очередь, Дорадо прекрасно понимал, что Кодацци знает ненамного больше, чем скажет – таков удел посредников. А вот спутница адвоката заставила Вима насторожиться.

Трансер. Причем – дорогой трансер. Кожу девушки обработали нанами, сделав абсолютно гладкой и блестящей, будто у пластмассовой куклы. Искусственные ресницы обрамляли пустые голубые глаза. Короткие волосы больше не росли, залитые наногелем пряди лежали на голове в неестественно правильной и вечной прическе. Кто-то очень постарался, превращая девчонку в живую игрушку. Мелкому жучку такая спутница не по карману, а значит, либо трансер представляет настоящего заказчика, либо…

– Тебе сказали, сколько я плачу?

– Да.

– И не пытайся развести меня на большую сумму, камрад, не получится. Сто штук – и точка. Дело не самое сложное.

«Так он служил или нет?» – Вопрос сбивал Дорадо с толку, мешал сосредоточиться на переговорах.

«А это важно?»

«Не знаю».

«Это не важно. Потому что если бы Кодацци хотел скрыть свое прошлое, он бы избавился от этого словечка. Да и что ты встрепенулся? Мало, что ли, подозрительных людей прошло через Иностранный легион?»

– Почему дело стоит так дорого?

– Потому что клиенту важен контракт. Он хочет получить

лучшего dd, который добудет имущество и не станет задавать ненужные вопросы ни сейчас, ни потом.

– Что за «ненужные вопросы»?

– Об имуществе.

– А что за имущество?

– Скажу, если ты готов взяться за дело.

Кодацци вел себя правильно: манера поведения выдавала мелкого жучка, которому повезло выйти на крупный контракт. Сколько причитается ему? Десять тысяч? Пятьдесят? Не важно. Кодацци заинтересован в контракте.

Но при этом Дорадо ощущал в происходящем некую фальшь. Ощущал не на рациональном, сознательном уровне, а интуитивно, с помощью того дара, что позволял ему угадывать настроение публики.

«Он что-то скрывает!»

«Все что-то скрывают».

– Операция требует конкретного профессионала – специалиста по возврату имущества. Мне нужен спокойный, избегающий излишнего насилия dd, который сможет забрать добычу и уйти с ней. Вор, а не грабитель.

Трансер молча кивала, подтверждая слова адвоката. Вим понял, что времени у него немного: еще пара минут – и посредник закончит встречу.

«Сто тысяч динаров!»

«Что-то здесь не так».

«Он ведет себя, как обычный посредник».

«Не уверен».

«Сорок Два сказал, что ему можно доверять. Девять выполненных контрактов».

«А если его самого подставляют? Зачем здесь трансер?»

«Кажется, я понял, откуда взялась фальшь!»

«Откуда?»

«Наверняка заказчик велел Кодацци заплатить dd больше. Тысяч сто пятьдесят, а то и двести. А парень решил прикарманить часть суммы».

«Звучит правдоподобно».

– Если ты пришел сюда молчать, dd, то я, пожалуй, откланяюсь. У меня много дел.

Дорадо оглядел недовольную физиономию адвоката и буркнул:

– Я согласен.

– Очень хорошо, камрад!

Судя по тому, как повеселел Чезаре, предположения Вима были верны – от этого пирога адвокат приготовился откусить

большой кусок. Трансер никаких эмоций не проявила, впрочем, кукольное лицо для этого и не предназначалось.

– Здесь ты найдешь подробную схему здания, прилегающей территории, а также план операции, которого ты будешь тщательно придерживаться. – Кодацци вытащил из кармана мини-диск и протянул его Дорадо. – Изучай материал. Точное местонахождение дома я сообщу перед самым исполнением.

Такова участь dd – они все узнают в последний момент.

– Если я сочту, что план неудачный… – начал было Вим, но адвокат его оборвал:

– Ты все равно будешь его придерживаться, камрад.

– Почему?

– Потому что иначе ты в дом не попадешь.

– Это что, шутка?

– Я что, похож на клоуна? – Заключив контракт, Чезаре почувствовал вкус к приказному тону. – Заказчик особо подчеркнул, что отступление от плана недопустимо. Ты обязан его соблюдать.

– В любой дом можно войти с разных сторон.

– Только не в этот.

– А что с ним не так?

– Изучай материал, – посоветовал Кодацци. – И не потеряй вот это. – Рядом с мини-диском оказалась маленькая коробочка. – То, что внутри, в плане называется «предметом А».

– «Предметом А»?

– Да, «предметом А», – серьезно произнес адвокат. – А то, что тебе нужно добыть, в плане называется «имуществом». Не перепутай, камрад.

– Теперь я могу узнать, о чем идет речь?

– Теперь можешь. – Чезаре помолчал. – В доме хранится написанная от руки книга. Рукопись, в буквальном смысле этого слова. Ее-то ты и должен добыть.

В первое мгновение Дорадо даже не понял, о чем идет речь.

«Рукопись?»

«Текст, написанный от руки».

«В наши дни? Что за бред?!»

«Видимо, речь идет о ценном раритете. Какая-нибудь историческая реликвия».

– В доме есть другие книги?

– Там обширная библиотека.

– Как я узнаю, какую книгу брать?

– Изучай материал, – в третий раз повторил Кодацци, кивая на мини-диск. – Там все сказано. Ты получишь сто тысяч динаров, dd, но при этом обязуешься не открывать книгу, не читать ее и не

пытаться скопировать. Твое дело найти ее и доставить мне. Понятно?

– Да.

– На подготовку у тебя двое суток, камрад. За это время ты вызубришь план и соберешь необходимое снаряжение. Затем я укажу место, куда ты отправишься ждать сигнал к началу операции. По оценке заказчика, в засаде придется провести от двух до пяти суток. В случае отмены операции ты получишь двадцать тысяч за беспокойство.

– Я хочу получить их сейчас.

– Хорошо, – помедлив, согласился Чезаре. – Деньги я переведу сегодня.

«Не слишком ли легко он согласился?»

– Что-нибудь еще?

– Я не верю, что вы платите сто тысяч только за то, чтобы я не открывал книгу, – неспешно произнес Вим.

– И не станешь болтать о тех нюансах, которые прочтешь в инструкции.

– Тем не менее. Какие еще сюрпризы меня ждут?

– Могут ждать, – уточнил адвокат.

– Хорошо. Какие еще сюрпризы могут меня ждать?

– Профессионал, да? – Кодацци улыбнулся.

– Давно в бизнесе.

– Ладно, камрад, ты бы все равно прочел это в инструкции, но, раз уж ты «давно в бизнесе», скажу и на словах: возможно появление полиции.

– Их будет интересовать книга?

– Их будет интересовать весь дом. В том числе и книга.

– Мои действия в этом случае?

– План предусматривает появление полиции. Ты получишь преимущество во времени, и за тебя будет играть фактор внезапности: полицейские не ожидают конкурентов.

Вот теперь Дорадо понял, что услышал большую часть правды. Заказчик хотел опередить власти и поэтому платил так много.

«Сколько же он предложил на самом деле?»

– Двадцать тысяч должны быть у меня к вечеру.

– Будут, – пообещал Кодацци. – Обязательно будут.

– Как встреча, Девятка?

– Позже, – отрывисто бросил Вим. – Сорок Два, их двое: мужчина в темном костюме и девушка-трансер, похожая на куклу. Найди их!

– Из «Мотылька» нет выхода в сеть, – напомнил машинист.

– Ищи через уличные видеокамеры!

– Это важно?

– Да! – Дорадо понял, что напарник принялся за дело, а потому сменил тон, начал говорить менее торопливо: – Кодацци сделал странное предложение. Выгодное, но странное. Я согласился, но хочу подстраховаться, хочу побольше узнать об адвокате.

– Есть подозрения?

– Есть интуиция.

– Тогда зачем согласился?

– Сто тысяч динаров, Сорок Два, это весомый аргумент.

– Золото и адреналин, да, Девятка?

– Да. Золото и адреналин.

– Все, Девятка, заткнись и не мешай!

Компьютерный зал занимал большую, примерно сто квадратных метров, комнату без окон. Ровные стены окрашены в бежевый цвет, аккуратные решетки вентиляции, пластиковый пол, безликая дверь с электронным замком – все свидетельствовало о том, что помещение находится в стандартно отремонтированном корпоративном или государственном здании. Работавшие за компьютерами люди тоже не отличались от обычных работяг-машинистов: приевшиеся и, кажется, навечно закрепленные за офисами костюмы – пиджаки и жакеты. Сейчас они висят на спинках стульев. Блузки и сорочки, белые или голубые. Психоприводы из затылков – в системные блоки. На столах – чашки с кофе и фотографии. Большинство мужчин бриты наголо, эта мода появилась среди машинистов два года назад. Большинство женщин предпочитает белый лак для ногтей, по слухам – любимый Поэтессой. Впрочем, большинство – понятие в данном случае относительное. В огромной комнате всего пятнадцать человек. Их столы не выстроены в ряд, не прячутся друг от друга за перегородками, а хаотично разбросаны вокруг гудящих в центре помещения высоких, почти под потолок, серверов, для которых принято выделять отдельные комнаты. По этим нюансам можно определить, что компьютерный зал не принадлежит ни корпорации, ни госучреждению. И еще запах… Легкий, едва уловимый, сладковатый. Он чувствуется, когда вскрываешь ампулу с «синдином», однако он настолько слаб, что сразу улетучивается, остается за гранью восприятия. Но если ампулы в замкнутом помещении вскрывать часто, если в тумбочке каждого стола прячется упаковка с одноразовыми шприцами, то запах постепенно накапливается. Запах «синдина», наркотика, с помощью которого подключение «балалайки» к сети

становится полнее, ярче. Запах правоверных нейкистов.

– А теперь заткнись, Девятка, и не мешай!

Перед Сорок Два четыре монитора, на которые поступает информация с мощных компьютеров, но главнее всех – «раллер», именно к нему идет психопривод из затылка машиниста, именно над его клавиатурой порхают руки Сорок Два, именно в нем связываются воедино производимые остальными компьютерами действия.

Машинный зал мюнхенского сервера dd работает круглосуточно. Люди меняются, уходят отдыхать, оттрубив смену, компьютеры же продолжают гудеть до тех пор, пока не сломаются, и покидают комнату, чтобы отправиться на свалку. Непрерывность гарантирует постоянный доступ к нужным ресурсам. По этой же причине ведущий европейский сервер dd находится в Мюнхене, а не в более безопасном Анклаве – работать с местными базами данных проще изнутри. Три человека из пятнадцати занимаются контролем за бесперебойным функционированием каналов в давным-давно взломанных базах данных. Их задача – не допустить утраты доступа, не позволить машинистам сетей обнаружить присосавшихся к информационному потоку чужаков и еще – защита сервера. Эти трое – высококлассные ломщики, знающие защитные программы от А до Я. От этих троих на девяносто процентов зависит деятельность сервера dd. Эти трое чаще других вскрывают маленькие ампулы. Именно благодаря этой троице Сорок Два смог сразу же, не отвлекаясь на ненужные дела, заняться просьбой Вима.

Набрав всего четыре слова в командной строке, Сорок Два подключился к Департаменту общественной безопасности мюнхенского Европола, после чего вызвал видеокамеры, расположенные вокруг «Мотылька», и вывел их изображения на три монитора.

– Опиши клиентов подробнее.

– Кодацци невысокий, не более ста семидесяти, но плотный. Волосы темные, глаза большие, чуть навыкате, нос крупный, губы толстые. Женщина трансер похожа на куклу, очень характерная внешность, как будто пластиковая… – Дорадо опомнился: – Сорок Два, какая, к черту, внешность? Уверен, они выйдут из «Мотылька» в наномасках!

– Я должен проверить все варианты, – отрезал машинист.

Описание было скудным, программа распознавания выдавала слишком много подходящих мужчин, и Сорок Два приходилось тяжело. К тому же большинство гостей «Мотылька» предпочитало прятать лица. Как не ошибиться? Как выбрать именно того, кто

нужен? Ведь Кодацци и трансер могли выйти из комплекса порознь! Наверняка так и сделали!

– Еще что-нибудь! Ну! Родинка, шрам? Что-нибудь!

– Нет у него примет, – огрызнулся Вим.

– Проклятие!

– Сорок Два, постарайся…

– Пошел ты… Стоп! – Машинист уставился на монитор. Прокрутил запись назад, удовлетворенно хмыкнул: – Попались.

– Ты молодец! – Вим не почувствовал облегчения, скорее радостное возбуждение – погоня только начиналась.

– Они выехали на мотоцикле с подземной парковки. Кодацци за рулем, девчонка сзади.

– Ты уверен, что это они?

– Девчонка не успела натянуть шлем в гараже и попалась на глазок видеокамере.

Сорок Два торопливо обработал кадры: увеличил изображение, почистил, заставил компьютер просчитать неудачно снятые участки, после чего удовлетворенно подтвердил:

– Да, второй пассажир мотоцикла – трансер с кукольным лицом.

– Не упусти!

– Постараюсь.

Взяв след, Сорок Два почувствовал себя гораздо увереннее. Первая задача – программа распознавания обрабатывает данные с видеокамер, не выпуская из поля зрения мотоцикл. Подзадача – следить за тем, чтобы пассажиры не разделились. Вторая задача – идентификация мотоцикла…

– Хитрец…

– Ты что-то сказал?

– Он взял мотоцикл напрокат.

– Кто бы сомневался!

– Я должен проверить все варианты.

По мониторам, перескакивая с окна в окно, мчался мотоцикл. Останавливаться Кодацци явно не собирался, поэтому Сорок Два решил вернуться к началу разговора:

– Что тебе показалось странным?

– Надо украсть рукопись.

– Исторический раритет?

– Вроде того.

– В чем странность?

– Кодацци дал мне какой-то амулет с иероглифами. И сказал, что проникнуть в дом можно будет только тем способом, что он укажет.

– Мало ли психов вокруг? – пробурчал машинист.

– Но не каждый сумасшедший платит сто тысяч, – парировал Дорадо.

– Тоже верно.

Сорок Два задумчиво почесал бровь и тут же выругался.

– Что случилось?

– Наши друзья заехали на подземную парковку «Пряничного домика», там нет видеокамер.

– Подождем.

– Подождать-то подождем, – согласился машинист, – но вряд ли чего-нибудь добьемся: под «Пряничным домиком» находится станция метро.

– И там нет видеокамер, – понял Вим.

– Выведены из строя. – Сорок Два помолчал. – Извини, напарник, мы их потеряли.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
верный друг в наши дни большая редкость

– С какой целью вы прибыли в Баварский султанат?

– Я путешествую, изучаю наследие европейских цивилизаций.

Ни грана иронии, ни капли сарказма в голосе – три таможенника, пристально уставившиеся на Каори, имели полное право не допустить ее в страну, а потому девушка вела себя предельно осторожно. Да и привыкла она к подобным допросам на границах: информация о пассажирах поступала заранее, и ее, мамбо Католического Вуду, всегда встречали особо.

– Вам известно, что в Баварском султанате запрещена пропаганда Вуду?

Несмотря на то что между Европой и странами истинной веры установлены прочные дипломатические и экономические связи, хитрые арабы выбрали послушный Ватикан и не желали допускать на свою землю новую ветвь христианства. Новую и агрессивную.

– Католического Вуду, – не удержавшись, поправила таможенника Каори.

Арабы промолчали.

– Я не в первый раз посещаю Исламский Союз и знаю правила, – негромко сказала девушка.

– Вы подтверждаете, что целью вашего визита не является пропаганда Вуду?

– Подтверждаю.

– Ваши слова записаны. Я обязан предупредить, что в случае нарушения данного обещания вы будете арестованы и преданы суду. И тогда, согласно пункту двадцать четыре Договора между Исламским Союзом и Соединенными Штатами Америки, вы будете лишены дипломатической неприкосновенности, если она у вас есть, и осуждены по законам шариата.

– Мне это известно.

Через соседний коридор прошел прятка. Высокий мужчина, из носа которого выходили наполовину вживленные в кожу пластиковые трубки. Боевик корпорации Мутабор. Но у него паспорт Анклава, и за ним стоят психи из Храма. В Исламском Союзе без восторга относились к догматам Мутабор, но храмовников старались лишний раз не задевать – с лучшими в

мире генетиками предпочитали поддерживать хорошие отношения. А вот ее, представительницу куда более мощной и уважаемой Традиции, прессуют от души.

Унизительные проверки на границах давно стали частью жизни Каори, но это не означало, что она к ним привыкла.

«Ублюдки!»

– Пожалуйста, снимите очки.

Девушка подчинилась.

Увидев сапфировые глаза, самый молодой таможенник облизнул губы и что-то произнес по-арабски. Что именно, Каори не расслышала, поэтому «балалайка», в которую была загружена программа-переводчик с аммия, не сработала. Однако, судя по улыбкам старших товарищей, паренек отпустил какое-то скабрезное замечание. Молодой таможенник с самого начала разговора ощупывал взглядом стройную фигурку девушки и теперь обратил свои впечатления в дурацкую шутку.

«Козел!»

– Добро пожаловать в Баварский султанат, – скороговоркой пробормотал таможенник, возвращая Каори паспорт. И совсем другим, более весомым тоном добавил: – У нас комфортные тюрьмы, мамбо, в которых соблюдаются права заключенных.

– Не надейтесь.

Могла ли она въехать в Европу инкогнито? Теоретически – да. Проникнуть в Баварию под чужим именем, преодолеть границу нелегально – способы есть, но все они связаны с необходимостью менять внешность. Каори принадлежала к свите Ахо, Европол имел на нее пухлое досье и отслеживал появления девушки в Союзе. Программы распознавания образов изучали всех пересекающих границу пассажиров, выборочно работали в городах, обрабатывая данные с уличных видеокамер, и если бы ее засекли – а ее обязательно засекли бы рано или поздно, – то немедленно начали бы охоту. Каори же любила свое лицо, ни разу в жизни не ложилась под нож пластика, предпочитая даже временной операции унизительную проверку на границе и негласный полицейский надзор, от которого легко избавиться в случае необходимости.

– Дорогая, как же я соскучился!

Каори улыбнулась, увидев букет белых роз, и тут же, не сдержавшись, радостно взвизгнула – Папа Джезе схватил девушку в охапку и закружил. Папа Джезе, единственный мужчина, с которым Каори не стеснялась вести себя искренне. Завизжала, как маленькая девочка, как семнадцатилетняя дура, неожиданно встретившая подросткового кумира, прижалась щекой к щеке, почувствовав знакомую шершавость небрежно выбритой кожи, и

зажмурилась:

– Джез!!

И настроение, казалось безнадежно испорченное таможенниками, улучшилось.

– Каори!

Крепко поцеловал в губы, оторвался, не отпуская объятий, с улыбкой посмотрел на девушку.

– Моя маленькая красавица.

И снова впился в ее губы.

На них оглядывались. В первую очередь потому, что в Исламском Союзе не принято целоваться в публичных местах. Во вторую – из-за внешнего вида. Довольно дерзкий, подчеркнуто сексуальный наряд Каори бросал вызов местным порядкам, однако и Папа Джезе выделялся из толпы. Долговязый, два с лишним метра ростом, с белыми волосами, он любому костюму предпочитал черный фрак старинного покроя с обязательным цилиндром, шелковые рубашки и лакированные остроносые туфли. Он бы привлек внимание и в девятнадцатом веке, чего уж говорить о нынешних временах?

– Не думала, что встречу тебя здесь.

– Я специально прилетел из Франкфурта.

– Кто тебе сказал о моем визите?

– Ахо.

Настоятель знал об отношениях, что связывали его верных слуг.

– И ты примчался…

– Бросил все, дорогая, отложил дела и примчался.

А бросать было что. Папа Джезе носил титул архиепископа Баварского, духовного лидера адептов Католического Вуду от Адриатики до северных морей и при этом он был единственным чистокровным европейцем, сумевшим войти в число высших иерархов Традиции.

– Когда ты уезжаешь, Джез?

«Насколько коротким будет наше свидание?»

– После того, как ты закончишь свои дела.

– Ты и о них знаешь?

– Я решил немного помочь. Не делом – советом. Если ты не возражаешь, конечно.

И снова поцелуй. Порой Каори казалось, что она возбуждается при одной только мысли о Папе Джезе.

– Не возражаю, – прошептала девушка и искренне закончила: – Спасибо.

– Через два часа состоится совещание, послушаем последние новости. А пока в отель?

– В отель, – улыбнулась Каори, располагаясь на заднем сиденье лимузина. Чуть изогнулась, чуть повела бедрами, и тонкая ткань платья подчеркнула каждый изгиб тела, выделила бугорки напрягшихся сосков.

У архиепископа раздулись ноздри. Он покачал головой, усмехнулся и надавил на кнопку, отсекая салон от водителя непрозрачной перегородкой.

– До отеля я не дотерплю.

– Джез… – Каори откинулась на спину, почувствовала, как руки мужчины разводят ее бедра, и закрыла глаза: – Джез…

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
в дураке сомнения пробуждают беспокойство, в умном – осторожность

Главная проблема жизни в государствах – желание властей контролировать все и вся. Государство уверено, что ему гораздо лучше, чем гражданам, известно, чем они должны заниматься, а чем нет, и потому на свет появляются многочисленные законы, иногда противоречащие друг другу. Кроме того, власти отчего-то считают, что каждый гражданин или подданный априори им чем-то обязан, и претендуют на часть его доходов, а это приводит к появлению мощных налоговых служб. А еще большинство правительств свято верит в то, что оружие в руках населения представляет опасность. Понять чиновников можно: если стволов на руках мало, каждый из них зарегистрирован и заполучить его в собственность чрезвычайно сложно, то вероятность вооруженного мятежа стремится к нулю – людям нечем стрелять в обидчиков. Чиновники чувствуют себя в безопасности и могут принимать законы любой степени дурости. Потрясений нет, государство кажется крепким, а вооружены лишь военные, полицейские и бандиты. Всем остальным приходится лавировать между ними, стараясь выжить.

Власти Исламского Союза к стволам в руках подданных относились без восторга, а потому необходимое для работы снаряжение Вим хранил не дома, а на специальной квартире, в которую он и заехал перед тем, как отправиться в указанное Кодацци место засады. Естественно, квартира находилась в Blumenmarkt, и естественно, Дорадо натянул наномаску еще до того, как подъехал к границе района.

– Вокруг тихо, – сообщил Сорок Два через коммуникатор.

– Спасибо.

– Квартиру не вскрывали.

– О’кей.

Приятно, когда о тебе заботится всезнайка. Сорок Два был превосходным ломщиком, и Вим не раз задавался вопросом, случайно ли его ведет такой серьезный специалист? Впрочем, он не сомневался в том, что был не единственным dd в ведении напарника: Сорок Два наверняка прокручивает значительно больше дел.

Дорадо припарковал мобиль у тротуара, вошел в дом и пешком поднялся на нужный этаж. Пятеро встреченных по дороге человек – трое подростков, дородная тетка и старик – были местными, Вим видел их во время прошлых посещений квартиры. Никто из них с ним не заговорил, никто не кивнул – в Blumenmarkt люди стараются не лезть в чужие дела. Тем более в дела тех, кто приезжает изредка и не снимает наномаску.

Прислушавшись к совету Сорок Два, Дорадо оснастил квартиру по последнему слову техники. Неприметная снаружи дверь была выполнена из монолитного титапластового листа. Замок с виду обычный, но с вложенным в ключ чипом – напарник гарантировал, что уличные воришки еще не научились обходить его схему. Внутри – сигнализация с двойным дублированием, случись проникновение, Вим узнал бы о нем с вероятностью девяносто девять процентов.

– Я буду поглядывать по сторонам, но ты не затягивай сборы, Девятка, договорились?

– Хорошо.

– Двадцати минут хватит?

– Вполне.

Тем более что все уже продумано.

Учитывая, что действовать придется за городом, в уединенной местности, а возможно, и ночью, Вим решил не прибегать к излишней маскировке – взять обычный комбинезон из кевлайкры, удобный и стандартный. Даже если наткнешься на камеру, это ничего не даст: лицо скрыто наномаской, а безликих комбинезонов, одинаково любимых и бандитами, и полицейскими, шьется миллион штук в неделю. Затем в рюкзак легли бронежилет, мягкие ботинки и боевой пояс, вещи недешевые, украденные не с обычных военных складов, а из обеспечения любимого султаном десанта, потому – качественные.

Собирался Дорадо не торопливо, но быстро, однако, открыв оружейный шкаф, ненадолго остановился. Стволы у Вима были разнообразные и в отличном состоянии: «дыроделы», пара

«дрелей», дробовик обычный и со спиленным прикладом, штурмовая винтовка, снайперская винтовка и шестизарядный ручной гранатомет. «Дыроделов» семь, начиная от малюсенького «лемура», который легко скрыть даже в рукаве пиджака, и заканчивая автоматической «береттой», которая покидала шкаф всего лишь один раз. Тяжелые пушки Дорадо не любил, хотя в случае необходимости спокойно работал и с «береттой», и со здоровенным и надежным «рудобоем» производства «Науком». Тяжелый «дыродел» требует больше внимания, с ним надо часто тренироваться, поэтому гораздо увереннее Вим чувствовал себя со средними пистолетами.

Изначально Дорадо планировал взять с собой одну из «дрелей» – компактный скорострельный автомат ближнего боя, однако в последний момент передумал, остановив выбор на излюбленной паре «Браунингов Y10» – нетяжелых пистолетов, идеально подходящих для руки Вима. Шутили, что самой увесистой частью Y10 был магазин с четырнадцатью патронами, и в этой шутке была доля правды – по мере расстрела боеприпасов «дыроделы» становились почти невесомыми, что особенно удобно при стрельбе с двух рук. Работать «по-македонски» считалось среди профессионалов пижонством, но у Вима были хорошие учителя, поставившие ему отличную технику.

– Готов?

– Почти.

– «Прибор А» не забыл?

– «Предмет А», – беззлобно пробурчал Дорадо.

– Это я и имел в виду, – хихикнул Сорок Два.

Амулет из коробочки оказался гладким камушком с выгравированными иероглифами. Внутренности без подвоха – подозрительный напарник посоветовал Виму просветить «предмет А» наноскопом и успокоился лишь после того, как сканирование не выявило спрятанных чипов. Находящаяся на мини-диске инструкция настоятельно рекомендовала надеть амулет перед операцией, в противном случае даже не соваться к дому, и этот ее раздел служил источником постоянных шуток Сорок Два.

– Думаю, все дело в гоблинах, Девятка.

– Тогда уж в кобольдах.

– Нет, напарник, китайцы не умели бороться с кобольдами.

– Много ты знаешь о китайцах.

– Я знаю все!

– Рад за тебя.

«Предмет А» смущал Вима, однако во всем остальном инструкция Кодацци оказалась продуманной и выверенной до последней мелочи. Подход, проникновение, расчет времени до

прибытия полиции, отход. Варианты отхода на случай, если полицейские окажутся у дома раньше намеченного времени. Варианты отхода на случай начала массированной полицейской операции. Слабых мест в инструкции не было. Во всяком случае, на первый взгляд. Было странное место – «предмет А», и в мыслях Дорадо вновь и вновь возвращался к нему.

«Для чего нужен амулет?»

– Девятка, двадцать минут истекли.

– Понял.

Вим поправил наномаску, закинул рюкзак на плечо и вышел из квартиры.

«В конце концов, я имею дело с исторической реликвией, кто знает, сколько легенд вокруг нее наплетено? Возможно, заказчик верит в эту чушь, вот и решил украсть книгу по всем мистическим правилам».

А сто тысяч динаров – это сто тысяч динаров.

«Адреналин и золото!»

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
кто-то ищет правду

Это был небольшой христианский собор, скромно притулившийся на одной из окраин Мюнхена. Невысокий, совсем невпечатляющий, зато действующий, посылающий весточки Богу, чего нельзя было сказать о главных храмах старого города, давным-давно превратившихся в музеи и «памятники архитектуры».

Орган выдал несколько последних, особенно величавых нот и умолк. Служба закончилась. Редкие прихожане поднялись со скамеек и, после обязательного подхода к священнику, потянулись к выходу. И лишь один человек остался на месте. В самом первом ряду. Невысокий, крепкий на вид мужчина, просидевший всю службу, низко опустив голову, и если бы не периодические движения рукой – мужчина осенял себя крестным знамением, – могло бы показаться, что он спит.

– Я могу помочь, сын мой?

– Да… – Мужчина ответил, не отрывая взгляд от четок с распятием, которые перебирал в руках. – Поговорите со мной, отец.

– Что вас беспокоит, сын мой?

– Моя вера.

Священник коротко вздохнул и присел рядом.

Человек слаб, поэтому его Традиция должна быть сильной. Ее мощь придает силу, укрепляет веру. К Богу каждый идет в одиночку, но если у тебя много попутчиков, ты понимаешь, что выбрал правильный путь. Понимаешь на подсознательном уровне, понимаешь сердцем, понимаешь душой. Если же попутчиков мало, а рядом стоят тысячи тех, кто выбрал другой путь… Если ты видишь их силу и свою слабость… Если ты не веришь в будущее… Тогда твоя вера дает трещину.

Если ты не видишь будущего, прошлое тебя не удержит.

Священник не раз общался с людьми, чья вера покрылась червоточинами сомнений, старался им помочь, приободрить, утешить. Но тех, кто хотел говорить о своих сомнениях, становилось все меньше. Большинство предпочитало молчать, таить в душе, пытаясь справиться самостоятельно, а потом, когда не оставалось сил жить с ощущением поражения, просто уходить.

– Вы потеряли веру в Господа нашего?

– Хуже, отец.

– Вы убедились в существовании дьявола?

Современный мир – не самое комфортное место для жизни, слишком много опасностей, слишком много соблазнов, приводящих к катастрофе. Что случилось с этим человеком?

– Еще хуже, отец, – глухо ответил мужчина.

– Что может быть хуже, сын мой?

– Я был в Новом Орлеане, отец, я видел храм Иисуса Лоа. Я видел миллион людей, что собрались на Пасху. Я видел… Не по коммуникатору, нет – своими глазами. Я стоял рядом с ними, в тени километровой башни…

– Вера – это не только высота соборов, сын мой.

– Я стоял рядом с этими людьми, стоял в толпе. Я видел их глаза и слышал, как повторяют они слова молитвы. Я слышал, как орган сплетался с барабанами Лоа. Я ощущал силу их веры, отец. – Теперь мужчина поднял взгляд и посмотрел на священника. – Я ощущал силу их веры, отец. Я ощущал то, чего не чувствую здесь.

Сила веры устремлена не вверх, к колокольне собора или величественной статуе. Сила веры устремлена вперед, в будущее. Господь дарит надежду, убери ее, и останутся лишь слова.

Может, все началось, когда молитва перед едой из ритуала превратилась в обычай? Когда фраза «Господи, помоги!» превратилась в поговорку? Когда знаменитые соборы, в которых искали утешения, превратились в «памятники архитектуры»? И туристы стали проявлять к ним значительно больший интерес,

чем те, для кого они построены? Или еще раньше? В тот миг, когда некий умный человек увидел, что люди без особых проблем относятся к смене правителей, что королей меняют якобинцы, тех – императоры и республиканцы, а общество остается стойким и жизнеспособным. Увидел и понял, что цементирует людей отнюдь не власть человеческая.

– Вас впечатлила мощь еретического учения?

– Очень хорошо, что вы сказали «мощь», отец, и не добавили: «ложная».

Священник мысленно укорил себя за неверно построенную фразу. Похоже, в борьбе за эту душу он только что потерпел первое поражение.

– Вуду извратило Католичество.

– Или придало ему сил?

– В фокусах колдунов нет ничего божественного.

– Но есть сами фокусы, которые адепты считают чудесами. А в нашей церкви давно не случалось чудес.

Высота храма тоже имеет значение. Если ты силен сегодня, легко поверить, что ты будешь силен и завтра. И послезавтра. И всегда.

– Господь – пастырь наш, а не владелец бродячего цирка. Он не должен являть свою силу на каждой воскресной ярмарке, а лишь тогда, когда сочтет нужным, и тем, кто этого достоин.

– Если бы Господь знал, что здесь творится, он бы наверняка посетил пару-тройку воскресных ярмарок.

«Ноль-два». Священник почувствовал, что краснеет. К счастью, в полумраке храма порозовевшие щеки были не слишком заметны, да и мужчина вновь вернулся к изучению четок.

– Вы не задумывались над тем, что данная ситуация ниспослана нам Господом как испытание?

– Думал, – признался мужчина. – Только эта мысль не позволяет мне сойти с ума.

– Стойкость веры, искренность и уверенность в ней всегда являлись одной из добродетелей, – воодушевленно продолжил священник.

– Господь отбирает достойных?

– Ну, если рассматривать данную ситуацию столь узко…

– Значит ли это, отец, что в скором времени нас ожидает день Страшного Суда?

– Замысел Господа нам неизвестен.

– Почему?

– Потому, сын мой, что не придуман еще коммуникатор, способный дозвониться на небеса. И никогда не будет придуман. Потому, сын мой, что вы привыкли находить в сети ответы на

любые вопросы, но здесь… – священник обвел руками храм. – Здесь вы должны искать их в себе. А это гораздо сложнее, чем бездумно прыгать с сайта на сайт, доверяя чужим текстам. Здесь вы должны копаться в маленькой, но очень большой сети под названием «ваша личность». Не получать заготовленные ответы, а сомневаться и страдать. И находить в себе силы.

Мужчина с удивлением посмотрел на священника.

«Один-два?»

– Не ожидал услышать подобное от вас, святой отец.

– А вот вы, к сожалению, не сказали ничего нового.

– Неужели?

Кажется, это его слегка покоробило. Каждый сомневающийся мнит, что именно он первым поднял столь важные вопросы.

– Вы считаете себя единственным добрым католиком, который посетил Новый Орлеан на Пасху?

– Будь я проклят! – И тут же прикусил губу: – Извините, святой отец.

«Два-два?»

– Башни построены из камня, но даже самый твердый камень точит время. А вот вера времени не боится.

– Все на свете боится времени, – неожиданно процитировал мужчина старую книгу. – А время боится пирамид.

Священник вздохнул и признался себе, что не сумел разобраться в этом человеке.

– Пирамиды мертвы. А вера живет в вашей душе.

– А моя душа бессмертна.

– Да, сын мой, именно так.

– А что будет, если на Земле не останется душ, в которых живет наша вера? Если вся она уйдет в вечность, переселится к бессмертным душам, которым заказан путь сюда? Что будет, если наша вера покинет Землю? Что будет с Богом?

– Я делаю все, чтобы этого не произошло.

– Но что будет?

– До тех пор пока хотя бы в одной душе горит огонь нашей веры – она жива. В моей душе. В вашей. В душе вашего ребенка. Я верю, а значит, описанный вами сценарий никогда не наступит.

– Но вы умрете.

– На мое место придет другой.

Священник произнес эту фразу с такой убежденностью, что мужчина вздрогнул. И долго, почти минуту, не мигая смотрел на собеседника. А потом, не отводя взгляда, произнес:

– Спасибо, святой отец, вы очень мне помогли.

– Вы уверены?

– Я уверен в вас, святой отец. Я вижу, что вы верите искренне.

– В противном случае я бы не стал священником.

– Но я боюсь за вас. Боюсь, что вы разочаруетесь, подобно мне, и потеряете смысл жизни. Что будет с вами тогда?

– Этого никогда не произойдет.

– А если?

– Идите с Богом, сын мой, – вздохнул священник.

Мужчина покачал головой:

– Надеюсь, Господь заснет ненадолго и не станет подглядывать за моей нынешней дорогой.

– И тем не менее.

Священник поднялся и сделал благословляющий жест. Мужчина опустился на колени и поцеловал ему руку.

– Простите меня, отец.

– В сомнениях нет ничего страшного, сын мой, главное – суметь их преодолеть.

– Не за сомнения прошу я простить, – прошептал мужчина. – Не за сомнения.

Уверенным, отточенным жестом он извлек из-под тонкой куртки пистолет и выстрелил священнику в голову. Пуля прошла снизу, через подбородок, и вылетела из макушки. На камни храма брызнула кровь.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
отель «Дом Бедуина»
счастье – это лишь мгновения, иначе бы оно не было счастьем

Она любила быть сверху. Любила сжимать его бедрами и чувствовать на них его руки. Любила, когда он садился и утыкался лицом в ее грудь, сжимал губами твердые соски. Любила в этот момент ворошить его соломенные волосы и, закрыв глаза, обнимать за шею. Любила, когда он становился нетерпеливым, когда руки его начинали требовать от нее активных действий, любила немного подразнить его, наслаждаясь мгновениями спокойной близости, мягкого слияния в одно целое, и только после, уступая все более и более настойчивым требованиям, становилась агрессивной.

И ее любовная ярость была достойна его мощи.

Как и ожидала Каори, встреча с Папой Джезе прошла бурно. А если быть совсем искренней, то слово «бурно» далеко не лучшим образом определяет тот ураган страстей, который

охватил любовников. Стремительный секс в лимузине, затем торопливая регистрация в отеле, пара коктейлей на открытой террасе пентхауса «Восток»: «Дорогая, посмотри на этот чудный городишко…» – долгий поцелуй и спешное перемещение в номер. На диван, на кровать, на ковер… Они не виделись слишком долго – почти два месяца, и кто смеет обвинять их в том, что, встретившись, они позабыли обо всем на свете?

О повседневных делах баварского архиепископа. О приказе настоятеля храма Иисуса Лоа. О книге. И даже о Вуду. Обо всем.

Несколько часов полного единения друг с другом.

Несколько часов счастья.

Первым пришел в себя Папа Джезе. Когда Каори выключила в душе воду, до нее сразу же долетело окончание разговора, который архиепископ вел по коммуникатору:

– …Стивен, не притворяйся малышом, это может сделать даже ребенок. – Пауза. – Короче, я занят, поэтому иди и сделай все сам, иначе превращу тебя в зомби, будешь работать с большим рвением, но мозгов у тебя не останется, понял? Я тоже не знаю, зачем они тебе… Вот и умница, не сомневался, что ты примешь правильное решение. – Далее последовало обычное для Папы благословение: – Пусть тебе помогут все духи Лоа, которых встретишь по дороге. Проваливай.

«Праздник закончился», – с легкой грустью подумала девушка.

И машинально прислушалась – на коммуникатор архиепископа пришел еще один вызов.

– Да? А, это ты, куколка… Нет, я не знаю, когда вернусь, потерпи. – Пауза. – Я же сказал: потерпи, длительное воздержание обостряет чувства. – Пауза. – И не разговаривай так со мной, а то именем Замби превращу тебя в черепаху… Что? Не волнуйся, куколка, я найду способ сделать с тобой это. Все, целую, да благословит тебя ближайший дух Лоа.

Два последних предложения Джезе произнес после того, как Каори вошла в комнату. Он валялся на кровати, увидев девушку, широко улыбнулся, отключил коммуникатор и швырнул его в кресло.

– Ты прелестно выглядишь, дорогая. Поехали куда-нибудь? Развеемся.

– Я слышала, у тебя полно дел.

– Ах, это… Одна молоденькая мамбо… – В его глазах заплясали веселые огоньки. – Девочка только что из сосьетте, вот и приходится руководить буквально каждым ее движением.

Он не меняется. Он совершенно не меняется. Каори не смогла сдержать улыбку:

– Каждым движением?

– Приходится. – И снова улыбнулся. Обаятельно. Неотразимо. И похлопал ладонью по простыне: – Иди сюда.

Каори послушно улеглась на кровать, почувствовала, как его рука скользнула по ее ягодицам, как переместилась на бедра, и тесно прижалась плечом к единственному мужчине на свете, которого она… Нет, наверное, не любила. Или…

Ее отношение к Джезе являло собой странную смесь обожания и раздражения, счастливых мгновений и тоскливых минут, жуткого влечения и ненавидящей ревности. Когда Папа был рядом, Каори чувствовала, знала: он видит только ее, хочет только ее, думает только о ней. И девушка не обманывала себя: она умела отличать правду от лжи, искреннее поведение от наигранного – архиепископ ее любил. Но стоило им расстаться, как в постели Джезе мгновенно оказывалась другая женщина. И это сводило Каори с ума, заставляло скрывать, сдавливать чувства, не произносить важных слов даже в душе.

Папа Джезе. Человек-противоречие.

Титул архиепископа Папа получил не за красивые глаза, не за преданность Ахо, а благодаря силе хунгана и непоколебимой вере. Он обладал замечательным даром проповедника, люди, завороженные его красноречием, слушали Джезе и по два, и по четыре часа. Он добился того, что во Франкфурте Католическое Вуду стало религией номер два после ислама. Но кто еще из архиепископов мог позволить себе брякнуть при свидетелях: «Да благословит тебя ближайший дух Лоа»? Или: «Когда Замби был маленьким, он тоже не доставал до многих интересных мест, поэтому, куколка, встань на колени и доставь мне удовольствие так, как я прошу»?

Или он достиг всего только благодаря силе? А веру не принимал всерьез?

В свое время стремительная карьера Папы Джезе вызывала у иерархов Вуду большое удивление. Первый белый архиепископ за пятнадцать лет! Не мулат, не метис, а чистокровный белый! К тому же родившийся и выросший вдали от Карибского моря. Кардиналы, принятые в лоно Католического Вуду после Собрания Недовольных и сохранившие свои посты, не в счет: это было политическим решением. Предателей терпели, им оказывали почести, все они после смерти заняли места в склепе архиепископов храма Иисуса Лоа, но сменяли их черные монсеньоры. Те, что впитывали Вуду с молоком матери, те, в ком бурлила сила Лоа. И после того как последний предатель умер, белых среди высших иерархов Католического Вуду не было. До появления Папы Джезе, который попал в сосьетте в пятнадцать

лет, а в тридцать семь стал архиепископом – не всякий может похвастаться подобным взлетом.

«Вера в душе, а не в крови, – сказал он когда-то Каори. – Иногда мне кажется, что я немного опоздал с рождением: в моих жилах течет кровь крестоносцев. Я должен нести Слово истины, в этом мое предназначение».

А может, он шутил именами святых духов потому, что они ему дозволяли?

– Ревнуешь? – Папа Джезе поцеловал девушку в щеку. – В твоих глазах появилась грусть.

– Я вспомнила о делах, – пробормотала Каори.

– Операция началась, нам остается только ждать.

Он нежно перевернул ее на спину и легонько сдавил губами черный сосок. Который немедленно затвердел. А рука продолжала ласкать бедра…

– Джез, я хочу поговорить с нашим dd.

Девушка попыталась абстрагироваться от прикосновений любовника, подавить вожделение, но получалось плохо. Совсем не получалось, если говорить откровенно.

– Наш агент уже уехал из города.

– А ты его видел?

Папа с укором посмотрел на Каори, но ответил:

– Не успел. Я подключился к делу позже тебя, переговоры с dd вел местный хунган, который уверяет, что агенту можно доверять – он адепт Вуду.

Однако подпольно работающий в Мюнхене миссионер не проходил обучения в монастыре ордена Замби, за его плечами лишь обычное сосьетте. Он нес Слово, не силу, а потому девушка испытывала определенные сомнения…

– Мы вынуждены полагаться на человека, о котором ничего не знаем.

– В этом сила dd – полная анонимность.

– Но ведь наняли мы его не через сервер dd, а значит, у нас нет на него даже этого рычага влияния.

– Изменить ничего нельзя, – проворчал Джезе. – Агент ушел на задание, хунган ему доверяет, остается ждать…

Каори почувствовала, что Джезе входит в нее, и не стала сопротивляться. В конце концов, он прав – сейчас от нее ничего не зависит. А значит, можно провести время так, как хочется. Исполнить все свои желания…

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Северные Альпы
в старых домах таится множество сюрпризов

Дом, в котором Вим провел несколько следующих дней, оказался типичной немецкой постройкой – оштукатуренной коробкой с черепичной крышей. Он стоял на самом краю типичной же немецкой деревушки и, как понял Дорадо, предназначался для сдачи в аренду любителям горных прогулок. Еще один штрих, указывающий на продуманность предложенного Кодацци плана: базой dd стал дом для туристов, дом, в котором часто меняются обитатели, а потому местные жители не проявили к появлению чужака особенного интереса. Приехав под вечер, Вим поздоровался с ближайшими соседями, рассказал, что хочет побродить по горам, ушел спать, а все последующие дни не покидал строение, делая вид, что его здесь нет. И никто из соседей не поинтересовался, так ли это на самом деле.

Тихая пасторальная жизнь едва не ввергла привычного к ритму больших городов Вима в дремотное состояние. Вместо шумной толпы – редкие прохожие. Вместо сияния реклам – звезды на ночном небе. Вместо зловония из канализационных решеток – свежий ветер с гор. Иногда по узкой асфальтовой дорожке проедет трактор или мобиль. Пять раз прокричит муэдзин. И все. Чайхана, центр местной жизни, закрывается в десять. Все женщины в хиджабах. У всех мужчин есть работа.

Обычная баварская провинция.

Покой. Скука. Мысли о том, что именно в такое место следует переехать под старость. На второй вечер Дорадо заснул, позабыв закрыть входную дверь. Подскочил среди ночи, долго прислушивался, не пришел ли кто. Долго ругал себя за расслабленность. Долго думал, не стоит ли во время засады использовать для поддержания тонуса наркотики или стимуляторы. Снова ругал себя. В конце концов, заставил собраться.

Но как собраться? Ведь делать решительно нечего!

Пистолеты в полной готовности, ждут своего часа. Разбирать их и чистить нет никакого смысла, да и опасно – в любой момент может поступить приказ действовать. То же самое с машиной. Взятый напрокат «Ауди Дромадер» – неплохой внедорожник, хоть и мобиль – для Вима проверил Абдул Лепешка, классный механик, никогда не задающий лишних вопросов. Машина в порядке, полностью заправлена и, как и пистолеты, ждет своего часа. Лезть в нее – себе дороже. Да и пробежать «Дромадеру» потребуется всего ничего, километров пятьдесят, а то и меньше.

На внедорожнике Дорадо планировал добраться до цели, а после операции отступить к небольшому городу, где в надежном гараже надежного человека его ждал другой мобиль – в этой точке план Кодацци заканчивался, и дальнейшие передвижения Вим разрабатывал с Сорок Два.

Повторять план проникновения? Дорадо помнил его до последней мелочи. А если что и забудет, то напомнит «балалайка», а если и она даст сбой – подскажет Сорок Два. Таращиться в коммуникатор? А если какой-нибудь местный полицейский, из молодых и ретивых, заметит, что из якобы пустого дома открылся доступ в сеть?

Оставалось сидеть за плотно закрытыми жалюзи и думать.

Большую часть времени dd проводят в ожидании. В ожидании контракта, в ожидании удобного момента для его исполнения. Сначала ты не знаешь, выберут ли тебя на дело, затем стараешься его выполнить, последний вопрос: не обманут ли?

Жизнь наемника богата неприятными сюрпризами. Нельзя сказать, что «темных собак» часто подставляли, но бывало. Случалось, что планы заказчика резко менялись – и вторгающегося в дом dd поджидала засада. Рассказы о подобных случаях периодически появлялись на сервере и считались неизбежной издержкой профессии. «Право на месть» являло собой скорее надежду, нежели реально действующий закон: во-первых, следовало выбраться из переделки, во-вторых, отыскать посредника, в-третьих, попробовать через него выйти на заказчика. Цепочка длинная, и отомстить удавалось редко. В истории dd было всего четыре примера, когда менеджерам удалось наказать недобросовестного заказчика, правда, во всех случаях коллеги мстили за уже погибших dd, что Виму категорически не нравилось.

Но…

«Золото и адреналин!»

Неопределенность усиливала ощущение опасности, увеличивала дозу адреналина, заставляла сердце биться сильнее, резко контрастировала с размеренной жизнью популярного исполнителя классической музыки. Что, собственно, Виму и требовалось.

И если долгая засада его немного утомила, то короткое ожидание казалось ему не нудной обязанностью, а музыкальной фразой, плавной, немного затянутой прелюдией, необходимой, чтобы оттенить кульминацию, финальный взрыв страстей и эмоций, великолепное завершение симфонии, начало которому кладет пришедшее в «балалайку» краткое сообщение:

«Приступаем!»

И с этого момента все мысли и переживания перестают быть важными. Теперь ты знаешь, что должен делать. Теперь все зависит от тебя. Ты играешь эту музыку.

«Приступаем! У тебя двадцать минут!»

И в коммуникатор, а из него – в боевую «балалайку» Вима пошли координаты цели.

Дорадо выпрыгнул из кресла и помчался в гараж, зная, что Сорок Два уже открывает ворота и одновременно чистит компьютер дома, стирая все упоминания о присутствии в тихом местечке Вима. Не было никакого любителя горных прогулок. Не было, потому что не могло быть.

Был только неуловимый dd198819.

– Докладывает «Пост Один». У нас чисто!

– «Пост Два» – чисто!

– «Пост Три» – чисто!..

Операцию майор Аль-Гамби продумал с предельным тщанием, постаравшись учесть не только возможные, но и невероятные помехи. Генерал сказал, что никто, кроме полицейских, не заинтересуется домом Банума. Что ж, похоже на истину: связываться с Европолом на его территории желающих мало. Однако подстраховаться не мешает, и потому Хамад окружил виллу несколькими круглосуточными постами, в задачу которых входило наблюдение за подступами к зданию. Одни полицейские изображали сезонных рабочих, другие – лесников и туристов, остальные, напялив армейский камуфляж, лежали в секретах. Входить за ограду дома им категорически запрещалось, задерживать кого-либо – тоже, только наблюдать и докладывать об увиденном. Результатов эта мера не дала: за все время к вилле Банума так никто и не приблизился, однако позволила Аль-Гамби ощутить спокойную уверенность человека, сделавшего для выполнения поставленной задачи все, что возможно.

Не меньшее внимание майор уделил и непосредственному проникновению в дом. Шейх заявил прямо: «До моего прибытия пройти в здание сможете только вы, господин Аль-Гамби» – и объяснил, как это сделать. Один из вертолетов, базирующихся в Башне Стражей, поступил в полное распоряжение Хамада, расчетное время перелета – тридцать минут. На месте есть поддержка. Достаточно? Майор счел, что нет. Сидящие в засаде полицейские не входили в число лучших сотрудников Европола, рассчитывать только на них Аль-Гамби не хотел, а потому, воспользовавшись обретенными на время операции полномочиями, перевел на казарменное положение десять спецназовцев. Вполне возможно, что ребятам придется только

слетать в горы и постоять у забора, пока Хамад будет обыскивать виллу, вполне возможно, что им даже не придется снимать с предохранителей автоматы, но… Но рисковать в этой операции Аль-Гамби не собирался – слишком много поставлено на карту.

В довершение всего Хамад сам перешел на казарменное положение, практически не покидал Башню, а потому, получив сигнал, смог вылететь сразу – всего через пять с половиной минут.

– «Пост Девять» – чисто!

Перекличка, которую майор начал, едва вертолет покинул Башню Стражей, закончилась. Кажется, все в порядке. Полицейские рассыпаны вокруг дома, посторонние не замечены, через двадцать пять минут вертолет прибудет на место. Пора менять правила игры. Хамад подключил к своей «балалайке» внутреннюю связь вертолета – теперь его могли слышать спецназовцы – и произнес:

– Внимание всем! Начиная с этого момента вы обязаны задерживать любого направляющегося к дому Хасима Банума человека. Повторяю: любой человек или группа людей, направляющиеся к дому Хасима Банума, должны быть задержаны. В случае сопротивления – принять меры к уничтожению. Действующие до сих пор правила маскировки отменяются, вы можете представляться офицерами полиции. Дом Хасима Банума является собственностью Его Величества и находится под нашей охраной. Подтвердить получение приказа.

– «Пост Один» принял.

– «Пост Два» принял.

Третий пост промолчал.

Хамад насторожился.

– «Пост Три»! «Пост Три», ответьте!

Тишина. Спецназовцы переглянулись, в их глазах появились веселые огоньки: похоже, скучная прогулка превращается в веселую заварушку…

– «Пост Два» и «Пост Четыре»! Выделить по одному человеку для проверки «Поста Три»!

– Есть!

– Есть!

Остальные полицейские быстро доложили о получении приказа. Озабоченный Хамад перевел взгляд на пилота:

– Сколько еще лететь?

– Двадцать четыре минуты.

А третий пост до сих пор не отвечает. У них могла отказать связь, но возможны и другие варианты. Майор почувствовал нарастающее напряжение. Отключил все каналы, оставив на связи

только спецназовцев.

– Ребята, у нас двадцать три минуты до возможного боестолкновения. Скорее всего, мне придется вас десантировать, так что проверьте снаряжение.

– Все будет о'кей, Хамад, – отозвался командир группы. – Найдем и убьем.

– Спасибо, Редха.

Парней, что летели в салоне, майор знал много лет. Их присутствие позволило ему немного сбросить напряжение.

«Все будет в порядке. У меня десяток профессиональных вояк, вертолет и неограниченные полномочия. Я справлюсь с любыми проблемами!»

Кстати, о полномочиях.

Хамад отключил спецназовцев и вышел на прямой канал связи с генералом Амином, шефом Третьего департамента баварского Европола – дорожной полиции.

– Господин генерал, говорит майор Аль-Гамби, к сожалению, я вынужден воспользоваться своими полномочиями, полученными согласно Директиве 1224.

Предписание, спущенное Аль-Кади начальникам департаментов, требовало оказывать Хамаду любое содействие. Наивысший приоритет. Рядом с печатью Европола – оттиск секретариата султана. С такой бумагой не поспоришь. Но Аль-Гамби догадывался, что высшим полицейским чинам не нравится подчиняться какому-то там генеральскому любимчику, а потому он говорил с Амином предельно вежливо.

– Я слушаю, майор.

Судя по голосу, генерал оценил почтительность младшего по званию. Аль-Гамби перешел на деловой тон:

– Необходимо как можно быстрее закрыть дороги на указанном участке. – В «балалайку» Амина отправилась карта с красным пятном, центром которого был дом Банума. – И объявить запрет на полеты.

– Что мы ищем?

– Пока ничего. Просто останавливаем движение. Это превентивная мера.

– Майор, вы представляете, что будет твориться на дорогах?

– Я догадываюсь, господин генерал. К сожалению, у меня нет выхода. Операция под угрозой.

Возможно, окажись на директиве 1224 только подпись Аль-Кади, Амин бы потянул время, вызвал бы шефа, уточнил, следует ли выполнять странный приказ майора, но печать султана сделала свое дело.

– От десяти до двадцати минут, – коротко произнес генерал. –

Некоторые дороги раньше, некоторые позже. Запрет на полеты начнет действовать немедленно.

– Спасибо, господин генерал.

Но Амин уже отключился.

Хамад прекрасно понимал, что будет твориться на дорогах. Если события пойдут по самому плохому сценарию, то Северные Альпы скуют многокилометровые пробки. Недовольные граждане, возмущенные профсоюзы, воющие предприниматели – и вся ответственность ляжет на него, на майора Аль-Гамби. Но третий пост до сих пор не вышел на связь! А за книгу Хамад отвечал перед самим султаном. Так что граждане могут потерпеть.

Майор открыл канал связи с полицейскими:

– Внимание всем! Приказываю начать движение в сторону дома! Повторяю: немедленно выйти к ограде дома! Во двор не входить! Занять позиции по периметру!

Чтобы добраться до цели, Дорадо потребовалось шесть минут. Вилла находилась всего в нескольких километрах от деревушки, и мощный «Ауди» шутя преодолел детское расстояние.

Действуя точно по плану Кодацци, Вим оставил машину на узкой лесной дороге и последние четыреста метров прошел пешком, легко находя указанные посредником ориентиры: большой, покрытый мхом камень, сломанное дерево, три дуба… Никаких препятствий. Никаких неожиданностей.

Открытый участок между опушкой и оградой дома Вим предпочел перебежать одним рывком. К забору вышел точно в указанном месте – у западного угла. Дополнительные приметы: старый колодец прямо по курсу и черешня чуть левее.

«Необходимо пройти по дорожке, что идет между колодцем и деревом. Во время проникновения внутрь агент обязан пройти по ней…»

И тогда, и сейчас этот приказ показался Дорадо чушью. Дорожка действительно присутствовала – аккуратная прямая, кратчайшим путем ведущая к дому. С одной стороны – колодец, с другой – черешня. И никаких других укрытий.

«Почему я должен идти по ней? На самом виду! Безопаснее пройти правее, вдоль сарая!»

Но инструкция требовала – только по дорожке! Этот приказ повторялся целых пять раз. Больше – семь раз – повторялось только распоряжение надеть «предмет А».

«Ладно, сделаю!»

Вим огляделся – никого, перепрыгнул через невысокую ограду, и… И сразу же почувствовал, что висящий на груди

амулет нагрелся. Не раскалился, но стал ощутимо теплым, почти горячим.

– Что за черт?

– Что случилось? – немедленно отозвался Сорок Два.

– Амулет Кодацци нагрелся, – прошептал удивленный Дорадо.

– Сильно?

– Да! – «Предмет А» начал обжигать кожу. – Снять его?

– Другие варианты есть?

«Необходимо пройти по дорожке, что идет между колодцем и деревом…» – вспомнил сидящий у ограды Вим.

Он не видел амулет, но ощущение было таким, словно камень раскалился докрасна.

– Я иду вперед.

И понял, что сделать это не так-то просто. Руки, ноги… все тело вдруг стало легким, невесомым и непослушным. Дорадо превратился в воздушный шарик. Он не чувствовал тяжести, ограничения свободы, но едва-едва владел собой. Каждое движение требовало неимоверных усилий. Попробуйте схватить пушинку, попробуйте бросить ее, попробуйте ею стать.

Но была боль от обжигающе горячего амулета. И эта боль заставляла Вима бороться.

Короткий шаг. Еще один, чуть длиннее. Затем еще… Дорадо не оглядывался по сторонам, не следил за обстановкой вокруг – для этого у него попросту не было сил. Он полностью сосредоточился на том, чтобы достичь дорожки. Еще шаг. Еще! Вим рухнул на теплый бетон, с наслаждением почувствовав, что тело вернуло привычную тяжесть.

– Ни хрена себе!

– Что у тебя? Почему молчал?

– Потом расскажу!

– Амулет выбросил?

– Нет.

«Предмет А» остыл мгновенно. Стоило Дорадо оказаться на дорожке, как камень молниеносно стал холодным, и лишь саднил нанесенный им ожог.

«Пройти мимо дерева и колодца? Ну-ну…»

Вим вскочил на ноги.

– Я иду к дому.

– Ты отстал от графика, – предупредил Сорок Два. – И у нас появилась проблема.

– Какая?

– Из Мюнхена вылетел вертолет. Держит курс прямо на нас. Возможно, это совпадение…

– Сколько ему лететь? – оборвал напарника Вим.

– Не меньше двадцати минут.

– Успею!

Как и обещала инструкция, дорожка вывела Дорадо к задней двери дома.

– Входи!

– Она открыта!

– Упс!

Прервать задание? Инструкция Кодацци ничего не говорила об открытых или закрытых дверях, но при чем здесь инструкция? Элементарная логика: если хозяин уединенно расположенной виллы надолго уехал, он наверняка закроет все двери. Почему приоткрыта задняя?

Пистолеты сами скользнули в руки.

«Входить или нет?»

– Девятка, вертолет… – напомнил Сорок Два.

– А что вокруг?

– Не знаю, – не часто услышишь такой ответ от Сорок Два. – Охранная система дома не имеет выхода в сеть, я не могу к ней подключиться.

– Похоже, нас опередили.

– Отступаем?

Но Вим уже вошел в дом.

– Докладывает поисковая группа! Мы обнаружили «Пост Три»! Все офицеры убиты! Повторяю: все офицеры убиты выстрелами в голову!

В голосе полицейского проскользнули панические нотки.

Да уж, не спецназовец. Испугался обычной нештатной ситуации. Впрочем, это Хамад может назвать происходящее «обычным», а сообщивший о смерти друзей парень, вполне возможно, еще вчера пил с погибшими чай или играл в нарды.

– Общая тревога! – быстро произнес Аль-Гамби и посмотрел на пилота.

– Двадцать минут. – Летчик и так делал все, что мог, выжимая из машины максимум скорости. – Быстрее не успеем.

– Спецназ – двадцать минут. Убиты трое полицейских. Открывать огонь без предупреждения.

– Мы готовы, Хамад.

Переключение на Мюнхен, на центр оперативного управления Европола.

– Говорит майор Аль-Гамби, директива 1224, мне срочно необходима поддержка! – Времени на любезности не было. – Три вертолета для поиска с воздуха и не меньше пятидесяти человек

для прочесывания местности! Пришлите сюда весь спецназ, что у вас есть!

Хамад сжал кулаки:

«Ты меня опередил, гаденыш, но уйти тебе я не дам!»

Вышедший на опушку человек казался образцом спокойствия и деловитости. Комбинезон армейского образца делал его фигуру расплывчатой, мешал ее с красками осеннего леса, не поймешь – мужчина или женщина? Лицо скрывает наномаска, на руках – тонкие кожаные перчатки. Маленький ранец на спине, длинный сверток в левой руке, движения аккуратны и точны.

Оказавшись на опушке, человек присел у толстого дуба, размотал сверток, освободив от камуфляжной ткани дальнобойную «узала», по мнению многих – лучшую снайперскую винтовку в мире, – расправил сошки, залег, привычным движением слившись с оружием, и внимательно посмотрел в прицел.

Перед ним как на ладони лежала западная сторона поместья Банума.

Один «браунинг» смотрит в глубь дома, второй – на дверь, через которую только что прошел dd. Картинка перед глазами слегка размыта, ибо все внимание Вима переключилось на звуки. В подобных ситуациях, ожидая нападения в незнакомом помещении или полной темноте, Дорадо предпочитал ориентироваться на слух. На свой абсолютный музыкальный слух. Он сосредоточивался, иногда даже полностью закрывал глаза и рисовал окружающую картину ушами: едва уловимый стук шагов, шуршание одежды, шорох прижавшегося к стене тела… Уловив подозрительный звук, немедленно разворачивал тело в нужную сторону и открывал огонь. Во время тренировок в полной темноте Дорадо выбивал восемь из десяти – вполне приемлемо. Однако сейчас он предпочел закрыть глаза не полностью, а потому какая-то картинка была. Размытая, но тем не менее.

Кухня, площадью метров сорок. В центре сложена плита. Интересно, ею пользуются? Судя по ящику для угля – пользуются. Странный хозяин у этого дома. На полках глиняная посуда: кувшины, тяжелые кружки, тарелки… Между полками висят медные кастрюли и чугунные сковороды, пучки трав, связки овощей. Элемент интерьера? Нет. Травы, лук и чеснок создают в помещении своеобразный аромат. Современная посуда отсутствует.

Забавный дом…

– Девятка, мы сумели пробиться в закрытый полицейский

канал. В районе начинается серьезная операция! Стягиваются огромные силы…

Вим не ответил. Приоткрыл следующую дверь и увидел холл, из которого шла лестница на второй этаж. Проверил план дома – другой лестницы нет.

– Девятка! Им приказали перекрыть дороги! Поднимаются еще вертолеты.

«Не сейчас!»

– Девятка, ты где?!

Дорадо отрубил канал связи. Продолжил стоять и через пару мгновений уловил едва заметный шорох наверху. На втором этаже. Там, где лежит книга!

Но не шелохнулся.

Тихий стук. Дерево по дереву.

«Он двигает мебель? Зачем? Перекрывает дверь? – И через миг – озарение. – Противнику известен план дома! Он наверняка видел, как я бежал к забору! Окно!»

Вим рывком вернулся в кухню, увидел человека, выпрыгнувшего со второго этажа, – черный комбинезон, наномаска и рюкзак за спиной.

«С добычей?»

Но почувствовать злость не успел, выстрелил первым, сразу с двух рук, через стекло.

Не попал.

Человек оказался привычным. Не испугался ни звона разбитого окна, ни свиста пуль. Остался на ногах, развернулся и полоснул по окну из «дрели».

«Браунинги» против автомата? Увольте. Дорадо бросился на пол под какофонию лупящих по медным кастрюлям пуль, а когда вскочил на ноги, то увидел лишь метнувшуюся через забор тень.

– В доме кто-то был! Он пытается прорваться в лес! – На голос накладываются звуки выстрелов, какие-то невнятные крики. – У нас раненый! Двое раненых! Рашида в голову… Насмерть!

Дом патрулировали обычные полицейские, снятые с дежурства и отправленные в «краткосрочную командировку» работяги. Они, конечно, не отступят, постараются выполнить долг, но противостоять команде профессионалов не смогут. Упустят.

«Но хоть на что-то они способны?»

– Задержать! – прорычал Хамад.

– Мы пытаемся!

«Сядьте им на хвост, потяните время, пойдите за

отступающими бандитами! Мы скоро будем! Мы скоро!!»

Спецназовцы, вопреки всяким правилам, уже сняли автоматы с предохранителей. Ерзают на местах, угрюмо прислушиваясь к разговору. Им не терпится в бой. Они понимают, что опаздывают, и бесятся. Но бесятся внутри, в душе, в ребятах накапливается злоба, и когда Хамад даст команду, они бросятся на бандитов, подобно спущенным с цепи гончим…

«Собаки! Надо было взять собак!»

Но кинологи только-только покинули Мюнхен, будут на месте не раньше, чем через полчаса.

«Время, проклятое время! Будем надеяться, что полная блокада района принесет плоды».

Аль-Гамби аккуратно вскрыл пачку жвачек, положил в рот пластинку и поинтересовался:

– Сколько человек прорывается из дома?

– Кажется, один!

– Один?!

– Стоять! Полиция!

Какая теперь разница, кто вы такие? Попадаться нельзя ни в коем случае.

Вим выстрелил не оборачиваясь, на слух, краем сознания зафиксировал вскрик – «попал!» – и тут же бросился вперед, вдоль сарая. Перепрыгнул через ограду, присел и перезарядил пистолеты. Полицейские справа и слева. В атаку не идут, понимают, что впереди у беглеца открытое пространство до опушки. Выжидают, потому что время работает на них.

Время, проклятое время!

«Три, два, один! С Богом!»

Вим вскочил на ноги и, разведя в стороны руки, открыл беспорядочный огонь. Пули должны заставить полицейских пригнуть головы, искать укрытие. Сколько у него будет секунд? Три? Пять? Главное – вперед. Возможно, расстояние окажется слишком большим для прицельного огня.

Пистолеты замолчали примерно на половине пути. Дорадо машинально сбросил опустевшие магазины, но перезаряжать оружие не стал. Все его помыслы были сосредоточены на беге.

«Вперед! Вперед!! Вперед!!!»

– Я его вижу!

Полицейские выскочили из укрытий еще до того, как у Вима закончились патроны. Они не были спецназовцами, но прекрасно понимали, что убегающий человек неспособен вести прицельный огонь. И они были очень злы. Они преследовали убийцу, на

совести которого смерть нескольких коллег! Он не должен уйти!

Полицейские выскочили из укрытий и помчались за Дорадо. Они не были спецназовцами, а потому не сразу сообразили, что по ним ведется огонь. Упал один. Споткнулся? Рухнул как подкошенный второй. Разлетелась голова третьего!

– Его прикрывают!

Преследователи бросились на землю.

Человек в армейском камуфляже отложил винтовку и растворился среди деревьев.

Вим так и не понял, что именно позволило ему уйти.

Первое правило беглеца: «Беги, пока есть возможность. Беги, пока не перестанешь слышать дыхание преследователя или огонь не станет слишком прицельным. Беги!»

Поэтому Вим не остановился, даже оказавшись среди деревьев. Время играет на полицейских, и если сейчас они, по каким-то неведомым причинам, не сидят у него на плечах, этим надо пользоваться. Другого шанса не будет.

Пулей преодолел заросли, выскочил на дорогу и…

– Сорок Два! Я крепко влип!

Переднее колесо «Ауди» оказалось спущенным.

* * *

территория: Китайская Народная Республика
окрестности Пекина
руки не должны опускаться от дурных вестей

– Что значит: «был кто-то другой»?! – заорал старик.

– Не могу знать, – пролепетал Ван.

– Кто этот «другой»?!

– Не могу знать!

– Идиот!

Ляо понимал, что теряет лицо, что полковник не виноват, что Ван не руководил операцией, он лишь принес дурные новости, но ничего не мог с собой поделать – орал. Сначала весть о гибели Урзака, теперь – сообщение о том, что его книга пропала. Два тяжелых удара в течение нескольких часов – слишком много даже для столь выдержанного человека, как Ляо. Ван, которому еще ни разу не доводилось видеть начальника в таком состоянии, заметно съежился.

– Откуда вы знаете, что был «другой»?

– Так доложил наш dd.

– Он разглядел противника?

– Черный комбинезон, наномаска – стандартный набор наемника.

– Может, это был полицейский?

– Он сбежал до появления полиции.

– Агент СБА?

– Мы можем только гадать, – развел руками Ван.

Полковник понял, что гроза миновала, генерал взял себя в руки и больше не будет орать, обвиняя его во всех прегрешениях.

«Ну, погоди, старый хрыч! Я тебе это припомню!»

– Что нам известно? – мрачно поинтересовался Ляо.

– Наш dd доложил, что действовал в строгом соответствии с планом. Он прибыл к дому Банума через семь минут после получения сигнала, но все равно опоздал – прямо перед ним книгу захватил другой человек.

– Который тоже сумел пройти в дом.

– Так точно.

– Нет, не точно. – Ляо побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – Не точно, а почти невозможно.

Ван промолчал.

Успокоившийся старик задумался. Контроль за операцией был поручен руководителю баварской Триады. Это его люди наняли dd, по их словам, весьма надежного, уже выполнявшего контракты для Триады, и передали ему инструкции. План предусматривал все, даже появление полиции, тем не менее – провал. Где слабое звено? Кто и почему сумел выиграть драгоценные минуты? Если бы dd опередила полиция, если бы Европол заблокировал дом Урзака до появления наемника, Ляо бы воспринял поражение как должное – Европол действует дома, у него перевес в силе. Но арабы не поторопились и, судя по всему, сами остались с носом. А победа досталась человеку, придумавшему более совершенный план, чем генерал. Стечение обстоятельств? Или противнику был известен замысел Ляо? В случайности генерал не верил, а потому решил остановиться на другой версии.

– Ван, мы допустили утечку.

– Не может быть.

– Где наш dd столкнулся с противником?

– В доме.

– И он не засек перемещения «другого»? Увидел его только в доме?

– Так он говорит.

– Получается, нас опередили почти на две минуты. Трудно

поверить, что это произошло случайно. Кто-то знал наш план.

Полковник занервничал:

«Ищешь козла отпущения?»

– Файл шифровали лучшие люди. Он был передан непосредственно главе Триады, который лично открыл его и перевел информацию на мини-диск.

– Затем диск отправился к нашему dd.

– Так точно.

Утечка утечкой, но оставался не менее важный вопрос: каким образом «другому» удалось войти в дом Урзака? Преодолеть защиту могут шейхи, но за них играет Европол. Индусы? Они предпочитают не связываться с европейцами, им хватает проблем с Омарским эмиратом, и нейтралитет Союза Дели на руку. Вуду?

Будь у Ляо возможность осмотреть поместье Банума, он бы узнал, чей посланец опередил его dd, сейчас же оставалось только гадать.

– Полагаю, необходимо плотно побеседовать с нашим dd. – Тон, которым старик произнес фразу, не предвещал неудачливому наемнику ничего хорошего. – Пусть Триада займется этим немедленно.

– Вы думаете, он знает больше, чем говорит?

Генерал выразительно посмотрел на помощника.

– Я немедленно передам Триаде ваш приказ, – пролепетал Ван. – Однако мне сообщили, что наш dd решил лечь на дно. Он считает, что его подставили, и не хочет рисковать.

– Тем более пусть его найдут.

– Да, товарищ генерал, полностью с вами согласен. Это все?

Ляо едва заметно вздохнул: нет, не Тао, совсем не Тао. И нет никакой надежды, что поумнеет.

– Менеджеры dd контролируют своих агентов?

– Как правило.

– Им известны планы предстоящих операций?

– Да, – кивнул Ван.

– Возможно, утечка произошла на этом этапе. – Ляо взял со стола стакан с водой. – Проверьте.

– Каким образом?

– Взломайте мюнхенский сервер dd, – устало произнес генерал. – Разве есть другие способы?

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Северные Альпы

удел опоздавшего – искать следы

– Шестеро погибших, господин майор. Четверо ранены.

«Поехать и забрать книгу из пустого дома?»

Хамад принял единственно правильное решение – десантировался у поместья Банума, возглавив остатки патрульных и подоспевших из соседней деревушки полицейских, а вертолет со спецназовцами отправил прочесывать местность. На подлете находились еще три машины, которые должны были взять территорию под плотный контроль.

Аль-Гамби заставил себя не думать о том, как провал отразится на карьере. Не время. Любые подобные размышления, любые сожаления или жалость к себе убьют настрой охотника. Сейчас надо думать о том, как взять наглого преступника, и ни о чем больше.

– Шесть обойм от «Браунинга Y10». Отпечатки пальцев отсутствуют.

Трех полицейских убили на посту выстрелами из бесшумного «удава», разработанного корпорацией «Хеклер Кох» для специальных армейских подразделений. Один убитый и четверо раненых – это работа «браунингов». А вот еще двое убиты…

– Его прикрывал снайпер! Мы нашли на опушке «узала».

– Информацию по ней!

– Слушаюсь!

Где произвели, когда ввезли в Европейский Союз, где продали… Теоретически это ниточка, но профессионал никогда не бросит вещь, способную вывести на след. Винтовку оставили не впопыхах – перепуганные полицейские лежали на земле, не смели поднять головы и лишь наполняли эфир паническими воплями. Винтовку оставили обдуманно, как ставший ненужным реквизит, а значит, эта ниточка никуда не приведет.

А вот вторая зацепка гораздо интереснее.

Пройдя через лес, Аль-Гамби вышел к узкой дороге, на которой стоял мобиль преступника. «Ауди Дромадер», хороший внедорожник, хоть и на батареях Ллейтона.

– Видимо, он проколол шину по дороге и не заметил. Нам повезло.

Разумеется, это была машина на один раз. Скорее всего, где-то неподалеку преступника ждала пересадка, смена одежды и документов. Но мобиль – это не винтовка, с которой достаточно удалить метки производителя. Идентификационные чипы разбросаны по всей машине, они расскажут о ней все. А главное, в мобиле есть бортовой компьютер, который преступник оставил нетронутым.

Полицейские уже связали «Ауди» с управлением Европола, и теперь над содержимым бортового компьютера колдовали мюнхенские машинисты.

– Есть новости?

– Его взяли напрокат…

– Установите кто. Найдите его!

– Что делать дальше? Установить наблюдение?

– Немедленно арестовать! – Сейчас нужно хватать в кулак все нити, а потом разбираться, какая из них та, единственная. – Если он скрылся, принять меры к поиску.

– Господин майор, на связи дорожная полиция. – «Балалайка» Аль-Гамби не справлялась с потоками информации, а потому часть вызовов переадресовывалась помощнику. – Просят инструкции. Говорят, у них грандиозные пробки.

Хамад на мгновение задумался.

– Они подвезли стационарные наноскопы?

– Да.

– Пусть пропускают машины, но только после тщательной проверки. Досматривать каждого пассажира! Помещать всю информацию в базу данных. Особое внимание уделять подлинности «балалаек». Если будут хоть малейшие сомнения или среди пассажиров окажутся неподключенные люди – задерживать для дальнейшего разбирательства. И еще… – Аль-Гамби на мгновение задумался: «Можно или нельзя? Операция под угрозой срыва, значит, можно все!» – Задерживать всех, кто везет с собой книги. Любые книги. Задерживать и доставлять в участки, несмотря на наличие документов!

– Господин майор, у нас проблемы! – Сообщениям от пилотов «балалайка» присваивала наивысший приоритет и пропускала в первую очередь.

– Что случилось?

– Наши бортовые компьютеры подверглись атаке извне.

Глаза Хамада сузились:

– Ах, вот, значит, как… Ломщики! Немедленно отрубите внешние каналы связи! Заблокируйте машины!

– Поздно! – Голос пилота стал едва различим на фоне помех. – Они пустили вирус… все бортовые системы отрубились… майор, мы идем на аварийную посадку…

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Северные Альпы
даже у маленьких рыбок бывают большие проблемы

– Вим Дорадо? – Полицейский спросил с таким видом, словно не видел высветившуюся на экране сканера информацию.

– Совершенно верно, – кивнул Вим.

– Музыкант?

– Да.

Он знал, что производит нужное впечатление. В облике ничего подозрительного: заурядное лицо, заурядная одежда. Не очень высокий, худощавый – невнимательный человек мог бы назвать его тощим. На руках никаких подозрительных следов: костяшки пальцев не сбиты, в кожу не въелась оружейная смазка… ухоженные руки. Опять же: невнимательный человек мог бы назвать их нежными. И лишь профессиональный музыкант презрительно сморщится, услышав это определение. Хороший музыкант назовет его руки грубыми. Так же, как хороший врач или ювелир. Но перед ним стояли провинциальные полицейские, которые вряд ли знают, какие руки должны быть у хорошего музыканта.

– Проживаете в Мюнхене?

– Вот уже десять лет.

– Если вы музыкант, то где ваш… – Второй полицейский замялся, стараясь припомнить малознакомое слово.

– Инструмент? – подсказал Дорадо.

– Да! Где ваш инструмент?

– Я пианист, – вежливо (самое главное – никакой издевки, даже намека на издевку!) улыбнулся Вим. – Я играю на рояле. Это большой и тяжелый инструмент, поэтому я путешествую налегке. Все, что мне нужно, наниматель предоставляет на месте.

– Наниматель?

Дорадо сделал маленький глоток пива:

– Я играю в ресторанах…

Теперь ему было немного стыдно. Совсем чуть-чуть, но было. Но теперь.

А тогда…

Увидев, что мобиль неспособен передвигаться, Вим не потерял присутствия духа. Решение принял мгновенно, намного опередив

Сорок Два. Коротко бросил:

– План «В».

И вновь побежал через лес.

До машины десять километров по дороге. До железнодорожной станции – шесть через лес. Выбор очевиден. Милая добрая Бавария, изрезанная различными путями сообщения, предлагала множество вариантов отхода, и Дорадо проработал их все. Он не был привязан к мобилю: гражданская одежда, а самое главное – настоящая «балалайка» лежали в рюкзаке, а потому сразу же побежал в лес. И лишь через пару километров вспомнил, что не грохнул бортовой компьютер «Ауди». Ощутил досаду, злость на себя: «Какой же ты профессионал?!» – а еще через несколько мгновений услышал рев вертолетных двигателей.

И вот за следующий выкрик Виму было стыдно.

– Прикрой меня!!

Даже не крик – панический вопль.

И тихий голос сосредоточенного Сорок Два:

– Делаю, что могу.

На все полицейские вертолеты устанавливали стандартное поисковое оборудование: мощные наноскопы, тепловизоры, радары… Укрыться от них нереально. Просветят, засекут, вычислят, сбросят спецназ или зависнут над головой, демонстрируя шестиствольные пулеметы. Укроешься в пещере – шарахнут газовой гранатой. Для тех, кто настроен особенно враждебно, припасены ракеты. За титапластовой броней пилоты чувствуют себя в безопасности, могут вести беглеца, пока не сожгут горючее, но, как правило, погони заканчивались гораздо быстрее. Стандартный полицейский вертолет – это серьезно. Но каждый из них находится на постоянной связи с центром управления, а значит, несмотря на титапластовую броню, все-таки уязвим. Уязвим изнутри.

Вим не очень хорошо разбирался в программировании, а потому не мог себе представить, какой подвиг совершил Сорок Два. Не понимал, чего стоило машинистам dd пройти через защиту Оперативного центра баварского управления Европола – это вам не уличные видеокамеры взламывать! – отыскать нужные вертолеты и запустить в них вирус. Вим не знал, какую ярость вызвала у полицейских информация о компьютерной атаке, не знал, что взбешенный Аль-Кади приказал немедленно отыскать наглых ломщиков, и по следам Сорок Два устремились лучшие машинисты султаната. Вим не знал ничего.

Он лишь бежал через лес и повторял:

– Прикрой меня!

Повторял до тех пор, пока не услышал:

– Все в порядке, Девятка.

И понял, что вертолеты торопливо идут на посадку.

Теперь Виму было стыдно за продемонстрированный напарнику страх. Было стыдно. Но совсем чуть-чуть.

– Где вы сели в поезд?

– В Австрии.

– Вы всегда путешествуете один?

– Я не путешествую, – спокойно уточнил Дорадо. – Я переезжаю в город, играю, затем возвращаюсь в Мюнхен. Это называется гастроли. Спутники мне не нужны.

– А я видел, что с артистами ездит много людей, – не унимался полицейский. Похоже, все свободное время он тратил на просмотр MTV. – Телохранители, визажисты, менеджеры…

– Да, – подал голос второй проверяющий. – Где ваш менеджер?

– Я не звезда. – Вим кротко улыбнулся. – Звезды обязаны содержать большую свиту, это часть их имиджа, показатель крутости. Я же обычный пианист.

Основной недостаток плана «В» заключался в том, что Виму пришлось раскрыть Сорок Два свое истинное лицо. Учитывая обстоятельства, Дорадо не рискнул продолжить путешествие с фальшивой «балалайкой», а в настоящую необходимо было внести подтверждающие легенду изменения. Записи о пребывании Вима в Австрийской Автономии Баварского султаната Сорок Два подготовил заранее, заложил в «раллер» на самый крайний случай. Дорадо знал о них, искренне надеялся, что ему не придется ими воспользоваться, но раз судьба распорядилась иначе, не колебался ни секунды. Вим сменил «балалайку» неподалеку от станции, переодеваясь в гражданское, но прежде продиктовал напарнику код настоящего чипа и, вставив его, сразу же открыл Сорок Два полный доступ к его содержимому. Фактически – к своей первой жизни.

Что делать дальше, напарник знал сам. Пока «раллер» качал в «балалайку» Дорадо необходимую информацию, Сорок Два внес имя Вима в список пассажиров ближайшего поезда, влез в его компьютер и открыл заднюю дверь, чтобы Дорадо не пришлось общаться с проводником, после чего взломал сеть станции и заставил видеокамеры не смотреть на приближающегося к поезду напарника.

– Мы справились!

– Нам повезло, Девятка!

Комбинезон и снаряжение остались в лесу, рядом с ними

активирован крошечный заряд напалстера, через минуту после отправления поезда он выжег улики в пыль.

– Ты спас мне жизнь.

– А для чего нужны напарники? Адреналин и золото, Девятка?

– Да, Сорок Два, адреналин и золото.

Теперь напарник знал о нем все, но называл по-прежнему – Девяткой. Ни одного намека на подлинное имя Вима. За что Дорадо был особенно благодарен.

– Если что – звони.

Сорок Два отключился.

Вим улыбнулся и направился в вагон-бар. Никого не удивит, что именно в нем одинокий путешественник провел весь путь из Австрии в Мюнхен.

А на следующей станции в поезд вошли полицейские…

– Почему вы выбрали этот маршрут? Из Зальцбурга в Мюнхен идет скоростной экспресс.

– Этот поезд дешевле, – объяснил Вим. – К тому же мне нравится медленно ехать по горам, а следующее выступление запланировано только завтра.

«Я справился?»

Справился.

– Извините за причиненные неудобства. – Полицейский небрежно взял под козырек, второй опустил сканер. – Можете продолжать путь.

– А что случилось?

– Совершено преступление, мы ищем злоумышленников. До свидания.

– До свидания.

В вагоне работало две группы полицейских, еще один беседовал с барменом.

«Хорошо, что они не спросили, как долго я просидел в баре».

В купе Вима никто не видел, поэтому единственным возможным для него ответом стало бы: «Всю дорогу». А вот у бармена на этот счет было другое мнение. Но полицейские не спросили… Обычные патрульные, не привыкшие проводить перекрестную проверку, вычислять несоответствия. Наверняка на поезд бросили тех, кто оказался под рукой, кого не отправили перекрывать дороги или прочесывать горы. Да и опытных сыщиков в провинции не держат, поэтому сеть получилась с изъяном, и хитрая рыбешка по имени Вим сумела через нее проскочить.

Человеческий фактор. Он никогда не учитывается при планировании, но частенько играет. Или за тех, или за других.

«Сегодня повезло мне».

Дорадо допил пиво, знаком показал освободившемуся бармену: еще! – и взялся за меню. Выбор блюд не радовал, но подкрепиться стоило: слишком много сил осталось в Альпах. Пассажирам запретили покидать вагоны, в которых их застала проверка, и это было на руку Виму. И не только потому, что появилось время перекусить.

«Вряд ли эти придурки свяжутся с теми, кто работает в „моем“ купе. Слишком сложно для них».

Маленький глоток алкоголя, задумчивый взгляд в окно. Со стороны Дорадо выглядел обычным пассажиром, скучающим в ожидании отправления поезда.

«Хорошо, что полиция не умеет читать мысли…»

Вим знал, что поступил неправильно, что сделал ход, способный его погубить.

Он провалил операцию, засветился, убил полицейского, а значит, должен был сесть в другой поезд, тот, что направлялся в Анклав Цюрих. Он должен был навсегда бежать из Баварии, укрыться на независимых территориях, а после и вовсе уехать из Исламского Союза. Он опытный dd и хороший музыкант, у него есть деньги в банках Цюриха и Франкфурта, он не пропадет. Но Дорадо выбрал опасный Мюнхен.

Потому что он не проваливал операцию – его подставили.

И маленькая рыбка по имени Вим Дорадо разозлилась. Когда-то ему удалось расплатиться за смерть отца, теперь Дорадо жаждал поквитаться с собственными обидчиками.

Как говорится, если у тебя мало врагов, значит, ты ничего не достиг. Если у тебя много врагов – ты ничего не достигнешь. До сих пор прямых врагов у Дорадо не было по той простой причине, что никто из обиженных о нем не знал. Теперь, получается, появились.

Поезд тронулся, в окне поплыли станционные постройки, стоящие на перроне полицейские, ожидающие следующего поезда пассажиры… И Вим почувствовал, что улыбается. Искренне. Радостно. Он даже опустил голову, чтобы никто не заметил улыбки. Настроение улучшилось, его охватило возбуждение, прилив сил. И вызвано это было не только тем, что удалось обмануть полицейских.

Виму нравилось чувствовать себя мстителем.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз

Мюнхен, столица Баварского султаната
если допустил ошибку, постарайся ее исправить

– Доложи обстановку, майор.

Обманчиво спокойный голос Аль-Кади не обманул Хамада. Аль-Гамби прекрасно понимал, что генерал в ярости, что шеф недоволен результатами и наверняка считает его виновником неудачи. Но Хамад по-прежнему заставлял себя не думать ни о своем положении, ни о карьерных перспективах. Он будет бороться до тех пор, пока не добьется победы. Или пока его не отстранят.

– Блокада территории продолжается, – спокойно произнес майор. – Просеиваем людей и одновременно ведем прочесывание местности. Результатов пока нет.

– Полагаю, ты все еще надеешься на успех?

Со времени перестрелки у дома Банума прошло больше трех часов. Территория блокирована, резервная группа вертолетов ищет преступников с воздуха, спецназ, усиленный тремя пехотными батальонами (их временно подчинили полиции по личному распоряжению султана) топчет Альпы.

И ничего. Ни единой зацепки.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы прийти к неутешительному выводу: преступникам удалось уйти.

– Чем ты сейчас занимаешься? – угрюмо осведомился генерал.

Хамад машинально оглядел убогую однокомнатную квартиру: продавленное кресло, дешевый коммуникатор на стене, распахнутый оружейный шкаф, снаряжение, над которым колдуют полицейские эксперты… Титапластовая дверь валяется в коридоре, спецназовцы не стали с ней возиться – взорвали, вышибив вместе с коробкой. Маскировка отличная: снаружи обшарпанный пластик, внутри прочнейшая броня. Надежная сигнализация, которую не успели блокировать машинисты. Хозяин квартиры знает, что его логово разорено, но Аль-Гамби это не смущало: против них действовал профессионал, а он, после всех сегодняшних событий, ни за что не придет по старому адресу. Скорее всего, он вообще не вернется в Мюнхен.

– Неподалеку от поместья Банума мы обнаружили брошенный мобиль преступника и через его бортовой компьютер вышли на дом. Здесь я и нахожусь.

– Нашел что-нибудь интересное?

– Увы… Жилище использовалось как конспиративная квартира. Небольшой арсенал, куча разной одежды и снаряжения, поддельные документы и незарегистрированный коммуникатор.

Отпечатков пальцев нет. Соседи клянутся, что хозяин квартиры появлялся исключительно в наномаске. Мужчина. Среднего роста. Широкоплечий. Это все, что нам известно.

– Мобиль?

– Его заказали и оплатили через сеть. Со стоянки его забрал среднего роста широкоплечий мужчина в наномаске.

Круг замкнулся.

– Твои предположения, Хамад.

Покажи, какие выводы можешь сделать на основе столь малой информации, продемонстрируй, что способен держать удар и преследовать врага. И тогда, вполне возможно, тебя оставят руководить операцией.

– Я думаю, против нас действовал dd.

– Это мог быть любой наемник, – заметил генерал.

– Соседи показывают, что мужчина появлялся на квартире довольно часто, не реже раза в месяц. Здесь была его база, и, следовательно, с высокой степенью вероятности можно предположить, что он – житель Мюнхена.

Обычные наемники предпочитали действовать из Анклавов, выполняли контракт и прятались на независимых территориях. Соответственно, там же они хранили свое снаряжение.

– Перевертыш, – процедил Аль-Кади.

Так в Европоле называли людей, живущих двойной жизнью. Днем – добропорядочный член общества, ночью – разбойник с большой дороги. А раз перевертыш – значит, dd, только их отлаженная система позволяла подобным преступникам чувствовать себя в безопасности.

– Да, – подтвердил Хамад. – Перевертыш.

Генерал помолчал.

– А если это какой-нибудь бандит из местных?

– У наших преступников нет машинистов, способных взломать Оперативный центр.

– Триада?

– Требует проверки, но я не думаю, что китайцы рискнули бы так отбиваться. Они знают, что мы найдем ломщиков, и знают, что с ними сделаем.

Власти Баварии, как и остального Исламского Союза, выходцев из Поднебесной терпели, но спуску им не давали. Выполняя негласное указание султана, Европол использовал любой предлог, чтобы лишний раз надавить на чужаков.

– А у «темных собак» есть и исполнители, и высококлассные машинисты, и наглость, – закончил Хамад. – Я думаю, это они.

– Ты отдал приказ о поиске ломщика?

– Да, господин генерал.

– Я подключу к поискам военных и государственные корпорации. Твоих обидчиков будут искать все машинисты Баварии.

– Спасибо, господин генерал.

Аль-Кади вздохнул:

– Еще что-нибудь есть?

Следующая фраза далась майору нелегко, но он произнес ее так же уверенно и твердо, как вел весь разговор:

– Операция dd была разработана детально, с учетом того, что мы будем спешить за книгой.

– То есть преступники знали, что мы придем?

– Как минимум, предполагали. И составили план, чтобы отсечь нас.

Подобное предположение подразумевает утечку информации. Аль-Гамби знал, что и он окажется в числе подозреваемых, но все равно высказал его. К чему молчать? Даже самый слабый аналитик скажет, что преступники учитывали присутствие полицейских, и если бы не случайно проколотая шина, они не оставили бы вообще никаких следов.

– У тебя сохраняются полномочия, – произнес генерал. – Действуй, Хамад. Ищи своего dd.

Другими словами: «Спасай свою карьеру».

– Слушаюсь.

А что он еще мог ответить?

Аль-Кади отключил коммуникатор и посмотрел на сидящих перед ним людей.

– Вы все слышали. Нас обыграли.

– Еще нет, – отозвался Тукар. – Ваш парень продолжает рыть землю.

– Надеюсь, у него получится, – вздохнул генерал. – Хамад хороший полицейский, цепкий и умный, мне бы не хотелось переводить его в какой-нибудь забытый Аллахом сельский участок.

– В первую очередь следует проверить, не он ли допустил утечку информации, – заметил шейх.

Это был легкий выпад в сторону Аль-Кади: возможно, вы подобрали не того человека. Генерал мрачно посмотрел на Аль-Темьята, но не ответил. На выручку пришел Тукар.

– В Москве Банум работал по просьбе китайцев… – задумчиво протянул секретарь султана. – Это тоже ниточка.

– Что вы имеете в виду?

– Китайцы знали время его смерти. Китайцы могли проникнуть в дом.

– Но было ли им известно о книге?

– Перед поездкой в Москву господин Банум вел переговоры с генералом Ляо. Господин Банум был нашим другом, но не слугой, он был свободен в своих решениях.

– И решил столкнуть нас на прощание?

– Кто знает?

Аль-Кади пожал плечами.

– Мои помощники уже прибыли в дом Хасима, – негромко произнес шейх. Размышления Тукара Аль-Темьят оставил без комментариев. – В библиотеке свыше пяти тысяч старинных томов, потребуется время, чтобы разобраться, но… я полагаю, что мои люди ничего не найдут. Книга пропала.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
отель «Дом Бедуина»
хочешь сделать хорошо – сделай сам

– Что значит пропала? Ты потеряла книгу?

– Я ее не обрела.

Католическое Вуду в Исламском Союзе, мягко говоря, не приветствовали, хотя и поддерживали тесные отношения с государствами Традиции. Но таковы законы политики: ты можешь улыбаться, можешь торговать, можешь обещать, но делать обязан только то, что выгодно тебе. В противном случае ты не политик, а лакей. Впрочем, подобное отношение со стороны европейцев иерархов Католического Вуду не смущало: святые духи Лоа повсюду, укрыться от них не удастся никому, семена истинной Традиции прорастут даже на самой плохой почве. Нельзя строить храмы на территории Союза? Не беда, разместимся в свободных Анклавах и оттуда наводним сеть пропагандистскими программами.

Каори, которой частенько приходилось путешествовать по враждебным государствам, давно привыкла вести конфиденциальные беседы в походных условиях, например из номера отеля. Наноскоп непрерывно сканирует комнату, проверяя ее на прослушивание, а сам разговор идет через незарегистрированный коммуникатор с двойным шифрованием – чтобы перехватить сигнал, требуется знать его нынешний номер, всякий раз генерирующийся случайным образом, и точное, до секунды, время начала передачи. Не говоря уже о том, что, даже

перехватив пакет данных, тебе придется их расшифровать, а это задачка не на один год.

– Что случилось?

– Нашего dd опередили.

– Его опередили или он говорит, что его опередили? – уточнил Ахо.

– Он говорит, что его опередили.

– Встреться с ним и узнай правду.

– Наемник напуган. Говорит, что мы допустили утечку и его обязательно убьют. Считает себя нежелательным свидетелем.

– Он прячется?

– Да.

– Ты знаешь способ отыскать беглеца.

– К сожалению, у нас нет ни одного принадлежащего dd предмета. Общаясь с хунганом, он был очень осторожен.

– Подобное поведение наводит на подозрения, – заметил Ахо, выдержав небольшую паузу. – Он не оставил никаких следов, не хочет встречаться… Нет уверенности в том, что его действительно опередили.

– Я найду его, отец. Найду и узнаю правду.

– Книгу, Каори, – весомо бросил настоятель храма Иисуса Лоа. – Ты должна найти книгу, а не dd.

Девушка швырнула замолчавший коммуникатор на стол и подошла к окну.

– Несколько дней назад отец Ахо говорил, что духи Лоа добры ко мне.

– Так оно и есть, – улыбнулся сидящий на кровати Папа Джезе. – Ты умна, красива и сильна. Чего тебе не хватает?

– Всего остального, – буркнула Каори. – Я проиграла.

– В первый раз?

– Нет, – после паузы призналась девушка.

– Тогда вспомни, о чем ты подумала после первого поражения.

«После первого? – Она внимательно посмотрела на мужчину. – После самого первого?»

Первым поражением для Каори стал самый счастливый день в жизни.

Самый радостный.

Самый незабываемый.

Тот самый день, когда она не ходила – летала на крыльях. Ведь любимый сделал ее женщиной, подарил незабываемую, страстную ночь. Утром она мурлыкала под нос веселые мотивчики и улыбалась всем встречным. Она ухитрилась сбежать с занятий, но, направляясь через сад сосьетте к келье любимого,

услышала сладостные вздохи в кустах. Заглянула из любопытства. И замерла, ошарашенно глядя, как ее мужчина ублажает грудастую мамбо.

– О чем ты подумала?

– Что стану сильной, – жестко ответила Каори. – И меня ничего не сломает.

– «То, что нас не убивает, делает нас сильнее».

– Это сказал святой Мбота?

– Нет. – Папа Джезе улыбнулся. – Другой человек.

– Я найду книгу, – тихо произнесла девушка.

– Если духи Лоа будут добры к тебе.

– Я должна найти ее в любом случае. – Каори покачала головой. – Даже если духи Лоа обо мне забудут.

– Это всего лишь книга. – Архиепископ почуял неладное, перестал улыбаться, но в его глазах еще сверкали ироничные искорки.

– Если я ее привезу, Ахо введет меня в Совет мамбо.

Из которого так легко дотянуться до красного плаща монсеньора и наконец-то исполнить клятву, данную двенадцать лет назад в саду одного из монастырей ордена Замби, – стать равной любимому, показать, что она – самая лучшая из всех женщин на свете.

– Ах, вот как… – Теперь Папа Джезе посерьезнел окончательно. Взгляд стал колючим, а голос – жестким: – Старый пень посадил тебя на хороший крючок, любимая.

– Ты говоришь о настоятеле храма Иисуса Лоа!

– Я знаю, о ком говорю!

Об очень хитром ублюдке! Который умеет подбирать ключики к любой душе. Умеет обещать такие призы, что люди выворачиваются наизнанку. Джезе и сам был таким. Умел играть на чувствах. Ценил это качество в Ахо, но… Но не думал, что старый интриган подцепит на крючок Каори.

Его Каори.

– Ты мне поможешь? – негромко спросила мамбо.

Архиепископ подошел к девушке, снял с ее лица зеркальные очки, несколько мгновений смотрел в удивительные сапфировые глаза и так же тихо ответил:

– А куда я денусь?

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната

хочешь узнать что-то действительно важное —
готовься рисковать

Генерал Аль-Кади сделал все, что обещал, и даже немного больше. К полицейским машинистам присоединились специалисты военного ведомства, лучшие умы государственных корпораций и даже ребята из Организации Противодействия – личной службы безопасности султана. Координировал работу созданный на базе Оперативного управления Европола штаб, сообщения из которого немедленно поступали к Хамаду.

Грандиозные силы, собранные в один кулак. Их усилия не могли не дать результат.

Десятки опытнейших машинистов, обладающих официальным доступом в любые базы данных, тщательно просеивали гигантские объемы информации, вычисляя следы проникновения ломщиков. Программы-ревизоры вели перекрестную проверку систем, реагировали на малейшие несоответствия, на случайные и «случайные» сбои в работе, на странные подключения. Хамад подбирался к серверу dd и через сеть, и «по земле». Криминалистам из Второго департамента приказали отложить все дела и трясти осведомителей насчет «темных собак». Мысли, предположения, отрывочные сведения, информация о подозрительных людях – все данные стекались в единый центр и обрабатывались в поисках совпадений. Государственная машина показала свою истинную мощь. Неужели транснациональное сообщество наемников сумеет ей противостоять? Хамад был уверен, что нет.

И вызов, что пришел в его «балалайку», подтвердил эту уверенность.

– Майор Аль-Гамби?

Сигнал поступал с незарегистрированного коммуникатора, поэтому полицейским оставалось лишь записывать разговор, без малейшей надежды засечь абонента.

– С кем я говорю?

– Называйте меня Сорок Два.

– Менеджер dd?

– Да.

– Что вам угодно?

– Вы проявляете очень серьезный интерес к нашему серверу.

– Вы ведете незаконную деятельность, Сорок Два, рано или поздно подобный интерес должен был возникнуть.

Пауза.

– Почему вы не запросили интересующую вас информацию?

Хамад улыбнулся: «Противник ищет мира!» – но его тон

остался сухим и подчеркнуто деловитым.

– Вам известна причина, вызвавшая нашу активность?

– Полагаю, речь идет о какой-то из наших операций?

– Той, что была проведена сегодня утром в Северных Альпах.

Опять тишина. Аль-Гамби повысил голос:

– Я спрашиваю: это был ваш человек?

– Да, – буркнул Сорок Два.

– Мне необходимо знать настоящее имя этого dd и место, где он скрывается.

– Мы не располагаем подобной информацией.

– Вы вели его, вы его прикрывали, вы знаете, куда он направился. Имя и место, Сорок Два, и я от вас отстану.

– Мы знаем лишь детали операции, – произнес менеджер. – Вам наверняка известно главное правило сервера: никаких имен, полная анонимность и с той, и с другой стороны. Мы сводим нужных людей, но не управляем ими. Все, что я знаю, это номер dd и его рейтинг. Кстати, могу сказать: против вас работал один из лучших агентов.

– Если лучший, значит, он работает с вами много лет, – немедленно среагировал Хамад.

– Много, – подтвердил Сорок Два.

– У вас должна была накопиться масса косвенной информации на этого человека. Передайте ее нам, и мы его вычислим. А заодно сообщите, докуда вы его довели.

Менеджер dd молчал.

– Сдайте нам эту собаку, – усмехнулся Аль-Гамби. – Я ведь все равно доберусь до информации, но вам устрою весомые неприятности.

– Я занимаюсь противозаконным бизнесом, – тихо произнес Сорок Два. – Я постоянно живу в ожидании весомых неприятностей.

И оборвал связь.

Компьютерный зал – это не сборочный цех, в который постоянно подвозят необходимые комплектующие, не ресторанная кухня, на которую то и дело забегают официанты, а повара прыгают вокруг столов и плит. Понять, насколько напряженная работа идет в компьютерном зале, можно лишь по лицам машинистов, по тому, как часто обновляются данные на мониторах, по редким вскрикам или гримасам.

Сейчас сотрудники мюнхенского отделения dd отложили все дела и не покладая рук трудились над защитой сервера, отражая атаки европейских машинистов. Работы было в разы больше, чем людей, однако три человека из пятнадцати не принимали участия

в обороне: сидящий за своим столом Сорок Два и подошедшие к нему двое мужчин. Когда Сорок Два отключил коммуникатор, один из них угрюмо спросил:

– Почему ты не сдал 198819?

Сорок Два вопросительно посмотрел на второго собеседника.

– Я тоже считаю, что ты не прав, – промямлил тот, опуская голову. – Сервер под ударом.

– Все баварское отделение под ударом! – добавил первый.

– Не стоит нервничать, Бруно, – пожал плечами Сорок Два. – Просто некоторое время мы будем работать из Франкфурта, с резервного сервера.

– А люди?

– Что нам угрожает? Если почувствуем угрозу, уйдем.

– Если уйдем, – заметил второй. – Думаю, пора объявлять эвакуацию.

– Нас не достали, и не факт, что достанут, – покачал головой Сорок Два. – Сервер прикрывают из Франкфурта и Марселя, арабам никогда не определить точку входа. – Он усмехнулся. – Сеть – это наш мир, братья, мир Цифры, здесь мы можем все.

– А реальный мир?

С автоматическим оружием, полицейскими и султанами.

– Он давно слился с Цифрой. Власти не в состоянии ничего предпринять без компьютеров, а компьютерами владеем мы. – Сорок Два вздохнул: – Карл, неужели я должен пересказывать тебе «Числа Праведности»?

– Не должен, – отрезал тот.

– Мы говорим не о том! – не унимался Бруно. – Почему ты не сдал 198819? Ты же видишь, что происходит…

– Вижу! – неожиданно рявкнул Сорок Два. – Я вижу, что ради рукописной книги арабы перекрыли половину Альп! Что вся баварская полиция ищет нашего dd, которому перед операцией дали странный амулет! И этот амулет оказался действенным! Вот что я вижу! Эта книга – не музейный экспонат, братья!

– Зачем нам древние учения, Сорок Два? – спросил Карл. – Мир слился с Цифрой, зачем рисковать людьми ради лживых текстов?

– Нейкизм стоит выше всей этой белиберды, – поддакнул Бруно. – А интересы dd…

– У проекта dd появились собственные интересы? – гневно поинтересовался Сорок Два. – С каких это пор?

Его собеседник мгновенно стушевался:

– Нет… конечно, нет… просто…

– Проект dd не является бандой сетевых уголовников, – с угрозой в голосе произнес Сорок Два. – Я здесь работаю совсем не

для того, чтобы делать деньги на грабежах и убийствах.

– Мы тоже, – угрюмо ответил Карл. – Ты прекрасно знаешь, Сорок Два, что Бруно имел в виду совсем другое. Но у нас кризис. Все нервничают. В том числе и потому, что не понимают, ради чего рискуем. Надо сдать Девятку. Позвони полицейскому и скажи, что мы готовы идти на мировую.

– Мы никогда не предавали агентов!

– Но за ними еще никогда не гнался весь Европол во главе с султаном!

– Вот именно! Сейчас как раз тот самый случай, когда решается дальнейшая судьба проекта dd! Или мы демонстрируем силу, или его можно выбрасывать на помойку! – Сорок Два окинул помощников яростным взглядом. – Если отступим, по репутации dd будет нанесен такой удар, что проект можно будет сворачивать. С нами никто не станет разговаривать. И еще мы потеряем надежду отыскать книгу.

– Опять эта книга!

– Вы еще не поняли, что это настоящая тайна? – Сорок Два взмахнул кулаком. – Или сокровищница тайн? Черт побери, почему я должен повторять очевидные истины?! За книгой охотятся арабы и китайцы! Весь султанат стоит на ушах! Вы представляете, информацию какой важности она содержит?! Да, нейкизм стоит выше белиберды мракобесов, но мы должны знать о ней все!

– Зачем?

– На тот случай, если до белиберды еще не добралась Цифра. А Девятка – наша единственная ниточка.

– Не единственная!

– Но основная! Мы не сможем отыскать Кодацци, проклятый адвокат растворился, а Девятка – сможет!

– Откуда ты знаешь?

– У него есть зацепка, и он пойдет по следу!

– Мы сами можем пойти по следу!

– С помощью другого dd?

Бруно замолчал. Выдохся. Но в его глазах можно было прочесть несогласие с мнением руководителя мюнхенского сервера.

– Сорок Два, ты знаешь, что я тебя люблю, – негромко произнес Карл. – Ты мой брат. Но мне кажется, ты превышаешь свои полномочия.

– Я связался со всеми лидерами и получил их одобрение. Все считают, что проект dd обязан заявить о себе, и все согласны, что нейкистам следует ознакомиться с книгой. Такие дела, братья.

Собеседники Сорок Два переглянулись.

– Значит, – неуверенно протянул Карл, – так тому и быть.

– Мерзавец! – Хамад яростно посмотрел на помощников: – Засекли?

– Незарегистрированный коммуникатор…

– Проклятие!

Охотник должен сохранять холодную голову, но наглость менеджера dd вывела Аль-Гамби из себя.

«С кем ты решил потягаться, щенок? Со всей баварской мощью?»

– Майор, сервер dd ломают!

Взбешенный Хамад не сразу понял, что имеет в виду машинист.

– Я знаю. Рад, что вы уже приступили.

– Сервер dd атакуем не только мы! Их ломают еще из нескольких источников, однако действия настолько согласованны, что можно предположить…

– Кто?!

– Атаки идут из Шанхая и Сингапура.

– Китайцы. – Аль-Гамби шумно выдохнул. – Они тоже в игре?

– Не могу знать…

– Я у вас не спрашивал!

– Извините.

Хамад вызвал в «балалайке» номер Аль-Кади, но тут же отвлекся на новое сообщение:

– Господин майор, перестрелка в небоскребе Аль-Деайя…

– Черт с ней!

Но помощник не дал себя перебить:

– Двадцать минут назад в здание отправилась группа криминалистов, они отрабатывали одну из версий насчет местонахождения сервера dd.

– Они его нашли, – понял Хамад. И громко выругался. – Они его нашли! Но почему, шайтан, без меня?!

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
умные люди способны оценить хороший совет

Мюнхенский вокзал жил обычной жизнью. Приходили и уходили поезда, сновали пассажиры, бубнили дикторы, перемигивались информационные табло и уличные экраны.

«Обновленный „Ауди Дромадер“ – повелитель пространства!» На огромном мониторе возник серебристый мобиль, покоряющий почти вертикальную гору.

– Машина хорошая, а вот покрышки дрянь, – едва слышно пробормотал Дорадо.

«Время летит неумолимо быстро, жаль тратить его на приготовление пищи… Остановите свой выбор на „Меню повара Абдурахмана“! Купите обед быстрого приготовления для всей семьи! Только натуральные ингредиенты!»

– Вы бы, ребята, клали в свои коробочки поменьше сои…

В коротких новостных роликах, которыми перемежалась реклама, были упомянуты многокилометровые пробки в Северных Альпах, однако ни слова не говорилось об их причине. А полицейских на вокзале было даже меньше, чем обычно, что Вима, мысленно приготовившегося еще к одной проверке, только порадовало.

«Я ушел? Черт побери, я ушел!»

Дорадо прекрасно понимал, что игра только начинается, чувствовал, что главные трудности впереди, что выбранный им путь сулит множество проблем, но успешное окончание сегодняшних приключений показалось ему добрым знаком.

«Бог любит правых!»

Вещей у Вима не было, пообедал он в поезде, а потому решил не брать такси, а сначала пройтись по улице пешком. Позвонить кое-кому и поделиться своей маленькой победой.

– Сорок Два!

– Рад тебя слышать, Девятка.

Несмотря на то что напарник уже знал его подлинную «балалайку», Вим звонил с незарегистрированного коммуникатора – так надежнее.

– Я в городе, и никого на хвосте.

– Ты молодец.

В голосе напарника Дорадо уловил напряжение.

– У тебя трудности?

– Большие.

– Связаны с нашим делом?

– Да.

– Черт! Тебя ищут?

– Девятка, я не могу долго говорить, поэтому слушай внимательно. Я тебя прикрыл, но следы моих действий можно отыскать, можно найти несоответствия между записями и выйти на тебя. Мы влезли в Очень Серьезное Дело, Девятка, нас ищут все машинисты Баварии, поэтому времени у тебя немного. Не расслабляйся.

«Прощай, спокойная мюнхенская жизнь?»

Хорошее настроение испарилось. Впрочем, было ли оно? Так, видимость. И что делать теперь? В последнее время главным контактом Дорадо были менеджеры dd. Им он доверял и на их поддержку рассчитывал. Теперь, похоже, все усложнялось.

– Ты справишься?

– Постараюсь. И не беспокойся об информации, которую открыл сегодня утром, – она осталась только в моей голове.

– Ты не выяснил, что за книгу мы искали?

– Нет.

– А Кодацци? Он не объявлялся?

– Нет.

– Плохо. – Настроение испорчено, однако страха Вим не испытывал, только жгучее желание добраться до обидчика.

– Со мной больше не связывайся, – закончил Сорок Два. – Я дам о себе знать на доске объявлений…

– Я помню резервный канал.

– Очень хорошо. Бывай, напарник…

И Вим вдруг понял, что все то время, пока он спокойно ехал в поезде, Сорок Два сражался за свою жизнь, платил за то, что помог Дорадо выпутаться из безнадежного дела, за то, что настроил против себя весь баварский Европол, а может, и кого-то более могущественного.

«Меня ищет вся полиция султаната, а его – все машинисты. Но я не ушел, я просто оторвался, выиграл время. А Сорок Два…»

– Подожди секунду! – почти выкрикнул Дорадо. Тут же огляделся – не привлек ли он внимания прохожих? – и отошел к стене дома. – Помнишь, ты говорил, что у меня хорошая интуиция?

– Помню.

– Так вот. Где бы ты сейчас ни находился, что бы ни делал, какие бы меры предосторожности ни предпринимал… короче, даже если ты чувствуешь себя в полной безопасности – вставай и уходи. Немедленно. Ты умный мужик, напарник, но ты не dd, а поэтому слушай меня: бросай все и уходи! Уходи!

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
бизнес-центр Аль-Деайя
не каждый способен предсказать последствия своих поступков

– Здесь «поплавки» в каждом компьютере! Представляете – в каждом! – Сопровождавший Аль-Гамби эксперт захлебывался от восторга. – И во всех серверах! «Железа» на миллионы динаров!

А еще – несколько коробок запрещенного во всем мире, даже в Анклавах, «синдина» – мощного наркотика, без которого неспособны обойтись ломщики. И куча использованных шприцев на полу. Теперь понятно, почему лучшие машинисты Баварии не сумели вычислить сервер dd – обколотые преступники работали в сети гораздо быстрее и четче обычных парней.

Майор кисло посмотрел на спутника, но промолчал.

– Все самое лучшее!

Правда, теперь неработоспособное.

Тридцать минут назад компьютерный зал компании «XCV Communication», специализирующейся на защите сетей от вторжения – отличное прикрытие для ломщиков! – стал полем боя. На стенах, на мебели, на столь восхитившем эксперта «железе» – пулевые отметины. А на полу – кровь и трупы. Шесть женщин, восемь мужчин. Два охранника в соседнем помещении, которые первыми встретили вышедших из лифта полицейских.

– Хреновы криминалисты! – не сдержался Аль-Гамби.

– Вы чем-то недовольны, майор? – окрысился стоящий неподалеку офицер из отдела по расследованию убийств. – Мы делали свою работу.

– Ваша работа заключалась в том, чтобы вычислить логово dd, а не лезть в него! Для этого есть профессионалы!

– Мы защищались!

– Вас вообще не должно было здесь быть!

Ты можешь быть сетевым царем, без спроса входить в любую базу данных и ломать корпоративные сайты, брать под управление промышленные объекты, швырять на землю спутники, обманывать других сетевых царей, быть невидимым… Но только там – в мире Цифры. В реальности же ты обычный человек и допускаешь обычные человеческие ошибки.

Сотрудники криминальной полиции поработали на «отлично». Они вытряхнули из запасников старые, отложенные до лучших времен, разработки по серверу dd, поставили на уши всех осведомителей, перевернули полгорода, но логово нашли.

Кто-то из «жучков» слышал обрывок странного разговора, кто-то припомнил поддавшего в баре мужика, предсказавшего ограбление известного коллекционера… Следы остаются даже в сети, чего уж говорить о реальном мире?

Версий местонахождения сервера dd было несколько, группы криминалистов выезжали по разным адресам четыре раза. На

пятый раз повезло. Хотя… С какой, как говорится, стороны посмотреть. Аль-Гамби горячился зря: послать на проверку профессионалов криминалисты не могли по той простой причине, что весь спецназ находился в Альпах, отправились сами, прихватив с собой не очень привычные, зато скорострельные «дрели». А дальше вступил в действие человеческий фактор: у охранников dd сдали нервы, полицейские прекратили стрельбу слишком поздно…

Четырнадцать тел, пятнадцать рабочих мест. Одного трупа и одного «раллера» не хватает. Хамад повернулся к эксперту:

– Вы проверили базу данных?

«XCV Communication» располагалась в деловом центре, а значит, ее сотрудники обязаны были зарегистрироваться в службе безопасности небоскреба.

– Они ее уничтожили. Это была их последняя атака.

У лифта загрохотали выстрелы, и кто-то из менеджеров dd запустил программу уничтожения следов, программу, написанную на самый крайний случай.

– Идентифицируйте всех, кого мы здесь… – Аль-Гамби выдержал многозначительную паузу, – нашли. Проработайте каждого человека: семья, знакомые, интересы…

– Хотите выйти на остальные серверы dd? – язвительно осведомился офицер криминальной полиции.

– Нет, – в тон ему ответил Хамад. – Хочу отыскать пятнадцатого менеджера, того, кого вы упустили.

– При нас отсюда никто не выходил!

– Значит, он скрылся раньше. – Голос Аль-Гамби стал предельно жестким: – Вам понятен приказ?

– Да.

– Выполняйте. – И распаковал пришедшее в «балалайку» сообщение: – Что за черт?!

На нанесенном на глаза Хамада наноэкране появилась крупная надпись:

> «Вы должны были арестовать наших сотрудников, а не убивать их. Вы играете не по правилам. Мы недовольны».

Письмо поступило в баварский Европол три минуты назад, его уже прочитали Аль-Кади и другие высшие офицеры, о нем уже сообщили в секретариат султана. И у всех возник один и тот же вопрос:

«Нам что, угрожают уголовники?»

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
если у тебя много жизней, как выяснить, какая из них главная?

> «Продолжается расследование совершенного несколько дней назад убийства священника. Представители мюнхенской католической общины вновь выразили недоумение по поводу недостаточной, на их взгляд, активности полицейских и направили султану петицию с прошением придать делу статус особой важности. В свою очередь, пресс-секретарь Европола заявил…»

Выпуск криминальной хроники заканчивался, а ни одного слова о событиях в Северных Альпах так и не прозвучало. Появление многокилометровых пробок объяснили «повреждением дорожного полотна», даже кадры показали, на которых унылые работяги в оранжевых жилетах огораживали часть шоссе.

«Конспираторы!»

Вим усмехнулся.

Зря он держался за свою маленькую квартирку, обладающую удобным путем отхода, – прыгать через переулок и бежать по крышам не придется, он уйдет из «Дома гениев» через парадную дверь, расскажет встреченным по дороге жильцам, что отправляется на очередные гастроли: «Какой-то кошмар! Они все хотят, чтобы я у них играл!» – а потом сядет в такси и покинет их навсегда.

Жизнь мюнхенского тапера Вима Дорадо закончена. Сбылся ночной кошмар любого перевертыша – его раскрыли.

Что он будет делать в этом случае, Вим продумал давно. Новое лицо, новые отпечатки пальцев, новая сетчатка, новая «балалайка» – купленный в Рио чип лежал в банковской ячейке вместе с солидной пачкой наличных. Однако, поразмыслив, Дорадо понял, что не сможет воспользоваться разработанным планом.

Во-первых, нельзя доверять местным пластикам. Полицейские наверняка предусмотрят этот ход, объявят награду за голову, и ни один из подпольных хирургов не устоит перед искушением сорвать куш и одновременно оказать услугу Европолу – пригодится на будущее. Во-вторых, чтобы «балалайку» можно

было использовать для выезда из страны, в нее необходимо внести изменения. Сорок Два вне игры, а другие знакомые Виму подпольные машинисты казались ему не более надежными, чем пластики. В-третьих, операция по смене внешности займет не менее пяти дней, а за это время обидчики Дорадо могут спрятаться так, что искать их станет бессмысленно. Откладывать месть можно только в том случае, если точно знаешь, что жертва никуда не денется. Если же цель надо сначала найти, то делать это нужно по горячим следам.

Дорадо принял душ, а когда вышел из ванной, настроенный на новостной канал коммуникатор как раз транслировал интересующие его новости:

– Пресс-служба управления Европола сообщает, что всемирно известное сообщество наемников dd более не имеет своего представительства на территории Баварии. «Мы долго и тщательно готовили операцию по пресечению деятельности преступной организации…»

– Надеюсь, Сорок Два, ты воспользовался моим советом, – пробормотал Вим. – Жаль, что я не сразу сообразил, что мы влипли в Очень Серьезное Дело.

«Может, все-таки, в сторону?»

«Отказаться от таких гастролей?»

«Весь султанат стоит на ушах!»

«Они бесятся, потому что проиграли. Меня подставили, их кинули. Надо найти хитреца!»

У четырнадцатилетнего мальчишки, поклявшегося отомстить за отца, не было ни единого шанса. Но он справился, привел приговор в исполнение. Маленькая рыбка dd тоже на первый взгляд не в состоянии исполнить задуманное… Тем интереснее добиться успеха.

Но существовал еще один аргумент в пользу продолжения борьбы. Смена внешности, смена «балалайки», бегство в свободные Анклавы – все это стандартные ходы. Их ждут, и они не гарантируют спокойной жизни. Если султан разозлится, то искать Вима будут все спецслужбы Европейского Исламского Союза, а возможно – Омарского эмирата, аравийцев, мусульманских государств Северной Африки и Дальнего Востока. Анклавы наводнят шпионы, за голову Дорадо пообещают огромные деньги, и…

А султан, судя по последним событиям, разозлился изрядно.

Вот и получается, что нужно не просто отомстить обидчику, но отобрать у него книгу. И ею купить себе жизнь.

– Очень Серьезное Дело… – задумчиво пробормотал Вим. – Событие оказалось еще более пакостным, чем ожидалось.

Он переоделся в чистый костюм, собрал в портмоне нехитрые мелочи, вышел в центр комнаты и в последний раз оглядел квартиру.

Десять лет жизни, а с собой только маленькая сумка. Да и ее содержимое, по большому счету, не жалко оставить.

Очередной этап остался позади…

«Не заигрался ли ты в разные жизни, Вим? Не пора ли остепениться?»

Не пора ли завести дом, который не хочется покидать? Друзей, которых не хочется менять? Женщину…

Он вспомнил, что забыл проверить сообщения. Включил коммуникатор и вздрогнул:

> «Привет, это я! Предлагают недельные гастроли в Ланданабаде. Что скажешь?»

Письмо от Камиллы.

Этот этап остался позади…

Позади?!

Вим сжал кулаки, несколько мгновений стоял, вновь и вновь перечитывая короткие строки, а затем написал ответ:

> «Привет! К сожалению, в ближайшее время я буду очень занят. Не отвечай на это письмо. Я сам тебя найду».

Убедился, что послание отправилось по адресу, и запустил переформатирование коммуникатора.

Этот этап позади?

Не пора ли завести свою жизнь? Не первую, не вторую, а настоящую? Одну-единственную.

«Выберусь из этой передряги – подумаю, – пообещал себе Дорадо. – Обязательно подумаю».

И вышел в коридор.

У подъезда «Дома гениев» ожидало такси, которое отвезет его в банк.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
территория: Китайская Народная Республика
если крыс много, они могут отгрызть тигру лапу

– Внимание, караван! Мы входим в зону шторма! Расчетное

время выхода – два с половиной часа. Желаю приятной тряски!

Капитан идущего под китайским флагом атомохода «Сердце Гималаев» отключил общую связь и поудобнее устроился в кресле.

– Ли, чашечку кофе, пожалуйста.

– Есть! – Матрос бросился исполнять приказ.

– Семь с половиной баллов. – Штурман зевнул. – Ерунда.

Нефтяной Голод, пересадивший сухопутный транспорт на электричество, изменил и флот. Речные и каботажные суда ходили на батареях Ллейтона, подзаряжая их в каждом порту и на специальных станциях. А океанские перевозки осуществлялись гигантскими тягачами, работающими на атомных реакторах. Огромные суда, построенные в форме буквы П, брали на жесткую сцепку до сотни барж, и их высокие борта надежно защищали караван от ураганов.

– До Сингапура еще сутки… – Штурман опять зевнул. – Вы будете скучать по мне, кэп?

Штурман собирался в месячный отпуск на таиландские пляжи, и все его мысли были сосредоточены на предстоящем веселье.

– Я уже скучаю по тебе, Мо, – усмехнулся капитан. – Фактически я лишился штурмана в самом начале рейса.

– Целый месяц, кэп, целый…

И подпрыгнул в кресле, услышав вой системы оповещения.

– Тревога! Тревога!

– Ваш кофе…

– Что случилось?!

– Тревога!

Далеко внизу перекатывались океанские волны. Секунду назад они вызывали у сидящих на мостике моряков лишь улыбку. Сейчас же…

– Сцепка! Компьютер дал приказ расцепить караван!

– Почему?! – Рев капитана напомнил вой раненого слона. – Почему не сработала защита?!

– Это не сбой системы! Нас атаковали ломщики!

– Семь с половиной баллов… – Штурман вызвал на монитор изображение со следящих за караваном камер. Стоявшие последними баржи уже вышли за пределы атомохода. – Их разметает по всему океану!

А на каждой – экипаж. А слабенькие двигатели на батареях Ллейтона предназначены лишь для того, чтобы дотащить тяжелогруженые баржи от тягача до порта.

Капитан побледнел.

«Хаос на английской железной дороге! В течение десяти минут произошло столкновение четырнадцати поездов! По предварительным данным, погибло не менее двухсот человек! Официальный Ланданабад…»

«Власти Исламского Союза категорически отрицают, что шестичасовое отключение электричества в Эль-Париже стало результатом атаки ломщиков, приведшей к цепи аварий на энергетических линиях. Пресс-секретарь Совета глав Исламской Европы заявил, что катастрофа была вызвана…»

«Пожар на китайской нефтяной платформе был вызван сбоем в работе системы безопасности, ставшим результатом компьютерной атаки…»

«Вы должны были арестовать наших сотрудников, а не убивать их. Вы играете не по правилам. Мы недовольны».

Это письмо пришло в Исламский Союз. Китайцы получили более лаконичное послание:

«У вас не было причин ломать наш сервер».

И сразу же ломщики dd нанесли удары, демонстрируя, что на арене появился новый игрок, не менее мощный, чем Ассоциация и Консорциум. Игрок, с которым нужно считаться. Игрок, который может огрызнуться.

А еще через час на столы верхолазов легли докладные записки аналитиков, смысл которых сводился к одному:

«Методы работы объединения dd указывают, что во главе организации стоят ломщики, сетевые преступники высокой квалификации. Рекомендуем рассматривать объединение dd не как самостоятельную преступную организацию, нацеленную на извлечение прибыли путем оказания незаконных услуг, а как часть большого замысла…»

Хорошие аналитики поняли, что объединить разрозненных ломщиков можно только с помощью «Чисел Праведности», и высказали предположение, которого опасались и в государствах, и в Анклавах: учение Поэтессы выходит на качественно новый уровень. Появились организаторы, способные сформировать на

его базе полноценное движение. Появились люди, которые осознали, какую силу несет в себе объединение машинистов, и которые решили контролировать эту силу.

Нейкизм заявил о себе во весь голос.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Башня Стражей»
если что-то не получается, нужно найти другой способ сделать то же самое

– У меня только что состоялся очень напряженный разговор, – негромко произнес Аль-Кади. – Не неприятный, но напряженный.

«Султан, – понял Хамад. – Генерала только что прессовал султан».

Сначала майор почувствовал страх: баварский повелитель славился крутым нравом. Через возведенные Аль-Гамби внутренние кордоны прорвалась паническая мысль: «Я потерпел неудачу!»

Не выполнил приказ самого султана! Опозорился! Проявил профессиональную несостоятельность! Внутри похолодело, задрожали пальцы. Майор даже пошатнулся.

«Сейчас Аль-Кади скажет, какое наказание придумал султан…»

И лишь через несколько секунд Хамад сообразил, что шеф баварской полиции ведет разговор хоть и мрачным, но деловым тоном.

– Я слушаю, господин генерал.

Аль-Кади прекрасно понял причину выдержанной майором паузы и, несмотря на плохое настроение, усмехнулся – упоминание султана заставит вспотеть кого угодно.

– Ты уже знаешь о серии атак на компьютерные системы Союза?

– Да. – Аль-Гамби вздохнул. – Они вызваны моими действиями…

– Ерунда, – поморщился генерал. – Разгром сервера dd – случайность, криминалисты превысили полномочия, не поставили тебя в известность о своих планах… Но дело даже не в этом… Ответ был неадекватен, он последовал слишком быстро и оказался крайне болезненным. А это значит, что нейкисты давно все спланировали и ждали подходящего случая.

И погоня за похищенной книгой дала нейкистам повод продемонстрировать силу.

– Через полчаса у султана начинается большое совещание, – продолжил Аль-Кади, – будем думать, что делать с нейкистами.

«Хорошо, что ломщики решили поиграть мускулами, – неожиданно подумал майор. – Их демарш отвлек внимание султана от одного скромного полицейского…»

– Но поставленную перед тобой задачу никто не отменяет. – Шеф полиции вновь помолчал. – Насколько я понимаю, операцию в Северных Альпах можно прекращать?

Блокада продолжается уже несколько часов, а результатов нет. Соответственно, можно с высокой степенью вероятности предположить, что мышь вырвалась из мышеловки. А люди, которые бессмысленно прочесывают огромную территорию, позарез нужны в других местах, там, где поработали ломщики.

– Согласен с вами, господин генерал.

– Директива 1224 остается в силе, но в ближайшее время на мощную поддержку не рассчитывай: свободных полицейских не будет. Работай со своей группой.

– Я понял, господин генерал.

– И еще… – Аль-Кади вздохнул. – Проработай меры по возвращению книги. Свяжись с таможенной службой Исламского Союза, с СБА, оповести всех осведомителей… Но при этом дай понять… намекни осведомителям… или через сеть…

Генерал умолк. Ему было трудно закончить мысль, трудно признать, что проиграл.

– Одним словом, дай понять, что мы готовы выкупить книгу.

Аль-Гамби почувствовал себя униженным.

* * *

территория: Китайская Народная Республика
окрестности Пекина
пока остается надежда – ничего не потеряно

– По предварительным оценкам, ущерб экономике Народной Республики составил не менее двухсот миллионов юаней. Председатель готовит специальное заявление, посвященное сегодняшним событиям…

Ляо отключил коммуникатор и посмотрел на вошедшего помощника.

– Ну?

– Нам досталось меньше, чем арабам, – негромко произнес

полковник. – Но вряд ли Председателя этот факт утешит. Сейчас в ЦК идет совещание, по результатам которого появится какая-то ясность.

Ван уступал Тао по всем статьям, однако в аппаратных играх он мог дать предшественнику сто очков вперед.

– Предсказать, какое будет принято решение, невозможно.

Толстые мандарины начнут перекладывать с места на место бумажки, сдвигать брови и стучать кулаками по столам. «Ущерб!» «Ломщики!» «Что будет, если они набросятся на нашу экономику?!» В свое время Ляо с высокомерным презрением отнесся к принципиальной позиции Кауфмана мстить за любое нападение. Теперь понял, что директор московского филиала СБА в чем-то был прав: вряд ли бы ломщики осмелились наброситься на его Анклав так же, как на Поднебесную или Исламский Союз. Потому что знали – последствия атаки будут устранены, а потом Мертвый найдет виновных и оторвет им головы. Найдет, сколько бы времени и сил это ни отняло.

– Ходят слухи, что мы соберем конференцию по проблеме нейкизма, постараемся объединиться с государствами и Анклавами против адептов Поэтессы. Все видят, что они представляют большую угрозу.

К ломщикам-одиночкам привыкли относиться как к неизбежному злу. Все знали, что любая система несовершенна и ее можно взломать. Все знали, что ломщики лезут в базы данных либо по глупости, либо за деньги. До сих пор они были всего лишь исполнителями, шестеренками, компьютерными придатками, пешками в играх, которые вели совсем другие люди. Но что будет, если они объединятся? Если выработают свои собственные цели и приоритеты? Смогут ли они стать силой мирового масштаба? Ответ на этот вопрос прост: все зависит от способностей организаторов.

Люди, что стоят за dd, нарастили мускулы. Сейчас они заявили о себе, ударили, теперь нужно ответить. Первый шаг предсказуем: попытаться уничтожить dd под корень, отключить их серверы и перебить сотрудников. Устроить показательный урок. Если он получится, если организация dd не столь хороша, сколь мнится ее вожакам, страхи по поводу объединения нейкистов можно выбрасывать на помойку: следующей попытки придется ждать очень долго. А может, ее вообще никогда не будет. Если же спецоперация, которую ведут сейчас Исламский Союз и Китай и к которой они планируют подключить СБА и остальные государства, провалится, с dd придется договариваться. Они войдут в число игроков, как вошли в свое время Ассоциация и Консорциум. Им изложат правила игры в

«Полицейские и воры», объяснят, что нынешнее их поведение – моветон, и, если dd согласятся вести себя прилично, все успокоятся. В конце концов, существуют же транснациональные объединения контрабандистов и работорговцев, так почему бы не существовать объединению наемников?

И кто сейчас задумается над тем, что за спиной dd стоит призрак Поэтессы? Что идет становление новой Традиции? От этого отмахнутся, не обратят внимания ради достижения сиюминутной выгоды, ради «решения проблемы», ради сохранения стабильности.

Прав, тысячу прав Мертвый, доводящий до конца каждое дело. Он теряет время, темп, иногда даже останавливается, зато не накапливает проблем на будущее. И каждый новый кризис встречает во всеоружии.

– Через два часа у Председателя состоится совещание по проблеме dd, – почтительно закончил Ван.

На которое генерала не пригласили.

«Они хотят бросить все силы против новых врагов, – грустно усмехнулся Ляо. – И совсем забыли о старых».

А напомнить нечем. Все козыри старик уже использовал, а новые не появились. Урзак погиб, книга пропала – это его пассив. А в активе у оппонентов – миллионы юаней ущерба и всемирное объединение ломщиков. Вот опасность! Вот проблема! Вот где затаился истинный враг Поднебесной!

Старик медленно провел пальцем по подлокотнику кресла.

– Ван, что сообщают из Европы?

– Утешительных вестей пока нет, но глава мюнхенской Триады уверен, что сможет выйти на след нашего dd.

– Каким образом?

– В Баварии у нас большая диаспора, много глаз и ушей. И еще господин Дэн просил передать, что dd ищем не только мы.

– Полиция?

– Господин Дэн не уточнил, но я понял, что он имел в виду не Европол.

– Очень хорошо… – На губах генерала появилось подобие улыбки. – Он сказал, что уверен?

– Я процитировал дословно.

– Хорошо. – Ляо прищурился. – Если Дэн уверен, значит, у него есть след.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз

Мюнхен, столица Баварского султаната
отель «Дом Бедуина»
хороший рыбак ищет не удобное место, а рыбное

Ничто так не успокаивает человека, как привычное, нераздражающее занятие. Кто-то моет машину или посуду, кто-то вырезает фигурки или просто стругает ножом деревяшку, другими словами – делает что-нибудь, не особенно на этом сосредоточиваясь, работает руками, оставляя голову свободной для размышлений. Каори в таких случаях чистила оружие.

Несмотря на изящное сложение, которое некоторые глупцы принимали за хрупкость, мамбо предпочитала довольно тяжелый для женщины «Маузер Штурм» – модель редкую, дорогую, зато обладающую колоссальной убойной силой и разработанную под универсальный девятимиллиметровый патрон, что позволяло не беспокоиться о наличии боеприпасов. Как и все металлическое в снаряжении Каори, «дыродел» был отполирован до зеркального блеска, производил впечатление не смертоносного оружия, а милой, хоть и громоздкой безделушки, и черными в нем оставались лишь рукоять да хищный зев дула.

Запоминающийся пистолет.

Каори никому не позволяла к нему прикасаться, лично поддерживала «дыродел» в порядке и никогда не торопилась при чистке: «Маузер» девушка разбирала долго, смазывала тщательно, снаряжала медленно, с любовью. Уход за оружием был для мамбо ритуалом не менее важным, чем ритуалы религиозные, чем церемонии, посвященные святым духам Лоа, с которыми была связана вся ее жизнь.

Несмотря на то что Католическое Вуду позиционировало себя как «религию для бедных» и обрело силу благодаря поддержке нижних слоев общества, среди его иерархов было мало выходцев из небогатых семей. Большинство будущих архиепископов рождались не в трущобах, а в приличных квартирах, а то и в особняках, как, например, Ахо – старший сын богатейшего техасского промышленника. Или Папа Джезе, родители которого, по слухам, являлись эдинбургскими каперами высокого ранга. Все эти люди получили достойное образование и, если бы не пришли в лоно церкви, сумели бы реализовать себя в светской жизни.

В отличие от них, Каори не имела за душой ничего, кроме веры.

Будущая мамбо была пятым ребенком в семье мелкого лавочника из Хьюстона, с трех лет бегала по грязным улицам бедного пригорода, и грозящее ей будущее можно было прочесть

без обращения к духам Лоа. В десять-двенадцать лет Каори должна была лишиться девственности, в тринадцать-четырнадцать – забеременеть. При хорошем развитии событий – стать матерью большого семейства, обретя к тридцати годам четверых-шестерых детей и килограммов сорок лишнего веса. При плохом – стать шлюхой и сдохнуть от передозы, не дожив и до двадцати. Обычные перспективы для ее круга, и большинство девчонок, с которыми Каори играла на хьюстонских улицах, пошли или по первому, или по второму пути.

Ей же повезло.

Или не повезло.

В любом случае, Каори сумела вырваться из касты.

Смышленую девчонку с необыкновенными сапфировыми глазами заприметил Ахо, бывший в ту пору настоятелем местного вудуистского прихода. Он никогда не скрывал, что сначала обратил внимание на яркую внешность малолетки, обещавшей вырасти в потрясающую красавицу, а уж затем, приведя Каори в храм, ощутил горящий в ней огонь, почувствовал таящуюся в девочке силу и любовь, что дарили ей дерзкие и норовистые духи Лоа. Сапфировые глаза не обманули – священник наткнулся на редкую драгоценность. Ахо выкупил девочку у отца, заплатив ему из собственных средств, и отослал в лучшее сосьетте Католического Вуду, в монастырь ордена Замби. Тем самым он навсегда изменил судьбу Каори. Ибо ученики обычных сосьетте имели выбор: если им не удавалось постичь премудрости Вуду, они покидали монастырь и возвращались к светской жизни. А замбийцы, которых с первых же дней погружали в самые сокровенные тайны учения, обязательно вливались в иерархию Католического Вуду. Или погибали, не выдержав суровых испытаний.

Перед Каори открылся новый путь, и она сумела осилить его.

Ахо не ошибся – девочка была сильна, и духи Лоа любили ее. Священник пристально следил за становлением протеже и не отказывал себе в удовольствии похвастать способностями Каори перед соратниками. Он сделал еще один мудрый ход: не затащил девушку в постель, а относился к ней как к дочери, чем окончательно завоевал ее преданность. Ахо отлично разбирался в людях и прекрасно видел, что Каори, несмотря на силу и способности, не обладает должным умом и проницательностью, чтобы рассчитывать на успех в самостоятельном плавании. Девушка оказалась склонной к простым решениям: предпочитала давить на людей, а не договариваться с ними, угрожать, а не использовать, не разбираться в тончайших нитях интересов и противоречий, а идти напролом. Она была обречена стать

инструментом, вторым номером, исполнителем, и именно этот образ терпеливо лепил священник.

В двенадцать лет девушке вживили «балалайку», однако не смогли нанести на глаза наноэкран – организм Каори трижды отторгал его, что стало еще одним доказательством тесной связи девушки с духами Лоа. В двадцать она стала мамбо, а за год до этого, выполняя приказ Ахо, Каори совершила первое в своей жизни убийство.

Сорока минут, что отсутствовал Папа Джезе, мамбо не хватило: когда архиепископ вернулся в номер, она едва приступила к сборке «Маузера».

– Наш dd как сквозь землю провалился, – сообщил Папа Джезе. – Мы проверили все места, где он мог быть, но безрезультатно. Думаю, он покинул Мюнхен.

– Хунган, который привел dd в лоно Католического Вуду, слишком мало знал о нем, – отозвалась Каори.

– Вот уж не думал, что ты займешься поисками крайнего, – усмехнулся архиепископ. – Не в твоем стиле.

– Я ищу книгу, – угрюмо заметила девушка, разглядывая блестящий пистолет. – А о том, кто и как проявил себя в операции, подумаем позже.

– Тогда при чем здесь местный хунган?

– Я почитала его материалы, в них сплошные пустышки: адреса конспиративных квартир и невнятное описание внешности, которую можно сменить за пару часов. Хунган не предпринял ничего, чтобы узнать адепта получше.

– Не было необходимости. – Папа Джезе помолчал. – И не было опыта. Ты рассуждаешь, как профессионал, и забываешь, что речь идет о простом хунгане, который призван нести свет истинной веры на эти несчастные земли.

– Но он помог нашему dd проникнуть в дом!

– Потому, что получил приказ. Кстати, твой приказ.

– Я бы позаботилась о том, чтобы dd не смог от меня скрыться.

– Поэтому ты не проповедуешь, а защищаешь. – Архиепископ кивнул на «Маузер». – Каждый занимается своим делом.

Продолжать спор не имело смысла. Каори поджала губы, быстрыми, немного резкими, но уверенными движениями завершила сборку пистолета и, не глядя на Папу Джезе, произнесла:

– Тем не менее в материалах есть намек на след.

– Вот теперь я тебя узнаю, – рассмеялся архиепископ. – Ты найдешь даже песчинку в Сахаре.

Девушка пропустила лестное замечание мимо ушей.

– Они два раза встречались в Blumenmarkt, в барах, расположенных на соседних улицах.

– Это означает, что в ближайшее время наш dd в этом районе не появится.

– Я проверила улицы, – невозмутимо продолжила Каори. – На них полно заведений для любителей трансеров. Можно сделать вывод, что у нашего друга особые сексуальные пристрастия.

– Я посылал людей в этот район, – нахмурился архиепископ. – Безрезультатно.

– Значит, надо проверить еще раз, – твердо произнесла мамбо. – И не людей послать, а отправиться самим. – Она загнала в рукоять обойму и улыбнулась: – Других зацепок я не вижу.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
центр современного досуга «У Изольды»
как правило, странные события имеют очень простое объяснение

Путешествие в банк стало для Дорадо последним мероприятием, которое он провел без наномаски. Дальнейшие передвижения Вим хотел сохранить в тайне, а потому, опустошив сейф, он спустился в метро, как обычно, в туалете, скрыл лицо, накинул поверх костюма тонкий плащ и в таком виде сел на поезд, идущий в Blumenmarkt.

Расхожее выражение «Пусть все закончится там, где началось» в данном случае не имело никакого смысла: Дорадо прекрасно понимал, что нынешняя его поездка положит начало длительным поискам обидчиков, которые, скорее всего, уже покинули Мюнхен. В Blumenmarkt он надеялся взять первый след, получить хоть какую-нибудь зацепку, узнать ответы хотя бы на самые простые вопросы. Как минимум, на первый: жив ли еще Кодацци? Потому что, если адвоката убрали, поиски подставивших Вима людей превращались из трудных в почти невозможные.

До нужного места Дорадо добирался, принимая все меры предосторожности. Оказавшись в Blumenmarkt, он вышел на первой же станции, минут двадцать петлял по вечерним улицам и, только убедившись, что за ним никто не следит, вновь спустился под землю и проехал еще несколько остановок. Цель

Вима – бордель… простите… центр современного досуга «У Изольды» – располагалась к западу от центра Blumenmarkt, на узкой, освещенной лишь информационными экранами улице, в окружении подобных себе заведений, а также баров, салунов, кальянных и опиумокурилен. Как обычно по вечерам, людей на улице было изрядно. Многие, подобно Виму, скрывали лица под наномасками, опасаясь продемонстрировать полицейской видеокамере физиономию добропорядочного бюргера, а потому Дорадо не сомневался, что его появление останется незамеченным.

И осталось.

Два квартала до борделя Вим преодолел быстрым, но неторопливым шагом, у ярко освещенной витрины, на которой томно извивались прелестницы Изольды, не задержался, а сразу же, как постоянный клиент, вошел в единственный подъезд узкого пятиэтажного дома и остановился у стойки.

– Добрый вечер.

– Рады вас видеть, – улыбнулась девушка. – Спасибо, что заглянули в наш центр.

Губы растянуты в дежурной доброжелательной гримасе, мелодичный голосок, аккуратные грудки уютно трепещут в глубоком декольте.

– Что изволит господин? Девочку? Мальчика? Двух девочек? Двух мальчиков? У Изольды богатый выбор. Если вам понравилась я, то придется подождать десять минут, мне нужно переодеться и принять душ…

В холле пусто и безопасно. Приятное, неяркое освещение. Отделанный блестящей нержавейкой лифт, дверь во внутренний коридор, искусственная пальма. Два кресла и диван в углу, на журнальном столике голографический каталог местных работниц и работников современного досуга, на стуле у дверей дремлет охранник – крепенький китаец в черном костюме и белой рубашке. Он спокоен: наноскоп показал, что оружия у клиента нет. Дорадо тоже спокоен: две его «балалайки», и настоящая и фальшивая, лежат в специальных, защищенных от сканирования капсулах, лицо скрывает наномаска, так что никакой лишней информации мафия не получит.

– Я бы хотел провести время с Халой.

– Она сейчас занята, – ответила девушка, сверившись с компьютером.

– Надолго?

– Если клиент не захочет продолжить, то сеанс закончится через пятнадцать минут.

– Я подожду, – решил Вим и повернулся, намереваясь пройти

к креслу.

– Если хотите, можете понаблюдать за происходящим.

– Это разрешено?

Улыбка девушки стала чуть шире, и Дорадо увидел ее язык – черный, заостренный. По всей видимости – очень умелый Трансер.

– Некоторые клиенты дают согласие на наблюдение, некоторые нет. Сейчас Хала проводит время с тем, кто не против. Вам это будет стоить двадцать евродинов.

Вим молча выложил на стойку деньги.

Искусственная красота Халы не оставила Дорадо равнодушным, притягивала и отталкивала одновременно, но все-таки – притягивала, а потому он захотел увидеть больше, гораздо больше.

Хотел увидеть ее тело – соответствует ли оно ее кукольному лицу? Выяснилось: да, соответствует. Подтянутое, с идеальными пропорциями, неестественно поблескивающее в неестественном свете лампочек. Ни капельки жира, ни одной лишней складки. Хотел увидеть, как Хала движется. Выяснилось: как обычный человек. Опорно-двигательную систему Хале не оперировали, не подгоняли жесты под нарочито кукольные, марионеточные. Хотел узнать, меняется ли выражение ее лица во время занятий любовью. Выяснилось: нет, не меняется. И хотя пользующий трансера араб старался от души – а ему было чем стараться, – на лице Халы не дрогнул ни один мускул. Что резко контрастировало с издаваемыми ею стонами. То ли она не хотела добавлять мимику к звукам, то ли не могла.

Живая кукла…

Дорадо наблюдал за Халой десять минут, до самого окончания сеанса. Клиент выбрал время полностью, закончил свои дела на самой последней минуте, наполнил комнату удовлетворенным рычанием и повалился на спину, довольно глядя в потолок. Ему понравилось. Женщина, прихватив с пола халат, молча отправилась в душ, и только после этого Вим покинул наблюдательный пост. Он увидел все, что хотел. Он избавился от возбуждения, что нахлынуло при виде обнаженной Халы, подавил его, растворил в ее стонах и рычании клиента. Уходящую в душ женщину Дорадо провожал отстраненным взглядом, словно ученый или врач, теперь ничто не могло отвлечь его от делового разговора с Халой. Он стал к ней равнодушен.

Избавиться от полицейского наблюдения оказалось настолько простым делом, что Каори стало даже обидно за Европол – что же

это за служба, на которую работают такие ротозеи? Неужели никто им не объяснил, что яркая внешность не только выделяет объект из толпы, облегчая работу наблюдателю, но и отвлекает внимание от нюансов внешности? Что постепенно ты начинаешь следить не за человеком, а за черным фраком или замысловатой прической? И тебя без труда обводят вокруг пальца.

Двойник подменил Каори в туалете ресторана, в котором они ужинали с архиепископом: зеркальные очки, своеобразная прическа, стройная фигура, вызывающее платье – несмотря на то что загримированная под мамбо девушка провела за столиком почти двадцать минут, полицейские не заметили подмены. Дублер Папы Джезе появился позже, но сыграл свою роль столь же безупречно. Сейчас двойники развлекались в номере, периодически заказывая то шампанское, то фрукты – так полицейским спокойнее, – а переодетые в неприметные черные комбинезоны мамбо и архиепископ в сопровождении трех надежных парней колесили по закоулкам Blumenmarkt. Мелкие жулики, бармены, охранники борделей…

– Я не верю, что никто из них никогда не видел нашего парня, – угрюмо заметила Каори, усаживаясь в машину после очередного пустого разговора.

– В Баварии наш авторитет не столь высок, как хотелось бы, – вздохнул Джезе. – Или же dd действительно очень осторожен.

Появляясь в Blumenmarkt, не снимает наномаску, ни с кем не откровенничает, не задерживается дольше необходимого. Разумная осмотрительность защищает гораздо лучше репутации злопамятного отморозка: большие деньги или серьезная угроза помогут осведомителю преодолеть страх перед возмездием, а когда ничего не знаешь – ничего и не скажешь.

– Сколько у нас времени, по твоей оценке?

Папа Джезе прищурился, скорчил гримасу и ответил:

– Сегодня ночью, максимум, завтра утром, Европол будет знать, кого ищет.

– Нужно поторопиться.

– Эти люди снова здесь, – негромко произнес Ню, отключая коммуникатор.

– Вуду?

– Да, – кивнул китаец, заводя двигатель. – На этот раз четыре мужика и метелка, но ищут того же парня, что и днем.

Черный «Опель Такма» – самый модный в этом сезоне спортивный мобиль – медленно отъехал от тротуара.

– Где они болтаются?

– На востоке. Только что заглядывали в бар «Соломенная

бутылка».

– Совсем рядом…

В Баварии внимательно следили за демографической ситуацией, не допуская, чтобы численность некоренного населения превысила определенную квоту. Из-за этого китайская диаспора не была столь многочисленной, как в каком-нибудь Анклаве, однако удерживала твердое первое место среди неевропейцев. Подобная позиция позволяла Триаде иметь много глаз и ушей, а потому активность вудуистов не осталась без внимания. Узнав, что в Blumenmarkt идут поиски какого-то человека, хоть и не похожего на нанятого Триадой dd, господин Дэн поручил своим людям следить за происходящим. Господин Дэн верил в совпадения, но рисковать не собирался. Господин Дэн очень хотел оказать услугу генералу Ляо.

– Похоже, на этот раз приехали не разведчики, а боевая группа. Они держатся вместе и выглядят угрожающе.

– Днем здесь шлялись мелкие сошки.

– Уж не напали ли они на след?

Ню посмотрел на напарника и предложил:

– Давай держаться поближе к неграм.

– Только позовем кого-нибудь из наших ребят, – добавил второй китаец, вытаскивая из кармана незарегистрированный коммуникатор.

– Согласен. – Ню улыбнулся: – И пусть они прихватят «дрели».

Если бы у Вима не было этого следа, не было хотя бы малейшей надежды на успех поиска, он бы в Мюнхен не вернулся. Маленькая рыбка уплыла бы, проглотив обиду, и затаилась до лучших времен. Но след был. И след достаточно хороший.

Сорок Два сумел обработать полученный с уличной видеокамеры файл, превратил расплывчатое изображение спутницы адвоката в приличную фотографию и прокрутил ее через все базы данных Мюнхена. Так напарники вышли на Халу Мараджич, временно ограниченную в гражданских правах сербскую проститутку-трансера. Бывшую красавицу и нынешнюю красотку.

Жизнь двадцатилетней студентки Белградского университета круто изменилась пятнадцать лет назад, когда Европарламент, под давлением радикальных балканских политиков, принял решение лишить Сербию автономии в рамках Исламского Союза и передать ее в состав албанской провинции Косово. Едва закон был принят, как по всей бывшей автономии начались стихийные демонстрации и митинги протеста. В столице, разумеется, было

жарче всего: люди взялись за оружие, часть полиции перешла на их сторону, и манифестации быстро переросли в уличные столкновения. Следом заволновались сельские районы, хрупкое равновесие на Балканах оказалось под угрозой, и напуганные бюрократы поспешили принять жесткие меры. В Белград вошли миротворческие войска Евросоюза. А спустя еще несколько дней Хала Мараджич, в числе двухсот наиболее активных участников восстания, была выдана властям Приштины, где бунтовщиков поджидали судьи «международного трибунала по преступлениям в бывшей автономии Сербия». Судьба этих людей сложилась по-разному. Одним повезло – их повесили сразу, других приговорили к пятнадцати-двадцати годам «исправительных» работ. Третьих заставили расплатиться иным образом. Молоденькую Халу и еще нескольких замешанных в восстании девчонок отправили на гетрансплантацию, после которой они оказались в борделях Тираны. Через десять лет Мараджич получила условное освобождение, перебралась в Мюнхен, однако еще десять лет была обязана отдавать албанской казне треть своих доходов.

– Доставишь мне удовольствие?

Снимать наномаску Вим не торопился. Вошел в комнату, неспешно оглядел одетую в игриво распахнутый халатик женщину, только после этого задал вопрос.

– Смотря какое удовольствие ты ищешь, красавчик.

– Разве ты не готова на все?

– Разве ты пришел трахаться?

Хала закурила длинную коричневую сигарету. Выпустила дым, не сводя глаз с мужчины.

– Знаешь, кто я?

– Вим Дорадо, dd. – Трансер презрительно усмехнулась: – И еще – музыкант.

Удар был силен. Дорадо едва сдержал возглас, закусил губу и порадовался, что женщина не видит выражение его лица.

– Кстати, можешь снять маску: за нами не подсматривают, а видеокамер здесь нет. Изольда играет честно.

Об этом Вим знал, видел, что окошки в комнату управлялись изнутри.

– Твоя «балалайка»?

Хала повернулась, показала пустой разъем и осведомилась:

– А твоя?

Дорадо снял маску и тоже продемонстрировал затылок:

– В кармане.

– Получается, мы можем быть откровенны друг с другом. – Женщина запахнула халат и уселась в кресло, выставив напоказ

длинные, отточенные ноги. Слишком правильные, чтобы быть настоящими. – Зачем притащился, Дорадо?

Она его ждала, а значит, они с Кодацци были не просто посредниками. Она делает вид, что расслаблена, а на деле готова к любому развитию разговора: вопли, истерика, угрозы… Она уверена в себе: в хорошей форме, да и охранник, случись что, прибежит быстро. Здесь ее территория.

«Чего она ждет от меня? – У Вима было всего несколько секунд, чтобы выбрать правильную манеру поведения. – Думай, что я сломлен, сука. Расслабься по-настоящему».

– Вы разрушили мою жизнь, – глухо произнес Дорадо. – Теперь мне нечего терять.

– Каждому есть что терять, – холодно ответила женщина. – Мы разрушили твое прикрытие, а жизнь ты пока сохранил, береги ее.

– Издеваешься?

– Немного.

Ей нравилось демонстрировать свое превосходство. Проституткам не часто выпадает такая возможность.

– Меня ищут за преступление, которого я не совершал.

– Которое ты почти совершил, – поправила Вима женщина.

– Не слишком ли нагло ты себя ведешь?

– Ты не дурак и не затеешь драку, – ответила Хала. – Да и нужно тебе другое. Не так ли?

– Я должен понять, что происходит.

– Проявляешь здоровое любопытство?

– Хочу соскочить с крючка.

– Для этого придется сыграть всю партию. – Женщина затушила сигарету. Откинулась на спинку кресла, завела руки за голову. И чуть улыбнулась. – Всю партию, Вим, до самого конца.

– Разве нет других способов соскочить?

– Можешь пойти в полицию и во всем признаться. Но кто тебе поверит?

– Есть способы узнать правду: химия, детектор лжи… – Дорадо пожал плечами. – Два часа неприятных процедур, и я очищусь от обвинений. Полицейские поймут, что меня подставили.

– И что дальше?

Вим знал, что будет дальше. Именно поэтому он не пошел в Европол.

– Тебя грохнут, – не дожидаясь ответа, продолжила женщина. – Ты слишком много знаешь, слишком глубоко увяз. Ты обманул Европол и вызвал гнев султана. Вероятность того, что тебя грохнут сразу после допроса, – процентов восемьдесят. Еще

пятнадцать я бы дала на то, что тебя ждет Африка. За все твои шалости в роли dd. И с вероятностью всего в пять процентов, по моей оценке, разумеется, тебе предложат поработать на Баварию.

Вим оценивал эту вероятность еще ниже, процента в два.

Он потер лоб, вздохнул и негромко осведомился:

– Кодацци не посредник, да?

– Чезаре – dd, – спокойно ответила Хала. – Но иногда работает посредником. Он умен, не хочет быть простым исполнителем.

– А ты иногда работаешь проституткой?

Дорадо боялся переиграть: если он будет демонстрировать только слабость, трансер может заподозрить неладное, поэтому надо огрызаться. Пусть думает, что он пытается упрочить свои позиции оскорблениями.

– Мое занятие – хорошее прикрытие, – высокомерно объяснила женщина. – Никто не станет искать dd среди шлюх.

– Ну, разумеется…

– Еще вопросы есть?

– Почему вы встретились со мной сами? Почему не наняли какого-нибудь мелкого жучка?

– Зачем нужны лишние посредники?

– Чтобы я не видел ваших лиц.

– Зато ты сумел меня найти.

– Поэтому ты не уехала из Мюнхена? Ждала меня?

– Ты ведь не дурак, – повторила женщина, – должен был меня вычислить.

– Для этого ты подставилась после встречи? Чтобы у меня появилась твоя фотография?

– В том числе и для этого.

– А еще?

– А еще, мой милый, показав лицо, я заставила тебя расслабиться, поверить, что мы с Чезаре уехали, а ведь мотоцикл вел совсем другой мужчина. Чезаре в это время сел тебе на хвост и узнал, где ты живешь. Узнал о тебе правду. Надеюсь, ты понимаешь зачем?

«Не слишком ли много ошибок я допустил?»

– Вам что-то от меня нужно! – «проявил догадливость» Дорадо.

– Молодец.

– А если я откажусь, вы меня сдадите.

– Чезаре полагает, что тебя и так вычислят. – Хала усмехнулась. – Но ты прав: если полиция проявит некомпетентность, мы подбросим ей нужную информацию.

Вот как бывает: по кирпичику выстраиваешь тихую

спокойную жизнь, занимаешься любимыми делами, а потом появляется какой-нибудь Кодацци…

– Похоже, у меня нет ни малейшей возможности избавиться от вас, – пробормотал Вим.

– Ты можешь уйти, – подсказала женщина. – Попытаться спрятаться. В ближайшее время тебе в любом случае придется это сделать.

– А если я сыграю партию?

– Ты слезешь с крючка.

– Понятно. – Дорадо вновь потер лоб. – Ты прикрывала меня там, у дома?

– Я неплохой снайпер, – кивнула Хала.

– Спасибо.

– Так было нужно.

– Ты спасла мне жизнь, так что все равно спасибо.

– На здоровье.

«Колесо, судя по всему, тоже проткнула ты. Кодацци не мог – в это время он уже был в доме».

– Как вам удалось смыться?

– Через десять минут после того, как мы отступили от поместья, Чезаре передал книгу курьеру Консорциума…

«Умно. В случае проверки книга привлекла бы ненужное внимание, а контрабандисты умеют просачиваться сквозь любые преграды».

– …а поскольку с нашей машиной все было в порядке, мы успели покинуть опасную зону до начала полицейской операции.

«А я остался отвлекать внимание».

– Ладно, – буркнул Вим, – это дело прошлое. О чем ты хотела поговорить? Зачем ждала?

Хала вновь закурила.

– В первую очередь, ты должен понять, что влип в Очень Серьезное Дело.

– Тоже мне новость.

Она пропустила саркастическое замечание мимо ушей.

– Второе. Мы приносим извинения. И хотим, чтобы дальше ты работал с нами на нормальных условиях.

– Снова издеваешься?

Женщина добавила в голос искренности, подалась вперед, заглянула ему в глаза… Но кукольное лицо осталось бесстрастным.

– Мы были вынуждены подставить тебя, Вим, нам обязательно был нужен другой dd, обязательно.

Кодацци понадобился козел отпущения. Но ведь ищут не козла, а книгу, поэтому Кодацци не может допустить, чтобы Вим

попал в полицию – в этом случае охота начнется за ним. Но и убивать его Кодацци не хочет.

«Что же за игру вы затеяли?»

– Я засветился, меня ищет полиция. Меня, а не Кодацци. Что теперь? Зачем я вам нужен?

– Полиция – это серьезно, – кивнула женщина. – Но шейхи, на которых работает Европол, далеко не единственные претенденты на книгу. Как и во всяком Очень Серьезном Деле, в этом полно заинтересованных сторон.

– Так что я должен делать?!

– То есть ты готов сыграть партию? – Она не спускала с него кукольных глаз. – Мы договорились?

– А у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда. Ты можешь уйти.

Несколько секунд они буравили друг друга взглядами. Наконец Вим откашлялся и поинтересовался:

– Сколько?

– Очень много, – немедленно ответила Хала. Она ждала этого вопроса. – Достаточно, чтобы пойти на максимальный риск и плюнуть на карьеру ресторанного музыканта.

– Сколько?

– Миллионы.

– Один? Два? Пять?

– Не меньше десяти.

– Всего?

– На каждого.

– Трудно поверить.

– А у тебя выхода нет: или верь, или проваливай!

Вим чувствовал, что трансер не лжет. Кто знает, как именно они с Кодацци подсчитали возможную прибыль, но женщина верила, что наемники получат за книгу не меньше тридцати миллионов.

– Мы заключаем сделку?

– Да, – буркнул Дорадо. И тут же повторил: – Да!

И отвернулся.

– Я рада, – негромко произнесла Хала. – Нам ведь действительно было неприятно подставлять тебя, Вим. Мы ведь наемники, мы похожи, и нам лучше плыть в одной лодке.

«Капитан которой меня уже подставил? Хороша лодка…»

Хала изо всех сил старалась сломать недоверие Дорадо, ей и Кодацци было нужно, чтобы Вим работал не по принуждению. Следовало подыграть женщине.

– Ты уже извинилась, – вздохнул Дорадо. – Ты меня подставила, но ты же и спасла мне жизнь. Я вырвался, а теперь ты

предлагаешь очень большие деньги. Ты знаешь, что я буду осторожен, буду перепроверять каждое ваше слово, но все равно предлагаешь. Значит, я вам нужен. Значит, мне следует соглашаться. – Вим помолчал. – Но я хочу знать детали, хочу понять, с чего все началось.

– Это законное желание, – кивнула женщина. И вновь откинулась на спинку кресла. – О книге мы узнали от китайцев. В отличие от тебя, Чезаре не держался за свою вторую жизнь, а потому с некоторыми клиентами имел более доверительные отношения, чем принято у dd. Триада хороший друг.

– Пока не решишь ее обмануть.

– Ты все понимаешь правильно. Разумеется, поднебесники знают о Чезаре далеко не все, он даже гримировался перед каждой встречей. Однако в Триаде считали Чезаре надежным наемником, и когда им потребовался человек для серьезного дела, они знали, куда обратиться.

– Сейчас, как я понимаю, желтые глубоко раскаиваются в своем выборе.

– Не думаю, – мило улыбнулась женщина. – Ведь Чезаре сказал китайцам, что ты его опередил.

Не удержалась, запустила маленькую шпильку, напомнила, в каком положении оказался Вим.

– Что было дальше?

– Ты наверняка насторожился, когда услышал от нас подробности дела? Все эти «предметы А», требование перемещаться по дому по строго определенному пути…

– Насторожился.

– Мы тоже удивились. Да и деньги, которые предложили поднебесники, удивили: двести пятьдесят штук за похищение книги – это очень странно.

– А мне вы дали всего сто. Пожадничали?

– Поднебесники зря предложили столь много, мы решили не повторять их ошибку.

«Логично».

– Тем не менее вы согласились.

– Обдумав все, Чезаре отправился к хунгану Католического Вуду.

– С ним у него тоже были доверительные отношения?

– Разве я не говорила, что Чезаре умен?

– Говорила.

– Так вот, китайцы допустили не одну ошибку. Кроме слишком большой платы они почти сразу передали нам план операции. Мы смогли выяснить, в чей дом придется лезть, а когда хунган узнал, что речь идет о доме Банума, он аж затрясся. В

итоге мы получили от него еще один амулет для проникновения в поместье и двести тысяч динаров аванса. После возвращения книги нам было обещано еще триста.

– Но у вас появились бы могущественные враги – китайцы.

– Хунган обещал переправить нас в Америку. Но это не главное. Главное заключалось в том, что Чезаре окончательно понял ценность книги.

– И решил сыграть против всех.

– Нет. Решил сыграть вместе со всеми. За одним столом. Да и не было у нас другого выхода.

– Почему? – и тут же понял, что сморозил глупость.

– Потому что исполнители Очень Серьезных Дел редко остаются в живых, – назидательно произнесла Хала. – Книга слишком ценна. Чезаре понял, что не может никому доверять, и разработал свой план.

– Подставить меня.

– Мы могли рассчитывать на успех только в том случае, если Европол, китайцы и негры будут искать кого-то другого, того, о ком они вообще ничего не знают. Но этот другой не должен попадаться. Поэтому тебе ничего не грозило.

– Зато грозит сейчас! – До сих пор это было просто Очень Серьезное Дело. Сейчас же, когда женщина назвала стороны, Вим оценил масштаб: Европол, чьи камеры ощупывают город день и ночь, китайцы – это Триада, с ее глазами и ушами, Католическое Вуду – у них тоже полно боевиков. – Ты понимаешь, как сильно мы рискуем, встречаясь здесь?

Женщина невозмутимо пожала плечами:

– Никто не знает о том, что я связана с Чезаре.

– Знаешь его? – Каори постучала пальцем по лежащей на столе фотографии. – Не так ли?

Омар беспокойно заерзал на стуле и бросил взгляд на стоящего у дверей верзилу. Белобрысый гигант в черном комбинезоне. Он выглядел опасным. Глаза холодные, колючие. И девица в непроницаемо-зеркальных очках ему под стать.

«Угораздило же меня связаться с вудуистами!»

– Знаешь?

– Чезаре Кодацци, – решился Омар. – Он адвокат из Милана, но часто работает в Мюнхене. Связан с Триадой.

«Китайцы! Так вот кто встал на пути!»

Однако на лице Каори не дрогнул ни один мускул.

– Этого мало. Как мне найти Кодацци?

– Я давно его не видел.

– Я не сказала: «Приведи меня к нему», я спросила, как его

найти. Рассказывай, что знаешь.

– Не так уж много я знаю. Мы с ним не близки. Работали однажды на китайцев, и все. Встретились – разошлись.

– Где встретились?

– Здесь, – пожал плечами араб. – В Blumenmarkt.

– Говорили только о делах?

Проще всего ответить: «Да» – и тем закончить допрос. Но Омар понял, что от него не отстанут, и если черная тварь в зеркальных очках останется недовольна разговором, у него могут быть неприятности. Надо вспоминать подробности!

«Шайтан, и зачем я только ляпнул, что знаю человека с фотографии?»

– Я помогу тебе освежить память. – Каори выложила на стол несколько банкнот. – Здесь тысяча динаров.

– Чезаре нравится спать с трансерами. Говорил, что обычные метелки его не возбуждают.

– Этого мало.

– Несколько дней назад я видел его в «Мотыльке» со шлюхой, похожей на куклу.

– Знаешь эту девку?

– Она работает у Изольды.

– Дом удовольствий на соседней улице, – добавил Папа Джезе.

Каори улыбнулась.

– И что я должен делать дальше?

– Об этом скажет Чезаре.

Хала вытащила из-под подушки кресла коммуникатор и протянула его Дорадо. В памяти устройства находился всего один номер, по всей видимости, такой же незаметной машинки. Режим видеоизображения отключен. Вим надавил на кнопки, и через несколько секунд услышал знакомый голос:

– Рад, что ты рискнул вновь поверить нам, камрад. Хала принесла извинения?

Дорадо посмотрел на женщину, которая неторопливо переодевалась. Стояла у шкафа и натягивала брюки. Ее задача выполнена, теперь она исчезнет из заведения Изольды.

– Да.

– Присоединяюсь к ним. Поверь, Вим, мне было неприятно подставлять брата-наемника. Но так уж легли карты.

– Давай закончим с ерундой и поговорим как взрослые люди. Где ты?

Кодацци рассмеялся:

– Не важно, где я. Сейчас нам нужно согласовать дальнейшие

действия. Провернуть дельце мы сможем только вместе и только в том случае, если будем доверять друг другу. Мы можем выжить, выбраться из этого дерьма и стать весьма богатыми людьми. Для этого необходимо быть умным и осторожным.

– Считаешь, что и того и другого у тебя в избытке?

– Но ведь я жив.

Оспорить это утверждение было трудно.

– Тем не менее и китайцы, и вудуисты знают твою рожу.

– К китайцам я всегда ходил загримированный, камрад. С Триадой, знаешь ли, следует вести себя осторожно.

– А Вуду?

– Мы говорим не о том, – перебил Дорадо Кодацци.

– Хорошо, вернемся к делам. Какова моя роль?

– Как ты уже понял, книга у меня.

– Понял.

– Я не знаю, что в ней особенного, но она стоит миллионы, Вим, миллионы! Хала рассказала тебе, как я ее заполучил?

– В общих чертах.

– В плотном контакте с клиентами есть свои плюсы: я знаю гораздо больше, чем обычный dd, но есть и минусы – у меня значительно больше обязательств, я не могу нарушать данное слово. А ты никому ничего не должен. Мои заказчики далеки от того, чтобы вести переговоры друг с другом, они не найдут концов. Мы должны заставить их раскошелиться, получить деньги и поделить их на троих. Таков план.

– Аукцион?

– Единственный способ вышибить максимальную сумму.

Первым в заведение Изольды вошел Папа Джезе. Бордель находился под защитой Триады, и архиепископ уговорил Каори действовать осмотрительно и не привлекать ненужного внимания, вваливаясь внутрь всей группой.

Наномаску архиепископ снимать не стал. Подошел к стойке, облокотился на нее и дружелюбно поинтересовался:

– Я слышал, у вас есть очень симпатичный трансер?

– У нас много симпатичных трансеров, господин, – улыбнулась девушка и, словно невзначай, провела черным языком по губам. Продемонстрировала не только потому, что так полагалось, – бархатный голос мужчины заставил сердце трансера учащенно забиться. – На любой вкус.

– Какая миленькая штучка, – тут же среагировал Джезе. – Острая?

– Подвижная.

– Звучит заманчиво… Но я бы хотел познакомиться с

пластмассовой девчушкой. Говорят, она творит настоящие чудеса.

Обладательница подвижного языка поскучнела.

– Вы говорите о Хале?

– А у вас есть другие куклы?

– Нет.

– Значит, я говорю о ней. Красавица работает сегодня?

– Да. Но сейчас она занята.

– Как жаль. А я могу понаблюдать за ней?

– К сожалению, нынешний клиент против.

– Печально…

– Цзян, это Ню, слышишь меня?

– Да. – Охранник борделя узнал человека Триады. – Чем могу помочь?

– К вам только что вошел мужик в маске. Он тебя не слышит?

Цзян бросил взгляд на усевшегося в кресло мужчину – тот, казалось, был полностью поглощен голографическими изображениями девочек Изольды, – и едва слышно ответил:

– Нет.

– Кого он ищет?

– Халу, пластмассовую метелку.

– Она в заведении?

– Развлекает клиента.

– Открой черный ход, – распорядился Ню. – Мы поднимемся по задней лестнице.

Исчезновение из холла охранника не ускользнуло от внимания Папы Джезе. Продолжая разглядывать завидные прелести трансеров, архиепископ вызвал через «балалайку» Каори и сообщил:

– Нас пытаются опередить.

– Кто?

– Полагаю, за нами следили. – Папа Джезе говорил очень тихо, бубнил себе под нос, и вряд ли кто-нибудь мог разобрать произносимые им слова. – И сейчас следят.

– Я разберусь с ними, – пообещала девушка.

– Не забудь, что мы на чужой территории. Если начнется заварушка, через пять минут здесь будет вся китайская диаспора.

– Что ты предлагаешь?

– Возьми одного парня и медленно заходи внутрь. Двое других пусть попробуют определить преследователей и приготовятся к стрельбе.

– Договорились.

– И не отключайся. – Архиепископ поднялся на ноги и

неспешно подошел к девушке. – Красавица, ну, может, теперь, когда мы остались одни, ты позволишь мне полюбоваться на вашу пластиковую девочку?

На стойке появилась купюра в пятьсот динаров.

– Не могу, – прошептала та, не сводя глаз с денег. – Запрещено. Меня уволят.

– А может, ты скажешь, в какой комнате сейчас Хала? – Джезе добавил еще одну такую же купюру. – Строго между нами.

– И вы уйдете?

– Уйдешь ты. Отлучишься на минутку.

– А вы…

– Потому что если ты останешься, я выпущу тебе кишки.

Она не видела выражения его лица, его глаз, но ледяной тембр голоса сказал девушке все. Подтвердил, что долговязый мужчина в черном комбинезоне выполнит свою угрозу. После секундного раздумья девушка ловким движением смахнула со стойки деньги и прошептала:

– Триста одиннадцать, третий этаж, от лифта направо, четвертая дверь слева.

– Умница! – Голос Папы Джезе вновь стал обаятельным. – Сиди тихо-тихо, и я тебя не трону.

И обернулся к появившимся в дверях спутникам. Наноскоп издал предостерегающий сигнал. Мамбо хмыкнула и передала архиепископу пистолет:

– Где?

– Третий этаж. Каори, мы с тобой наверх, Майк остается здесь.

– Ты хочешь, чтобы я вел аукцион между претендентами на книгу?

– Совершенно верно, камрад.

«Стоит дать объявление об аукционе и обратного пути не станет, все поверят, что книга у меня…»

Кодацци правильно истолковал молчание Дорадо:

– Это то самое Очень Серьезное Дело, Вим, кошмар всех dd. Когда я понял, во что влип, у меня появилось желание отвалить. Но потом я подумал: какого черта? Такое бывает раз в жизни.

– И подставил меня.

– Извини, Вим, но ведь мы говорим об Очень Серьезном Деле. А их принято вести осторожно.

– Я едва ушел от полицейских, потерял прикрытие, должен уехать из Баварии, а теперь еще и выступить аукционистом…

– Ты звезда постановки, Вим. Тебя все ищут, тебя все любят, и если ты объявишь торги, никто не удивится.

– А ты останешься в стороне.

– Я все это придумал, Вим, не забывай. В оркестре не бывает двух дирижеров. Кто-то помахивает палочкой, кто-то долбит в большой барабан.

– Но моя доля…

– Мы поделим добычу на троих. Поровну.

– Где гарантия, что ты меня не кинешь?

– Вим, ты меня разочаровываешь. Я должен опасаться, ведь это ты будешь вести переговоры с клиентами.

– Где гарантии?

– Каждый из нас укажет счет, на который клиент переведет его долю.

Звучало разумно.

«Неужели он действительно готов взять меня в долю?»

– Ты продумал мои действия?

– Для начала отправляйся в Марсель. Ты и так засиделся в Мюнхене…

– Замолчи! – Хала предостерегающе подняла руку.

– Что случилось?

– Кто-то остановился у двери, – прошептала девушка.

– Она знает твой голос? – поинтересовался Ню.

– Разумеется, – кивнул охранник.

– Тогда начинай.

Тот постучал в дверь:

– Хала, это Цзян.

На установленном в малюсенькой прихожей мониторе появилась его бритая голова. К сожалению, угол охвата камеры не позволял разглядеть, что происходит справа и слева от двери, и трансер не видела четырех боевиков Триады с автоматами в руках. Но для того чтобы насторожиться, достаточно было появления охранника.

Хала медленно подошла к двери, встала сбоку от нее и тихо спросила:

– Цзян, что случилось? У меня клиент.

– Он тебя слышит?

– Нет.

– Тем лучше. – Охранник смотрел прямо в камеру. – Только что сообщили, что ожидается нападение макаронников. Мафиози хотят заново поделить Blumenmarkt и готовят акцию устрашения. Изольда приказала закрыть заведение.

Ню удовлетворенно хмыкнул.

И Джезе, и Каори были опытными бойцами и понимали, что

разговора с пытающимися их опередить китайцами не получится. Да и не для этого они поднимались. И план нападения они продумали быстро. Шахта лифта располагалась в центре здания, а лестница – в конце коридора. Если правильно рассчитать время, столпившиеся у триста одиннадцатой комнаты китайцы окажутся между двух огней. А правильно рассчитывать время архиепископ и мамбо умели.

Поднявшийся по лестнице Джезе открыл огонь первым, на пару мгновений опередив едущую в лифте мамбо. Шесть пуль в глубь коридора и возврат на площадку. На удачное попадание архиепископ не рассчитывал, палил куда придется, все пули ушли в стены, однако своей цели – привлечь внимание китайцев – добился. Оказавшиеся под обстрелом боевики не растерялись, ответили сразу же, молниеносно развернулись к лестнице и вскинули «дрели», наполнив коридор воем скорострельных автоматов. В котором совершенно потерялся звук открывающегося лифта.

Первым выстрелом Каори разнесла голову оставшемуся в холле китайцу, а затем повернулась и принялась хладнокровно, как в тире, стрелять в спины остальным боевикам.

– Триада!

Хала отскочила от двери.

– Перезвоню позже, – бросил Вим в микрофон, отключил коммуникатор и опустил его в карман.

– Как нам уйти?!

– Окно!

– Пожарная лестница?

– Пожарный выход! – огрызнулась девушка, запрыгивая на подоконник.

Третий этаж, высота не меньше шести метров… А что еще оставалось делать? Оружия нет, а в коридоре воют «дрели». Да и Хала наверняка не просто так сюда рванула, наверняка заранее прикидывала, сможет ли воспользоваться этим «пожарным выходом».

Дорадо прыгнул следом. Сгруппировался, перекатился вперед, спина заскулила – соприкосновение с асфальтом ей не понравилось. Огляделся.

Двор.

Хала стонет, лежа на животе; над ней склонилась темная фигура, заворачивает трансеру руки. Нападавшие позаботились о том, чтобы перекрыть «пожарный выход».

– Не шевелись! Стреляю! – Неподалеку от Вима появилась еще одна темная фигура. – Не шевелись, урод!

Дорадо сделал, как приказано: замер, не поднимаясь с колен, и выставил перед собой ладони, показывая, что не вооружен. А что еще делать, если в руке приближающегося боевика поблескивает ствол? Китаец, хрен бы его побрал. Триада! Сейчас подойдет, звезданет по голове рукоятью «дыродела» и все… До свидания, Вим Дорадо.

– Девка и ее клиент!

– Видать, шустрый…

И захлебнулся. Толчок в спину швырнул боевика вперед, прямо на Дорадо. На груди расплывается пятно, сзади все разворочено, словно боевика терзали миксером с ножами вместо венчика. Краш-пуля, знакомое дело.

Вим выхватил из рук китайца пистолет, откинул тело в сторону и огляделся.

Напарник убитого, тот, что вязал Халу, теперь палил из «дрели» по задней двери борделя. Оттуда отвечали. Трансер не шевелилась.

«Надеюсь, ты жива!»

Дорадо поднялся на ноги, тщательно прицелился и выстрелил, уложив пулю точно в голову автоматчика. «Дрель» смолкла.

«Время пошло!»

Оставалось надеяться, что в здании засел только один противник. Вим на бегу открыл огонь по двери, подбежал к убитому, схватил «дрель», дал очередь и ткнул Халу ногой:

– Бежим!

Девушка поднялась, сплюнула кровь и махнула рукой в сторону неприметной двери в подвал:

– Туда…

– Майк, почему ты их не взял?!

– Китайцы! Что я мог против «дрели»?

Мамбо взвыла. Она понимала, что помощник и так сделал больше, чем ему поручалось: услышав шум во дворе, Майк покинул холл и едва не решил исход стычки в пользу Каори. Но в том-то и дело: едва!

Он успел увидеть, куда бросились беглецы, но и тут мамбо поджидало разочарование: за дешевой дверью в подвал оказалась еще одна, из титапласта, поставленная, по всей видимости, как раз на такой случай. Изольда выросла в Blumenmarkt и знала, что надежные пути отхода защищают гораздо лучше самых лучших «дыроделов». Она позаботилась, чтобы из ее заведения можно было удрать, и тем самым оказала неоценимую услугу пластмассовой кукле и ее дружку.

– Дерьмо! – Мамбо прислонилась к стене. – Как их теперь искать?

– Теперь надо уходить, – деловито произнес Папа Джезе. – Через пару минут здесь будут все баварские китайцы.

* * *

территория: Китайская Народная Республика
окрестности Пекина
иногда удары наносят не только враги

О результатах совещания Ляо узнал сразу же. Не от Вана, не от кого-то из мандаринов, а лично от Председателя. Старик ждал звонка, сидел возле коммуникатора, читал Конфуция, пил чай, размышлял, а потому сразу же ответил на поступивший вызов.

– Рад вас слышать.

– Я тоже, друг, я тоже. – Председатель помолчал. Чувствовалось, что ему трудно вести разговор со своим лучшим разведчиком, с человеком, который сделал для Поднебесной очень и очень много. Он не знал, с чего начать, а потому начал с оправданий: – Число погибших превысило тысячу человек. Ущерб до сих пор оценивается, но понятно, что речь идет о сотнях миллионов юаней. Таковы факты, друг, от которых мы не можем отмахнуться.

– Тайны стоят дорого, – спокойно ответил старик.

– О каких тайнах вы говорите?

– Теперь мы абсолютно точно знаем, что за dd стоят нейкисты. Нашим цифровым друзьям стало скучно в виртуальности, они хотят большего, а без кулаков серьезной силой не стать.

– Вы абсолютно правы, друг: нейкисты наращивают кулаки.

– Их прежний пацифизм уступил место прагматизму. И мы должны проявить твердость.

– В первую очередь мы должны понять, как следует себя вести в сложившейся ситуации.

– Мы достаточно сильны, чтобы вести себя, исходя из своих интересов.

– Если мы в одиночку ввяжемся в драку с нейкистами, это будет на руку нашим врагам. Мощь Народной Республики велика, но это не повод для необдуманных поступков. – Председатель вздохнул. – Которых и так было достаточно много.

«Первый звонок…»

– Я исполнял свой долг, – ответил Ляо.

– Результат не стоит цены, которая за него уплачена.

– Я еще не добился результата, – напомнил генерал.

– Именно это я имел в виду, друг, – мягко произнес Председатель. – Мы затратили огромные средства на взлом внутренней сети Анклава Москва и покупку «Фадеев Group», а победу праздновали враги. Теперь мы приняли участие в атаке на сервер каких-то наемников и получили жертвы среди населения, колоссальные убытки и запрос из министерства иностранных дел Исламского Союза. После операции в Москве на нас затаили обиду в Анклавах, сейчас недовольны европейцы, а нам не нужна конфронтация. Нейкизм превратился в серьезную угрозу, справиться с которой можно только сообща.

– Чудовище – еще большая угроза.

– Я очень долго соглашался с этим аргументом.

«У меня нет козырей, – с грустью подумал старик. – Мне нечем подкрепить свою позицию…»

– Вы не вышли на его след, оно никак себя не проявило…

– Гибель Урзака! – Ляо очень редко позволял себе перебивать Председателя, но сейчас был именно такой случай. – Кто еще мог его убить? И опять в Москве!

– Вы могли бы убить Урзака?

– Если бы очень постарался, – медленно ответил старик. – Но это была бы схватка с непредсказуемым финалом.

– И тем не менее могли бы?

– Да, – признался Ляо.

– Шейхи?

– Вполне возможно.

– Монсеньоры Вуду?

– Вероятно.

– Индусы?

Старик промолчал.

– Вот и ответ на ваш вопрос. – Председатель снова вздохнул. – Гибель Урзака не является фактом, доказывающим существование Чудовища. А нейкисты уже стоят на пороге. И если бы не ваши действия, друг, мы бы находились в гораздо лучшем положении: спокойно наблюдали, как ломщики громят Исламский Союз, и имели бы возможность торговаться, когда европейцы обратились бы к нам за помощью в борьбе с нейкизмом. Вместо этого мы – потерпевшая сторона. Мы продемонстрировали незащищенность от ломщиков, свою слабость и разозлили арабов действиями на их территории. – Председатель выдержал красноречивую паузу. – Признаться, друг, я поражен тем, сколь грубо вы сыграли.

Ляо пропустил упрек мимо ушей. Сейчас его интересовало

только одно – продолжение операции.

– Книга Урзака докажет мою правоту, я прошу разрешения продолжить ее поиски.

– Министерство иностранных дел получило приказ убедить власти Исламского Союза в том, что все произошедшее – трагическое недоразумение. Через час к султану вылетает мой личный посланник, перед которым стоит та же самая задача. Я запрещаю вам продолжать охоту за книгой. Это приказ, друг.

– Чудовище обязательно отправится за книгой, – негромко произнес старик. – Сначала оно будет действовать скрытно, сочтет, что это ловушка, все проверит, а когда поймет, что книга действительно существует, обязательно вступит в игру. Я не смог отыскать его с помощью Тао, я не смог отыскать его с помощью Урзака, теперь я хочу использовать книгу, как ловушку.

– Вы должны отступить, друг.

– Нет!

Председатель сделал вид, что не услышал выкрик генерала.

– И еще я хочу, чтобы вы отправились в отпуск, друг. На месяц. Начиная с завтрашнего дня.

Ляо понял, что проиграл. И еще понял, что Председатель его спас: наверняка на совещании предлагали отправить потерпевшего поражение разведчика в отставку – врагов у него хватает. Но он отделался всего лишь отпуском. Временным отстранением от дел.

– Поезжайте к морю, друг, отдохните.

– Я имею право на последнюю просьбу? – горько усмехнулся генерал.

– Да.

– Арабы поместили в сети несколько сообщений, смысл которых в том, что они готовы выкупить книгу у похитителей. Арабы предполагают, что нас всех обвел вокруг пальца некий ловкий наемник, неведомым образом прознавший о ценности мемуаров Урзака и рискнувший заработать на них.

– Подобное предположение не делает вам чести, – заметил Председатель. – Вас, столь опытного разведчика, обыграл одиночка?

– О моей квалификации вам расскажут мои недруги, – хмуро ответил старик. – Сейчас же я прошу одного: следить за происходящим и, если будет объявлен аукцион, принять в нем участие. И дать такую цену, чтобы победить.

– Я подумаю, – пообещал Председатель.

– Я знаю, что сейчас мои позиции слабы, но мне нужна книга не для их подкрепления. Все мои помыслы устремлены на благо Китая.

– Я не сомневаюсь в вашем патриотизме, друг, – произнес Председатель. – Если аукцион состоится, мы примем в нем участие.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
Dresden
не следует поворачиваться спиной к новым друзьям

– Считала себя самой умной?

– Я нигде не светилась!

– Тогда почему все ищут твою пластиковую башку?

– А может, это ты их привел! Может, китайцы тебя уже взяли и ты нас сдал!

– Тогда бы тебя уже допрашивали, дура!

Хала умолкла, некоторое время просто сидела у стены, уткнувшись лицом в колени, затем подняла голову и проворчала:

– Я никогда не ходила на встречи. Иногда прикрывала Чезаре, но и только.

– Они могли вас выследить, – примирительным тоном ответил Дорадо. – Как вы меня.

– Чезаре вел себя очень осторожно. И, в отличие от тебя, всегда оглядывался.

– Не следует недооценивать противника.

– Тоже правильно… – Девушка вздохнула. – Нам повезло.

– Верно, – согласился Вим. – Хорошо, что они передрались друг с другом.

– Китайцы с полицией?

– Черт его знает, кто с кем. Поднебесники там были точно, а другие… Не все ли равно, кто они?

– Пожалуй, ты прав. Сейчас это не важно.

Через подвал беглецы ушли в грязноватые мюнхенские коммуникации. Затем последовал бег по темным, зато никем не контролируемым коридорам, переходы с уровня на уровень по бетонным и металлическим лестницам и периодические остановки, во время которых Вим и Хала напряженно вслушивались, пытаясь различить шаги возможных преследователей. Путешествие длилось почти час, и из-под земли они вывалились за пределами Blumenmarkt, в полуразрушенной зоне Dresden, получившей свое название потому, что напоминала честным баварцам беспощадно разрушенную американцами

столицу Саксонии.

Когда-то в этих кварталах Мюнхена находился оплот участников печально знаменитого бунта Мясников, последнего на сегодняшний день вооруженного выступления в Баварском султанате. Когда-то этот район, застроенный безликими многоэтажными коробками, населяли работяги – необразованные и неквалифицированные клиенты государственных программ занятости населения. Люди, которым не повезло. Люди, лишенные будущего. В какой-то момент Европол выпустил ситуацию из-под контроля, и перенаселенные кварталы полыхнули жесточайшим бунтом – к честной профессии мясника повстанцы не имели никакого отношения. Два дня в Мюнхене шли уличные бои. Два дня армия пыталась загнать озверевших работяг обратно в гетто. И еще два дня пыталась это самое гетто взять. Взяли, щедро залив его кровью.

С тех пор в султанате уделяли гораздо больше внимания социальной политике, а Dresden… Его планировали снести, но вот уже несколько лет никак не могли приступить к работам. То ли потому, что в обветшалых домах до сих пор прятались повстанцы (это утверждение являлось полной чушью), то ли для того, чтобы в кварталах концентрировались самые грязные отбросы общества, люди, которых не привечали даже в Blumenmarkt.

В любом приличном городе должна быть своя помойка.

Беглецам повезло – выбравшись из канализации, они оказались в пустом подвале, не встретились с местными обитателями, а потому решили остановиться, отдохнуть и подумать, что делать дальше.

– Похоже, ты влипла больше моего, – негромко произнес Дорадо. – Теперь они знают, кто ты.

– «У Изольды» даже моя «балалайка» осталась, – вздохнула женщина.

– Плохо.

– На ней не было ничего важного.

– Хорошо.

Хала слабо улыбнулась.

– Ты повеселел.

– Я чувствую себя почти отомщенным. – Вим потянулся и прислонился к стене, приняв подчеркнуто расслабленную позу. – Что ты теперь будешь делать?

– Перейду на нелегальное положение, – пожала плечами Хала. – Если все пойдет так, как надо, дней через пять Чезаре меня вытащит.

«Она верит ему. Верит в него. А Кодацци? Как он относится к

трансеру? Бросит ее или выручит? Какие отношения связывают опытного dd с неизвестным прошлым и проститутку? Какие чувства?»

– Почему ты до сих пор работаешь на Изольду?

– Я же говорила: хорошее прикрытие.

– Врешь.

– Даже если и так, тебе какое дело? – огрызнулась женщина. – И время для подобного разговора ты выбрал неподходящее.

– А о чем нам еще говорить? Ты не скажешь, где будешь прятаться, я не скажу, куда поеду. Минут через десять мы разбежимся в разные стороны и, скорее всего, навсегда.

– Тогда какое тебе дело до меня?

– Я должен доверять партнерам.

Хала хмыкнула, помолчала, но ответила. Нехотя ответила:

– На мне висит приговор: еще пять лет занятий проституцией. И нельзя покидать Исламский Союз.

– Почему не сбежала?

– В любом другом месте моя карьера предопределена: зарабатывай хлеб, лежа на спине и раздвинув ноги, – ровным голосом ответила женщина. – Все прекрасно знают, для чего нужны такие трансеры, как я. Какой смысл бежать?

Врачи поработали хорошо, создав настоящий шедевр пластической хирургии, и чтобы вернуть себе настоящую внешность, Хале потребуется не одна тысяча динаров – обратные операции стоят на порядок дороже. Наверное, именно поэтому она без раздумий согласилась на Очень Серьезное Дело: полученные за книгу миллионы станут ее пропуском в нормальную жизнь.

– Чезаре оказался первым мужчиной, который отнесся ко мне по-человечески, проявил сочувствие. А когда он узнал мою историю, то спросил, не хочу ли я поработать с ним. – Хала провела рукой по пластиковым волосам. Жест, сохранившийся с тех времен, когда у нее была настоящая прическа. – С винтовкой я научилась обращаться еще в молодости, позанималась пару месяцев, чтобы вернуть форму, и стала работать. Прикрывала Чезаре в его делах.

«А он обещал ей будущее. Верность. Больше всего в мире ценится верность».

– Ну а ты что скрываешь, Вим Дорадо?

– Я убил сына шейха, – спокойно ответил Вим. – Отомстил за смерть отца.

– И остался жив?

– И даже не сидел в тюрьме. И не проходил по делу. – Дорадо помолчал. – Я убивал его медленно, очень жестоко. А меня даже

не заподозрили.

– Со смерти твоего отца прошло много времени, – поняла женщина.

– Да. О той истории успели забыть.

– Ты злопамятный.

Вим покачал головой:

– Глупый. Из-за тех двух часов, что подыхал ублюдок, я исковеркал себе жизнь.

– Все равно тебе повезло больше, чем мне.

– Это точно.

Дорадо завел разговор не для того, чтобы проверить искренность нового партнера. Ему нужно было разговорить трансера, отвлечь, расслабить. Не дать Хале сообразить, что она должна срочно связаться с Чезаре. Она еще не поняла, что должна СРОЧНО СВЯЗАТЬСЯ С ЧЕЗАРЕ! Кодацци знает о нападении китайцев, но коммуникатор молчит, а «балалайка» осталась у Изольды. И Кодацци понятия не имеет, чем закончилась перестрелка. И что стало с Халой…

Трофейную «дрель» Вим специально положил на самом виду, между собой и трансером. Как знак доверия. Маленький штрих, позволивший Хале расслабиться. Тем более что, едва оказавшись в подвале, Дорадо присмотрел кое-что получше: бейсбольную биту из утяжеленного пластика, с помощью которой местные бандиты выясняли, кто круче в битвах за контроль над чайханами и туристическими достопримечательностями. Мюнхен – это не Анклав, где пушку можно купить на каждом шагу, хочешь – зарегистрированную, хочешь – нет, что, в принципе, одно и то же, потому что безы за незарегистрированную пушку только штраф выпишут. Здесь государство, ствол добыть сложнее, поэтому мелкие уголовники предпочитали сражаться палками.

Бита лежала у стены, как раз в том месте, где расположился Дорадо.

– Надо бы связаться с Чезаре, – опомнилась женщина.

– Для этого нужен коммуникатор, – заметил Вим.

И увидел, что Хала не сводит глаз с автомата. Женщина насторожилась. Или просто задумалась?

– Похоже, пора расставаться.

– Похоже, – согласился Дорадо.

Он поднялся на ноги чуть раньше Халы. Поднялся, одновременно схватив правой рукой биту. И прежде чем девушка успела защититься, уклониться или хотя бы выставить руки, ударил ее по голове.

Говорить о состоявшейся Традиции можно только в

том случае, если основополагающие ее принципы, глыбы, на которых держится здание, прошли испытание временем. Но не минутами, что считают часы, а поколениями, десятками поколений, каждое из которых привносило в жизнь общества нечто новое, нечто свое. Слово Традиции меняет мир, делает другим его восприятие людьми. Но нельзя отрицать обратного: развитие общества заставляет человека по-новому смотреть на веру. Триремы были вытеснены парусными судами, которые, в свою очередь, уступили место пароходам. Люди целеустремленно познавали законы материального мира и в один прекрасный миг решили, что знают все. Ну, или почти все. Земля шарообразная, а не плоская. Солнце не бог, а термоядерная печка. Душа не в сердце, а в голове. Разум есть результат высшей нервной деятельности. Ничего вечного не существует, даже Вселенная рано или поздно погибнет.

А когда все знаешь, зачем тебе Слово?

И тут возникает вопрос о силе Традиции.

Способен ли ее фундамент выдержать напор всезнаек, очарованных теориями, придуманными людьми и доказанными людям? Достаточно ли он крепок? Сумеют ли иерархи провести корабль Традиции между Сциллой прогресса и Харибдой разумного консерватизма? Запрешься в крепости окаменевших догм – разочаруешь людей. Поддашься «велениям времени» – растратишь проверенные веками ценности ради сиюминутной выгоды.

Но что делать, если иерархи сами не верят в силу своей Традиции?

Некоторые считают, что появление Католического Вуду тесно связано с постройкой в Новом Орлеане храмового комплекса Иисуса Лоа. Масштабный собор, продемонстрировавший миру мощь и богатство новой Традиции, дал верующим повод для гордости и указал направление паломникам. Вуду, до того момента считавшееся уделом колдунов, совершающих свои обряды вдали от посторонних глаз, обрело лицо, обрело символ.

Соглашусь: возведение храма Иисуса Лоа стало событием знаковым, важнейшей вехой в истории Католического Вуду. Однако сама Традиция сформировалась значительно раньше и обрела силу задолго до того, как святой Мбота заложил первый камень в фундамент комплекса.

Храм Иисуса Лоа стал центром давно существующего учения.

Другие источники утверждают, что становление Католического Вуду в качестве одной из мировых религий, свершилось в результате знаменитого Собрания Недовольных, когда две трети кардиналов Римской Католической Церкви отказали папе в доверии и объявили о поддержке нового христианского течения. Последовавший за Собранием раскол укрепил позиции Католического Вуду, позволил завоевать положение, которое раньше занимала материнская церковь.

Мне нечего возразить: Собрание Недовольных и принятое на нем обращение раскольников стали важнейшим событием. Но не стоит забывать, что кардиналы переметнулись на сторону Вуду не под влиянием импульса и не вследствие временного помешательства. Их демарш был обдуман и тщательно спланирован. Они увидели силу нового течения, послушали, что говорит о нем паства, получили от вудуистов гарантии и только поэтому решились на раскол. Они поверили в перспективу, поверили в Мботу.

Собрание Недовольных не имело отношения к становлению Католического Вуду, оно стало очередной его победой.

Становление – это работа. Незримая, упорная, тяжелая…

Я утверждаю, что Католическое Вуду явилось миру в тот самый миг, когда молодой хунган Мбота, известный теперь как святой Мбота, осознал, что достиг потолка и больше ему рассчитывать не на что.

В тот самый миг. Ни часом раньше, ни минутой позже.

Духи Лоа любили этого гаитянского мальчишку. Его привечали все тринадцать пантеонов. Он обладал огромной силой, вполне достойной его невероятного честолюбия.

К двадцати семи годам будущий святой добился всего, о чем мог мечтать колдун Вуду. Пройдя обучение на Гаити и в Новом Орлеане, Мбота перебрался в Калифорнию и вскоре стал самым авторитетным хунганом Лос-Анджелеса. К нему обращались за советом миллионеры, государственные чиновники и видные бандиты, к его слову прислушивались все американские колдуны, его уважали гаитянские и африканские

старейшины. Авторитет Мботы был столь велик, что с ним не рисковали ссориться даже «люди леопарда». Но это был предел.

Предел для колдуна.

В двадцать семь Мбота понял, что впереди его ожидают тридцать, сорок, а то и пятьдесят невыносимо скучных лет, каждый день которых будет похож на предыдущий. Его власть была весомой, но не всеобъемлющей. Миллионеры и государственные деятели выслушивали предсказания хунгана, следовали его советам, но никогда и никому не признавались в связи с ним. Мботу называли великим, но он не мог выйти из тени, в которой пребывало Вуду. В двадцать семь, пройдя через все ступени, оказавшись на самой вершине Вуду, Мбота осознал, что хочет большего.

И понял, что покончит с собой, если ничего не изменит.

Вы не найдете этой детали в канонической биографии основателя Католического Вуду. Я знаю о ней от самого Мботы и уважаю его за то решение и за ту одержимость, с которой он взялся за дело.

За то, что поставил на кон собственную жизнь.

Необходимо отметить, что Мбота задумался о своем будущем едва ли не в самый подходящий для этого момент. Как раз тогда статистические агентства сообщили, что доля исповедующих ислам европейцев перевалила за шестьдесят процентов. Албанцы и французы все настойчивее требовали от Европарламента привести конституцию в соответствие с законами шариата, а призывы папы к взаимопониманию вызывали глухое недовольство католиков. Ватикан не понял, что времена изменились, и то, что раньше воспринималось жестом доброй воли, виделось теперь признаком слабости.

А слабых не любят. Мбота понимал это, как никто другой.

Его дальнейшие шаги были точны и продуманны.

Молодой хунган разработал план, в котором набросал принципы нового христианского направления и изложил действия, необходимые для создания полноценной церкви. Он представил план на суд старейшин и добился сдержанного одобрения: лидеры Вуду не сумели распознать угрозу, не поняли, что идеи Мботы нанесут удар не только по католичеству, и дали хунгану

шанс. Собственными руками выкопав себе могилу.

Заручившись поддержкой старейшин, Мбота принялся формировать команду, привлекая на свою сторону молодых хунганов и мамбо. Его сила, его авторитет и его идеи понравились вудуистам, они увидели в них свет будущего, возможность выйти на первые роли в обществе, обрести власть. Сильные, азартные, честолюбивые и убежденные… Они без сожаления расправлялись с теми, кто отвергал замысел Мботы. По миру прокатилась волна убийств, места погибших колдунов занимали проповедники нового учения. Опомнившиеся старейшины потребовали от Мботы прекратить безобразие, они поняли, что перестройка коснется и самого Вуду, но было слишком поздно. Сторонники реформации отбили нападение на свой центр в Новом Орлеане и перешли в наступление, окончившееся грандиозной резней на Гаити. Так Мбота совершил первое невероятное дело в своей жизни: объединил разрозненных колдунов Вуду, заставив их признать свое абсолютное главенство.

Но этого ему было мало.

Книга нового учения – «Послание Мботы» – вышла в свет одновременно с папской буллой «О принципах добросердечных отношений» и нанесла сокрушительный удар по позициям Ватикана. Гений Мботы проявился в том, что он сумел подвести под традиционную, но несколько странную связь между Вуду и христианством крепкую, логически обоснованную базу. Его знаменитые «Выводы», в которых остроумно доказывалась божественная природа духов Лоа, смутили умы не меньше, чем демонстрация «чудес», свершаемых под сенью креста. А появившиеся вскоре мученики – десятки хунганов подверглись нападению фанатиков – еще больше укрепили позиции Католического Вуду.

Ведь если человек готов умереть за веру, значит, она того стоит.

Мбота давал простые и ясные ответы на давно назревшие в среде католиков вопросы.

Должна ли Традиция быть сильной? Да.

Должна ли Традиция защищать свои ценности? Да.

Должна ли Традиция менять взгляды в угоду политической конъюнктуре? Нет.

Что делать, если действия светских властей угрожают интересам Традиции? Указывать им на

ошибки.

В тридцать пять лет Мбота основал монашеский орден Замби Всемогущего, который стал и крупнейшим теологическим центром Католического Вуду, и кузницей кадров для высших эшелонов Традиции. В сорок три года Мбота стал первым настоятелем храма Иисуса Лоа. В сорок девять объявил о создании Конфедерации стран Католического Вуду, объединившей изрядную часть Африки, а также Центральную и Южную Америку. Мбота не вводил теократию, оставляя управление в руках светских властей, но закреплял роль Католического Вуду на конституционном уровне, заставляя считаться с собой и де-факто, и де-юре. К тому же он прекрасно понимал, что простые люди ждут от него не только чудес, а потому всерьез занялся проблемами, казавшимися неразрешимыми. Распространяя Католическое Вуду, Мбота сумел истребить троцкистов, вносящих хаос в жизнь многих американских стран, практически искоренил межплеменные распри в Африке и даже поставил на место корпорации, убедив их, что время диктата прошло – пришла пора договариваться на взаимовыгодных условиях.

Регионы, столетиями считавшиеся поставщиками ресурсов для развитых государств, подняли голову, на мировой карте сформировался новый центр силы, и все это случилось благодаря тому, что в один прекрасный день двадцатисемилетний хунган понял, что достиг потолка.

Мбота умер в пятьдесят один год. Умер своей смертью, успев сполна насладиться достигнутым. Его империя продолжает жить до сих пор, играет важную роль на мировой арене, и многие аналитики задаются вопросом: как бы пошло развитие человечества, если бы не появилась Конфедерация?

А вот меня гораздо больше занимает другая тема: что стало бы с католичеством, если бы Мбота не вдохнул в него новую силу?

Является ли Католическое Вуду прямым наследником христианства?

Оно сохранило старый сосуд, трансформировав его содержимое. Не наполнило мехи новым вином, а переделало старое. Изменило Слово.

Появление Католического Вуду уникально еще и

потому, что никогда прежде еретическое течение не превосходило по своей силе материнскую церковь. И этот факт позволяет говорить не о ереси, а о трансформации. О ревизии.

Вудуисты расчетливо стремились к власти. Они отыскали слабое место и ударили в него. Мботу вели вперед идеи материального мира, но, несмотря на это, он сумел сформировать полноценную Традицию.

книга Урзака

Часть II

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Башня Стражей»
маленькой рыбкой легко подавиться

– Его зовут Вим Дорадо, он музыкант, – доложил стоящий навытяжку Аль-Гамби. – Выступает в дорогих ресторанах и клубах. Пользуется популярностью.

На этот раз Хамада встретили совсем не так, как несколько дней назад. Ему не предложили присесть, не улыбались и смотрели на майора холодно, жестко.

Все правильно – не оправдал.

Генерал Аль-Кади угрюм, периодически вертит шеей, словно ему жмет воротник белоснежной сорочки. Шейх Аль-Темьят откровенно зол, перебирает четки, глядя куда-то за спину майора, и только личный секретарь султана Наиф Тукар скрывает эмоции, выглядит таким же спокойным, как и на предыдущей встрече.

– Почему вы решили, что он тот самый dd, что побывал в доме Банума? – осведомился генерал.

– Вим Дорадо засветился в поезде, проходящем через Северные Альпы, – сообщил Аль-Гамби. – Во время проверки ему удалось обмануть полицейских…

– Их наказали? – перебил майора шейх.

Аль-Темьяту не терпелось сорвать на ком-нибудь злость.

– Действия полицейских будут расследованы службой внутренней безопасности, – ровно ответил Хамад.

– Хорошо.

Аль-Гамби выдержал очень короткую паузу и продолжил:

– Дорадо обманул проверяющих. Его «балалайка» оказалась в полном порядке, а легенда – безупречна.

– Что за легенда? – не унимался Аль-Темьят.

– Дорадо сообщил, что возвращается с гастролей, и проверка по сети подтвердила его слова.

– Его прикрывали машинисты?

– Его прикрывали очень хорошие машинисты, – подчеркнул Аль-Гамби.

Шейх не мог не знать об атаке на вертолеты и о взломе внутренней сети Европола, однако Хамад не стал заострять на этом внимание. Прозвучал вопрос – прозвучал ответ.

– Продолжайте, майор, – сдержанно попросил Тукар.

И замолчал. Но все поняли невысказанное обращение к Аль-

Темьяту: «Не мешайте человеку отчитываться!»

– Когда мы добрались до компьютеров dd, то обнаружили следы активности в австрийских сетях. Я приказал перепроверить всех, кто заявил, что едет из автономии, и не просто просмотреть сетевые отчеты, а звонить лично и в случае необходимости подключать австрийский Европол. Из отеля, на который сослался Дорадо, пришел отрицательный ответ. Я немедленно направил в дом Дорадо группу захвата, но мы опоздали. Он ушел.

– Куда? – Аль-Темьят плевать хотел на намеки Тукара.

– Соседям Дорадо сообщил, что собирается на гастроли в Дюссельдорф и вернется через неделю. На самом же деле он сбежал из города. Я уверен в этом потому, что Дорадо снял все деньги со счета, предоставив банку липовый контракт на приобретение недвижимости.

Таков был самый распространенный способ быстро и без ненужных расспросов опустошить свой официальный счет. В банк отправлялась копия договора, очень похожего на настоящий, деньги переводились по указанным реквизитам, а дальше стремительно разлетались в офшоры. Сейчас сбережения Дорадо лежали на островах или в каком-нибудь Анклаве.

– Тем не менее я не услышал ответа на свой вопрос, – злобно проворчал Аль-Темьят.

– А вот мне интересно, почему Дорадо вернулся? – перебил шейха Аль-Кади. – Почему не побежал сразу? После того как понял, какие меры принимаются для его поимки.

– Возможно, в Мюнхене его ждал заказчик? – предположил Тукар.

– Он мог перенести встречу.

– Дорадо арендовал банковскую ячейку, – сообщил Хамад. – Перед отъездом он ее опустошил.

– В банковских ячейках редко хранят вещи, которые дороже жизни. Мы дышали Дорадо в затылок, он не мог этого не понимать, он профессионал. И все равно вернулся.

– Этой ночью в Blumenmarkt случилась крупная перестрелка, – вновь вступил в разговор Аль-Гамби. – Осведомители сообщают, что произошла стычка между Триадой и вудуистами.

– Девку на месте преступления видели? – Аль-Темьят, чья ненависть к Католическому Вуду была общеизвестна, сразу же осведомился насчет Каори.

– Нет.

– Что за девка? – поинтересовался Тукар.

– Пару дней назад в Мюнхен приехала Каори, – неторопливо ответил Аль-Кади. – Мамбо из ближайшего окружения Ахо.

– И вы промолчали?!

– Все, кто должен был знать о появлении Каори, знали, – высокомерно заявил шейх.

Личный секретарь остался спокоен, однако бросил на Аль-Темьята быстрый и совсем не дружелюбный взгляд.

– Каори часто появляется в Исламском Союзе, – примирительным тоном произнес генерал. – Она любовница Папы Джезе, архиепископа из Франкфурта, который приехал в Мюнхен на несколько часов раньше. Я распорядился не спускать с них глаз, но они вели себя, как обычно: развлекались и трахались.

– Если бы вудуисты прознали о книге, они бы полезли в дом Банума сами, а не доверились бы какому-то там dd, – проворчал шейх. – И скажите мне, в конце концов, где сейчас находится Дорадо?

– Он выехал во Франкфурт, – отрапортовал майор.

– В вотчину Папы Джезе, – заметил Тукар.

– Это еще ни о чем не говорит, – махнул рукой генерал.

– Откуда вы знаете, что Дорадо во Франкфурте? Он что, выехал под своим собственным именем?

– Так точно, – кивнул Аль-Гамби. – Полагаю, Дорадо решил не тратить время на пластическую операцию, а потому не смог воспользоваться фальшивой «балалайкой». В Анклаве же у него наверняка есть надежные друзья, у которых он может отсидеться, сменить внешность и спокойно продолжить путешествие.

– Бегство, – поправил майора Тукар.

– К сожалению, именно путешествие. Как только Вим Дорадо поменяет лицо и документы, отыскать его станет крайне сложно.

– Сколько времени уйдет на пластическую операцию?

– Три-пять дней. Зависит от того, как сильно он решит измениться.

– Не дайте ему лечь под нож, – быстро сказал Тукар.

– Что вы имеете в виду?

– Объявите контракт на его голову. Большой контракт. Позаботьтесь о том, чтобы о вознаграждении узнал каждый житель Анклава. И Дорадо не рискнет делать операцию, он попросту не сможет никому доверять, даже самым надежным друзьям.

– Мысль хорошая, но есть недостатки, – протянул Аль-Кади.

– Какие?

– Охотники за головами – люди простые, высока вероятность того, что они убьют Дорадо при поимке.

– Особо отметьте, что Дорадо нужен нам только живым.

– Вы обсуждаете не тот вопрос, – небрежно подал голос шейх. – Вы ищете dd, а должны искать книгу.

– Дорадо – наш единственный след, – язвительно напомнил генерал. И внимательно посмотрел на Аль-Темьята. – Кстати, а вашими методами можно отыскать беглого dd?

Тукар прищурился. Хамад насторожился: что еще за «ваши методы»?

– Не сейчас, – угрюмо ответил шейх. – Я работаю над этим вопросом, и… и мы должны принять все меры, чтобы нас не опередили. Квартира Дорадо опечатана?

– Так точно.

– Заберите из нее все, абсолютно все, вплоть до пустых бумажных пакетов. Мои помощники проследят за выполнением приказа. – Аль-Темьят покосился на генерала. – Возможно, вудуисты действительно оказались в Мюнхене случайно, но лучше не рисковать.

Тот кивнул с видом человека, понявшего смысл услышанного.

– Что будем делать, если Дорадо уже отдал книгу заказчику? – протянул Тукар.

– Логичное замечание, – вздохнул немного успокоившийся Аль-Темьят. – Давайте, чтобы не тратить зря время, узнаем, что стало с книгой.

– Каким образом?

– Нам известно его имя, нам известен номер его «балалайки», давайте с ним свяжемся.

– Позвоним?

– И спросим, где книга.

Полицейские переглянулись. Тукар удивленно посмотрел на шейха:

– Вы шутите?

– Я абсолютно серьезен, – бросил Аль-Темьят. – Мы заигрались в шпионов, господа. Вместо того чтобы строить сложные планы, надо просто позвонить человеку и узнать, что происходит.

– А если он нам соврет?

– Тут все зависит от компетенции переговорщика.

Аль-Кади кашлянул.

– Я взял на себя смелость проверить «балалайку» Дорадо, – негромко произнес Аль-Гамби. – Она заблокирована на входящие звонки, вызов отклоняется, а в ответ приходит номер незарегистрированного коммуникатора.

– Откуда приходит?

– С сетевой службы автоответчиков.

– На коммуникатор не звонили?

– Нет.

Шейх покосился на собеседников:

– Кто-нибудь против? – Аль-Кади и Тукар отрицательно покачали головами. – Кому доверим вести переговоры?

– Я возьмусь, – проворчал генерал. – Это будет логично.

– Согласен. – Аль-Темьят перевел взгляд на Хамада: – Набирайте номер. И не забудьте записать разговор.

На несколько секунд в кабинете установилась тишина. Майор, с молчаливого разрешения Аль-Кади, поколдовал над настольным коммуникатором генерала, после чего ввел нужную комбинацию цифр и скромно отошел к стене.

Дорадо отозвался почти сразу:

– Да?

– Говорит генерал Аль-Кади. Вам известно, какую должность я занимаю?

«Пока занимаешь!» – мрачно подумал шейх.

– Я ждал вашего звонка, господин генерал, – вежливо отозвался Вим.

– Вам удалось обмануть Европол, – хмуро продолжил Аль-Кади, – но закончен только первый раунд. Надеюсь, вы оценили размах операции, которую мы провели против вас?

– Вполне. И ее результат тоже.

Генерал порозовел.

– Мы будем продолжать преследование до тех пор, пока не добьемся успеха. Вы профессионал, Дорадо, вы понимаете, что мы сможем найти вас где угодно, в любом государстве, в любом Анклаве.

– Еще я понимаю, что ищете вы не меня, а книгу.

– Надеюсь, вы еще не отдали ее заказчику?

– Книга у меня, – тихо, но твердо произнес Дорадо.

– Хорошо, что вы не стали юлить, – похвалил собеседника Аль-Кади. – Мне нравится ваш подход к делу.

– Зачем скрывать очевидное?

«Он спокоен, – отметил Хамад. – Он не играет, он действительно спокоен. Он давно понял, что его раскроют».

– Наше предложение очень простое: вы возвращаете книгу, мы снимаем обвинения. Вам будет запрещен въезд в Исламский Союз, но преследовать вас мы не станем.

– Звучит заманчиво.

– Мы понимаем, что заказчик не предупредил вас о ценности книги. Вы действовали профессионально, вы спасали свою жизнь, а поэтому мы закроем глаза на гибель нескольких полицейских. Что скажете, Вим Дорадо?

– Полагаю, вам следует добавить к предложению некоторую сумму.

Аль-Кади с трудом сдерживал ярость и едва не сорвался на

крик:

– Не заигрывайтесь, Вим Дорадо, вы не в том положении, чтобы ставить условия. Сейчас я готов пойти на сделку, но если вы меня разозлите…

– За книгой идет много серьезных людей, – перебил генерала dd. – И каждый советует его не злить. Что прикажете делать?

Шейх подался вперед.

– Кому еще нужна книга? – быстро спросил Аль-Кади. – На кого вы работаете?

– Ответ прост: единственный для меня выход – устроить между вами честный аукцион, – продолжил Вим, не обратив внимания на вопросы генерала. – Сами выясняйте, кто из вас круче.

Аль-Темьят шумно выдохнул, Тукар прищурился. Они понимали, что скажет султан, услышав это предложение. Что он скажет об их способностях.

– Вы сильно рискуете, Дорадо, – предупредил генерал.

– Я знаю, – вздохнул dd. – Но если я пойду на сделку с вами, за мной погонятся остальные.

– Полагаю, им еще неизвестно ваше настоящее имя.

– Это ненадолго. И кстати, если вы объявите контракт на мою голову, я исключу вас из числа возможных покупателей.

Аль-Темьят выразительно посмотрел на секретаря султана, тот молча пожал плечами. Генерал, чувствующий, что разговор подходит к концу, сделал последнюю попытку убедить наемника:

– Я добавлю к своему предложению миллион евродинов.

Выглядела попытка, мягко говоря, непродуманно.

– Аукцион, – отрезал Дорадо. – Я свяжусь с вами и сообщу, когда он пройдет.

Передача прервалась. В кабинете наступила тишина, и Аль-Гамби вдруг подумал, что вызвана она отнюдь не тем, что высокие лица обдумывают разговор. Судя по всему, каждому из чиновников очень хотелось от души выругаться, но они сдерживались и потому – молчали. Аль-Кади уставился в стол, Тукар изучал ногти, а шейх внимательнейшим образом разглядывал потолок. И лишь десять секунд спустя шеф баварской полиции нарушил молчание:

– Я доберусь до этого dd, даже если мы победим в аукционе. Он мне заплатит за наглость.

– Если вы начнете действовать сейчас, то аукцион пройдет без нас, – напомнил Аль-Темьят. – А этого мы не можем допустить.

– Не думаю, что Его Величество обрадуется, узнав, как нам тут вывернули руки, – обронил Тукар. – Ситуация, прямо скажем,

унизительная.

И покосился на майора.

«Вот и все, – спокойно подумал Аль-Гамби. – Вот и конец карьере».

– Генерал, если мы все-таки объявим охоту, какова вероятность успеха?

Вопрос задал Тукар, которому очень не хотелось выслушивать упреки султана. Личный секретарь султана не принадлежал к знатной фамилии и чувствовал себя наименее защищенным из всей троицы.

– Мы не знаем точно, в каком Анклаве находится Дорадо, – заметил Аль-Кади. – Вполне возможно, что Франкфурт стал перевалочной базой. Дорадо мог покинуть его по фальшивой «балалайке» или воспользоваться услугами Консорциума. В последнем случае мы вообще ничего не узнаем.

– А в первом?

– Свяжемся с СБА, попросим просеять изображения всех пассажиров, найдем несколько десятков похожих на Дорадо мужчин, проверим каждого…

– День работы, – понял шейх.

– А он тем временем переедет в следующий Анклав, потом еще в один, и пока мы будем связываться с филиалами СБА и просеивать пассажиров, у Дорадо появится возможность сделать сложную операцию.

После которой поиски придется начинать сначала. Теоретически игра в кошки-мышки могла продолжаться до бесконечности, но возможности беглого dd несопоставимы с ресурсами султаната, да и не заинтересован преступник в том, чтобы вечно бежать, не для того он зарабатывает деньги, чтобы тратить их на постоянные пластические операции. А в данном случае дело усугублялось тем, что сам преступник не был особенно нужен. Книга! Вот из-за чего поднялся шум. Предположим, через месяц или через год dd попадет в руки Европола, и Аль-Кади удовлетворит жажду мести. Но какое это будет иметь значение, если при нем не окажется книги?

– Если объявим охоту, Дорадо может отказаться от аукциона и заключить сделку с каким-нибудь другим покупателем, например с китайцами. Поднебесники не откажут: вывезут его к себе, дадут новое имя, новое лицо, ищи его потом по всей Азии.

Книга. В первую очередь книга. Если ее вернуть, султан простит все промахи.

– Значит, не надо рисковать, – подвел итог Тукар.

– Согласен, – вздохнул Аль-Темьят.

– Но отказываться от преследования Дорадо не стоит, –

добавил генерал. – Предположим, он все-таки во Франкфурте. Мы можем связаться с местным филиалом СБА и попробовать засечь его с помощью уличных видеокамер.

– Если он сдуру выйдет из дому без наномаски.

– Случайности иногда случаются.

– И что тогда?

– Отправим во Франкфурт группу спецназовцев, будут сидеть и ждать распоряжений. Это лучше, чем ничего.

– Пожалуй, соглашусь, – после некоторого размышления заявил Тукар.

– Пусть так, – кивнул шейх.

– А пока примем участие в аукционе…

И все вдруг посмотрели на позабытого майора.

«А ведь мы в одной лодке! – неожиданно понял Хамад. – Сделать из меня козла отпущения не получится: какое султану дело до мелкого полицейского? Он спросит с вас, шейхи, генералы и царедворцы. Вас он размажет по полу, если вы не принесете книгу. Всех троих. Ну, и меня за компанию».

– Хамад, ты все слышал, – веско произнес Аль-Кади. – Мы примем участие в аукционе, мы предложим Дорадо много денег, очень много, но конкуренты тоже не поскупятся. Поэтому ты обязан придумать, чем усилить предложение. Сделай так, чтобы Дорадо не смог от него отказаться. Мы должны победить.

«И тогда все будет забыто…»

Аль-Гамби судорожно сглотнул, но ответил твердо:

– Слушаюсь, господин генерал.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
хочешь о чем-то узнать – спроси

– Я добавлю к своему предложению миллион евродинов.

– Аукцион, – отрезал Дорадо. – Я свяжусь с вами и сообщу, когда он пройдет.

И отключил коммуникатор, не дожидаясь ни более заманчивого предложения, ни очередных угроз. Все, разговор окончен. Первые участники аукциона определились, остальные выйдут на связь в течение суток. Европол слишком большая организация, чтобы в ней не возникла утечка. А если и не возникнет, Кодацци позаботится о том, чтобы круг покупателей расширился. Сукин сын хорошо подготовился… Добраться бы до

тебя…

Но сейчас мысли Дорадо были заняты другим:

«Миллион динаров и отпущение грехов! С ходу! Почти не задумываясь! Что же это мы такое украли, а? Что же это за книга?»

Очень ценная.

А потому Вим с недоверием отнесся к заманчивому предложению арабов. Пообещать-то можно все, что угодно: много денег, вечную дружбу, даже дочь султана в жены. Почему бы не пообещать, пока книга у ловкого dd, а сам dd неизвестно где? Но кто потом вспомнит о данных под давлением обстоятельств обещаниях? Кто будет держать слово перед наемником, посмевшим встать на дороге у баварского повелителя? Возможно, сам шеф полиции действительно не прочь прекратить преследование – найти человека в Анклавах чрезвычайно сложно, – но вот что ему отвечать султану на вопрос: «Как там поживает обманувший тебя dd?» Дорадо понимал, что опозорил Европол и, как только необходимость в улыбочках и обещаниях отпадет, ему тут же вывернут руки. И не потому, что европейцы такие уж плохие – они обычные. Окажись на месте арабов американцы, китайцы или индусы, они бы поступили так же: благородство давно эмигрировало на страницы рыцарских романов. В жизни же каждый держится за свое место и не стремится демонстрировать начальству профессиональную непригодность.

Честь мундира, чтоб его!

Дорадо положил коммуникатор в карман и грустно усмехнулся. Молодец Кодацци, все рассчитал правильно: чтобы выжить, Виму придется выполнять все его приказы. Вот только…

– Не бывает совершенных планов, Чезаре, – пробормотал Дорадо. – Поверь – не бывает.

Потому что загнанные в угол люди ведут себя непредсказуемо. Одни сломаются, опустят руки и, возможно, даже закроют глаза, покорно ожидая своей участи. Точнее – когда кто-то другой определит их участь. Их девиз: «Что я могу сделать, когда меня обманули, подставили, кинули на растерзание?»

Драться!

Вот что отвечают те, кому безвыходная ситуация придает сил. Упрямство, которое можно назвать стойкостью. Агрессия, которую можно назвать злобой. И неправильно говорить, что такие люди неспособны на компромиссы: когда тебя прижимают к стене, компромиссов не существует, есть только условия, которые победитель диктует побежденным. А упрямцы не хотят жить проигравшими, никому не позволят распорядиться своей судьбой,

не опустят руки, будут драться.

И никто не скажет заранее, как поведет себя загнанный в угол человек. Известны герои – выдающиеся, талантливые, яркие, которые шли на все ради спасения собственной шкуры. Известны и обратные примеры, когда «серые мышки», забитые жизнью недотепы, неожиданно обнажали клыки и рвали обидчиков на части. Или погибали, сомкнув челюсти на горле врага.

Человеческий фактор.

Кодацци все рассчитал правильно: большинство людей, окажись они на месте Дорадо, приняли бы предложение, надеясь, что на этот раз их не обманут. Попытались бы сыграть по правилам Чезаре, отправились бы в Марсель, а не во Франкфурт…

О том, что Кодацци укрылся именно в Анклаве Франкфурт, Виму рассказала Хала. И не только об этом.

Дорадо поднялся на ноги чуть раньше. Поднялся, одновременно схватив правой рукой биту. И прежде чем женщина успела защититься, уклониться или хотя бы выставить руки, ударил ее по голове.

Удар по голове палкой только в кино решает все проблемы, повергая врагов в ужас и даруя герою маленькую, но заслуженную победу. В действительности же, в реальной, так сказать, жизни важен не сам удар, а то, когда он был нанесен. И с этой точки зрения Вим сильно рисковал. Они только что оторвались от погони, при этом преследователи, вполне возможно, продолжали кружить поблизости. Они находились в одном из самых опасных районов Мюнхена, в месте обитания самых настоящих отморозков, которые плевать хотели и на Европол, и на Триаду, – люди боятся, когда им есть что терять, а жители района Dresden даже собственную жизнь не ценили. Беглецы не были вооружены: в трофейной «дрели» оставалось всего четыре патрона. Они устали.

И именно в этот момент Вим ударил женщину. Превратил ее из спутника, готового прикрыть ему спину, в обузу, в пятьдесят килограммов костей, мяса, мозгов и прочей дряни, без движения валяющихся на полу. В явного врага, который, появись у него шанс, ответит не менее сильным ударом.

Дорадо знал, что рискует, но ему очень не нравилось быть пешкой в чужой игре. А изменить свою роль в спектакле можно, лишь получив дополнительную информацию, лишь допросив Халу.

Вим разложил трансера на грязном полу, проволокой примотал руки и ноги женщины к торчащим из стен трубам, а сам отправился на поиски необходимых для дальнейшего разговора предметов. К его безмерному облегчению, отыскать нужные вещи

не составило большого труда, и когда Хала очнулась, у Дорадо все было готово.

– Голова не болит?

Женщина сфокусировала на Виме полный ненависти взгляд.

– Ублюдок!

– Я не мог не воспользоваться ситуацией, – объяснил Дорадо. – Кодацци не знает, чем закончилась перестрелка.

Вим не ошибся. Судя по тому, как быстро, а самое главное – спокойно отреагировала Хала, именно эта мысль посетила ее перед нападением.

– Свалишь мое убийство на китайцев?

– Ага, – бесстрастно подтвердил Вим, небрежно постукивая пальцем по стоящей рядом с ним большой жестяной банке. В ответ доносился подозрительный шорох. – Но прежде ты расскажешь все, что знаешь.

– Чезаре бы тебя не кинул, – угрюмо произнесла женщина. – Когда мы обсуждали план, решили, что если ты выберешься из дома, то будем работать с тобой честно. Возьмем в долю.

– Теперь это не имеет значения, – вздохнул Дорадо.

– Пожалуй.

И отвернулась.

Связанная кукла с разбитой головой.

«Интересно, а как заживает измененная „под пластик“ кожа?»

Вим снова постучал по банке. На этот раз изнутри помимо шороха послышался недовольный писк.

– Я доберусь до Кодацци и убью его, – пообещал Дорадо. – Но прежде мне нужно кое-что узнать.

– Зачем мне откровенничать? Пообещаешь легкую смерть?

– Не деньги же тебе предлагать, – усмехнулся Вим. – У тебя получилась дерьмовая жизнь, Хала, не усугубляй ее еще более дерьмовым финалом.

Женщина нашла в себе силы рассмеяться:

– И это говорит какой-то поганый тапер? Да у тебя воли не хватит устроить мне дерьмовый финал!

– Я человек с прошлым, – неспешно произнес Дорадо, – и вы с Кодацци допустили ошибку, не узнав о нем. Потому что если бы вы докопались до моего настоящего имени и до моей биографии, то вряд ли решили меня подставить. – Тон, которым говорил Вим, заставил Халу притихнуть. – Я служил в Иностранном легионе, красавица, я принимал участие в пяти африканских кампаниях. Помнишь те недоразумения с вудуистами, что приключились лет пятнадцать назад?

– В Африке постоянно воюют, – хмуро ответила женщина.

Слишком уж много лакомых ресурсов. И любой рудник, любое

вновь открытое месторождение давали повод для очередной войны.

– Я вижу, ты поняла, что я имею в виду, – грустно улыбнулся Дорадо. – Но знаешь ли ты, как воюют в Африке? Вряд ли… Тогда постараюсь объяснить. – И вновь постучал по банке. – Ты помнишь, что творили в Белграде миротворческие войска Евросоюза?

Женщина вздрогнула.

– Сволочь! Ты был там!

– Нет, – покачал головой Вим, – новобранцев в Сербию не посылали, только проверенных ребят. Но я пять лет служил в Африке. Так что поверь: я сумею устроить тебе дерьмовый финал.

Хала предпочла промолчать. Возможно, она еще надеялась, что Дорадо блефует, пытаясь ее напугать. Возможно, искала в себе силы.

– У меня была жизнь, которая меня вполне устраивала, – мягко продолжил Вим. – Мне нравилось жить в Мюнхене и играть в ресторанах для жующих толстосумов. Жалкая карьера для музыканта? Я так не думал. Мне хватало адреналина в операциях dd. Я достиг равновесия: один Дорадо днем, другой Дорадо ночью. И ни разу за последние годы мне не снились кошмары. Поверь, для меня это много значит.

– Ты все равно ходил по лезвию, перевертыш, – хрипло бросила женщина. – Рано или поздно ты бы допустил ошибку.

– Знаю, – согласился Вим. – Но это не значит, что я должен прощать тех, из-за кого мне пришлось бежать. К тому же… – Дорадо помолчал. – Я вам не верю. Я видел много людей и знаю, что Кодацци постарается меня обмануть. Так что извини.

– Я тебя ненавижу!

Она вспомнила засаду у дома Банума, бегущего от полицейских dd и выстрелы в его преследователей. Заглянуть бы в будущее! Знать бы! И тогда пуля из «узала» полетела бы в Вима.

– В банке сидит крыса. – Дорадо вновь постучал по жестянке. – Я поймал ее, пока ты валялась без сознания. Она голодная, крысы всегда голодные, и злая, добродушие не их черта. Ей не нравится, что ее поймали, так же сильно, как мне не нравится, что меня подставили.

– У вас много общего. Поговорите друг с другом.

Она пыталась продержаться на кураже. Зря. Кураж, он не настоящий, за него цепляются слабаки. Сильный человек замолчал бы, постарался отрешиться от всего и не слушать, что говорит Дорадо.

– Я обнажу тебе живот и поставлю на него банку. – Вим медленно расстегнул на женщине рубашку и задумчиво погладил блестящую кожу. – Крыса не сразу поймет, в чем дело. Сначала она еще больше разозлится из-за того, что ее перевернули, потом

обнюхает тебя, ты почувствуешь, как усики щекочут кожу. Но это станет последним невинным ощущением. Через некоторое время крыса догадается, что у нее под лапами плоть, скорее всего потому, что поцарапает тебя когтями. Почувствовав кровь, крыса начнет грызть тебя, одновременно наедаясь и пытаясь найти выход из западни.

– Ты не посмеешь, – прошептала Хала.

– А ты будешь жить. И чувствовать, что тебя едят.

– Не посмеешь…

Но видела – посмеет. Еще как посмеет. Перед ней сидел не маньяк, не психопат и не садист, но человек, умеющий быть и маньяком, и психопатом, и садистом. Ветеран локальных африканских войн.

– Кодацци сказал, что ему нужен человек, не склонный к излишнему насилию. Я избегал насилия не потому, что боюсь крови, а потому что она мне надоела. И я очень недоволен тем, что из-за вас мне вновь пришлось окунуться в грязь.

Они помолчали. В банке шуршала крыса.

– Теперь, когда каждый из нас готов к началу переговоров, я задам тебе первый вопрос…

Люди, люди, люди…

Страны Исламского Союза считались перенаселенными, однако только в Анклавах было видно, куда может завести неконтролируемое размножение. Многоэтажные улицы, многоэтажные деловые центры, многоэтажные жилые дома, многоэтажные трущобы. И повсюду – люди. Арабы, белые, китайцы, негры… Женщины в паранджах и хиджабах, безы в серой форме, муниципальные служащие и бродяги, клерки в костюмах и работяги в комбинезонах, и все куда-то идут, все куда-то торопятся, у каждого есть дело, есть заботы.

Люди…

Их много, и с каждым днем становится все больше и больше. Они делят между собой то, что еще в состоянии дать планета, и стараются не думать уже о послезавтрашнем дне. А ведь мир, который живет настоящим, тоже не стоит на месте – он катится в пропасть. И скоро начнет жить прошлым.

Люди.

Вим поймал себя на мысли, что немного отвык от подобного количества окружающих, что испытывает некоторое неудобство и даже легкое беспокойство.

Маленькая рыбка мечтала спрятаться в океане, но испугалась, что растворится в нем…

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Испанский квартал
грехи одних отцов падают на других отцов

В любом Анклаве мира на счету каждый акр, каждый квадратный метр, каждый дюйм. Любая свободная или освободившаяся территория сразу же оказывается под пристальным вниманием строительных воротил или муниципальных властей. Закрылся магазин – недели не пройдет, а на его месте уже откроется другой. Или кафе, или бордель. Рухнул дом – немедленно поднимем следующий. Уличный торговец запоздал с оплатой аренды? Ему на смену придет более аккуратный бизнесмен, либо на освободившийся асфальтовый пятачок воткнут торговый автомат. Или рекламный щит. Деревья и кустарники давно изгнаны в большие парки, а что такое клумбы и газоны – помнят лишь жители корпоративных кварталов: перенаселенные Анклавы нуждаются в широких мостовых и широких тротуарах. На протесты экологов власти отвечали стандартно: повальное использование электрического транспорта решило проблему загрязнения воздуха. И большая часть городских насаждений была уничтожена.

Именно благодаря этой политике старая церковь лишилась небольшого уютного сквера, и теперь ее стены выходили прямо на улицу. Впрочем, настоятеля собора гораздо больше волновали души прихожан, а не поведение муниципальных властей.

– Вы хотели о чем-то спросить, сын мой?

Вечерняя служба давно закончилась, добрые католики разбрелись по домам, и в храме остался лишь один мужчина, невысокий крепыш, одетый в неприметную темную куртку и брюки. Охранник предложил настоятелю вывести припозднившегося посетителя, однако священник воспротивился: «Возможно, у человека серьезные проблемы» – и, несмотря на усталость, подошел к мужчине.

– Да, отец, да…

– О чем?

– Я… – Мужчина замялся. – Я хочу понять, в чем сила нашей веры, отец?

– В нас, – спокойно ответил священник. – В ком же еще?

И кивнул стоящему неподалеку охраннику: «Все в порядке».

– Так просто?

– А вы ищете сложный ответ на простой вопрос?

– Я ищу себя.

– А мне кажется, вы ищете помощь.

– Одному мне не справиться, – криво усмехнулся мужчина. – Жизнь непростая штука, знаете ли.

– Знаю, – кивнул священник.

– Я много раз слышал фразу, что каждый прокладывает свою дорогу к Богу.

– Можно сказать и так.

– Тогда ответьте, как понять, истинная моя дорога или нет? – Священник открыл было рот, но мужчина не позволил ему говорить: – Но прежде чем вы что-нибудь скажете, не забудьте о том, что вы работаете водителем автобуса на этом маршруте.

– Еще меня называли почтальоном и оператором связи, – рассмеялся священник. – Людям нравится мыслить образно.

– А вы ощущаете себя почтальоном?

– Нет, я ощущаю себя священником. Не более, но и не менее. Я ощущаю себя тем, к кому приходят за советом и поддержкой. К кому приходят в радости и в горе. Я вижу улыбающихся невест и закрытые глаза умерших. Я стараюсь найти слово для каждого, сын мой, потому что именно оно, Слово, было в начале всего, а уже потом появились трансплантаты и таблетки.

– Но куда ведет ваше Слово?

– По правильному пути, сын мой.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю, я верю. Я верю в Бога и верю в человека. Я верю в заповеди, которые Он дал нам, и считаю, что их соблюдение сделает мир лучше. Я верю в раскаяние и всепрощение. Я верю.

– Но что поддерживает вашу веру, отец?

– А что породило сомнения в вас? – Священник окончательно взял инициативу в свои руки.

– Сомнения… – Мужчина качнул головой, словно пытаясь стряхнуть неприятные воспоминания. – Не так давно я убедился в существовании божественной силы.

– Вам повезло, – серьезно сказал священник.

– Не уверен, – прищурился мужчина.

– Вам было видение?

– Нет.

– Вас посетил ангел?

– Тоже нет.

– Вы расскажете мне о своем опыте?

– Я… – Мужчина замялся, с трудом подбирая нужные слова. – Я видел нечто необъяснимое с точки зрения современной науки. Нечто, выходящее за рамки… А где грань между чудом и колдовством?

– То, что от Бога…

– А как определить, что идет от Бога? Может, Бог у нас у всех один? Просто обращаемся мы к нему по-разному? – В его глазах вспыхнули огоньки. – Может, все дело в водителях автобусов?

Но священник не позволил увести разговор в другое русло. Он понял или почувствовал, что задержавшийся в храме мужчина не врет, что он действительно видел нечто, выходящее за повседневные рамки, – во всяком случае, так ему кажется, – и теперь полон решимости узнать, в чем дело.

– Что вы видели?

– Это не имеет никакого отношения к католической церкви, – неожиданно холодно ответил мужчина. – И в этом причина моих сомнений.

– Вы видели фокусы колдунов Вуду?

Горячность священника заставила мужчину улыбнуться:

– Вы все-таки водитель автобуса, отец, вы патриот своего маршрута.

– Я верю в свой маршрут.

– И как вы объясняете пассажирам фокусы Вуду?

– Человек слаб. Ему кажется, что настоящая сила заключена в умении убивать на расстоянии.

– Необъяснимым образом!

– Объяснить можно все, – отчеканил священник. – Другое дело, что колдуны Вуду боятся говорить о себе правду, поэтому и рядятся в наши одежды. Волки, прикрывающиеся именем Господа! К которому не имеют никакого отношения.

– Недовольные кардиналы думали иначе!

– Погрязшие в распутстве предатели!

– Кто же сделал их высшими иерархами нашей церкви?

Священник отвел взгляд.

– Или они лгали нам? Лгали прихожанам?

– Они оказались слабы.

– Кардиналы, – напомнил мужчина. – Мы говорим о кардиналах, которые восприняли фокусы колдунов Вуду. – Он помолчал. – Так где же эта проклятая грань между колдовством и чудом? Ведь, как вы правильно заметили, вудуисты творят свои деяния, прикрываясь именем нашего Господа! Почему он не реагирует?

– Испытание, ниспосланное нам…

– Все говорят об испытании!

Охранник, решивший, что мужчина вот-вот взорвется и его поведение станет непредсказуемым, сделал неуверенный шаг вперед. Однако священник тоже не остался равнодушным, не сдержал эмоции:

– А как вы называете свою «балалайку»? Может быть,

табуреткой? Или фильмоскопом? Или деревом? Если предмет или процесс имеет название, полностью отвечающее его сути, то все мы будем называть его одинаково! Да, колдуны Вуду заманивают души сатанинскими фокусами. Да, они паразитируют на имени Господа нашего! Да, это испытание, ниспосланное нам! Испытание! И мы сумеем его превозмочь!!

На некоторое время в храме повисла пауза. Почти минуту священник и мужчина смотрели друг на друга, после чего посетитель медленно поднялся на ноги и хрипло произнес:

– Вы хороший водитель автобуса, отец.

– Спасибо, сын мой, – вздохнул священник. – Идите с Богом.

– И вы умрете раньше, чем разочаруетесь в своем маршруте, – пообещал мужчина. – Клянусь, я этого не допущу.

Святой отец не понял смысла последней фразы. Не успел понять. Точнее, он и представить себе не мог, что она может иметь именно такое значение.

Святой отец ответил просто:

– Я никогда не разочаруюсь.

И услышал:

– Я знаю.

Первым выстрелом мужчина убил охранника. Одно неуловимое движение руки, приглушенный хлопок, и человек в униформе навзничь падает на каменный пол собора. Его нога еще дергается, а ствол пистолета уже упирается в голову священника.

– Не хотите что-нибудь сказать, святой отец?

– Вы обязательно раскаетесь в содеянном, сын мой, – очень спокойно произнес священник и перекрестился. – И я знаю, что раскаяние ваше будет искренним…

Его слова оборвал выстрел.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Palmenviertel
собор Святого Мботы
утро, паршивое настроение

Когда-то давно, на самой заре образования Анклавов, некоторые ученые поспешили объявить их уникальными полигонами, моделирующими социум будущего. Не политическое устройство, но общество. К чему приведет грандиозное смешение различных этнических и религиозных групп? К чему приведет отсутствие языкового барьера? Который исчез, благодаря вшитым

в «балалайки» программам-переводчикам. Переплетутся ли этносы, между которыми рухнули все возможные границы? Сольются ли в нечто передовое, устремленное в будущее? Явится ли миру новый человек, порождение общества, лишенного диктата политиков? Каким он будет?

Волей-неволей зарождающиеся Анклавы стали грандиозным экспериментом. Ученые прогнозировали, писатели фантазировали, а люди просто жили. И предпочитали не смешиваться. Жить рядом, но не вместе. Хранить свою самобытность, ибо только она объединяла «лишившихся диктата политиков» людей.

«Не доверяй чужакам – обманут!»

А не объединяться не получалось: одиночкам в Анклавах приходилось туго.

Возможно, если бы СБА изначально контролировала жизнь простых обитателей новых образований так же внимательно, как сейчас, развитие пошло бы совсем по другому пути. Но образовавшие Анклавы корпорации только учились жить отдельно от государств, совершали ошибки и заботиться о населении стали лишь после целого ряда бунтов.

Они опоздали.

И «уникальные полигоны, моделирующие социум будущего» превратились в конгломераты этнических территорий, с двумя, максимум – тремя, «зонами смешения». Китайцы отдельно от арабов, индусы от негров. Иногда границы территорий определялись весьма условно. Иногда посреди улиц возводили обтянутые колючей проволокой стены.

И никто не мог сказать, появится ли когда-нибудь новый человек?

Да и нужен ли он кому-нибудь?

Palmenviertel, район Анклава Франкфурт, контролируемый вудуистами, располагался весьма удачно. С трех сторон «Дикие пальмы» подпирали корпоративные территории, а с четвертой – тихий Мадрас, индуистский район, в котором достаточно спокойно относились к Католическому Вуду. Благодаря этому Palmenviertel ни разу не переживал прелести уличных боев, а если у вудуистов и возникали проблемы с какой-нибудь этнической группой, то решались они на «смешанных» территориях. СБА в Palmenviertel вудуисты не допускали, поддерживали порядок своими силами, а потому чувствовали себя на территории действительно как дома.

– Ему некуда бежать, кроме Анклавов, – в очередной раз повторил Папа Джезе. – А значит, мы его найдем.

Они покинули Мюнхен на личном самолете архиепископа, решив не дожидаться, пока какая-нибудь шестерка поведает Европолу об их участии в ночной перестрелке у Изольды. Даже в отель заезжать не стали, велев двойникам срочно прибыть в аэропорт. А оказавшись в Анклаве, отправились в резиденцию Папы Джезе – в небольшой, с любовью выстроенный собор Святого Мботы.

– А если Дорадо в Рио? – парировала Каори. – Или в Кейптауне? Или сменил лицо? Или договорился с китайцами?

Настроение мамбо испортилось еще в Мюнхене, на заднем дворе Изольды. С тех пор потерявшая след Каори срывалась на всех подряд и никак не могла успокоиться, сосредоточиться и неспешно обдумать дальнейшие шаги. Даже информация от осведомителя, сообщившего, что Европол подозревает в причастности к ограблению дома Банума некоего Вима Дорадо, не заставила девушку прийти в себя. Слишком уж хорошую награду пообещал мамбо Ахо, и боязнь оступиться заставляла обычно хладнокровную Каори нервничать.

– Через час физиономия Дорадо будет в «балалайке» каждого нашего человека, – пообещал архиепископ. – Мы его отыщем.

– Он ведь тоже не дурак и все прекрасно понимает. Наверняка загримировался так, что родная мать не узнает! Он же dd! Привык прятаться! – Мамбо нервно хрустнула пальцами. – Я его убью!

Джезе вздохнул и про себя отпустил в адрес Ахо крепкое ругательство.

– Почему ты не хочешь позвонить Дорадо?

– Позже.

– Что изменится через час? Или через два?

– Я успокоюсь.

«Ну, наконец-то!»

Это был первый осмысленный шаг мамбо за последние несколько часов, и архиепископ не смог скрыть улыбку.

– Похоже, ты возвращаешься. – И увернулся от брошенной туфли. Рассмеялся. – Каори, любимая, мы добудем эту чертову книгу…

Но девушка не слушала, она размышляла вслух:

– Дорадо дал номер коммуникатора… Хочет получить наилучшее предложение?

– Устроит аукцион, – согласно кивнул Джезе. – Мы и арабы. Возможно, китайцы.

– Плохо.

– Почему? Нам ведь нужна книга, черт бы ее побрал!

– Если придется платить, Ахо не сможет ввести меня в Совет

мамбо, – буркнула Каори. – Я должна совершить подвиг.

Архиепископ крякнул и еще раз обругал настоятеля храма Иисуса Лоа. В душе, разумеется, обругал, но очень и очень грязно.

– Я должна была проникнуть в дом Банума.

– Мы скажем, что ты это и сделала, – предложил Джезе. – Просто потом на нас напали и похитили книгу. Скажем, что я допустил оплошность.

– При чем здесь ты?

– Тебе подвиги, мне ошибки. Я могу себе это позволить.

А для чего еще нужны друзья? Архиепископ был готов на все, лишь бы его женщина с неземными сапфировыми глазами получила то, что хотела. Ни одна «куколка» не могла рассчитывать на подобное к себе отношение со стороны Джезе.

– А на аукционе я заплачу из неизвестных церкви источников: у меня полно скрытых фондов.

Но Каори не услышала архиепископа. Или не захотела услышать.

– Если нам придется платить, на мой якобы подвиг не обратят внимания. Всех интересует результат. А результата нет.

– Хорошо, – процедил Джезе. – Мы найдем Дорадо. Обещаю.

– Мне нужно что-нибудь из его личных вещей!

– Осведомитель сообщил, что их стерегут как зеницу ока.

– Никого нельзя купить?

– Мы пытаемся.

Каори вздохнула, нервно прошагала по комнате в одну сторону, затем в другую, вернулась к дивану, на котором полулежал архиепископ, и хмуро бросила:

– Я все равно его убью. Даже если мне придется гоняться за ним всю жизнь.

– Будут другие победы, – отозвался Папа Джезе. – Через год или два ты войдешь в Совет мамбо.

– Нет, – качнула головой девушка, – сейчас. Я уже привыкла к этой мысли.

* * *

анклав: Франкфурт
транспортный узел им. Конрада Аденауэра
если ты ищешь, значит, ты живешь

«Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше».

Подавляющее большинство людей предпочитают понимать эту поговорку по-своему, стараются избегать ненужных тягот и

лишних хлопот. Они не ищут новое место, не порхают в поисках лучшей доли из Анклава в Анклав, из города в город, а обустраивают свой дом здесь и сейчас. Учатся, работают, ставят перед собой цели и добиваются их. Или не добиваются. Но стараются сформировать свой мирок так, чтобы даже в этом случае не терять привычного комфорта.

«Пусть я не стану верхолазом, зато на столе у меня будет еда, а дети смогут получить образование».

Подавляющее большинство людей отказываются от страстей и юношеского максимализма, удовлетворяясь тем, что у них есть. Тем потолком, который определили для них обстоятельства или собственная лень. Разумеется, никто из них не отказался бы стать диктатором или королем, возглавить корпорацию или полететь в космос, однако их пугают усилия. Риск, на который необходимо пойти.

> И ей не был нужен журавль в руке,
> Ей вполне хватало синиц.

Так пелось в одной старинной песне.

Создавай свой мир и радуйся ему. Зачем замахиваться на большее? И уж тем более незачем задумываться о вещах чересчур сложных, вроде устройства общества. Мир не изменить, а общество не оценит твои усилия. Будь тем, кто ты есть, и не рассчитывай на большее.

И когда-то молодой машинист по имени Ганс Шульц полностью разделял эту философию. Неофициальную, никем не высказанную, но правящую миром философию потолка.

Зажиточные родители оплатили Гансу учебу в университете. Он получил диплом специалиста в области сетей и приглашение в корпорацию, которое он, разумеется, принял. Жизнь входила в колею. Ее наметили другие, а Шульцу оставалось лишь протоптать, углубить и двигаться, не сворачивая, до самой смерти.

Ганс оказался хорошим специалистом: через год после поступления на работу его повысили, сделав заместителем начальника отдела. Он познакомился с милой девушкой, потом с ее родителями, потом сделал ей предложение. Она согласилась. Молодые люди сняли более просторную квартиру и готовились к свадьбе.

За неделю до которой Ганс Шульц совершил попытку самоубийства.

Он понял, что ноги его увязли в колее, а голова уперлась в потолок.

Трагедию списали на депрессию, вызванную усталостью и нервным напряжением. Свадьбу перенесли до выздоровления. Невеста появлялась в больнице каждый день. Руководитель отдела заверил, что Ганс сохранит свой пост. Вот только сам Шульц этого уже не хотел. Он знал, что возвращение в «нормальную жизнь» убьет его, что его рука вновь потянется к таблеткам. И не потому, что он хотел умереть, а потому, что он не видел, для чего стоит жить. Мир, казавшийся таким ярким и сочным, потускнел и потерял краски, превратился в колею и потолок, в тоннель, по которому тебя влечет мутный поток серых дней. И Ганс хотел знать – куда? Хотел знать, действительно ли наш мир всего лишь набор футляров? Хотел знать, может обычный человек пробить потолок или ему нужна горсть таблеток?

Ответы Шульцу дала Поэтесса.

Мир изменился, он совсем не таков, каким пытаются его представить цепляющиеся за власть вожди. Мир стал Цифрой, а Цифра стала миром. Любой человек способен повелевать им, подняв свой потолок до границ Вселенной.

Мир принадлежит нам.

Спустя два месяца после выписки из больницы Ганс Шульц исчез. Растворился в оцифрованном мире, уступив место ломщику под ником Сорок Два. Человеку, который знал ответы на все вопросы.

До недавнего времени…

– Свет истины открывается тому, кто ищет. Тому, кто верит. Обрати свой взор к Богу! Внимай Слову Католического Вуду!

Огромный экран вспыхнул ослепительным светом, видимо символизирующим поток истины, а затем под величавые звуки органа на нем появилось расписание служб в соборе Святого Мботы.

Назойливая реклама заставила сидящего на лавочке человека вздрогнуть и открыть глаза. И торопливо проверить лежащую на коленях сумку.

И лишь после того, как мужчина удостоверился, что его имущество никуда не делось, он, заметно успокоившийся, отыскал глазами причину внезапного пробуждения и негромко выругался:

– Чертовы колдуны.

И вновь прикрыл глаза, откинувшись на спинку скамьи.

В этом человеке не было ничего примечательного, ничего особенного, он полностью сливался с остальными пассажирами, ожидающими своих рейсов в зале Аденауэра. Наглухо застегнутая

темная куртка до колен, брюки, дешевые ботинки. Голова брита наголо, но так поступает большинство машинистов и многие из тех, у кого волосы с годами поредели. Ничем не выдающееся лицо сорокалетнего мужчины: в меру помятое, не так давно бритое. Мешки под глазами и морщины на лбу.

Внешне – заурядный человек из толпы, среднестатистическая единичка современного мира. А вот внутри… Умей безы сканировать мысли, они бы с удовольствием послушали откровения незаметного пассажира гигантского транспортного узла.

«Мы проиграли по своей вине!»

Среди машинистов Европола имелись и те, кто сочувствовал нейкистам, а потому Сорок Два уже знал, что полицейские вышли на сервер dd не через сеть, в которой мюнхенские ломщики заслуженно считались королями, а благодаря обыкновенной будничной работе.

«Полицейские отправились в город, обратились к людям с угрозами или обещаниями – не важно. Они вышли в мир, и мир, тот самый мир, который, согласно утверждениям Поэтессы, давно попал под власть Цифры, помог им. Реальный мир. А потом полицейские вытащили из голов „балалайки“ и вошли в небоскреб под видом рабочих. И охранная программа, которая должна была предупредить нас о появлении полиции, не сработала…»

А потом было четырнадцать трупов.

Четырнадцать нейкистов, беззаветно веривших в идеи Поэтессы, умерли потому, что в ее учении скрывался изъян.

«Мир еще не перешел под власть Цифры!»

Это был немыслимый для правоверного нейкиста вывод, однако Сорок Два не считал себя еретиком.

«Поэтесса права, ее логика безупречна и подтверждена. Но она поторопилась объявить о приходе эпохи. Мы находимся в начале пути, мы сами формируем мир Цифры, строим его, но старое никогда не уходит без боя. Существует нечто, желающее нам помешать. Существует нечто, еще не попавшее под власть Цифры».

И Сорок Два был полон решимости отыскать это нечто.

– Объявляется посадка на скоростной поезд до Анклава Москва…

Незаметный пассажир поднялся со скамьи и не спеша зашагал к нужной платформе. Сходить со своего пути он не собирался.

* * *

анклав: Москва
территория: Сити
«Пирамидом»
незваным гостям следует вести себя незаметно

Кабинет Максимилиана Кауфмана, директора московского филиала СБА, располагался на самой вершине штаб-квартиры, там, где под облаками сходились ребра черной пирамиды. В результате стены помещения оказались наклоненными под углом сорок пять градусов, однако размеры комнаты скрадывали этот маленький архитектурный недостаток. Или архитектурный изыск. Как говорится, с какой стороны посмотреть.

Обставить же кабинет директор филиала предпочел в духе минимализма: полоска широкого коммуникатора на высоте человеческого роста, несколько светильников, письменный стол с большим креслом во главе и четыре кресла для посетителей. Это был именно рабочий кабинет, комната ежедневных трудов – серьезные совещания Мертвый проводил в конференц-зале, а к себе вызывал лишь самых доверенных помощников.

Которые и расположились сейчас вокруг директорского стола.

Справа от Максимилиана, лицом к окну, сидел массивный, двухметрового роста здоровяк в брюках свободного покроя и рубашке с расстегнутым воротом: Грегуар Слоновски, официально – начальник отдела прямых переговоров, а фактически – командир личной гвардии Кауфмана, группы оперативников, готовых выполнить любой приказ директора.

Слева – худощавый молодой мужчина в безупречном классическом костюме, белоснежной сорочке и галстуке. Мишенька Щеглов – правая рука Кауфмана и один из лучших следователей СБА, начальник Управления дознаний.

Он и являлся докладчиком на этом совещании.

– Изучение «балалайки» Урзака позволило определить местонахождение его европейского дома. Мы навели справки и выяснили, что поместье было ограблено.

Сутки, прошли всего сутки с тех пор, как Мишенька и Слоновски ликвидировали Урзака. Именно они поставили точку в тяжелейшей схватке: расстреляли Банума из крупнокалиберного пулемета и сожгли тело. Смерть Урзака стала победой, однако Щеглов продемонстрировал обычную предусмотрительность: выдернул чип из головы врага за секунду до того, как Грег обработал труп огнеметом. Потом заставил машинистов СБА взломать «балалайку» и принялся изучать информацию. Щеглов никогда не останавливался на достигнутом, не расслаблялся, не

давал себе передышки, и его железная хватка сделала Мишеньку ближайшим помощником Мертвого.

– В смысле, поместье захватили арабы? – уточнил Мертвый.

– Нет, доктор Кауфман, именно ограблено. – Щеглов позволил себе улыбку. – Арабы появились у дома очень быстро, но их все равно опередили. Кто-то проник в поместье сразу же после смерти Урзака и забрал нечто весьма ценное. О стоимости или важности данного «нечто» наглядно говорит масштаб последовавшей полицейской операции. Европол пытался вернуть утраченное, но, судя по всему, не преуспел. Зато крупно поссорился с нейкистами, которые, как выяснилось, стояли за сервером наемников dd, в результате чего страны Исламского Союза пережили массированную атаку ломщиков. Убытки подсчитывают до сих пор.

– Есть предположения, что именно могли стащить из дома Урзака?

– Осведомители докладывают, что полицейские, блокировавшие Северные Альпы, особое внимание уделяли книгам.

– Полагаю, у Банума была неплохая библиотека, – задумчиво произнес Максимилиан. – Но вряд ли грабителей и арабов интересовала она вся. Речь, насколько я понимаю, идет об одной или о двух книгах.

– Об очень ценных книгах, – уточнил Щеглов.

– Трудно представить, что именно могло заинтересовать и арабов, и кого-то еще… – Кауфман взлохматил мышиного цвета волосы. – Труды, которые действительно могли представлять для них интерес, давно уничтожены.

– А если появилась новая книга? – подал голос Грег. – Что, если сам Урзак что-нибудь написал?

– Любопытная мысль, – согласился Мишенька. – Я как раз хотел выдвинуть эту же гипотезу.

Мертвый поджал губы, помолчал, задумчиво разглядывая помощников, и через несколько секунд произнес:

– Эта версия наиболее вероятна. Друг о друге они знают все или почти все… – И Слоновски, и Щеглов прекрасно понимали, кого Мертвый имеет в виду под расплывчатым «они»: и китайцев, и вудуистов, и шейхов, и индусов. – А вот Урзак всегда был для них загадкой. Но… – Кауфман хмыкнул, – книга? Не ожидал…

– Возможно, речь идет о чем-то другом, – заметил Мишенька. – Какой-нибудь старинный том?

– Какая разница, о чем идет речь? – пожал плечами Слоновски. – Урзак оставил в наследство книжку. Почему бы ее не заполучить?

Грег предпочитал решения простые и ясные. В обычных случаях Мертвый своего лучшего оперативника придерживал, заставляя действовать по разработанным хитроумным Щегловым планам, однако сейчас здоровяк попал в яблочко.

– Пожалуй, я бы полистал эту книжицу, – протянул Кауфман. Помощники поняли, что приказ получен. – Что еще нам известно о происходящем?

– В настоящий момент Европол интересуется человеком по имени Вим Дорадо. Судя по всему, речь идет о dd, о перевертыше.

Любая силовая структура мечтает хранить свои секреты в тайне и прилагает массу усилий, чтобы нейтрализовать действия разведки противника. Однако «масса усилий» – понятие относительное. Европол, как и любая другая государственная структура больших размеров, был неповоротлив, недостаточно хорошо контролировал своих сотрудников, а невысокое жалованье заставляло полицейских с интересом прислушиваться к финансовым предложениям со стороны. Информаторов в Европоле не имел только ленивый, и в этом отношении полиция безнадежно проигрывала московскому филиалу СБА, где контрразведкой занимались с маниакальной тщательностью.

– Дорадо все еще в Баварии?

– Предположительно, он находится во Франкфурте. Именно в этот Анклав Дорадо выехал из Мюнхена.

– Но не факт, что он там остался, – заметил Слоновски.

– Согласен.

– Скорее всего, Дорадо уже прыгнул в другой Анклав.

– Или решил всех обмануть.

– То есть? – поднял брови Слоновски.

– Преследователи станут прослеживать его дальнейшие переезды, проверять каждого, мало-мальски похожего на dd мужчину, и у Дорадо появится время на пластическую операцию, – объяснил Мишенька.

– То есть ты уверен, что Дорадо находится во Франкфурте? – задал вопрос Мертвый.

– Я исхожу из того, что идти надо не за dd, а за книгой, – отозвался Щеглов. – Предположив, что ограбление поместья вас заинтересует, я собрал всю возможную информацию о происшедшем. Из самых разных источников…

Репутацию лучшего дознавателя Мишенька заработал не за красивые глаза. Упорство, цепкость, а самое главное – чутье позволяли ему выдавливать максимум информации из минимума фактов.

– Вскоре после ограбления курьер Консорциума получил неподалеку от дома Урзака посылку и доставил ее в Цюрих.

– То есть грабители использовали контрабандистов для перемещения добычи?

– Весьма умный ход, – улыбнулся Щеглов.

Мало кто мог подумать, что некоторые дознаватели некоторых филиалов СБА имеют возможность узнавать о выполняемых Консорциумом заказах.

– Получается, Дорадо в Цюрихе? – спросил Слоновски.

– Нет, – качнул головой Мишенька. – Где угодно, но только не там. Цюрих – перевалочная база.

– Ты только что говорил о том, что Дорадо может совершить нестандартный ход.

– Цюрих – маленький и тихий Анклав, – привел свои доводы Щеглов. – К тому же в нем расположена головная штаб-квартира СБА. Я уверен, что Цюрих выбрали исключительно из-за близости к месту преступления. Книгу доставили в него, а затем перевезли во Франкфурт.

– Или в Марсель, – бросил Грег. – Или в Эдинбург. Или вообще в Рио. А Дорадо отправится за ней из Франкфурта.

– Все может быть, – не стал спорить Щеглов. – Но Дорадо оставляет всем желающим номер незарегистрированного коммуникатора. Я предполагаю, он планирует устроить аукцион.

– Ты ему звонил? – быстро спросил Мертвый.

– Нет.

– Правильно. Не следует афишировать наш интерес… – Кауфман прищурился.

– То есть мы не будем принимать участия в торгах? – осведомился дознаватель.

– Аукцион, как и лотерея, один из самых точных способов учета оптимистов, – неторопливо ответил Максимилиан. – Нам нужна книга, а не состязание в финансовых возможностях. – Помолчал. – Хотя… если не будет выхода, придется предлагать деньги.

– Прошу прощения, но я не совсем понял, как связаны объявление аукциона и твое предположение, что Дорадо во Франкфурте? – Слоновски в упор посмотрел на Мишеньку. – Объясни.

Дознаватель снял с носа стильные квадратные очки и принялся неспешно протирать стекла.

– Во-первых, Европол продолжает поиски, а значит, вывезти книгу за пределы Исламского Союза, даже с помощью Консорциума, довольно сложно. Во-вторых, после аукциона Дорадо предстоит где-то жить, где-то скрываться, а потому чем меньше мест он покажет сейчас, тем лучше. В настоящий момент засвечены Мюнхен, Цюрих и Франкфурт. В них Дорадо никогда не

вернется. Но где его искать потом? В Марселе? В Рио? В Малайзии? Где у него друзья? – Щеглов развел руками. – На месте Дорадо я бы поступил именно так: рискнул, остался во Франкфурте, а после аукциона отправился бы куда подальше.

– Согласен, – кивнул Мертвый. – В любом случае, начинать поиски следует с Франкфурта.

Помощники замолчали, ожидая решения директора: кому из них придется отправиться в Европу?

Однако Кауфман не торопился. Он задумчиво повертел в руке коммуникатор – черная коробочка сливалась с черной кожей перчаток, которые постоянно скрывали руки директора, – вновь взлохматил волосы и лишь после этого произнес:

– Нам не следует афишировать свое участие в деле. Мишенька, ты останешься в Москве.

– Хорошо, доктор Кауфман, – кивнул Щеглов.

– Грег, ты поедешь во Франкфурт, но будешь держаться в стороне. Твое дело прикрытие, и точка. Не мелькай.

Слоновски нахмурился:

– А кто станет героем?

– Есть одна кандидатура, – протянул Мертвый. – И вам она известна…

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»
одни во время учебы набираются знаний, а другие – ума

Они были совсем не похожи друг на друга.

Мужчина, расположившийся в глубоком кожаном кресле, производил обманчивое впечатление толстяка, но на самом деле был высоким и плотным. Светлые волосы он стриг коротким ежиком, однако на затылке, там, где у большинства современных людей находилось гнездо «балалайки», болталась косичка с вплетенным в нее черным шнурком. В ухе – золотая серьга. На тыльных сторонах ладоней вытатуированы рунные круги. Пальцы медленно перебирают жемчужные четки с брелоком, выполненным в виде головы дракона. Кирилл Грязнов, совладелец одной из крупнейших антикварных компаний мира, делал все, чтобы добавить неброскому и простоватому облику, коим наградила его мать-природа, загадочные черты.

Напротив Кирилла сидела девушка лет девятнадцати. Стройная, спортивная, длинноногая, с узким тонким лицом и густой копной каштановых волос. Пэт, Патриция Грязнова. В ее одежде не было ничего загадочного: дорогие тряпки для богатой молодежи. И лишь на левой руке болталось немного странное для ее облика украшение – простенький стальной браслет.

Они были не похожи друг на друга, тем не менее официально считались отцом и дочерью. А неофициально… а неофициально Пэт еще не научилась называть Кирилла папой. И не знала, научится ли когда-нибудь.

– О чем ты хотел поговорить? – Девушка довольно холодно посмотрела на антиквара.

Впрочем, Грязнов привык. Слишком долго дочь относилась к нему настороженно, с подозрением, и даже недавние события не способны в одночасье проломить лед недоверия.

Их взаимоотношения складывались очень непросто.

– Ты сможешь на некоторое время оставить занятия в университете?

– Что-то случилось?

– Мне стало известно, что наш друг Урзак… – Пэт вздрогнула. – Написал книгу, в которой, возможно, рассказал недозволенные вещи.

Кирилл заметил реакцию девушки на имя Банума и намеренно произнес фразу очень мягко, успокаивающе. Ведь не прошло и двух суток с тех пор, как Урзак пытался убить Патрицию, и девушка, едва пережившая яростную схватку, до сих пор не пришла в себя. Она не была ранена, не принимала участия в бою, но потрясение…

Впрочем, пережитое потрясение не разучило ее думать.

– Ты сказал: «возможно». Значит ли это, что книгу никто не читал?

– Для начала ее надо найти. – Грязнов потянулся, взял со столика хрустальный бокал с красным вином и сделал небольшой глоток. – Ее похитили сразу после смерти Урзака.

Они разговаривали в комнате, больше похожей на музей: деревянные панели на стенах, картины в золоченых рамах, резная мебель красного дерева, бронзовые скульптуры. В доме Кирилла присутствовало очень мало современных примет, и, находясь в нем, трудно было поверить, что на дворе двадцать первый век.

– Ее похитили, – повторила Пэт, – а ты хочешь ее заполучить.

– Книга не должна попасть в чужие руки. – Другими словами: в любые руки, кроме его, Кирилла Грязнова.

– Почему?

Антиквар вновь глотнул вина.

– Современные Традиции научились ладить друг с другом, а мы для них – нарушители спокойствия. Одни боятся нас, потому что мы были самыми первыми, другие – потому что, лишившись всего, мы сумели сохранить силу, третьи – просто потому, что мы не умерли. Но все нас боятся, и все хотят добраться до наших тайн.

– Может, не следовало убивать чужих богов?

– Богам здесь не место, – отрезал Грязнов.

– Понятно. – Пэт криво улыбнулась. – И ты хочешь, чтобы возвращением книги занялась я?

– К сожалению, Олово не в форме.

Маленький слуга, способный уладить для антиквара проблему любой сложности, едва не погиб, спасая Пэт от Урзака.

Девушка не стала говорить, что еще не чувствует в себе силу, что слишком молода и неопытна – зачем? Кирилл все знает. И тем не менее предлагает ей опасное предприятие.

«Проверка? По всему выходит – да».

«Нет, дочка, это не проверка».

Грязнов превосходно читал по лицам и понимал, о чем думает девушка.

– Отправляешь меня учиться?

– Учеба – это изучение правил. А вот опыт – это изучение исключений. Я хочу, чтобы ты набралась опыта, чтобы встретилась с исключениями. – Он посмотрел на Пэт через хрусталь бокала. – Я хочу, чтобы ты отправилась во Франкфурт, нашла человека по имени Вим Дорадо и отняла у него книгу.

– Кто будет мне мешать?

«Молодец, дочка, правильный вопрос!»

– Есть другие претенденты, – не стал скрывать Грязнов. – Арабы, китайцы, возможно – вудуисты. И все они пошлют за книгой своих лучших людей.

«А ты – меня».

Молодую, неопытную и не чувствующую силу.

– Лучшим человека делают не сверхспособности, а ум, – наставительно произнес Кирилл. И постучал себя пальцем по лбу: – Мозги.

– Чего будут стоить мозги, если я встречусь лицом к лицу с кем-нибудь вроде Урзака?

– А ты не встречайся. Придумай, как выполнить поручение, не вступая в открытый бой. Любой воин рано или поздно встретится с тем, кто сильнее его. Не будь воином. Будь полководцем.

– Хороший совет.

– Лучший из тех, что ты могла услышать. Битвы

выигрываются до того, как начинают говорить пушки. Задолго до.

– И тем не менее что будет, если моими противниками окажутся люди, подобные Урзаку?

– Посмотришь на них в деле взглядом обычного человека, так сказать. Ведь в следующий раз тебе придется с ними сражаться.

У него на все был ответ.

– А если я погибну?

– Я буду разочарован.

«Мерзавец!»

«Маленькая трусишка!»

Но Грязнов подумал не зло и, уж конечно, без презрения. Он прекрасно понимал, что девушке, несмотря на ее любовь к риску, трудно решиться на это предложение. Схватка с Урзаком еще жива в памяти Пэт, она порождает неуверенность в собственных силах. Именно поэтому Кирилл хотел отправить дочь во Франкфурт: если сейчас не избавить ее от засевшего глубоко внутри страха, он останется с Пэт навсегда.

И все усилия пойдут прахом: лидер должен знать, что такое страх, но не должен его испытывать.

– Я буду действовать одна?

«Решилась?»

– Да, – подтвердил Грязнов. – Ты будешь сама принимать решения и сама воплощать их в жизнь.

Пэт не очень хорошо понимала, что именно заставило ее согласиться. Но одно девушка знала точно: она скорее умрет, чем покажет Кириллу свою слабость.

– Но как я найду Дорадо? Здесь нужен опыт.

– У тебя будет помощник.

– Кто?

– Есть одна кандидатура. – Грязнов широко улыбнулся. – И тебе она известна…

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
отель «Венеция»
иногда остается только ждать

– Ребята из Триады очень злы, боюсь даже представить, что они сделают со мной, если узнают…

– А ты не представляй, Шамиль, не надо, – посоветовал Кодацци. – Ты расскажи, что знаешь, и все.

– Тебе легко говорить, ты далеко, – проворчал осведомитель.

Он мог ныть еще очень долго, поэтому Чезаре добавил в голос металла:

– Расскажи, что случилось «У Изольды».

К счастью, у него была возможность надавить на пугливого осведомителя. Кодацци знал о Шамиле нечто такое, что заставило мелкого мюнхенского жучка вздохнуть и ответить:

– Стрельба случилась. Шестерых поднебесников положили.

– Кто положил?

– Триада молчит, но люди говорят, что на косоглазых наехали вудуисты.

«Вся компания в сборе, – беззвучно ухмыльнулся Кодацци. – Но как китайцы и негры умудрились выйти на „Изольду“? Есть о чем подумать…»

– Что слышно о Хале?

– Она ушла.

– Уверен?

– Абсолютно, – подтвердил осведомитель. – Вудуисты китайцев положили, а Хала тем временем в окно и в канализацию через Изольдову норку. Люди слышали, как вудуисты потом бесились во дворе.

– А что поднебесники?

– Всю ночь на ушах стояли, – с готовностью ответил Шамиль. – Тут вообще такое началось! Полицейские приехали, начались допросы. Кого отпускали, тех сразу китайцы забирали. И по всему району шныряли…

– Спасибо, Шамиль, я все понял.

– За спасибо можно только на ногу кому-нибудь наступить, – сварливо отозвался осведомитель.

– Не волнуйся, кину тебе пару динаров на счет, – пообещал Кодацци и отключился.

«Китайцы и вудуисты…»

В том, что между ними произошла перестрелка, не было ничего необычного. Все-таки ребята идут по одному следу, даже если пока и не догадываются об этом. Но как им удалось выйти на Халу? Дорадо привел хвост? Или успел кому-то продаться?

«Нет, – покачал головой Чезаре, – ни то, ни другое».

О том, что Дорадо в деле, еще никому не известно, его имя всплывет чуть позже, и первым на него выйдет Европол. Вот если бы «У Изольды» столкнулись китайцы и арабы, можно было бы предположить, что полицейские оказались умнее, чем рассчитывал Кодацци, но там были вудуисты…

«Да и не стали бы за ним следить! Взяли бы при первой возможности, вкололи какую-нибудь химию и узнали все, что

нужно».

Если за Дорадо и был хвост, то появился он в результате случайности или рокового совпадения.

Еще меньше Кодацци верил в то, что Вим успел продаться. В таких случаях нужно знать, с кем договариваться, а до визита к «Изольде» у Дорадо не было никакой информации.

«Получается, искали Халу, точнее – меня. Получается, я где-то наследил…»

В последние годы Чезаре зачастил в Мюнхен и, похоже, примелькался. Да и Хала – девушка, мягко говоря, с броской внешностью. Ничего удивительного в том, что их вычислили. И китайцы, и вудуисты наверняка подняли на ноги всех своих осведомителей.

«А ведь это моя ошибка, – признался себе Кодацци. – Я должен был учесть вероятность такого развития событий.

Хорошо еще, что на Халу не вышли до того, как к ней заявился Дорадо…

Но почему она до сих пор не позвонила?»

Вариантов два: либо ее все-таки взяли, либо обложили настолько крепко, что девушка не может добраться до конспиративной квартиры. Вероятность и того, и другого варианта одинакова, но верить хочется во второй, потому что…

Потому что Чезаре очень не хотелось отказываться от первоначального замысла. Похитителем книги должны считать Дорадо! Почему? Потому что только это гарантирует Кодацци спокойную жизнь, ибо, если китайцы и вудуисты узнают, что он их предал, они не успокоятся, пока не отомстят. Если же выяснится, что книгу действительно взял другой dd, они забудут о Кодацци и начнут прорабатывать Дорадо, который… Который должен исчезнуть сразу после аукциона. Именно исчезнуть: ни у китайцев, ни у вудуистов, ни у арабов не должно быть доказательств его смерти. В этом случае проигравшие подумают, что Вима спрятал победитель аукциона, а победитель, в свою очередь, решит, что dd оказался чрезвычайно ловок.

И круг замкнется.

«Стоит ли отказываться от плана после первой же осечки?»

Все зависит от того, насколько она серьезна и к каким последствиям способна привести. А понять это можно, только получив более полную информацию. И тогда уже делать выводы: продолжать игру или воспользоваться новым планом, появившимся после того, как Чезаре пролистал похищенную книгу. Планом, основой которому послужили два обгоревших листочка, вложенные Урзаком в книгу, а теперь переместившиеся в тонкую металлическую папку, покоящуюся на дне дорожной

сумки. Два листочка, в ценности которых Кодацци не сомневался. Другое дело, что доставать их пока рано.

«Надо ждать…»

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
доходный дом Качиньского
любая пешка мечтает стать ферзем

То ли Европол действительно был насквозь прогнившей структурой, то ли подсуетился не желающий затягивать дело Кодацци, но факт оставался фактом: в течение двух часов Дорадо позвонили еще три покупателя. В отличие от арабов, они не угрожали, а говорили с Вимом сухо и спокойно, по-деловому.

«Сколько вы хотите?»

«Книгу получит тот, кто больше заплатит».

«Когда мы должны дать предложение?»

«О времени аукциона я сообщу дополнительно. Готовьтесь».

Прикидывайте, сколько вы готовы заплатить за обладание раритетом. Советуйтесь с начальством, обдумывайте…

Кодацци говорил, что аукцион следует провести как можно быстрее, но Вим не торопился: ему нужно было время, чтобы найти способ спастись.

Франкфуртский район Zwielichtsviertel являлся аналогом московского Болота: смешанная зона, в которой более-менее мирно уживались представители всех населяющих Анклав этнических групп. Кальянные рядом с пиццерией, китайская речь из открытых мобилей и смеющиеся индусы на лавочках, рисованные вывески на немецком и неоновые иероглифы. В маленьких заведениях продавали все, начиная от зажигалок и заканчивая наркотиками и краденым оружием, а больших магазинов в Zwielichtsviertel отродясь не водилось – район считался небезопасным, и поэтому владельцы транснациональных розничных сетей его избегали. И еще в Zwielichtsviertel не было храмов. Никаких. Ни церквей, ни мечетей, ни пагод. Хочешь помолиться – отправляйся на территорию единоверцев и молись. А здесь не надо. Здесь территория всех богов. Или наоборот: территория, свободная от богов. Как хочешь, так и называй.

Храмы – лишний повод для недоразумений, а потому в Zwielichtsviertel решили от них отказаться.

– Давно не виделись!

Парень, открывший Дорадо дверь, был невысок ростом, довольно молод, но уже начал расплываться: искусственный шелк рубашки подчеркивал лишние складки на боках и выделял округлившийся живот, казавшийся еще большим на фоне впалой груди. Ремень, что поддерживал брюки, был застегнут отнюдь не на последнюю дырочку.

– Три месяца.

– Четыре.

– Правильно, – кивнул Вим, быстро проведя в уме нехитрые подсчеты. – Четыре.

– У меня память, словно у машины, – похвастался Свистун и заливисто расхохотался, обдав гостя тяжелым запахом соевого пива – судя по всему, он только что принял пару банок дешевого пойла. – Ты же знаешь.

– Лишний раз в этом убедился, – улыбнулся Дорадо и тут же насторожился: из глубины квартиры послышался ленивый женский голос.

– Кто притащился?

– Это ко мне, – отмахнулся парень.

– Подружка? – негромко спросил Вим.

– Не волнуйся, Дитер, Чика нормальная метелка и в курсе моего бизнеса.

В этом доме Дорадо знали как Дитера. Просто Дитера – человека без фамилии и без прошлого. Вим был знаком со Свистуном шесть лет, но это ведь не повод для откровений, правда? Как говорится, меньше знаешь, дольше живешь.

– Можно войти?

– Давай.

Свистун был мелким ломщиком, свободным машинистом, не чурающимся никакой работы и живущим в ожидании Очень Серьезного Дела, которое позволит ему крупно разбогатеть – в это Свистун верил свято – и «покончить со всем этим дерьмом». Пока же ломщик ютился в малюсенькой двухкомнатной квартире цокольного этажа потрепанного доходного дома, таращился через расположенные под потолком окошки на ноги прохожих и ломал всякую дребедень: порносайты, домашние коммуникаторы и бортовые компьютеры угнанных местными бандитами мобилей. Сорок Два, которого Вим в свое время попросил разузнать о Свистуне, сообщил, что подготовка у парня неплохая, а к крупным делам его не подпускают из-за репутации балбеса и болтуна. Свистун любил потрепаться, но Дорадо, оставшийся без поддержки машинистов, решил рискнуть и обратиться к давнему знакомцу.

– Слышал, что нейкисты вчера устроили? – поинтересовался ломщик, тщательно закрывая входную дверь. – Остановили половину Исламского Союза и Китай! Едва не обрушили, чтоб его!

– Из-за чего сыр-бор? – с нужной долей безразличия в голосе осведомился Вим.

– Говорят, Европол и поднебесная безопасность какого-то крутого ломщика достали, вот нейкисты и отомстили.

– За какого-то ломщика?

– Правоверные нейкисты – это сила, – наставительно ответил Свистун. – Мы не любим, когда нас достают.

«Ну, конечно: „Мы не любим!“ – Дорадо едва сдержал смех. – Трепло. Черт бы тебя побрал, Свистун, какое же ты трепло! Но других вариантов у меня нет. Ты хоть и болтун, но доверять тебе можно».

Вим вошел в комнату первым. Шесть коммуникаторов, «раллер» на столе, гудящие системные блоки. Сканер. Полуразобранный полицейский наноскоп. В углу всякий хлам, среди которого Дорадо разглядел корпуса от карманных коммуникаторов, платы и несколько небольших мониторов от бортовых компьютеров.

А в кресле, положив ноги на стол, развалилась метелка.

– Привет! Я – Чика-Мария.

– Моя девушка, – пояснил Свистун.

Мог бы и не уточнять.

Красавица ломщику досталась еще та. Руки татуированы по самое не балуйся, цветные картинки тянутся от пальцев до шеи: череп и мадонна, китайский дракон и рыцарский кинжал, древняя физиономия Че, какие-то надписи. В один узор не сплетаются – слишком разные, слишком яркие, но и каждая по отдельности не смотрится. В ушах – огромные круглые сережки из дешевого золота, пара безвкусных колец на пальцах, железяки в носу и нижней губе. При этом лицо симпатичное, черты правильные, европейские, с небольшой примесью восточной крови. Фигура неплохая: серый топ облегает упругие выпуклости, открытый живот еще не дряблый, скрытые дешевыми джинсами ноги достаточно длинные… А вот в голове, похоже, полная каша.

– Тебя как зовут? – спросила девица, делая глоток пива.

– Дитер.

– Откуда ты взялся, Дитер?

– Из другой жизни.

По сути, это было правдой.

– Дорогая, не приставай, – попросил ломщик, доставая себе баночку соевой отравы. – Угостишься?

– Нет, – качнул головой Дорадо.

– Ну, конечно, у вас дело! – с вызовом бросила девица. – Наверняка очень важное! Динаров этак на пятьдесят. – И презрительно скривила губы: – Мне уйти?

Свистун хотел что-то сказать, но Вим опередил машиниста:

– Тебе заткнуться! – велел он, по-хозяйски проходя в комнату.

От неожиданности Чика-Мария даже поперхнулась.

– Что?!

– Ты чем по жизни занимаешься? – через плечо поинтересовался Дорадо. – Девушкой Свистуна работаешь?

– Иди в задницу, козел! – Чика-Мария вскочила на ноги. – Свистун! Или ты набьешь ему морду, или между нами все кончено!

– Черт! – Ломщику не хотелось терять ни клиента, ни подружку. – Ребята…

– Так чем ты занимаешься? – продолжил Дорадо, разглядывая выставленную на столе аппаратуру.

– У нее бизнес, – сообщил Свистун. – Как у всех здесь. Она много кого знает.

– Это правда? – Вим резко развернулся и в упор посмотрел на девушку.

– Да, – нехотя ответила та.

Видимо, динары, о которых она столь презрительно отозвалась несколько мгновений назад, все-таки не были лишними.

– Хочешь заработать?

– Как?

– Нужно будет раздобыть кое-что для меня.

Снаряжение и оружие осталось на конспиративной квартире, а заниматься покупками самому Дорадо, по понятным причинам, не хотелось. Направляясь к Свистуну, Вим думал использовать для этих целей ломщика, но, увидев девушку, поменял план. Покупающий оружие машинист может вызвать подозрения, а Чика-Мария – вряд ли. Наверняка ей уже приходилось заниматься подобными делами.

– Что именно тебе нужно?

– В том числе и оружие. – Дорадо прищурился: – Справишься?

Девчонка с вызовом передернула плечами:

– Да!

– Вот и умница. А теперь, будь добра, пройди в другую комнату. Нам со Свистуном нужно обсудить важное дело.

– Как скажешь… босс. – Чика-Мария хмыкнула, но подчинилась, убралась в помещение, которое ломщик именовал спальней.

Вим перевел взгляд на Свистуна:

– Ей действительно можно доверять?

– Как и всем остальным. – «Все зависит от размеров вознаграждения». – И кстати, что за дело?

– Не опасное. – Вим уселся на скрипнувший стул, уверенным жестом велел машинисту опуститься в освобожденное девушкой кресло и понизил голос: – Но интересное.

– Мое время стоит дорого, – предупредил Свистун. – Слишком много заказов.

Он любил врать о том, что работает не покладая рук.

– Я ищу человека по имени Чезаре Кодацци, – рассказал Дорадо. – У меня есть номер его «балалайки». И, соответственно, вопрос: ты сможешь проследить звонок и определить местонахождение клиента?

– Теоретически – да, но не с этой рухлядью. – Машинист уныло кивнул на свое «железо».

– Сейчас меня интересует твоя квалификация, Свистун. Только не свисти, а говори правду: сможешь или нет?

Глаза ломщика вспыхнули. Он почувствовал, что его впервые в жизни приглашают в дело. Может, и не в Очень Серьезное Дело, но в гораздо более весомое, чем та ерунда, которой он занимался до сих пор.

– У меня есть большинство нужных программ, и я знаю, где взять недостающие. Я знаю, как с ними работать, я видел… Я справлюсь! – И повторил: – Но не с этой рухлядью.

– Какое «железо» тебе нужно?

– Пара «поплавков».

– Нереально.

– Да я пошутил. – Ломщик потер шею. – В общем, я подсчитаю сейчас… Но если примерно, то нужное «железо» обойдется тысяч в двадцать.

– Динаров?

– Юаней.

Вим крякнул.

– Потянешь? – с надеждой спросил Свистун.

– Потяну, – после короткой паузы ответил Дорадо. – Но тебе ничего платить не буду, только «железо» оставлю.

– Договорились! – обрадовался ломщик.

Судя по всему, он и мечтать не мог о столь щедром подарке.

* * *

анклав: Франкфурт

территория: Zwielichtsviertel

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

всегда можно отыскать человека, который знает больше других

«Ты поедешь под своим именем, и твоя легенда будет очень простой, – деловито продолжил Кирилл, отставляя вино. – Ревизионная поездка во франкфуртское отделение нашего торгового дома. Шельман контролирует обе Америки, другой Шельман занимается Азией и Австралией. На мне же висят Европа и цивилизованная часть Африки. Поэтому никто не удивится тому, что я ввожу дочь в курс дел…»

– Госпожа Грязнова, я рад приветствовать вас в Анклаве Франкфурт. Надеюсь, перелет прошел удачно?

– Как видите, я добралась.

– Очень хорошо.

В транспортном узле имени Аденауэра Пэт встречал лично Михаэль Клозе – управляющий франкфуртским магазином антикварной фирмы. Добродушный чернявый бюргер с маленькими, но очень хитрыми глазами.

«И естественно, никто не удивится, что тебя сопровождает телохранитель. В наши дни следует проявлять разумную осторожность».

Здоровенный мужик, который присоединился к Пэт в Шарике, с трудом поместился на заднем сиденье скромного «Опеля» Клозе. Судя по документам, его звали Грегуар Клопович, и являлся он сотрудником одного из московских охранных бюро, специализирующихся на эскорт-услугах. Однако девушке уже доводилось встречаться со здоровяком, и она знала, что Грегуар – офицер СБА.

Поначалу Пэт решила, что Кирилл подсунул ей няньку, который будет лезть во все дела, давить авторитетом, одним словом – учить жизни. Однако Слоновски повел себя на удивление скромно. В дороге он помалкивал, не привлекал к себе внимания и всем своим видом демонстрировал, что занимает его исключительно безопасность девушки.

– Обороты франкфуртского филиала внушительны, – продолжал разглагольствовать Клозе. – Мы уступаем только московскому отделению, и я рад, что знакомство с бизнесом вы начали именно с нас.

Честный приказчик, встретивший молодую хозяйку и желающий продемонстрировать ей свое рвение. Если в «Опеле» и были «жучки», то подслушивающим разговор людям – безам,

бандитам или конкурентам – пришлось довольствоваться бессмысленным трепом.

И, лишь оказавшись в своем кабинете, Клозе перешел к делам. Разумеется, не к бухгалтерии.

– Кирилл сказал, вам потребуется отчет о происходящем во Франкфурте?

– Меня интересуют любые активные действия любых группировок, которые начались сутки или двое назад, – уточнила Пэт. – Конкретнее: не ищет ли кто-нибудь человека или рукописную книгу?

– Я поговорил с осведомителями, – спокойно ответил Клозе. – К сожалению, обрадовать нечем: интересующих вас действий пока никто не предпринимал.

Пэт давно знала, что у добропорядочного антиквара Кирилла Грязнова есть еще одно имя – Всадник, региональный менеджер могущественного Консорциума Транснациональных Перевозчиков. А вот в то, что Кирилл занимает в Консорциуме должность регионального менеджера, то есть контролирует контрабанду лишь на территории Анклава Москва и России, Пэт не поверила: слишком мелко, не того полета птица. Но и выяснять ничего не стала: хочет Грязнов прикидываться мелкой сошкой, пусть прикидывается, раз привык. Да и поведение Клозе, баварского регионального менеджера, говорило само за себя: вряд ли бюргер принялся бы так суетиться ради услуги обычному коллеге. Скорее уж Кирилл, как и в антикварной фирме, контролирует всю Европу, да и Африку в придачу. И всю, а не только «цивилизованную часть».

– Зато есть другая информация, которая, возможно, будет вам интересна: архиепископ местных вудуистов Папа Джезе несколько дней провел в Мюнхене, вернулся сегодня утром, а с ним приехала некая Каори.

Клозе выложил на стол две фотографии: белобрысый мужчина и красивая мулатка в зеркальных очках.

– Мамбо Каори – приближенная Ахо, настоятеля храма Иисуса Лоа.

– Она его любовница? – поинтересовалась Пэт.

– Она его кинжал, – уточнил немец. – Палач. Очень опасная женщина. – Выдержал небольшую паузу. – А спит Каори с Папой Джезе.

– Вы сможете подготовить мне досье на этих людей?

– Оно уже отправлено в ваши «балалайки», – улыбнулся Клозе, пробежав пальцами по клавиатуре коммуникатора.

– Спасибо.

– Не за что.

Грег немедленно вывел на наноэкран изображения архиепископа и мамбо, небрежно просмотрел сопровождающий текст и тихонько вздохнул: он не сомневался, что московский филиал СБА располагает куда более полной информацией на вудуистов, однако ресурсы родного ведомства пока были для него закрыты. Придется довольствоваться тем, что есть.

– Давайте вернемся к тому, что у вас есть о книге, – предложила Пэт. – Отец сказал, что вам удалось что-то раскопать?

– Не так много, как хотелось бы, – развел руками Клозе. – Получив запрос, я проверил региональный архив и обнаружил, что вскоре после интересующего вас ограбления наш курьер получил в Северных Альпах некую посылку. И доставил ее в Цюрих.

– Кто передал посылку?

– Клиент прибыл на встречу в наномаске.

– Предусмотрительно, – разочарованно протянула девушка.

– Я тоже так думаю, – согласился немец. – Хотя, с другой стороны, корпоративные правила Консорциума запрещают нам интересоваться чем-либо помимо доставки.

– И вы их соблюдаете?

– Честность – основа нашего бизнеса, – улыбнулся Клозе. – В противном случае мы можем потерять доверие клиентов.

– Значит, у вас нет никакой информации, кроме той, что книга в Цюрихе?

– Разве я так сказал? – «удивленно» спросил антиквар. – Я знаю, как выглядит клиент.

– А как же правила? – немедленно поинтересовалась девушка.

– Я не нарушил ни одно из них, – покачал головой немец. – Клиент стал жертвой собственной предусмотрительности. То ли в целях безопасности, то ли потому, что спешил, он выбрал местом передачи посылки камеру хранения на транспортном узле. А туда в наномасках не пускают.

Ни в Аденауэр, ни в Шарик, ни в один транспортный узел Анклавов – таковы были жесткие правила СБА.

– У меня есть хорошие знакомые среди служащих транспортного узла Цюриха…

«Было бы странно, если бы региональный менеджер Консорциума их не имел!»

– Мы проверили базу данных видеокамер наблюдения и засекли человека, который забрал посылку. Вот его изображение.

Пэт жадно посмотрела на фотографию. Не Дорадо.

«Курьер?»

– Его зовут Паоло Фалини, адвокат из Милана. В Цюрихе он

сел в поезд на Франкфурт, прибыл в Аденауэр и спустился в метро. К сожалению, дальнейший его путь проследить не удалось.

– Фалини… – На экране коммуникатора появилось видео: человек выходит из вагона поезда, идет по перрону. Пэт прищурилась: – Он слишком хорошо сложен для адвоката.

– Здоровый образ жизни снова в моде, – вновь улыбнулся Клозе.

– Он похож на человека, который много тренируется. И отнюдь не в риторике. – Девушка перехватила одобрительный взгляд Грега и поняла, что не ошиблась. – Фалини не курьер, он наемник.

– Дорадо мог нанять его, чтобы перевезти книгу во Франкфурт, – вставил Слоновски. – Или они напарники.

– Дорадо объявляет аукцион, но книги у него нет, – поняла Пэт.

– Страховка, – кивнул Клозе.

– Соответственно, в первую очередь мы должны заняться поиском Фалини. – Девушка с улыбкой посмотрела на антиквара: – Придется потревожить ваших знакомых из местного филиала СБА.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Дом гениев»
жизнь – это набор воспоминаний, но не все хотят ими делиться

Ему нечего было здесь делать.

Квартиру Вима Дорадо эксперты Европола обшарили досконально: провели обычный обыск, просветили с помощью мощного наноскопа, изучили каждый найденный гаджет, каждую бумажку, да что там – каждую пылинку! Параллельно шла работа с соседями: обитателей «Дома гениев» допрашивали всю ночь. Кто что слышал? Кто что знает? Кто о чем догадывается? Их заставляли вспоминать старые разговоры, совместные застолья, случайные встречи в коридорах, брошенные вскользь фразы.

Дорадо! Нужна любая информация о Виме Дорадо! Не о том, как его найти, а о самом человеке. Что ему дорого? Что для него важно? Существует ли крючок, который его зацепит? Узнать об этом можно только от знакомых, от соседей, от работодателей и ни от кого больше, потому что Вим Дорадо оказался виртуалом.

Подозрения у полицейских машинистов появились еще ночью, когда они вынимали из сети информацию на dd. Но это были только подозрения, поэтому Аль-Гамби не доложил о них на утреннем совещании. Однако теперь у майора было подписанное экспертами заключение, которое однозначно гласило: виртуал.

И поиск болевых точек стал казаться неразрешимой задачей.

Человек по имени Вим Дорадо никогда не рождался, вся его жизнь, зашифрованная в базах данных, – фальшивка. Блестящая подделка, которая обошлась dd в большие деньги. Судя по кодам, Дорадо добыл «балалайку» где-то в Великой Албании, на балканских задворках Исламского Союза. Пятнадцать лет назад там было довольно жарко: белградский мятеж всколыхнул неспокойных туземцев. Вслед за сербами заволновались македонцы и словенцы, затем между Албанией и Турцией возник спор из-за греческих провинций, что привело к нескольким неделям вялотекущих боев, прекратившихся по настоянию возмущенных европейских лидеров. Одним словом – было напряженно. Но умные люди знают, как можно воспользоваться нестабильностью в обществе. Механизм получения чипа майору объяснили полицейские машинисты, которым уже доводилось сталкиваться с подобными случаями. Сначала Дорадо поменял лицо, отпечатки пальцев и сетчатки, после чего нашел отличного ломщика, который вычистил ему гнездо, удалив из него коды встречной проверки. Затем dd обратился в государственную службу и попросил «подключить» его, как будто проходил эту процедуру в первый раз. Получив солидную мзду, албанские чиновники закрыли глаза на то, что затылок Дорадо уже украшал вживленный разъем. Они выдали чип, прошили в гнездо новые коды, а информацию в базу данных внесли со слов самого dd. Согласно ей, Вим Дорадо был уроженцем небольшой греческой деревушки, сметенной с лица земли то ли турецкими, то ли албанскими ракетами. В глухих балканских провинциях количество подключенных к сети до сих пор оставалось небольшим, так что проверяющих (если они были) не удивило обращение за «балалайкой» взрослого мужчины.

А хорошо написанная биография может скрасить жизнь любому человеку.

На первый взгляд метод выглядел простым, однако в действительности пройти всю эту цепочку было чрезвычайно сложно. Самым слабым звеном являлись вороватые чиновники, которых следовало найти, завоевать доверие, уговорить… Или Дорадо крупно повезло, или он умел уговаривать.

Но как бы там ни было, dd уже во второй раз сумел обмануть Европол.

«Хитрый, но вряд ли счастливый…»

Аль-Гамби снова оглядел квартиру. Пустую квартиру. По приказу шейха из жилища Дорадо вынесли и поместили под надежную охрану на полицейском складе абсолютно все: одежду, аппаратуру, мебель. Все. Остались лишь голые стены. Но вещей у dd было не очень много, а потому Хамад прекрасно помнил, что где находилось.

Кровать, около нее тумбочка с настольной лампой, встроенный шкаф, коммуникатор на стене, стул. Это спальня. Два кресла, журнальный столик, большой коммуникатор и ковер на полу. Это гостиная. Никаких украшений на стенах, никаких фотографий в рамочках, ничего. Квартира была пустой еще до того, как полицейские вынесли из нее вещи. Она была не жилищем, а местом, где спят. Дорадо бросил ее, не задумываясь, хотя прожил в «Доме гениев» почти десять лет.

– Тебя ничего не держит? – Хамад прошелся по пустому помещению. – Но так не бывает, Дорадо, так не бывает. Ты ведь человек, в конце концов. – Остановился и пообещал: – Я найду то, что тебе по-настоящему дорого.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Деловой Центр
«Добрый Дом»
приятных людей мало, а потому приятно делать приятное некоторым из них

«Планета в сети!»

Когда-то подобные заголовки привлекали внимание, читающая утренние газеты публика с интересом прожевывала статьи, посвященные Интернету, ученые обсуждали перспективы, параноики предупреждали об опасности. Сеть развивалась.

Теперь компьютеризировано все, что можно было компьютеризировать, включая подавляющее количество людей. Говорить о «потоках информации» бессмысленно: они давно превратились в океан, в котором плавают и грозные военные корабли, и честные купеческие караваны, и пиратские суда.

Не существует сайтов или локальных сетей, которые невозможно сломать!

Это аксиома.

Но есть сайты и локальные сети, ломать которые чрезвычайно сложно, а иногда и опасно. Контролируемые СБА внутренние сети

Анклавов относились именно к этой категории.

Охотников ломать корпоративные системы находилось мало, не в последнюю очередь из-за того, что прикрывали их не только машинисты экстра-класса, но и военизированная организация, летучие отряды которой могли очень быстро достать ломщика, а потому люди, которым требовалась определенная информация, предпочитали с этими самыми машинистами договариваться…

Скромный рядовой служащий скромного технического отдела СБА неспешно прошел через длиннющий, метров семьдесят – не меньше, машинный зал и, постучав, заглянул в кабинет начальника смены.

– Есть дело, Фриц.

В этом помещении можно было говорить, не таясь: в ведении отдела находились все системы наблюдения, а потому даже рядовые работники прекрасно знали не только свои «жучки», но и те, что поставила служба собственной безопасности.

– Говори.

– У меня запрос от Консорциума, ребята просят отыскать должника. Сделаем?

Процедура была рутинной. Начальник подписывал стандартный приказ провести выборочную проверку систем слежения, а машинист, исполняя его, запускал программу поиска и идентификации объекта. Гонорар делился пополам.

Машинисты «Доброго Дома» сидели на самом большом информационном канале Анклава, и, разумеется, им трудно было уклониться от поступающих предложений о сотрудничестве. Руководство СБА предпочитало закрывать глаза на шалости подчиненных, однако неофициально предупредило: если игры помешают проводимым службой расследованиям, наказание будет суровым.

Именно поэтому начальник смены сначала прогнал фотографию должника через базу данных СБА и, только убедившись, что служба не имеет к нему претензий, кивнул:

– Делай.

Скромный рядовой служащий вернулся на свое рабочее место и запустил нужную программу. Теперь осталось дождаться, когда объект засветится перед какой-нибудь видеокамерой.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
доходный дом Качиньского

если ты все сделал правильно, удача обязательно улыбнется

На то, чтобы собрать нужное «железо», Свистуну потребовалось три часа, и все это время Вим провел в его логове, таращась на экран коммуникатора. Основные ленты новостей гнали информацию по вчерашней атаке нейкистов на Исламский Союз и Китай. Экономисты подсчитывали убытки, журналисты строили гипотезы о возможных причинах столь мощного выступления, представитель СБА уверял, что сети Франкфурта надежно защищены от вторжения.

Возможно, так оно и было.

О поиске человека по фамилии Дорадо не сообщал никто: ни новостные каналы, ни серверы соответствующей направленности.

Вим не питал иллюзий: Европол мог уговорить СБА действовать скрытно, искать беглого dd без объявления официальной охоты, однако в этом случае они могли рассчитывать лишь на осведомителей да уличные видеокамеры, а с ними Дорадо умел справляться.

«Дайте мне время до утра! А там посмотрим…»

К утру Вим рассчитывал заполучить козырь: или Кодацци, или, если повезет, книгу. И то, и другое можно обменять на жизнь. А получение козыря напрямую зависело от мелкого франкфуртского ломщика…

Свистун вернулся домой в прекрасном расположении духа. Глаза блестят, с губ не сходит улыбка – счастливый человек, поверивший, что поймал удачу за хвост. Наконец-то у него появится дорогое «железо», с которым можно браться за серьезные дела! Прощай, жалкое существование! Сопровождавшая ломщика девушка тоже не выглядела несчастной, она тоже надеялась заработать на госте. У ребят праздник.

Дорадо прекрасно понимал, что часть его денег Свистун потратил на ненужные для поиска устройства, воспользовался удобным случаем обновить аппаратуру, но крохоборствовать не стал. К чему? Если все пройдет так, как надо, двадцать тысяч юаней покажутся мелочью. Если же он не сумеет вывернуться, то пусть повезет хоть кому-то.

– Все собрал?

– Найти «балалайку» в сети несложно, – пробурчал ползающий между системных блоков машинист. – Трудно сделать так, чтобы клиент не понял, что его пасут.

Опытные люди загружали в чипы специальные программы, не позволяющие ломщикам зацепиться за сигнал «балалайки» и вычислить местонахождение владельца. А другие опытные люди писали все новые и новые программы вторжения, позволяющие

обойти существующую защиту. Игра в кошки-мышки продолжалась с тех пор, как «балалайки» пошли в массы, и обеспечивала безбедную жизнь целой когорте машинистов.

– Поскольку мы не знаем, чем твой приятель закрывается, мне пришлось использовать самую последнюю версию «NETпоиска», – проворчал Свистун. – Ее только что выбросили на рынок, и противоядия вроде пока нет. – И покосился на Дорадо: – Девятьсот девяносто девять юаней, если тебе интересно.

– Мне интересно отыскать своего приятеля.

– Рад, что мы понимаем друг друга.

Чика-Мария хмыкнула.

– Красавица, прогуляйся в соседнюю комнату, – велел Дорадо.

– Опять важные дела?

– Очень важные.

Она хотела что-то съязвить, но передумала. Вскинула голову и гордо прошествовала в спальню.

– Ты сумел ее приструнить, Дитер, – пробормотал Свистун. – Никогда не видел Чику столь послушной.

– Ты ее избаловал, – объяснил Дорадо. – Готово?

– Да! – Ломщик уселся за «раллер», воткнул в затылок психопривод и пробежался пальцами по клавиатуре. – Жду звонка.

– Начинаю.

Вим старался не думать о том, что Кодацци не носит «балалайку». Правда, Хала дала Дорадо номера двух чипов Чезаре: основного, записанного на Кодацци, и резервного, фальшивого, но ведь у наемника могла оказаться и неизвестная трансеру «балалайка». Или он мог отказаться от чипов, ограничив общение незарегистрированным коммуникатором, который невозможно проследить даже с помощью «поплавков». Или…

Страхи оказались напрасными. Отозвался второй, резервный чип, и Вим, едва соединение состоялось, зашептал:

– Чезаре, это я. Можешь говорить?

– Откуда у тебя этот номер?!

Дорадо понимал, что, если бы вызов пришел с незарегистрированного коммуникатора, Кодацци немедленно оборвал бы связь, а потому говорил со своей фальшивой «балалайки», от которой все равно придется избавиться.

– Хала сказала.

– Сука!

– Не говори так о покойниках.

Нужно сразу удивить Кодацци, не дать ему задуматься о том, что нужно срочно сменить линию связи. Свистун махал рукой:

говори, говори!

– Что с ней случилось? – Чезаре повелся на уловку. Видимо, трансер действительно была ему небезразлична.

– На нас напали китайцы. Халу ранили, я сумел ее вытащить, но она умерла.

– Почему ты не позвонил на коммуникатор?

Первый тревожный звонок.

– Мы потеряли тот коммуникатор, которым пользовались, а номер твоей игрушки Хала не помнила, он ведь был прошит…

– Вот номер! – рявкнул Кодацци. – Перезвони!

И отключился.

В правом верхнем углу наноэкрана замигали цифры, но сейчас Вима интересовало другое:

– Ну?!

– Он во Франкфурте, – отозвался ломщик.

– Это все?!

Дорадо едва сдержался, едва не ударил Свистуна. Лишь в самый последний момент понял, что на физиономии машиниста нарисована довольная улыбка, а не виноватая.

– Твой приятель в Zwielichtsviertel, в шести кварталах отсюда. Времени было мало, поэтому я дам тебе три дома.

– Ты герой, – искренне произнес Вим, вытаскивая из головы засвеченную «балалайку». Не хватало, чтобы Кодацци вычислил ее местонахождение.

– «Железо»… – Свистун погладил пальцами обновленный «раллер». – С таким «железом» я могу…

Но Дорадо его уже не слушал.

«Шесть кварталов. Рискнуть или нет? Всего шесть кварталов…»

Рискнуть!

Он схватил коммуникатор, наномаску и бросился в коридор.

– Свистун! Чика! Ждите здесь! Я скоро!

– Где ты сейчас, камрад?

– Как ты велел – в Марселе.

– Что видишь вокруг?

– Стены моей маленькой хижины.

Теперь, когда они говорили с помощью незарегистрированных коммуникаторов, Вим мог не опасаться, что Кодацци прервет разговор.

– Я хочу, чтобы ты подтвердил свое присутствие в Марселе, – медленно произнес Чезаре. – Зайдешь к одному моему другу…

– И не надейся, – отрезал Дорадо. – Я уже заходил к одному твоему другу и едва не словил пулю от поднебесников.

– Может, это ты их навел.

– Тогда бы, Чезаре, тебе позвонил не я, а какая-нибудь милая девушка. И щебетала бы о какой-нибудь ерунде до тех пор, пока вокруг тебя не встали бы ребята из Триады.

– Думаешь, я стал бы их ждать?

– Думаешь, ты заподозрил бы опасность?

«Где он может быть? В своей квартире? В ресторане? У шлюхи? Самое плохое, если звонок застал Кодацци в квартире. В этом случае он ее сменит. Если же он сидел в каком-нибудь кабаке, то у меня есть шанс».

Дорадо понимал, что Чезаре уже покинул место, где его застал первый звонок. Оставалось надеяться, что поиск по горячим следам принесет результат.

– Ладно, – сдался Кодацци. – Теперь у тебя есть номер моего коммуникатора. Связь восстановлена. Объявляй аукцион.

– Мне позвонили всего двое, – соврал Вим. – Арабы и еще кто-то.

– Черт!

– Думаю, надо дать им время до утра.

– Пожалуй.

– А пока я хочу спросить: как изменится моя доля в связи со смертью Халы?

– А ты, камрад, оказывается стервятник.

– Я бизнесмен.

– Очень смешно. – Кодацци помолчал. – Поделим пополам. На другое ведь ты не согласишься?

– Не соглашусь.

– Значит, так тому и быть, камрад. – Еще пауза. – Аукцион нужно провести завтра.

– Что делать, если клиенты потребуют подтвердить, что книга у нас? Пришли мне фотографию обложки.

– Не получится, – ответил Кодацци.

– Почему?

– Эта дрянь не фотографируется.

– Не понял… – недоуменно протянул Дорадо.

– Не понял и не надо, – грубовато прорычал Чезаре. – Скажешь клиентам, что эта чертова дрянь не фотографируется. Если они в теме, то все поймут. Это и станет подтверждением.

«Занятно…»

– Все! Следующий сеанс связи завтра утром. – Кодацци отключился.

Вим опустил замолчавший коммуникатор в карман и вошел в ресторанчик, расположенный на первом этаже одного из указанных Свистуном домов. «Королевский осьминог»,

натуральные морепродукты. Самый легкопроверяемый вариант.

Наномаску пришлось снять при входе, но Дорадо надеялся, что внутренние видеокамеры ресторана не связаны с общей сетью.

– Дружище, я должен был встретиться с другом, но не вижу его здесь. – Официант, к которому обратился Вим, задумался. – Невысокий, плотный, такой, знаешь, очень уверенный…

Дорадо намеренно перечислял самые общие приметы Кодацци. Хала рассказала, что вскоре после встречи в «Мотыльке» Чезаре сделал пластическую операцию. Новый облик недруга Вим представлял смутно: трансер находилась не в том состоянии, чтобы во всех деталях описать внешность Кодацци, поэтому пришлось импровизировать.

– Черноволосый…

– Он ушел минут десять назад! Так торопился, что даже не стал ждать за столиком счет, расплатился у кассы.

– А девчонка с ним была? – наудачу брякнул Дорадо.

– Офелия? Нет…

В яблочко! Это называется в яблочко! Неужели судьба решила смилостивиться?

«Надо Свистуну еще какую-нибудь железяку подарить!»

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
новые игры – новые ощущения

– Грег, ты где?
– Иду по параллельной улице.
– Сейчас Фалини выйдет к тебе, так что не торопись.
– Понял.

Машинисты СБА засекли объект у ресторана «Королевский осьминог», из которого Фалини выскочил как ошпаренный. Наномаску опомнившийся «адвокат» натянул на физиономию через пару шагов, но было поздно: программа идентификации сработала, и теперь его вели системы СБА. Скромный рядовой сотрудник технического отдела сполна отработал щедрый гонорар. Поймав цель, он сосредоточился на преследовании, задействовал все доступные ему мощности, а заодно связался с человеком Консорциума. Не с Клозе, разумеется, Клозе в этой цепочке не участвовал. Данные из СБА шли мелкому ломщику, который, в свою очередь, пересылал их более доверенному машинисту, а уже от него информация поступала Пэт и Грегу.

– Я его вижу, – проворчал Слоновски.
– Куда он направляется?
– Пока прямо, так что держись параллельным курсом.
– Поняла.

Известие о гибели напарницы не произвело на Кодацци особенного впечатления: работа dd полна неожиданностей, и смерть является всего лишь одной из них. Причем иногда – не самой плохой. К тому же Хала успела выполнить все поставленные перед ней задачи, встретилась с Дорадо, передала ему необходимую информацию, и теперь ее смерть означала только одно: трансер не примет участия в дележе добычи.

«Ты была послушной девочкой…»

Эта короткая мысль и явилась прощанием с напарницей. Уже в следующий миг озабоченный Чезаре выбросил из головы ненужные эмоции и задумался над дальнейшими шагами. Тот факт, что Вим узнал номер его новой «балалайки», в корне менял ситуацию. Во-первых, если Дорадо не дурак, он уже знает, в каком Анклаве укрылся его, так сказать, компаньон. Во-вторых, Виму известно новое лицо Кодацци – изображения владельцев

«балалаек» не считались секретной информацией, и выудить из сети нынешнее лицо Чезаре мог даже ломщик-недоучка.

Кодацци признался себе, что план начал трещать по швам.

Первая осечка оказалась трещинкой, теперь она разрастается и, если не принять меры, способна прорвать плотину.

«А что, если Дорадо попробует договориться с кем-нибудь из претендентов на книгу?»

«Вряд ли. Он уже понял, что дело серьезное, и одним „Я не тот, кто вам нужен“ отделаться не удастся».

«Он предложит им тебя».

«Меня еще надо найти».

Итак, вывод: ничего страшного пока не произошло. Дорадо, если не врет, конечно, на свободе. Хала мертва, однако ее роль сыграна. Инкогнито раскрыто, но это дело поправимое. После аукциона Кодацци планировал отступать с настоящим чипом, под настоящим именем, которого никто не знал, но и тут был запасной вариант. Незадолго перед операцией предусмотрительный Чезаре запасся роскошной «балалайкой», за которую заплатил немыслимые деньги. Фальшивой, разумеется, «балалайкой», но одну серьезную проверку она выдержать способна. Кодацци планировал использовать ее в самом крайнем случае, который, похоже, настал. Лицо, прошитое в этом чипе, не требовало от Чезаре идти на операцию – чтобы соответствовать новой «балалайке», достаточно воспользоваться простым косметическим набором. А значит, ее можно задействовать в любой момент.

«Сейчас?»

«Да, сейчас. Ничего страшного не произошло, но осторожность еще никому не вредила».

Размышляя, Кодацци не забывал поглядывать по сторонам, пытаясь определить, не приклеился ли к нему хвост, однако вычислить возможных преследователей на многолюдных улицах Анклава было нелегко. По его следу могла идти целая команда профессиональных охотников, меняющихся через каждый квартал, за ним могли наблюдать с помощью уличных видеокамер, отслеживать со спутника или полицейских дирижаблей, но… Не было ощущения преследования. А Чезаре привык доверять своей интуиции.

«Ладно, может, я чист, но пару финтов сделать надо!»

Пэт полностью поглотил азарт погони. Она идет по следу! И это не игра, совсем не игра!

Ей уже доводилось быть дичью, доводилось прятаться, спасая свою жизнь, доводилось ставить ее на кон в состязании. Но быть

охотником – это совсем другое. Ты ведешь погоню, ты преследуешь жертву, а потому подсознательно чувствуешь свою силу. Даже если дичь не догадывается, что ты идешь за ней. Даже в этом случае.

Ведь ты идешь! Ты хочешь встретиться. Ты уверена в себе.

– Он зашел в кафе.

– Снова проголодался?

– Или ищет хвост… – Грег забеспокоился. – Пэт, прибавь! Ты должна взять под контроль черный ход кафешки!

– Если он есть!

– Наверняка есть!

После того как Фалини надел наномаску, у машиниста СБА возникли проблемы: слишком многие обитатели Zwielichtsviertel предпочитали не афишировать свои лица, а потому вести нужного человека по улицам района было непросто. Фалини едва не затерялся в толпе и остался на крючке лишь благодаря тому, что Пэт и Грег оказались не очень далеко от «Королевского осьминога».

– Ты где?

– Бегу!

– Беги быстрее.

– Я стараюсь, – зло отозвалась Пэт. – А ты где?

– Перекуриваю неподалеку от главного входа, – хладнокровно ответил Слоновски.

– Хорошо устроился.

– Кто-то должен быть начеку, пока другой бежит сломя голову.

Девушка проворчала короткое ругательство и оборвала связь.

Грег зевнул и действительно закурил сигарету. Его рассеянный взгляд был обращен ко входу в кафе, Слоновски машинально просматривал снующих в двери людей, однако мысли его вновь вернулись к Пэт. К странной девчонке, появление которой если и не перевернуло мир Грега, то, по крайней мере, изрядно изменило его представления о нем. Когда-то Кауфман приказал ее похитить. Затем велел беречь как зеницу ока. Теперь и вовсе отдал его под ее начало. И не просто отдал, а сопроводил приказ такими комментариями, что Слоновски до сих пор не мог их переварить.

«Грег, я хочу, чтобы ты уяснил одну важную вещь».

«Да, шеф».

«По всей видимости, тебе придется прикрывать Патрицию не только в этой поездке, но и в будущем. Или получится так, что ты случайно окажешься рядом, когда ей потребуется помощь. И ты обязательно ее окажешь».

«Разумеется, шеф».

«Не торопись отвечать, я еще не закончил, – покачал головой Мертвый. – Если когда-нибудь ты вдруг окажешься перед выбором и придется решать, кого спасти: меня или ее, ты должен будешь спасти Патрицию. Теперь все понятно?»

Ошарашенный Слоновски молча кивнул.

«И не беспокойся, – продолжил Кауфман. – Пэт умная девочка, тебе будет легко с ней работать».

Последние слова оказались пророческими. Грег готовился к каторге, ожидал, что капризную малолетку начнет заносить от важности, что придется выслушивать идиотские приказы и замечания, но… Не произошло ничего подобного. Девчонка не обладала оперативным опытом, однако на удивление быстро училась. И вела себя адекватно, прислушивалась к советам и ни разу не напомнила, что она – главная.

Грег бросил окурок на асфальт и растоптал.

– Что у тебя происходит?

– Бегу, – огрызнулась Пэт. – Не мешай.

Судя по карте, что светилась в левом углу наноэкрана, задняя дверь кафешки выходила в узкий переулок, и Фалини, если он действительно собрался уйти из кафе этой дорогой, не мог не пройти мимо девушки. Но это ведь официальная карта Анклава, на ней не указаны крысиные ходы, которыми пользовались знатоки местных лабиринтов, а значит…

– Я его вижу, – прошептала Пэт.

– Его или какого-то мужика в наномаске? – уточнил Грег.

– Костюм похож.

– А походка?

– Он довольно далеко.

– Следуй за ним, – решил Слоновски. – А я зайду в кафе и проверю.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

разве риск бывает разумным?

– Я знаю, что рискую, – твердо произнес Кирилл. – Но я считаю, что принял правильное решение.

«Если Патриция пострадает…»

– Не пострадает!

«Предсказания Читающей Время не всегда сбываются. Ориентироваться только на них опасно».

– Я знаю, что делаю.

«А книга? Что будет, если мемуары Урзака попадут в чужие руки?»

– Нам станет веселее жить.

«И как долго мы проживем?»

– Зависит от нас.

Грязнов находился в своем кабинете, сидел в кресле, боком к большому, в человеческий рост, зеркалу в массивной деревянной раме, и правая его рука была до локтя погружена в почерневшее, ничего не отражающее стекло.

«Я вижу, победа над Урзаком придала тебе сил. Хочу напомнить, что самоуверенность не лучший советчик для тех, кто хочет жить долго».

– Сколько же ты себе отмерил?

Невидимый собеседник выдержал паузу:

«Ты устал?»

– А кто из нас не устал? – Грязнов хмыкнул. – Мы держимся только потому, что должны держаться. Только потому, что должны победить. И мы одержим эту чертову победу. И вот тогда отдохнем.

«Мечтаешь об отдыхе?»

– Жду.

Вновь пауза.

«Патриция справится?»

На этот раз в голосе, прозвучавшем в голове Кирилла, не было обвинительных ноток. Невидимый собеседник понял, что нападать на антиквара бессмысленно, и вежливо интересовался мотивами принятого решения.

– Не знаю, – честно ответил Кирилл. – Но если она отступит, мы никогда не сделаем из нее Избранную. Ей нужна победа. Ей нужно почувствовать свою силу. И еще ей нужно понять, кто она.

«То есть?»

– Я хочу посмотреть, что Пэт сделает: просто выполнит поручение или…

«Что „или“?»

– Или использует ситуацию в своих целях, – спокойно закончил Грязнов.

«Ты думаешь, она выкинет какой-нибудь фокус?»

– Надеюсь на это.

«Ты сознательно рискуешь книгой?»

– Плевать на книгу! Нам нужна Избранная, ты понял?!

Избранная! А не исполнительная и послушная девочка. – Кирилл в ярости топнул ногой. – Пусть привыкает к высоким ставкам.

«Не так давно ты поставил на кон ее жизнь, теперь – жизнь всех нас. Ты НАСТОЛЬКО устал?»

– Я помню о своем долге, – угрюмо ответил Грязнов. – И знаю, что меня ждет в случае проигрыша. Я хочу победить не меньше твоего. И не советую мне мешать. Мы поняли друг друга?

Судя по всему – поняли. Кирилл вытащил руку из стекла, не глядя, пошарил по стоящему слева столику, нащупал золоченую коробочку, вытряхнул на ладонь несколько таблеток, бросил их в рот и, не запивая, проглотил, бездумно рассматривая меняющее цвет зеркало. Стекло перестало быть черным, посветлело, но чистым не сделалось, осталось мутным, с трудом отражающим сидящего совсем рядом антиквара.

– Не надо мне мешать, – пробормотал Грязнов едва различимому двойнику и поднялся с кресла.

Пошатнулся. Стиснул зубы. Глубоко вздохнул.

Человеческое тело не годится для многовекового использования, его ресурс ограничен. Мышцы, органы и кости еще можно взбодрить, можно заставить их работать или, в крайнем случае, заменить. А что делать с головой? Что делать с накатывающей (как правило, в самый неподходящий момент) болью? Что делать с мозгом, который не понимает, почему до сих пор жив?

– Они боятся тебя потерять, Пэт, поэтому готовы трястись над тобой, оберегать, прятать, защищать. Но этим они тебя погубят. – Грязнов улыбнулся. – Я знаю, дочка, ты справишься.

Он проглотил еще пару таблеток, открыл дверь и тяжелой, грузной походкой прошел по коридору к ведущей на первый этаж лестнице. Боль уходила, и с каждым шагом движения Кирилла становились все более и более ловкими, энергичными, наполненными силой и жизнью. Спустившись вниз, Грязнов постоял у дверей комнаты Олово, прислушиваясь к мерному дыханию спящего в полной темноте слуги, однако внутрь входить не стал, направился на кухню, готовить себе и тяжело раненному Олово нехитрый ужин.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
отель «Венеция»
даже в самом лучшем плане может оказаться изъян

«Забудьте о боли! Наши наны снижают уровень болевых ощущений до минимума!»

Некоторое время назад эту технологию запретили из-за возросшего уровня смертности. Боль ведь появляется не просто так, это реакция организма на какое-то раздражение, это сигнал о том, что необходимо принять меры. Разработчики уверяли, что информация будет поступать в «балалайку», то есть сигнал останется, но без неприятных ощущений, однако что-то не сложилось. Начались несчастные случаи: кто-то схватился за раскаленную сковороду, опомнившись лишь от вони жареного мяса, кто-то облился кипятком, кто-то не почувствовал приступ аппендицита… Корпорация выплатила несколько миллионных компенсаций и официально объявила о прекращении проекта. А теперь вновь выбросила обезболивающие наны на рынок. Люди не любят боль.

– …Я этой суке вмазал как следует, а она визжит, но не уходит! – Бородатый араб в распахнутой кожаной жилетке. Местный вариант мачо.

– А куда ей деваться? – заржал собеседник.

– …В Испанском квартале очень недовольны. – Высокая женщина в деловом костюме. В вырезе жакета виднеется висящий на цепочке крест. – Отца Петера все уважали.

– Безы говорят, что это какой-то псих. В Мюнхене тоже священника убили.

– Не псих! Вудуист, скорее всего…

Обрывки разговоров, обрывки судеб.

Пэт стояла у стены дома, не мешая идущим по тротуару людям, жадно ела палочками купленную у уличного торговца китайскую лапшу и машинально прислушивалась к доносящимся фразам. В «балалайке» девушки стояла самая лучшая программа-переводчик, а потому Пэт понимала каждое долетевшее до нее слово. Пусть и с двухсекундной задержкой.

– …У него только после травки встает! – Яркая белокурая девушка жалуется подруге. – Я говорю: Сэм, или завязывай с наркотой, или ну тебя к черту! Что я себе мужика не найду?!

– …Сто динаров? Мустафа, ты обалдел? – Лохматый парень связался с кем-то через «балалайку», но не шепчет, как принято, а буквально орет. Видимо, расстроен.

– …Пятый уровень фиг пройдешь! Думаю, эти гады его специально усложнили, чтобы никто не добрался до приза! – Двое подростков в ярких майках.

– …Эта дрянь от «Фарма 1» ей уже не помогает, надо у Мутабор таблетки покупать, а там такие цены…

И, поедая горячую соевую лапшу на грязной улице одного из самых опасных районов чужого города, Пэт неожиданно вспомнила слова Грязнова:

«Иногда имеет смысл посмотреть на знакомые вещи с другой стороны. Через три года ты станешь очень крутым верхолазом, думаю, будет правильно, если к этому времени ты узнаешь все нюансы жизни в Анклаве».

Через три года под контроль Пэт перейдет одна из самых мощных финансовых корпораций в мире, и от решений, которые ей придется принимать, будут зависеть судьбы. В том числе и судьбы тех, кто проходит сейчас мимо, не обращая никакого внимания на поглощающую дешевую еду девушку.

«Кирилл хочет, чтобы я училась. Хочет, чтобы я узнала всю эту долбаную жизнь, каждый ее долбаный переулок, каждую долбаную тайну. – Пэт бросила опустевший стаканчик в переполненную урну и закурила. – Хорошо, я буду учиться. Я постараюсь узнать все тайны. Абсолютно все».

Ожила «балалайка».

– Пэт, у меня все готово, – сообщил Грег. – Можем начинать.

– Я войду в вестибюль через тридцать секунд.

– Нет, план изменился. Иди ко мне.

– Хорошо.

Девушка повернула к переулку.

Все это было очень и очень странно. Кодацци не сомневался, что уже дважды встречал стройную девчонку с копной каштановых волос. Первый раз он мельком заметил ее неподалеку от «Королевского осьминога», второй раз она ему попалась в переулке, в который он вышел из задней двери кафешки. Однако интуиция, годами отточенное чутье на опасность отказывалось реагировать на факты. Чезаре НЕ ЧУВСТВОВАЛ угрозы. Не чувствовал, хоть ты тресни.

«Случайная встреча?»

Случайностей не бывает. Разум твердил: «опасность», а интуиция опытного dd молчала, настроение оставалось беззаботным, легким.

«Я паникую?»

«Расшатались нервы?»

В конце концов, Кодацци решил не рисковать. Может, у него развивается паранойя, может, он окончательно потерял нюх, но на кону его жизнь, а значит, нужно реагировать на малейшие признаки опасности.

Никакой суеты, никакой спешки. Если ты намерен навсегда покинуть очередное логово, необходимо вести себя как обычно.

Двигаться привычной походкой, без выдающей нервозность торопливости. Если к тебе обратятся – ответь, не тяни время, но и не отмахивайся, не обрывай разговор. Если вдруг позвонят…

– Офелия, рыбка, рад тебя слышать.

Кодацци не лгал, ему было действительно приятно услышать голос подруги, гибкой красавицы-трансера, голову которой искусные хирурги превратили в антропоморфное подобие головы ящерицы.

– Ты отключил «балалайку», – томно протянула женщина. – Ты ведь знаешь, что я не люблю звонить тебе на коммуникатор.

– У меня были дела, милая.

– Приедешь сегодня?

– Во сколько ты освободишься?

– В час ночи.

– Я приеду прямо к тебе.

Еще одно обещание, которое не будет выполнено. Офелия, конечно, девочка заводная, даже Хала на ее фоне выглядела скованной, но и ее придется оставить в прошлой жизни, в прошлой «балалайке».

– Чертов Дорадо, – пробормотал Чезаре. – Из-за тебя я останусь без подруг!

И усмехнулся собственной шутке.

План отступления из «Венеции» Кодацци продумал заранее. Нехитрые пожитки, легко вмещавшиеся в одну-единственную сумку, он перед уходом из отеля всегда оставлял у портье, которого знал уже несколько лет.

Оставалось лишь войти в вестибюль…

Чезаре толкнул крутящуюся дверь.

Подойти к стойке…

– Николас, привет!

– Уезжаешь? – Жизнь в Zwielichtsviertel научила портье улавливать ситуацию на лету.

– И очень быстро.

Николас выставил на стойку сумку, Кодацци вложил в его руку несколько свернутых в трубочку купюр.

– Окажешь мне услугу?

– Смотря какую.

– Нужно внести маленькое изменение в записи охранной системы.

Портье быстро пересчитал полученные купюры и кивнул:

– Без проблем.

И выйти через черный ход…

Внутри отеля Чезаре пробыл меньше минуты. Слоновски разминулся с ним всего на двадцать секунд.

Проследив объект до отеля «Венеция», Грег предложил Пэт сразу же ворваться в номер, вышибить из парня книгу и вернуться в Москву на первой же «суперсобаке». До отправления ближайшего поезда оставалось шесть часов – вполне достаточно, чтобы извлечь из Фалини нужную информацию и скрыться.

«Когда труп найдут, мы будем далеко».

Однако Пэт отклонила предложение и, впервые продемонстрировав власть, приказала Грегу разработать вторжение по всем правилам: аккуратно и незаметно для окружающих.

«Если не подготовимся, можем получить труп до допроса, а не после».

Слоновски чертыхнулся, но спорить не стал.

Оставив девчонку напротив главного входа в «Венецию», Грег связался с Клозе и объяснил, что требуется поддержка опытного машиниста. Разумеется, из числа тех, что работают на Консорциум. Антиквар не стал задавать лишних вопросов, и через пять минут на коммуникатор Слоновски позвонил человек, представившийся Лесорубом. А еще через десять минут машинист уже копошился во внутренней сети «Венеции», и Грег узнал, что Паоло Фалини занимает четыреста сорок третий номер, что он только что вернулся и воспользовался туалетом – система зафиксировала потребление воды. Портье отеля контролировал только главный вход, черная дверь запиралась на электронный замок, вскрыв который легко оказаться на лестнице.

Лесоруб заверил, что видит коридор четвертого этажа и, если Фалини покинет номер, сразу же даст знать, а потому Слоновски спокойно отозвал Пэт с наблюдательного пункта.

– На дверях номеров электронные замки, – сообщил Грег, отвечая на вопрос девушки. – Но Лесоруб взломал систему безопасности, а потому откроет замок даже в том случае, если наш друг его заблокировал. Но для надежности изнутри установлена металлическая цепочка…

– Теперь понятно, – кивнула Пэт и вновь покосилась на мощные кусачки с удлиненными ручками, которые Слоновски нес в левой руке. – Где ты их взял?

– Во внутреннем дворике есть гараж, а в нем небольшая мастерская, – объяснил Грег.

– Хозяин не был против?

– Хозяин ничего не заметил.

– Почему-то я так и думала.

Им везло: ни на лестнице, ни в коридоре Пэт и Грегу никто не повстречался. Можно было подумать, что отель пуст, однако

жаркие стоны, долетавшие из-за двери одного из номеров, говорили об обратном. Проходя мимо, Пэт не сдержала улыбку.

И неожиданно подумала, что давно ни с кем не была. Что соскучилась по хорошему сексу. Очень странные мысли для человека, который нащупывает спрятанный в поясной кобуре пистолет и готовится ворваться в номер жертвы.

– Все, пришли. – Слоновски остановился напротив двери. – Лесоруб, мы на месте.

Пэт вытащила «дыродел» и взвела курок.

– Открываю! – отозвался ломщик.

Дверь подалась без скрипа и без щелчка. Приоткрылась, затем пошла дальше, но девушка остановила движение.

– Я ничего не слышу.

– Он может быть в туалете, – прошептал Грег.

– Цепочка не надета.

– Начинаем!

«Две секунды!» Это Слоновски сказал Пэт, когда они поднимались по лестнице. «У тебя будет две секунды, чтобы приставить пистолет к его черепу. В противном случае нас ждет перестрелка».

«Раз!»

Пэт ворвалась в комнату. Быстрый взгляд. Никого.

«Два!»

Рывком распахнула дверь в туалет. Никого.

Остановилась и вопросительно подняла брови:

– Грег?

Огорченный Слоновски огляделся и пробубнил:

– Кажется, нас провели.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Башня Стражей»
все оставляют следы

Как потом выяснилось, первым о Камилле рассказал Сулейман Такидзе, администратор богемного клуба «Золотой песок». Но допрашивавший его полицейский пропустил сообщение честного грузина мимо ушей. Наказывать оплошавшего подчиненного Хамад не стал: тот работал двадцать часов подряд и едва держался на ногах даже после лошадиной дозы стимуляторов. Полицейский ошибся, но его

невнимательность лишь отсрочила неизбежное.

– Вим Дорадо? Конечно, знаю! – Анвар Аль-Харти, владелец известнейшего в Мюнхене ресторана «Школа Шопена», дружелюбно посмотрел на Хамада: – А что он натворил? Убил кого-нибудь?

«И это тоже».

– Господин Дорадо подозревается… – майор поднял вверх указательный палец, – подчеркиваю, пока только подозревается в совершении серьезного преступления.

Аль-Гамби уже понял, что перевертыш, несмотря на замкнутость и нежелание ни с кем откровенничать, умел поддерживать с людьми теплые отношения. Никто из его соседей по «Дому гениев» и других знакомых не сказал о Виме плохого слова. Почти все они уверяли, что «он и мухи не обидит» и что «вы, господин полицейский, скорее всего, ошибаетесь». И поэтому Хамад приказал своим ребятам называть беглого dd исключительно «подозреваемым» и даже высказывать предположения о его невиновности.

– В то же время мы не исключаем, что господин Дорадо сам стал жертвой изощренного преступления и скрывается не от нас, а от бандитов.

Данная фраза должна была дать свидетелю дополнительный стимул для помощи следствию.

– Это ближе к истине, – кивнул ресторатор, ерзая на неудобном пластиковом стуле. – Вим – парень мирный, неконфликтный. На мой взгляд, он даже чересчур мягок…

«Шесть полицейских убито, – рассеянно подумал Хамад. – Интересно, сколько бы трупов мы нашли, не будь Дорадо столь мягок?»

– У Вима не сложилась карьера, но он влюблен в музыку. По-настоящему влюблен. За это его все уважали.

Последние фразы, в той или иной вариации, майору пришлось выслушать в седьмой раз.

«Шайтан вас всех побери! Еще пара таких свидетелей, и я сам поверю, что Дорадо ни при чем!»

– Мои клиенты Вима обожали. А уж когда он выступал дуэтом с Камиллой, то публика просто впадала в экстаз.

– Дуэтом?

Задумавшийся Аль-Гамби едва не пропустил интереснейший факт мимо ушей. Кстати, именно поэтому он и не стал впоследствии наказывать допрашивавшего Такидзе полицейского – каждый может устать.

– А вам еще не рассказывали? – оживился Анвар. – Вим иногда выступал с женщиной, скрипачкой…

Теперь Хамад был максимально собран. До сих пор никто из свидетелей не упоминал о пассиях Дорадо. Никаких подруг, никаких любовниц.

«Он был гомосексуалистом?»

«Нет, конечно, нет!»

Но рассказать о личной жизни Дорадо люди не могли. Не было у него любовных привязанностей. Аль-Гамби решил, что dd предпочитал проституток, и вот…

– Знаете, майор, я люблю классическую европейскую музыку, разбираюсь в ней и скажу так: я видел очень мало музыкантов, которые бы так чувствовали друг друга, как Вим и Камилла. Их выступления завораживали.

– Они были любовниками?

– Гм, возможно. – Аль-Харти почесал толстый нос. – Скорее всего. Будь они просто друзьями, вряд ли бы сумели достичь такой дивной гармонии.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
бар «Четыре коня»
воздержание еще никому не шло на пользу

– Не останавливайся! Только не останавливайся!!

Чика-Мария стояла на коленях, выгнув спину и упершись руками в спинку кровати. Взад-вперед. Взад-вперед. Они забыли опустить жалюзи, а потому при движении по потному телу девушки перебегали разноцветные огоньки стоящего напротив окна рекламного экрана. Смешиваясь с татуировками, они превращали спину, руки и бока Чика-Марии в абсурдный калейдоскоп, который неожиданно сильно возбуждал находящегося позади девушки Дорадо.

Взад-вперед. Взад-вперед. Назад, освобождаясь…

– О-о… не надо…

Она пыталась протестовать, но Вим не обратил на возглас внимания. Уверенно перевернул Чика-Марию на спину, раздвинул ей ноги и вновь вошел, а потом навалился сверху всем весом, на мгновение замер, наслаждаясь ощущениями слияния с женщиной, и продолжил движение.

– Ты сбил меня с темпа… я не кончила…

Он нашел ее губы, поцелуем заставил замолчать.

Взад-вперед…

Тело у девчонки оказалось мягким, податливым. Грудь, с проколотыми железяками сосками, налитая, чуть обвисшая, но еще не потерявшая форму. Ягодицы тоже начали расплываться, однако им далеко до бесформенных мешков. Не идеальное тело, но сейчас Дорадо было все равно. Он должен был разрядиться, должен был выпустить накопившееся за последние дни напряжение, и шаловливая Чика-Мария оказалась как нельзя кстати.

Хотя начиналось все очень по-деловому…

Покупка оружия никогда не считалась в Анклавах особенно сложным делом, ибо корпорации были заинтересованы в том, чтобы граждане сами защищали свою жизнь и свою собственность. СБА выдавала лицензии всем желающим, а если у тебя вдруг обнаруживали незарегистрированный пистолет, его попросту отбирали. Продавцам ворованного оружия грозило до двух лет тюрьмы, однако и тут была лазейка: если стволы были похищены не у корпораций, а с какого-нибудь государственного военного склада, безы, как правило, закрывали на происходящее глаза.

«Мы не благотворительная организация, чтобы отправлять в кутузку за мелкие преступления!» Таков был негласный девиз СБА. Финансирующие ее корпорации не собирались кормить запертых в клетку бездельников.

Тем не менее у подпольных продавцов оружия существовали правила, нарушать которые считалось дурным тоном. Первое из них гласило, что покупатель не мог вести переговоры в наномаске. А поскольку Дорадо не хотел обращаться к знакомцам и не располагал временем для поиска податливого торговца, ему пришлось воспользоваться услугами подруги Свистуна.

– Они не изменили цену?

– Нет.

– И подготовили все, что я просил?

– Да.

– И химию?

Вим не был уверен, что Кодацци окажется столь же впечатлительным, как и Хала, а потому заказал у подпольных дельцов несколько разновидностей «сыворотки правды».

– Войцех сказал, что у него все готово, – огрызнулась девушка. – Я не лезла с расспросами. Не по чину, знаешь ли.

Они стояли в переулке, неподалеку от входа в бар «Четыре коня», и обсуждали разговор, который Чика-Мария только что закончила с торговцами. Незарегистрированный коммуникатор девушка продолжала вертеть в правой руке.

– Где вы встречаетесь?

– На втором этаже, меня проводят.

– Я войду в бар первым, – решил Дорадо. – Ты должна выждать не меньше десяти минут, поняла?

– Да.

Вим никогда не слышал о торговце оружием по имени Войцех, но вот о «Четырех конях» говорили разное. Кто-то считал бар местом надежным, кто-то проклинал пригревшихся под его крышей кидал. Впрочем, Дорадо прикрыл бы девушку, даже если бы заведение славилось безупречной репутацией.

Он вошел в прокуренный зал, с трудом отыскал себе место – почти все табуреты у стойки были заняты, кивнул бармену:

– Виски.

Отправляясь в «Четыре коня», Вим предусмотрительно надел полумаску, оставив открытым подбородок и рот.

– Ищете чего-то? – поинтересовался бармен, выставляя стакан. – Или кого-то?

– Жду, – коротко отозвался Дорадо.

– Тогда не забывайте заказывать.

– Договорились.

Бармен метнулся к другому посетителю, а Вим взял в руки стакан и переместился за угловой столик, оглядев по пути собравшуюся в «Четырех конях» публику.

Мусор. Мелкие посредники, живущие на проценты от сделок на черном рынке, шулеры, пушеры, громилы, проститутки. За столиками они позволяют себе шуметь, громко смеяться, орать друг на друга, но других посетителей не задевают, видимо, в «Четырех конях» есть кому приглядеть за порядком.

Когда в баре появилась Чика-Мария, Дорадо уже вычислил тех, кто соберется ее кинуть. Если соберется, конечно. Двое громил сидели у самых дверей в компании ярко размалеванных девиц, и один из них проводил отправившуюся на второй этаж Чику-Марию внимательным взглядом.

«Интересно, вы работаете на свой страх и риск или по договоренности с Войцехом?»

Скорее всего, по договоренности, ведь в «Четырех конях» кидали далеко не всех. Серьезные люди, на которых у местной шпаны был нюх, уходили из бара без проблем, а вот мелочь, вроде Чика-Марии, поджидали неприятности. Или не поджидали. Войцех ведь тоже не дурак, понимает, что если о заведении пойдет совсем уж дурная слава, то к нему перестанут обращаться, а значит, наедут на девчонку или нет, зависит от…

Наехали.

Громилы вывалились из бара секунд через десять после того,

как его покинула Чика-Мария. Девчонка выглядела довольной: беспечно, не оглядываясь по сторонам, тащила грязно-зеленого цвета рюкзак и улыбалась. Вим сидел далеко, глаз Чика-Марии не видел, однако подумал, что Войцех мог запросто угостить ее каким-нибудь легким наркотиком, якобы «отметить сделку». А заодно – расслабить.

«Умно!»

Глупышка угостилась, и теперь ей глубоко фиолетово, что за спиной пыхтят два мордоворота.

«Ну и ладно, так мне будет даже проще».

Громилы приготовились кинуть обдолбанную метелку и вряд ли ждут подвоха.

Была Чика-Мария под кайфом или нет, маршрут она помнила четко: свернула именно в тот переулок, о котором говорил Вим. Мордовороты, быстро оглянувшись, двинули следом. Дорадо, который прекрасно знал, куда повернет девчонка, а потому успевший нырнуть в тень и остаться вне поля зрения бандитов, бесшумно рванул за ними.

«Хотели меня кинуть? Напрасно».

Когда Вим появился в переулке, Чика-Марию уже придавили к мусорному баку. Бить не били, прижали лицом к вонючему контейнеру, выкрутили руки и принялись срывать рюкзак. Громилы не планировали тратить на девчонку много времени, а потому не оглядывались, просто делали свое дело. И поплатились за беспечность.

Первого мордоворота Дорадо вырубил ударом по голове. Убивать его Вим не хотел, просто оглушил громилу заранее приготовленной палкой. Второму повезло меньше. Среагировав на нападение, он отпустил Чика-Марию, начал движение назад, уклоняясь от Дорадо, и пропустил удар по ноге.

– А-а!!!

Вопль стал реакцией на сломанную кость. Продолжая орать, мордоворот упал на землю, а Вим подхватил перепуганную девушку под руку и потащил ее по переулку:

– Скорее!

– Они… ты… – Чика-Мария еще не пришла в себя, но это не мешало ей послушно бежать в заданном Дорадо направлении. – Они…

– Они хотели нас кинуть.

– Зачем?!

– Чтобы заработать.

«Разве непонятно?»

Путь отступления Вим продумал хорошо: выход на оживленную улицу – по ночам в Zwielichtsviertel болталось не

меньше народу, чем днем, – короткое путешествие через толпу, еще один переулок, несколько задних дворов, вновь улица, вновь переулок… В котором Чика-Мария и выдохлась.

– Подожди! – Девушка уперлась рукой в стену. – Дай отдохнуть.

Дорадо не стал спорить, остановился, машинально продолжая держать Чика-Марию за плечо.

– Они хотели нас кинуть, а ты их избил, – прерывисто прохрипела девушка. – Двух качков избил.

– Угу.

– Ты крутой, да?

– Есть немного.

Девчонка отпустила стену и прижалась к Виму. Она часто дышала, немного дрожала, а тонкая ткань майки плотно облепила напрягшиеся соски. Наркотики и адреналин сделали свое дело: охватившее Чика-Марию возбуждение можно было потрогать руками, и оно передалось Дорадо. Он отпустил плечо девушки, но руку не убрал, переложил к ней на талию, еще теснее прижав Чика-Марию к себе. Она поднялась на цыпочки и нашла губами его губы. Но лишь обозначила поцелуй. Прошептала:

– Ты где ночуешь?

– Думал у Свистуна остаться.

– Там не выспишься, – хихикнула девчонка. – Свистун мало спит из-за стимуляторов. Или работает до утра, или в игры гоняет. И вечно шуршит чем-нибудь. А здесь неподалеку можно снять номер.

«Трахни ее прямо здесь! – приказал рассудок. – В переулке темно, прохожим по фиг, трахни и сматывайся!»

Но Дорадо уже возбудился. Он хотел большего. Он ощущал горячее, распаленное тело Чика-Марии и не желал ограничиваться коротким сексом.

– Где номера?

– Два дома вперед.

– Идем.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
доходный дом Качиньского
жизнь как зебра: с одной стороны, кусается, с другой – лягается

– Слушай, Саид, ты не понял: я теперь за такую мелочь даже браться не буду.

– Навыки растерял?

Свистун не обиделся:

– Навыки? Навыки у меня всегда были что надо.

– Тогда чего тебе этот сайт не сломать? Дело плевое: выудить номер счета кренделя, на которого я укажу, и все.

– Вот именно что плевое. Солидные люди такой ерундой не маются.

– Когда это ты успел солидным человеком заделаться?

– А ты больше ушами хлопай, еще не то прохлопаешь.

– Ну, как знаешь. – Недовольный Саид оборвал связь.

На экране замельтешила реклама, и сидящий в кресле Свистун переключил коммуникатор на новостной канал.

«Да, Саид, не успеешь оглянуться, а я уже на лимузине буду рассекать. С таким „железом“ мне любое дело по плечу!»

И ласково погладил ладонью обновленный «раллер».

Приятные мысли текли легко и непринужденно.

О лимузине Свистун подумал в горячке спора. На самом деле он мечтал не о длинной черной машине, а о приземистой красной, с яростным жеребцом на эмблеме: «Феррари Аравия V12» – вот это тачка для настоящего богача! Ломщик представлял, как появится на ней в районе – естественно, проездом, ведь он будет жить в другом месте, – и как вытаращатся на него все эти саиды, рустамы и прочие ахмеды. Вот так!

Увлеченный чарующими мыслями, Свистун совершенно забылся. Он не обратил внимания на то, что пиво давно выдохлось, что в новостях говорят об атаке ломщиков – до сих пор Свистун не пропускал ни одного сообщения о недавних событиях, – и даже приоткрывшаяся дверь осталась им незамеченной. Впрочем, дверь в квартиру вскрыл человек опытный, умеющий бесшумно проникать в нужные помещения.

Он шутя справился с дешевым замком, после чего коротко приказал:

– Работаем!

И распахнул дверь настежь, пропуская в квартиру помощников.

Три человека в черных комбинезонах и наномасках действовали четко и слаженно, словно один организм. Первый выстрелил Свистуну в голову, после чего откатил обмякшее в кресле тело в угол. Двое других быстро, но без суеты собрали в сумки все системные блоки и забрызганный кровью «раллер». Последний, тот, что вскрыл дверь, контролировал коридор.

– Готово!

– Уходим!

Операция заняла сорок семь секунд. Поджигать квартиру Свистуна не стали – зачем привлекать лишнее внимание к мелкому преступлению? Ломщик вскрыл не тот сайт и поплатился, заурядная разборка, которую никто не будет расследовать…

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
отель «Ифрит»
иногда сама судьба подсказывает путь

Опытные пластики умели вживлять человеку самые экзотические органы, порождая на свет причудливых трансеров и слухи о безграничных возможностях современной медицины. Изменить можно было все: пол, рост, отпечатки пальцев… Причем изменить так, что не останется следов операции, и никто на свете не отличит, новая у тебя сетчатка или дарованная родителями. И чем изощреннее становилась работа профессионалов, чем сложнее проводимые операции, тем больше возможностей появлялось у любителей изменить внешность своими руками. Мгновенно стала суперпопулярной «Барби» – нанотехнологическая система, позволяющая менять цвет волос, глаз и рисунок на ногтях простым приказом с «балалайки». Усложнились косметические наборы, и теперь в любом магазине театральных принадлежностей можно было прикупить приличный комплект для смены внешности. К сожалению, ни «Барби», ни косметические наборы не могли пройти проверку наноскопом – умная машинка мгновенно определяла халтурное изменение внешности. И поэтому Кодацци пришлось отступать на поезде: тотальная проверка пассажиров курсирующих между Анклавами экспрессов проводилась лишь в том случае, если СБА объявляла большую охоту, в обычном же порядке безы считывали только содержимое «балалайки».

– Прощайте, синьор Фалини. – Чезаре открыл баночку с концентрированной кислотой и осторожно положил в нее отслуживший свое чип. – Здравствуйте, господин Сулимани.

Кодацци вставил в разъем новую «балалайку», загрузил в нее с коммуникатора программу-косметолог и подошел к зеркалу. Теперь он видел два лица: на нанесенном на глаза наноэкране

появилась физиономия Сулимани, в отражении – его нынешний облик.

– Оценка совместимости изображений?

«Семьдесят восемь процентов», – прошелестел в голове женский голос.

– Запустить пошаговую коррекцию.

«Пошаговая коррекция запущена. Шаг первый: цвет волос…»

Уходить – значит уходить. Кодацци не сомневался, что покинул «Венецию» чисто, оторвался от хвоста, был тот или нет, но останавливаться на достигнутом не собирался. Следить за ним от «Королевского осьминога», если слежка действительно была, могли только сотрудники СБА. Кто надавил на Службу: арабы, китайцы или негры – не важно. Важно только то, что он дважды встретил одну и ту же девчонку.

«Но как могли они узнать обо мне?»

«Они разгромили сервер dd».

«Ну и что? Там не было информации, которая могла привести ко мне».

«А никто и не говорит, что тебя пасли. Девчонка могла идти той же дорогой. Ты мог обознаться. Но…»

Но решение принято: необходимо сменить внешность, документы и убраться из Франкфурта. Случайностей не бывает. Совпадений не бывает. Беглец обязан на шаг опережать преследователей. И лишним очередной финт не станет: опережал на шаг, станет опережать на два. Вот и вся арифметика.

Куда уходить, Кодацци решил давно. Оказавшись в грязном номере «Ифрита» – этот отель не шел ни в какое сравнение с «Венецией», заурядная помойка, – Чезаре первым делом вызвал на коммуникатор сайт Аденауэра и просмотрел расписание скоростных поездов: на Москву через два часа, на Марсель через шесть, в Эдинбург через восемь.

«Повезло!»

Оставаться в пределах Исламского Союза Кодацци опасался: все-таки арабы были одной из наиболее пострадавших сторон в затеянной им игре, у них есть возможность давить на европейские филиалы СБА, поэтому лучше переместиться туда, где влияние Европола минимально. Но и покидать континент Чезаре не хотел, а посему Москва показалась ему оптимальным вариантом. К тому же именно в Москве легче всего выйти на связь с теми, кто станет его страховкой, кто сможет прикрыть его от любых преследователей. Это был резервный план, возникший после того, как Чезаре ознакомился с книгой Урзака. Кодацци не сомневался в успехе, ему было на что купить помощь.

Чезаре заказал билет на свое новое имя, положил

коммуникатор на стол и вытащил из сумки косметический набор. На смену внешности требовался час.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Palmenviertel
собор Святого Мботы
правда не спасает, правда не помогает, кому она нужна – правда?

Комната. Небольшая комната. Поправка: совсем маленькая комната. Три на три метра, а то и меньше. Наверное, меньше: Вим лежал на полу, упершись ногами в дверь, а пальцами вытянутой руки касался противоположной стены. Совсем маленькая комната, стены которой обиты мягким пластиком. Отличный выбор: и звук не пропускают, и голову не разобьешь, даже если захочешь. Замечательный выбор. Профессиональный.

«Почему же вы свет не выключили, профессионалы?»

Дорадо с трудом приподнялся, на четвереньках добрался до угла, уселся, облокотившись спиной о стену, и ощупал лицо. Бровь рассечена, нос распух, губа разорвана. Кровь уже не идет. Хоть одна хорошая новость. Все остальные – полная дрянь.

Очень болит правый глаз. Странно, на ощупь с ним все в порядке… И тут до Вима дошло: слабость, сухость во рту, головокружение, тошнота и болит глаз. От укола болит, а не от удара.

«Черт, а ведь меня уже допросили! – И усмехнулся. – Что теперь?»

Финал бурного секса с Чика-Марией оказался не особенно приятным. Нет, сам финал удался на славу, Вим давно так не отрывался. Но едва он, умиротворенный, усталый, развалился на кровати, размышляя, не послать ли девчонку за пивом, как дверь слетела с петель и в комнату ворвались трое… или четверо… да какая, к чертовой матери, разница, сколько их ворвалось? Нападение произошло столь внезапно, что Дорадо хватило бы и одного. Тем более что самый первый пришелец Вима и вырубил – ударил дубинкой по голове, вышибив сознание. Дальше, судя по разрушениям на лице, последовало короткое, но эффективное избиение, которое прекратилось лишь после того, как нападавшие сообразили, что стараются зря. А поскольку бессмысленную работу не любят ни громилы, ни брокеры, Дорадо перестали бить и отвезли на прием к специалисту в области

химии. В наши дни для проведения допроса клиент не обязательно должен быть в сознании, пара предварительных уколов, затем основной, с «сывороткой правды», – и задавай интересующие вопросы.

«Вот и все…»

Дверь отворилась бесшумно, уехала в сторону, и в проеме появилась молодая негритянка в черном брючном костюме. Глаза девушки скрывали блестящие очки. Она вошла в камеру, и дверь тотчас же встала на место.

«Здесь матриархат?»

Виму было плевать, кто продолжит допрос: мужчина или женщина. Некоторые считают, что дамы добрее, однако те отмороженные суки, которых Дорадо видел в военной разведке, были еще хуже садистов из карательных эскадронов африканских вудуистов.

– Разве я не заплатил за номер?

Он хотел видеть ее реакцию, хотел понять, кто перед ним: беспощадная стерва или нормальный человек. Девушка улыбнулась и поддержала шутку:

– Наоборот, Вим, ты переплатил, а потому получил приз – немного наркотиков.

«Она нормальная. Значит, сразу не убьет и зря мучить не будет…»

Вот теперь Дорадо стало полегче.

– Присаживайся.

– Охотно. – Негритянка уселась на пол и протянула руку: – Каори.

– Вим Дорадо. – Рука у девушки была изящная, но твердая, как дерево.

– Это ведь не настоящее твое имя.

– Я к нему привык, – усмехнулся Дорадо. – Так что, если ты не против…

– Да мне, в общем-то, наплевать, как тебя зовут, – честно ответила Каори. – Хочешь быть Вимом – будешь.

– Спасибо.

– Не за что. – Девушка помолчала. – Я – мамбо Католического Вуду.

– Как вы меня нашли?

– Чика-Мария привела.

Чем отличается секс за деньги от секса бесплатно? Секс за деньги обойдется дешевле.

Дорадо грустно усмехнулся:

– Она тоже Вуду?

– Ага, – подтвердила Каори. – В последнее время к нам

приходит все больше людей.

– Поздравляю.

– Мы несем свет истинной веры.

Дорадо демонстративно потрогал распухший нос.

– А что Свистун?

– С ним все в порядке, – ровно ответила девушка. И продолжала хвастаться: – Мы сообщили всем верующим, что ты украл у нас книгу. Чика-Мария опознала тебя, сразу донесла, но я решила не торопиться, посмотреть, что ты будешь делать. – Каори улыбнулась. – Спасибо, что разыскал для нас Кодацци.

– Не за что.

Собственно, игра была проиграна по всем статьям. Винить некого – он сам пришел в лапы вудуистов.

«Эх, Свистун, ты никогда не разбирался в женщинах…»

И оставался всего лишь один вопрос:

– Убьешь меня?

Вим в упор посмотрел на девушку. Жаль, что ее глаза прячутся за зеркалом очков.

– Еще не знаю, – честно ответила Каори.

– Но ведь я не брал эту чертову книгу.

– Не имеет значения, – пожала плечами девушка. – Ты влип.

– Шанс договориться есть?

– А что ты можешь предложить?

– Я не в том положении, чтобы предлагать, – вздохнул Дорадо. – Ты диктуешь условия, а я думаю, насколько они мне подходят. На что я способен, ты знаешь, придумай дело, чтобы я смог расплатиться за доставленные неудобства, и расстанемся.

– Хочется жить?

– Ага.

– В тебе мало страха, – после короткой паузы произнесла Каори. – Ты смелый. Ты мог бы стать героем, а стал dd. Собакой.

– А ты герой, Каори?

– Я служу делу, в которое верю.

Дорадо усмехнулся, но промолчал. Вновь потрогал нос и поинтересовался:

– Вы помогли Кодацци проникнуть в дом?

– Да.

– Он вас кинул.

Вим не спрашивал, но девушка все равно ответила:

– Да.

– И поэтому ему понадобился я. Козел отпущения.

– Чезаре умнее тебя, Вим, но у вас с ним есть общий недостаток. Вы прагматичны. Вам кажется, что компромисс возможен всегда, что любую проблему можно уладить,

договорившись или заплатив… Но это не так. – Мамбо высокомерно усмехнулась. – Есть вещи, которые не продаются. Они называются принципами. И если ты посмотришь вокруг, Вим, ты поймешь, что наверху, на настоящем верху, на самой вершине, находятся те, кто своими принципами не торгует. Шейхи никогда не встанут под крестом, а китайцы не продадут индусам тексты Конфуция. Вам кажется, что принципы делают человека уязвимым, на самом же деле они заставляют нас быть сильными, потому что слабак неспособен отстоять свою точку зрения. – Каори сняла очки, и Дорадо вздрогнул, увидев чудные сапфировые глаза. Увидев в них огонь веры и убежденности в собственной правоте. – Кодацци заполучил нашу помощь, прикинувшись адептом Католического Вуду. Он сделал вид, что сменил веру, посещал собрания, которые тайно проводятся в Мюнхене, втерся в доверие к хунгану… И вот за это он заплатит. Понимаешь, Вим, именно за это. Будь он обычным dd, которого мы наняли и который решил нас обмануть, мы, может быть, и утерлись бы. Решили бы, что искать его себе дороже. Но отступника мы найдем, где бы он ни был. Найдем и накажем.

– Принципы?

– Да, Вим, именно они. – Каори плавно поднялась на ноги. Дорадо уже оценил грацию девушки и теперь, против воли, любовался ее движениями. – За Кодацци уже поехали. Если хочешь, я устрою вам встречу.

– Очень хочу.

– Не сомневалась в твоем ответе, – рассмеялась девушка.

Дверь распахнулась.

– Каори, – позвал Дорадо. – Почему все так носятся с этой книгой? Что в ней такого?

Мамбо задержалась, пару мгновений подумала, стоит ли отвечать, а затем медленно произнесла:

– Ты храбрый мужчина, Вим, но ты хочешь жить, не так ли?

– Хочу.

– Я ответила на твой вопрос. – Каори повернулась к Дорадо спиной. – Ты не должен знать того, что написано в книге. Ты не должен знать даже о том, что эта книга существует. И если останешься жив, тебе придется обо всем забыть.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
ночной клуб «Двенадцать баллов»

худой мир лучше доброй ссоры

Заведение со сногсшибательным названием не являлось заурядным борделем, хотя на третьем этаже здания и размещались номера для наиболее похотливых клиентов. В первую очередь хозяева «Двенадцати баллов» продавали зрелище, алкоголь и разрешенные наркотики, а потому клуб, размещавшийся на привилегированном, четвертом уровне мостовых Zwielichtsviertel, считался центром культурной жизни небольшого района, и публика в нем собиралась достаточно приличная.

Вход в «Двенадцать баллов» с оружием был запрещен, но трех мулатов, что появились в клубе вскоре после полуночи, это не смутило. Они безропотно отдали охране «дыроделы», попросили сообщить о своем приходе Михаэлю, купили билеты и прошли в главный зал, на сцене которого разворачивалось традиционное ночное представление.

– Она? – коротко поинтересовался один из мулатов.

– Она, – подтвердил второй и опустился за ближайший свободный столик.

Третий презрительно оглядел танцовщицу и молча взялся за стакан с виски, который притащил официант.

Третий недолюбливал трансеров.

Но ведь вкусы у людей разные.

Извивающаяся на сцене девчонка была трансером высокого класса. Она уже начала раздеваться, осталась лишь в темно-зеленом белье, а потому зрители могли по достоинству оценить необычное тело. Стройное, гибкое, животик плоский, ягодицы подтянутые, упругая, третьего размера грудь еще скрыта чашечками бюстгальтера, но производит отличное впечатление – тело Офелии могло пробудить желание у большинства мужчин. Вот только изящные руки девушки заканчивались кистями, стилизованными под лапы ящерицы: узловатыми, суховатыми, с черными когтями и зеленоватой чешуйчатой кожей, которая сменяла обычную, человеческую, уже от предплечий. Аналогичной обработке подверглась и лишенная волос голова танцовщицы. Ушные раковины отсутствуют, вместо них черные отверстия. На больших веках нет ресниц. Из безгубого рта периодически выскальзывает острый язык.

– Кого может возбудить этот урод? – покачал головой третий.

– Человека с необычным вкусом. – На соседний с ним стул опустился плечистый белокурый мужчина в строгом черном костюме. За его спиной замерли два бугая. – Вы меня искали?

– Меня зовут Макуле Бритва, – представился первый мулат.

– Я знаю.

Разумеется, знает. Услышав, что три подозрительных типа хотят с ним поговорить, начальник охраны «Двенадцати баллов» сразу же проверил изображения мулатов по базе данных и выяснил, что заявился к нему не кто-нибудь, а один из главных помощников Дуду Робинзона – лидера крупнейшей негритянской банды Франкфурта. «Двенадцать баллов» платила дань не менее мощной арабской группировке Сауда Боцмана, однако ссориться с вудуистами Михаэль не собирался.

– Нужно посмотреть «балалайку» этой девчонки.

Макуле ткнул пальцем в сцену, на которой Офелия бойко размахивала снятым бюстгальтером. Груди у нее оказались даже не третьего, а четвертого размера, и теперь они весело подпрыгивали в лучах софитов. Мужская половина зрителей бодро ревела, призывая девушку поскорее избавиться от трусиков.

– Не скажу, что Офелия звезда, – спокойно произнес Михаэль, – но публика ей симпатизирует. Нам бы не хотелось потерять эту танцовщицу.

– Даю слово, что мы ее и пальцем не тронем, – весомо произнес Бритва. – И еще даю слово, что твой клуб не станет местом разборок и к тебе не будет претензий ни у нас, ни у Боцмана. Нас кинул парень, который, как мы узнали, спал с Офелией. Принеси нам ее чип. Мы быстро все посмотрим и уйдем.

– Она спросит, зачем мне ее «балалайка».

– Скажешь, что должен стереть с нее физиономию важного клиента. Можно подумать, в первый раз.

– Нет, – вздохнул Михаэль, – не в первый.

Ему не хотелось помогать неграм, но он понимал, что до Офелии они все равно доберутся. И еще понял, что вудуисты предложили очень мягкое решение вопроса.

– Ждите.

Михаэль вернулся через пять минут. Молча передал Макуле «балалайку» и подождал, пока тот просмотрит ее содержимое. Действовал мулат быстро: скачал запись о последних сорока восьми часах девушки в полицейский сканер, прогнал изображение в режиме ускоренного просмотра, пару раз остановил, разглядывая появляющиеся на экране мужские лица, а на третий раз удовлетворенно кивнул:

– Попался!

– Теперь все?

– Проследи за тем, чтобы девчонка никому не звонила в течение часа.

– Уже проследил, – ровно ответил Михаэль. – Я отправил ее к клиенту.

– Молодец! – Бритва вернул начальнику охраны чип Офелии и бросил на стол несколько крупных купюр, значительно больше, чем был должен за три виски. – Прощай, Михаэль!

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Zwielichtsviertel
отель «Венеция»
хотите кому-нибудь запомниться – удивите его

Перво-наперво они обыскали номер, однако не нашли ни одной личной вещи Фалини. Ни зубной щетки, ни забытых носков, ни клочка бумаги – ничего. Человек провел в «Венеции» два дня и, судя по всему, намеревался жить еще несколько, а комната выглядела так, словно в нее никто не заселялся.

– Он был готов уйти в любую минуту, – пробормотала Пэт. – Профессиональный беглец.

– Просто дело слишком серьезное, – ответил Слоновски. – Вот Фалини и принял все меры предосторожности.

Девушка покачала головой:

– Как ты думаешь, у него есть дом?

– Дом? – Грег пожал плечами. – Сейчас мы не можем это узнать, а значит – все равно.

Он был настоящим профессионалом и не позволял себе отвлекаться от дела. Был ли у Фалини дом? Была ли семья? Как это вычислить через фальшивую «балалайку»? Никак. Значит – отставить, оперировать только известными фактами.

Пэт положила ладонь на подушку, прикрыла глаза…

– Он плохо спит.

– Кто?

– Фалини.

– Болен? Ранен?

– Нет… Его что-то мучает… – Девушка словно очнулась, отдернула руку, удивленно посмотрела на нее, затем – на Слоновски. – Почему я это сказала?

– Может, тебе надо отдохнуть?

– Может быть.

Грег почесал в затылке, послушал донесение машиниста и сообщил:

– Лесоруб перепроверил охранную систему отеля и нашел

следы активности. Записи изменили изнутри, кто-то из своих, поэтому Лесоруб и не разобрался сначала.

– Получается, Фалини нас вычислил? Или засек?

Пэт была готова услышать обвинения в свой адрес, она понимала, что если кто-нибудь из них и напортачил во время слежки, то с вероятностью девяносто девять процентов это была она. Но, к ее удивлению, Грег решил не валить грехи на неопытную напарницу.

– Вспомни, как мы его засекли.

– Он выскочил из «Королевского осьминога» как ошпаренный…

– Так торопился, что натянул наномаску уже на улице. И только поэтому попал под видеокамеру.

– Что это значит?

– Фалини узнал нечто такое, что вывело его из равновесия, заставило на несколько мгновений забыть об осторожности. Я думаю, Фалини спугнули там, в «Королевском осьминоге». Он побежал, а мы не успели его взять.

И ни слова о том, что предлагал брать объект без подготовки, сразу же, едва Фалини вошел в отель. Впрочем, Пэт поняла, что план Слоновски тоже бы не сработал: судя по всему, Фалини провел в «Венеции» меньше двух минут.

– Что нам делать теперь?

Вопрос прозвучал не жалко, не растерянная маленькая девочка просила о помощи, а неопытная и понимающая свою неопытность Пэт обращалась за советом к профессионалу.

– Будем исходить из того, что Фалини покинул Франкфурт. – Грег плюхнулся в кресло и почесал нос. – Точнее, собирается покинуть. – И вызвал через «балалайку» расписание Аденауэра. – Дирижабли отметаем – слишком медленные, в самолетах и «стратах» идет тщательная проверка чипов, а он, скорее всего, воспользуется фальшивым…

– Необязательно.

– Зависит от того, насколько сильно его спугнули. Но я знаю, как мыслят преступники: до тех пор пока есть возможность использовать фальшивку, они будут ею пользоваться. С настоящей «балалайкой», если, конечно, она не засвечена, нужно ложиться на дно. С ней Фалини уйдет, завершив операцию, после того как избавится от книги и получит деньги.

– А если он выехал из Анклава на мобиле?

– В Баварский султанат? Вряд ли он пойдет на такой риск. Арабы ищут Дорадо, но кто даст гарантию, что они не докопаются до Фалини? Нет, только не султанат.

– То есть остаются «суперсобаки» на Анклавы?

– Ближайший поезд уходит на Москву, отправляется примерно через два часа. Мы можем сесть в него и попытаться вычислить Фалини среди пассажиров. Вероятность этого мала – он наверняка не будет покидать купе, но она есть.

– Торопиться не будем, – после короткого раздумья произнесла Пэт. – Свяжись с Москвой, пусть займутся пассажирами «суперсобаки»…

– Спугнем.

– Я не договорила. Пусть они арестуют и тщательно проверят всех мужчин, похожих на Фалини.

– СБА не имеет права устраивать подобные проверки без серьезного повода. Цюрих начнет задавать неудобные вопросы, а наш филиал сейчас не в том положении, чтобы отвечать на них.

– Пусть найдут повод.

– Ладно, – сдался Грег, – я свяжусь с Москвой, повод они найдут. А мы…

– А мы пока останемся здесь.

– В «Венеции»?! – Этого Слоновски не ожидал.

– Если Фалини действительно спугнули, я хочу знать, кто за ним придет.

– Неоправданный риск.

– Оправданный. Мы должны знать, против кого играем. И должны показать им кое-что.

Он вспомнил, какой она вышла из московского подземелья: перепуганной, перепачканной, заплаканной. Сейчас перед ним стояла совсем другая Пэт: не бесшабашная, но уверенная, агрессивная, готовая к атаке.

– Кому ты хочешь отомстить?

– Тот человек уже умер. Но впереди будут другие битвы. И я должна знать – с кем?

«И должна знать – смогу ли?»

Пэт приняла решение. Теперь она поняла, для чего Кирилл послал ее во Франкфурт: посмотреть – да, поучиться – да, но и проверить себя. Ей предстоит драться, и если это ей не по зубам, то лучше узнать об этом сейчас, сдохнуть в дешевом франкфуртском отеле и не подвергать опасности тех, кто ей верит и на нее полагается.

– Будем исходить из того, что они придут. – Усевшаяся на кровать девушка скопировала не только построение фразы Грега, но и интонацию, и даже позу. – Давай подумаем, как мы их встретим.

– Значит так, ребята, работаем быстро и синхронно, – произнесла Каори, разглядывая подчиненных. – Бен и его парни

перекрывают оба входа в отель.

– Трое на главном, трое на черном, – подтвердил негр. – Никто не проскочит.

– Сварщик и Хлыст поднимаются на лифте.

Боевики молча закивали курчавыми головами.

– Мы с Бритвой и Баварцем идем по лестнице и входим в номер.

– Угу, – согласился Папа Джезе, который попадал под определение «мы».

– Как нынче выглядит наш приятель, вы знаете. Но он мог поменять физиономию, поэтому следует обращать внимание на всех мужчин, более или менее попадающих под описание.

– Понятно.

Каори еще раз оглядела подчиненных: вроде никого не забыла – и вызвала прикрывающего операцию машиниста:

– Карл, что у тебя?

– Судя по записям охранной системы, объект не выходил из номера.

– Начинаем!

– Вы не спите?

Сидевший в кресле Слоновски открыл глаза и немедленно отозвался:

– Нет!

– Хочу вас обрадовать, господа, к нашему скромному отелю проявлен большой интерес со стороны.

– Что происходит?

– Кто-то ломает охранную систему.

– Тебя засекут?

– Не должны.

Известие о том, что Грег и Пэт остаются в отеле, а значит, его смена продлевается, Лесоруб воспринял спокойно, и Слоновски про себя отметил, что машинисты Консорциума вышколены не хуже, чем в СБА. Теперь же выяснилось, что и профессиональных навыков Лесорубу не занимать.

– Гости? – осведомилась Пэт.

– Видимо, да.

Девушке досталась кровать, на которой она даже задремала, но сейчас, спешно шнуруя ботинки, она не выглядела заспанной: глаза блестят, взгляд уверенный, собранный. Снятый с предохранителя пистолет лежал на тумбочке и оказался в руках девушки сразу же, едва она покончила с ботинками. Слоновски не знал, кто подбирал Пэт оружие, но профессионализм оружейника отметил: легкий девятизарядный «ТТ 5.0» производства «Науком»

ложился в руку девушки как влитой. Доморощенные «специалисты» не считали этот «дыродел» серьезным оружием, однако профессионалы вроде Грега относились к «ТТ» с уважением: размеры маленькие, зато рассчитана машинка под любой патрон, хоть обычный, хоть разрывной, включая и знаменитую краш-пулю.

– Охранную систему они взломали, – сообщил Лесоруб. – Прямо сейчас в отель вошли шестеро: двое едут на лифте, четверо поднимаются пешком. Негры, если вам интересно.

– Вуду, – прошептала Пэт.

– Какая разница? – поморщился Грег, подходя к двери.

Огромный «Рудобой», казавшийся в его лапах игрушкой, был способен проделать дыру в ком угодно.

Баварец остался на третьем этаже, Бритва поднялся на пятый, когда же Каори и Папа Джезе вышли в коридор, к ним присоединились подъехавшие на лифте Хлыст и Сварщик.

– Карл, мы у цели!

– Открываю!

Машинист дал приказ на электронный замок номера, и дверь бесшумно отворилась.

– Там должна быть цепочка.

– Не надета, – отрапортовал Сварщик.

– Парень слишком самоуверен… – с улыбкой начал Папа Джезе.

И не закончил.

– Бабах! – весело воскликнул Лесоруб, нажимая на кнопку.

Поднявшемуся на пятый этаж негру Слоновски выстрелил в затылок: услышав взрыв, любопытный вудуист перестал контролировать коридор, повернулся к лестнице и даже что-то прокричал, очевидно обращаясь к пострадавшим у четыреста сорок третьего номера товарищам. Осознать, что допустил ошибку, горе-наблюдатель не успел – умер. Его тело еще катилось по лестнице, а Грег уже оказался этажом ниже и, перегнувшись через перила, всадил две пули в того, что остался на третьем этаже.

А Пэт осторожно выглянула в коридор четвертого.

Взрывчатки Слоновски не пожалел. Перед тем как перейти в номер пятого этажа, намазал ее на дверь столько, что верхнюю половину тела Сварщика разорвало в клочья. Стоящего справа Хлыста отбросило метра на три по коридору, а Папу Джезе

швырнуло на Каори.

– Засада!

– Засада!

Они выкрикнули одновременно.

Разбираться, кто и почему, будем потом. И мамбо, и архиепископ понимали, что главное – вырваться из навязанного боя. Точнее, даже не понимали, это сидело глубоко внутри, в подсознании.

– Лестница!

Джезе обернулся, увидел противника, молниеносно оценил обстановку и резко втолкнул Каори в номер.

Когда-то, давным-давно, а точнее, всего лишь несколько месяцев назад, Пэт не была уверена, что сможет убить человека. Ей требовалось доказать себе, что она должна – обязана! – это сделать.

А после она чувствовала вину.

С той поры утекло мало времени, зато слишком много воды. Сейчас Пэт не просто защищала свою жизнь, нет. Она хладнокровно заманила врагов в ловушку и готовилась их расстрелять. И не испытывала по этому поводу никаких угрызений совести.

Три человека в коридоре четвертого этажа представляли собой относительно легкую мишень. Двое на ногах, у стены, смотрят друг на друга, третий, отброшенный взрывом, поднимается с пола. Третий ближе, поэтому первая пуля ему. Когда в «балалайке» прошит стрельбовой комплекс, обращаться с оружием становится не в пример легче. Меткость глаза уже не играет большой роли: целеуказатель покажет, куда прилетит пуля с точностью до пяти миллиметров, главное, чтобы рука не дрогнула. Рука не дрогнула, легкий «ТТ» плюнул огнем, дал несильную отдачу и вернулся на исходную. Поднимавшийся на ноги боевик коряво рухнул на пол. В правом верхнем углу наноэкрана пометка: «Поражение».

Пэт поймала в кружок целеуказателя следующего противника. Палец плавно надавил на спусковой крючок, но…

Но высокий мужчина с соломенными волосами неожиданно задвигался. ОЧЕНЬ быстро задвигался. Одним рывком он швырнул напарника в номер, а сам ушел с линии огня, метнувшись к противоположной стене. Пэт выстрелила, однако пуля пошла мимо. А мужчина уже изменил направление движения. Пригнулся. Подпрыгнул. Ушел в сторону. Чуть назад. Снова в сторону. И все это быстро, быстро, ОЧЕНЬ БЫСТРО. Не замирая ни на секунду, ни на мгновение, постоянно меняя

положение в пространстве, сводя с ума стрельбовой комплекс и приближаясь…

Но Пэт продолжала стрелять, и только это спасло ей жизнь. Папа Джезе вынужден был уклоняться от пуль и не мог достать запасной пистолет взамен того, что вырвало из руки взрывной волной. Тем не менее архиепископ не беспокоился, он прекрасно знал, что обойма у противника рано или поздно опустеет. Еще пара секунд уклонений – и вместо выстрелов он услышит безопасные щелчки…

Каори поняла, что Джезе впал в боевой транс и что, оставшись в коридоре, она будет лишь мешать. Два человека в узком пространстве – слишком хорошая мишень, уклоняясь, они обязательно пересекутся, столкнутся, и возникнет секундная пауза, позволяющая противнику сделать прицельный выстрел. А одному разъяренному хунгану стрелок ничего не сделает, не успеет.

– Карл, сколько их?

– Я не знаю!

– Что?!

– Меня отрубили от сети отеля! Я не вижу, что происходит внутри…

«Святые духи! Кажется, нас ждали профессионалы».

Размышления размышлениями, но Каори продолжала считать выстрелы. Первым стрелок снял Хлыста, затем второй, третий… шестой…

А на восьмом случилось невероятное.

– Двое поднимаются по лестнице, двое на лифте, двое остались внизу, – сообщил Лесоруб. – Я слышал, что портье связался с ребятами Боцмана, которые пасут этот район. Минут через пять приедет группа поддержки.

– Понял. – Прижимаясь к стене, Грег спустился еще на один пролет вниз. – Заблокируй лифт.

– Сделано. – Кабина встала между третьим и четвертым. – Сами не выберутся.

– Отлично.

Боевики поднимались по лестнице осторожно, держа «дыроделы» наготове, поэтому Слоновски мягко скользнул в коридор второго этажа, вежливо пропустил парней, а затем спокойно расстрелял их сзади.

На восьмом выстреле Папа Джезе коротко вскрикнул, и мамбо услышала звук падающего тела.

«Его подстрелили! Невозможно!»

Ни один стрелок в мире, даже будь у него в руке «дрель», не смог бы достать впавшего в боевой транс хунгана. Даже в узком коридоре. Даже на небольшом расстоянии. Разве что архиепископу противостояла прятка, о реакции которых ходили самые невероятные слухи. Но Джезе не дурак, он бы не бросился на прятку с голыми руками. Он видел противника, он был уверен в себе и получил пулю.

Каори бросилась в коридор и… растянулась на пороге номера, споткнувшись о валяющийся на полу обломок взорванной двери.

Добивать упавшего мужчину Пэт не стала – она и так потеряла слишком много времени. И хотя последнюю, девятую пулю девушка в противника отправила, нажимая на спусковой крючок, она уже знала, что промахнулась: даже раненный, мужчина продолжал вертеться, словно уж на сковородке.

«Что же у него за подготовка?»

Но ответ на этот вопрос можно отыскать позднее. Сейчас пора уходить.

Пэт на ходу перезарядила «ТТ», торопливо спустилась по лестнице и услышала голос Грега:

– Сюда!

В глубь второго этажа.

Слоновски, как ему и было велено, проработал с помощью Лесоруба меры безопасности и знал, как уйти из отеля. Бегом до конца коридора, окно, прыжок – и ты уже в переулке. Возгласы прохожих, на тебя указывают пальцем, но остановить не пытаются. Затем двор, еще один переулок и еще один двор…

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Palmenviertel
собор Святого Мботы
сказки бывают и добрыми, и страшными,
но лучше им оставаться сказками

Она держалась, она прилагала все силы, чтобы не выдать свое плохое настроение, но получалось у Каори плохо. Вим понял, что девушка раздражена. Даже больше: мамбо в бешенстве.

А на лбу ссадина.

«Упустила Кодацци?»

Скорее всего.

«Чем мне это грозит?»

Чтобы выработать линию поведения, Дорадо хватило тех мгновений, за которые Каори вошла в камеру и опустилась на пол. Никаких шуток, никакой иронии – не следует дразнить разъяренного зверя. Предельная сосредоточенность и деловитость.

– Трудная ночь?

Мамбо не сдержалась – вздрогнула. Но тут же взяла себя в руки.

– Непростая.

– Сочувствую.

Раздражение – не лучший фон для серьезной беседы, Каори не продумала разговор, а потому рубанула сплеча:

– Я решила, как ты сможешь расплатиться.

– Надо кого-то убрать?

Вим не собирался демонстрировать девушке свою проницательность. Пусть враг считает тебя глуповатым.

– Надо кого-то найти.

– Кого?

– Кодацци.

Зеркальные очки уставились на Дорадо.

– Вы его упустили?

– Мы не успели. По всей видимости, твой звонок его спугнул, и Чезаре решил сменить обстановку.

Дорадо понял, что девушка лжет, но решил подыграть. Криво усмехнулся:

– Похоже, теперь я вам действительно должен. – И жестом попавшего в серьезный переплет человека провел по лицу рукой. – Черт!

«Только не переиграть!»

– Мы предполагаем, что Чезаре подался в другой Анклав. Но он не откажется от аукциона, а значит, выйдет с тобой на связь.

«Ну, конечно, Кодацци ведь не знает, что я сижу в гостях у его бывших работодателей, и не откажется от идеи выставить меня похитителем».

– Ты проведешь аукцион…

– Но что вам это даст?! Чезаре осторожен и умен, ему не нужно встречаться со мной, чтобы передать книгу!

– Перебьешь меня еще раз, я отрежу тебе ухо, – ровным голосом пообещала Каори.

– Извини.

Девушка кивнула, помолчала и проговорила фразу с самого начала:

– Ты проведешь аукцион и придумаешь, как добраться до Чезаре. Сделаешь это – расплатишься по всем счетам.

– А если Кодацци окажется умнее меня?

– Ты останешься нам должен.

– А если я выведу вас на него, а вы…

– Просто выведи, и будем в расчете.

Когда из тебя пытаются сделать дурака, утешает только то, что ты, по всей видимости, им не являешься. Дорадо знал, что «в расчете» они не будут. Но спорить не стал:

– Хоть на этом спасибо.

– Что ты имеешь в виду?

Зеркальные очки не сбивали Вима с толку, но полностью скрывали глаза Каори. Чертовски трудно вести разговор, опираясь лишь на интонацию собеседника и его редкие жесты.

– Я имел в виду, что с тобой можно вести дела. Ты не заставишь меня отвечать за… возможные ошибки твоих подчиненных.

– Ты будешь отвечать только за свои действия, – пообещала мамбо. И поднялась: – Пойдем.

«Меня переводят в номер люкс?»

Как выяснилось – не сразу. Они проследовали по абсолютно пустому коридору – Каори даже охранника не прихватила, – вошли в распахнувшуюся дверь («балалайкой» она ими управляет, что ли?) и оказались в большой, отделанной белым кафелем комнате.

«Интересно, почему палачи предпочитают больничный антураж? Потому что не получилось стать докторами?»

Комната пыток была оборудована самым пошлым способом. Куда ни кинь взгляд – белый цвет: стены, пол, потолок. Ярко светят медицинские лампы. Раковина в углу. На блестящих металлических столиках – блестящие металлические инструменты. Блестящий тазик для крови. Блестящее металлическое ложе, к которому пристегнут обнаженный мужчина. Правда, связывали несчастного не блестящие кандалы, а широкие ремни.

Блестящее хорошо сочеталось с очками мамбо.

«Сейчас мне покажут будущее…»

Виму не было страшно по двум причинам: во-первых, отбоялся свое еще в Африке, во-вторых, он прекрасно понимал, что привели его сюда не в качестве клиента.

«Похоже, нужно вздрогнуть…»

Вздрогнуть не получилось, пришлось «незаметно» поежиться. Каори уловила движение и, кажется, осталась довольна.

– Не так давно мы говорили о том, на что способна истинная

вера.

– Э-э… мы говорили о принципах.

Девушка предпочла не обратить внимания на замечание Дорадо.

– Известно ли тебе, что истинно верующим дарована сила творить необъяснимые с рациональной точки зрения вещи?

– Ты говоришь о чудесах?

– Можно назвать их так. – Каори подошла к столику, на котором лежал раскрытый металлический чемоданчик, и вытащила из него аляповато сделанную куклу.

– Полагаю, ты слышал истории о том, что жрецы Вуду способны создавать двойников? Связывать незримыми узами человека и бледное его подобие?

Тряпичная кукла с намалеванными маркером лицом и веревочными волосами. Сшита грубо, некоторые швы не доведены до конца, и из них торчат травинки. Вим смотрел на нее не отрываясь.

– Эти истории набили оскомину. Скажи любому обывателю: Вуду – и он, не задумываясь, ответит: кукла. В эти истории верят и не верят. А между тем… – Каори погладила уродливую игрушку. – А между тем люди тратят годы на то, чтобы научиться создавать такое вот бледное подобие. За каждой куклой – большой труд и много сил. – Она перевела взгляд на Дорадо. – Сейчас ты увидишь то, что часто показывают в кино. Увидишь необъяснимый факт. Увидишь чудо, совершенное мной с помощью силы, дарованной истинной верой. В твоей душе, Вим, пока нет места религии. И я показываю тебе все это отнюдь не для того, чтобы ты обрел веру, у меня другие задачи. Но я мамбо, я обязана нести людям свет Католического Вуду, поэтому я и говорю столь много. Сейчас ты увидишь разницу между нами, Вим, увидишь, насколько жалок и слаб человек, лишенный огня истинной веры.

Каори положила куклу на блестящий металлический поднос, молитвенно сложила руки и опустила голову. Дорадо с трудом расслышал бормотание:

– …И да благословят меня святые духи Лоа…

Связанный мужчина замычал, с ужасом наблюдая за действиями закончившей молиться девушки.

«В чем же ты провинился, приятель?»

– Смотри внимательно, Вим, смотри и не отворачивайся.

Мамбо вытряхнула на куклу несколько капель из прозрачного пузырька – Дорадо почувствовал запах эфира, – и чиркнула зажигалкой.

И в тот же миг мычание мужчины едва не превратилось в

крик. Кукла горела, а по обнаженному телу несчастного расползались уродливые ожоги. Завоняло паленым мясом. Ошарашенный Вим оперся рукой о стену.

«Этого не может быть!»

Мужчина горел… нет, не горел, но на глазах превращался в обугленный кусок плоти. Лицо, грудь, живот, руки, ноги… на нем не осталось живого места. Не горел – плавился. Ведь не было огня!

– Люди вставляют себе в головы «балалайки», вживляют импланты, на расстоянии управляют машинами и погодой. Но они забыли о том, что вначале было Слово.

Мужчина перестал мычать. Затих.

– Зачем ты мне это показала? – прошептал Дорадо.

Он знал ответ, но не мог не спросить. Ему нужно было что-нибудь сказать, а ничего не лезло в голову. Ничего, кроме этого дурацкого вопроса.

– Я освобожу тебя, – спокойно ответила Каори. – Верну тебе все, что мы забрали, и отпущу на свободу. Ты будешь искать Кодацци, оставаясь на воле. И я обещаю, что больше не посажу тебя в клетку. – Она сняла очки, и Вим вновь увидел ее чудесные сапфировые глаза. – Но не забывай о том, что у меня есть твой двойник.

«Лучше уж в клетку…»

Вентиляция в пыточной работала отлично, запах жареного мяса почти не ощущался, но Дорадо все равно слегка мутило. А ведь ему доводилось видеть, как горят танкисты, не сумевшие покинуть подбитую машину. Им подбитую машину. Но там все было иначе. Там Дорадо понимал, почему горят люди. А сейчас…

– Ты должен знать еще кое-что, – невозмутимо продолжила Каори. – С помощью двойника я могу не только доставить тебе неприятности, но и найти тебя, где бы ты ни был.

– У тебя есть предположения, куда мог отправиться Кодацци? – хрипло спросил Вим.

– Я думаю, он тебе сообщит. – Мамбо протянула Дорадо коммуникатор. – Жди звонка.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Ланданабад, столица Британского халифата
ночной клуб «Шекспир»
иногда приходится отвечать за других

– Господа, я, право, не знаю, что сказать… у нас приличное заведение… – Гордон Грей растерянно посмотрел на молчаливых полицейских. – Гости будут недовольны… а ведь среди них есть очень важные персоны…

– Важнее султана Баварии? – осведомился возглавляющий группу офицер.

– Нет, конечно, нет… – На управляющего «Шекспиром» было жалко смотреть. – Я не предполагал…

– Это международное дело, – весомо заявил полицейский. – Султан лично обратился к халифу, и британский Европол получил приказ оказать максимальное содействие. Но болтать об этом не следует.

– Я все понимаю, – выдохнул Гордон.

Офицер презрительно посмотрел на оттопыренные уши управляющего, после чего подошел к дверям в главный зал клуба и заглянул внутрь.

– Это она?

– Да.

На сцене, освещенной всего двумя прожекторами, стояла девушка в длинном черном платье. Худенькая, стройная, она раскачивалась в такт музыке, и скрипка казалась продолжением ее тела.

И тишина в зале.

Полицейский поймал себя на мысли, что впервые видит, чтобы в ночном клубе с таким вниманием слушали исполнителя. Не бедная публика – среди посетителей офицер разглядел пару важных чиновников и нескольких известных купцов, – затаив дыхание, слушала скрипичный концерт.

– Камилла божественно играет, – прошептал Грей.

– Может быть, – буркнул полицейский.

Ему не хотелось признаваться в том, что он заслушался, что тоже попал под очарование одинокой скрипачки.

– Может, это ошибка? – робко предположил управляющий. – Может, вы ищете не ее? Я не могу представить Камиллу в роли преступницы. Что она могла натворить?

– Не знаю, – покачал головой офицер. – Но ошибка исключена – нам нужна именно эта женщина.

Грей вздохнул и покосился на стоящих вокруг спецназовцев, четырех здоровенных бугаев в полной выкладке: каски, бронежилеты, боевые пояса, автоматы в руках…

«Боже, полиция в моем клубе! Какой позор! – В душе стала закипать злоба. – Камилла, мерзавка!»

– Скажите, из зала есть другие выходы?

– Да, конечно, – кивнул Гордон. – Можно пройти за кулисы, а

оттуда…

– Все понятно. – Офицер повернулся к спецназовцам: – Вы, двое, идете за кулисы. Ушастый вас проводит. – Грей проглотил оскорбление. – Девку будем брать в гримерке. Все понятно?

– Так точно.

– Выполняйте.

Двух других бугаев офицер отправил к главному входу, приказав спрятаться где-нибудь и не мелькать перед благородной публикой. А сам опустился за столик и замер, подперев голову рукой. Он хотел дослушать концерт.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Palmenviertel
собор Святого Мботы
упорство – признак силы?

– Твою репутацию спасло только то, что операция проводилась в обстановке полной секретности, – недовольно произнес Ахо. – Если бы архиепископы узнали, что ты не смогла добыть книгу, на твоих амбициях можно было бы поставить крест.

– Ничего не потеряно, – хмуро ответила Каори.

– Ты взяла Дорадо…

– Я с ним договорилась. Он продолжит действовать.

– Но Дорадо понятия не имеет, где прячется Кодацци!

– Узнает.

– Каким образом?

– Кодацци с ним встретится.

– Для чего?

– Чтобы убить, – объяснила Каори. – Кодацци должен довести игру до конца, обрубить все хвосты, убедить всех, что книгу взял именно Дорадо.

– Он доберется до него после аукциона, – понял настоятель.

– До получения оплаты. Кодацци назначит встречу якобы для того, чтобы передать книгу. Дорадо приедет, и Кодацци его убьет. Если же Дорадо будет знать, что книга у покупателя, он не поедет, он возьмет свою половину денег и скроется.

– Звучит логично… – протянул Ахо. – А Дорадо понимает, что Кодацци планирует от него избавиться?

– Разумеется, понимает. И горит желанием встретиться с Кодацци. Я обещала ему полное содействие.

– А потом?

– Дорадо все равно не жилец, – пожала плечами девушка.

Настоятель храма Иисуса Лоа задумчиво потер подбородок, а затем вновь устремил на мамбо тяжелый взгляд:

– Ты уверена, что справишься на этот раз?

– Уверена.

– Не подведи меня.

– Я знаю, ради чего стараюсь.

Ахо важно кивнул:

– Да благословят тебя духи Лоа, мамбо.

Каори отключила коммуникатор и посмотрела на Папу Джезе. Перебинтованный архиепископ лежал на кровати, вне зоны видимости, и Ахо не знал, что тот слушает разговор.

– Твоя версия хороша, но…

– Я знаю, что не сказала Ахо всю правду, – спокойно отозвалась Каори.

Она доложила настоятелю храма Иисуса Лоа, что Кодацци ушел из отеля, опередив отряд на несколько минут. Ни слова о перестрелке и о потере шести человек. Ни слова о том, что неизвестный боец сумел подстрелить вошедшего в боевой транс архиепископа.

– Ты понимаешь, что нас ждали? Машинисты тщательно просмотрели сеть «Венеции» и нашли следы взлома.

– Возможно, неизвестные устроили засаду на Кодацци.

– Или взяли Кодацци, но устроили засаду на нас.

– Зачем?

А вот на этот вопрос у архиепископа ответа не было. Действительно, зачем? Книга у Кодацци, допроси его, вышиби информацию и уходи. Зачем оставлять лишние следы? Нерационально. Глупо.

– Чтобы показать, что книга обрела хозяина и спектакль окончен.

– Зачем это показывать?

Джезе развел руками и тут же скривился: рана дала о себе знать. Выпущенная с близкого расстояния краш-пуля изрядно разворотила архиепископу правую сторону груди. Придется пересаживать ткани, укреплять кости. Но ради разговора с Каори Папа Джезе приказал отложить операцию.

– Я полагаю, Кодацци обманул их, – спокойно продолжила мамбо. – Или ушел раньше, чем они появились, или вообще не возвращался в отель. Они ждали Кодацци, а явились мы.

– А запись в охранной сети? Видеокамера зафиксировала возвращение Кодацци в номер.

– Подделка.

– Для чего?

Настал черед задуматься Каори.

– Они ждали не Кодацци, а нас.

– Или так: и Кодацци, и нас.

– Или так, – вынужден был согласиться Папа Джезе. – Но если бы они ждали только Кодацци, им бы не удалось уничтожить шестерых наших.

– Они показали свою силу. Это вызов.

– Это не вызов, это намек.

– Тебе стало страшно? – холодно поинтересовалась Каори.

– Есть разница между трусостью и осторожностью. – Архиепископ не обиделся. – О шестерых парнях можно забыть, не такой уж это подвиг, в колоде всех действительно крутых организаций есть специалисты, способные на подобное. Но ведь им удалось подстрелить меня!

– Тем более мы должны с ними познакомиться.

– В меня стреляли из обычного «ТТ»! Из примитивной пукалки! Будь у стрелка «дрель», я бы так не волновался, но «ТТ», Каори! «ТТ»! Ты представляешь, какого уровня должен быть стрелок, чтобы достать меня из «ТТ»?!

– Уровня архиепископа Католического Вуду.

– А почему ты не успела прийти ко мне на помощь? Услышав, что меня ранили, ты должна была выскочить в коридор и атаковать стрелка.

– Я упала, – нехотя ответила мамбо. – Оступилась и упала. Ударилась головой и на пару секунд вырубилась. – Каори прикоснулась рукой ко лбу. – А когда выскочила в коридор, они уже ушли.

– Видишь, что происходит: меня подстрелили, а ты не смогла выйти, потому что поскользнулась. Ничего не смущает?

– Меня ничего не может смутить!

– Против нас действуют ребята, которые знают, что святые духи Лоа помогают нам. И сами они тоже пользуются чьей-то помощью.

– Значит, мы на равных.

– Нет, Каори, не на равных. Если бы духи Лоа уравновесили свое воздействие с богами чужаков, ты бы выскочила в коридор и завязала бой. Но тебе не позволили этого сделать. Я прошу тебя – отступись.

– Ни за что.

Папа Джезе без сил откинулся на подушки.

– Каори…

– Все решено, Джезе. – Девушка ласково провела рукой по лбу архиепископа. – Я достану книгу.

Он на глазах терял силы. Кожа стала белой-белой, как

одежды настоятеля храма Иисуса Лоа, и сухой. Дыхание – прерывистым. Чувствовалось, что архиепископ вот-вот потеряет сознание, однако он держался. Не позволял себе отключиться, стараясь донести до любимой женщины последнее предупреждение:

– Ты веришь, Каори, и не теряй веру. Я не знаю, что ты увидишь, пойдя за книгой, но полагаю, тебе будет нелегко. И умоляю: верь! Только вера сможет тебя уберечь. Верь, несмотря ни на что.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Высокий сад»
познай свою душу – и познаешь своего Господа

Этот дом располагался в «Высоком саду», одном из элитных районов Мюнхена, в котором селились представители высшей власти. Аккуратный, большой, выстроенный в классическом арабском стиле, он, единственный из всех, был окружен высокой, в два человеческих роста, каменной стеной, однако сделано это было отнюдь не потому, что хозяин страдал паранойей или не доверял мощной охране района, составленной из офицеров полицейского спецназа. Нет. Наличие стены было обусловлено традицией, уходящей корнями в глубину веков, в те времена, когда рабаты строились на окраинах халифата, на землях неверных, которых только предстояло обратить в истинную веру, а увайси Ибрагим ибн Адхам очень серьезно относился к соблюдению заветов. Настолько серьезно, что не боялся публично спорить даже с султаном. Настолько серьезно, что охрана безропотно пропускала внутрь любого его гостя, в том числе и тех, чей внешний вид не позволил бы им даже приблизиться к воротам «Высокого сада». Любого гостя.

Но на этот раз полицейским не пришлось скрипеть зубами, наблюдая, как идеально выметенные и вымытые улицы топчут одетые в лохмотья бродяги. Охранники прекрасно знали автомобиль шейха Аль-Темьята, пропустили его без досмотра и вытянулись в струнку, по-уставному таращась на свои отражения в тонированных стеклах машины. Длинный лимузин подъехал к рабату и плавно остановился. Выскочившие из машины сопровождения телохранители шейха рассредоточились по улице, однако к хозяину не подошли, знали, что в этот дом шейх пойдет

один.

Шофер открыл дверцу и помог Аль-Темьяту покинуть подушки лимузина. И почтительно склонился, стараясь не встречаться с хозяином взглядом. Старый слуга знал, что при посещениях рабата у шейха всегда портилось настроение, и старался стать максимально незаметным.

– Пятно на туфле! – прорычал Аль-Темьят.

– Извините, хозяин, – прошептал шофер, машинально скосив глаза на свои идеально вычищенные ботинки.

– На моей туфле!

– Извините! – Слуга достал платок и протер обувь господина. – Извините!!

Шейх не удостоил его ответом. Неспешно подошел к калитке, аккуратно, очень вежливо постучал в нее, а когда она приоткрылась, негромко поинтересовался:

– Я могу войти?

Рабат утопал в зелени. Роскошный сад начинался от дома и заканчивался у самой стены, над которой важно шептались о чем-то своем кроны деревьев. Змеились по траве выложенные мрамором дорожки. Журчал ручеек. Прятались в тени скамейки и беседки, в одну из которых и проводили Аль-Темьята. Шедший впереди слуга отошел в сторону и почтительно поклонился, шейх остановился у входа и выдал не менее почтительный поклон:

– Добрый день, уважаемый Ибрагим.

Называть старика как-то иначе ему запрещалось. Ибн Адхам вообще много чего запрещал Аль-Темьяту с тех самых пор, как шейх сделал свой выбор: отошел от братства, чтобы вплотную заняться политикой. Открыто старик не осуждал решение Аль-Темьята, однако, судя по всему, обиделся крепко. Ибн Адхам закрыл для бывшего ученика свой дом, и теперь шейх мог приезжать в рабат только после долгих и унизительных просьб. Пару раз Аль-Темьят наведывался в гости без разрешения, топтался у запертой калитки и в конце концов был вынужден смирить гордыню и перестать нарушать установившийся порядок. Старик плевать хотел на то, что Аль-Темьят стал одним из ближайших помощников султана. Старик был увайси, и этим все сказано.

– Прогуляемся.

Ибн Адхам легко, словно молодой, поднялся с подушек и направился к выходу из беседки. Шейху оставалось лишь посторониться. Впрочем, Аль-Темьят не рассчитывал на теплый прием. В последний раз он пил в этом доме чай в тот самый вечер, когда рассказал старику о своем решении оставить братство.

– Уважаемый Ибрагим, я хочу поблагодарить вас за то, что вы исполнили мою просьбу, – униженно произнес шейх, глядя медленно идущему по дорожке старику в спину.

Аль-Темьят прекрасно понимал, что ибн Адхам не посмел бы отказать: авторитет увайси велик, но султан сейчас не в том настроении, чтобы откладывать его пожелания на потом. А шейх особенно подчеркнул, что излагает поручение баварского владыки. Тем не менее поблагодарить – униженно поблагодарить и именно от себя! – стоило, иначе в следующий раз можно упереться лбом в запертую калитку.

– Ты мог бы научиться самостоятельно решать подобные задачи, – бросил ибн Адхам.

– Я выбрал свою дорогу, уважаемый Ибрагим. Я знаю, чего хочу.

– Кто познал себя, тот уже познал своего Господа, – процитировал старик. – Ты любишь приказывать, властвовать.

– Кто-то должен заботиться о людях, уважаемый Ибрагим. Его Величество велик и мудр, но ему нужны помощники.

– Мудрому властителю нужны мудрые помощники.

– Я в чем-то ошибся?

– Дом Урзака следовало сжечь.

Увайси не любил Банума, и Аль-Темьят догадывался, что рано или поздно старик об этом напомнит.

– Я полагал, вам будет интересно прочесть его книги.

– Чем могут помочь мне книги колдуна? Они не в состоянии обогатить нашу Традицию. Неужели непонятно?

– Рано или поздно нам придется воевать…

– Опираясь на нашу веру.

– Но следует знать о враге как можно больше.

– Сражения Традиций не имеют ничего общего с битвой. Здесь нет места лучникам, коннице, танкам или ракетам.

– Я это понимаю, уважаемый Ибрагим.

– Ты мог бы стать одним из высших защитников нашей веры. Мог бы принести много пользы.

«Как будто сейчас я зря топчу землю!»

Но ведь не скажешь! Не бросишь это старику. Промолчишь. Потому что со святыми… или почти святыми не спорят.

Они сделали круг по саду и оказались у калитки, через которую Аль-Темьят попал в рабат. Слуги не было, ибн Адхам сам отодвинул засов и, не глядя на шейха, закончил:

– Человек, который тебе нужен, едет в Москву.

Воплощение Бога.
Не пророк, чьими устами Он говорит. Не Избранный,

коему дарована некая часть Его силы. А сам Бог. К которому можно прикоснуться. Которого можно услышать.

Которому веришь.

История знает десятки примеров эксплуатации этого образа. Лидеры сект, зарождавшихся в рамках существующих Традиций, вожди принципиально новых течений – многие из них примеряли на себя божественные одежды. Но никто не прошел испытание Временем. Не смог, ибо вряд ли Бог будет стареть, вряд ли умрет, и уж совсем сомнительно, что Бог отправится в тюрьму по обвинению в неуплате налогов.

Еще остается открытым вопрос чудес. Если Бог пребывает за пределами нашего мира, его деяний можно ожидать годами, столетиями, прикасаться к ним изредка – этого достаточно. Если же он сходит к людям, его поведение должно полностью соответствовать статусу. Он не обязан творить чудеса каждые десять минут, но любое мгновение Его присутствия должно быть наполнено ощущением невероятного, аурой невозможного, которую почувствует даже фанатичный атеист.

Именно на этом прокалывались шарлатаны. Ни один из них не соответствовал заявленному образу, а потому все истории о воплощении Бога на поверку оказывались дешевыми выдумками. В них не верили.

До тех пор, пока миру не явился Милостивый Владыка Грядущего.

Полагаю, большинство читателей ознакомится с этой главой без особого интереса. Увы, но я вынужден наполнить страницы общеизвестными фактами, ибо все попытки разузнать сакральные тайны Храма Истинной Эволюции до сих пор оканчивались неудачно. Мутабор, с самого зарождения объявивший себя религией, не предпринимает никаких попыток стать массовым учением, практически не ведет миссионерскую деятельность и привечает далеко не всех жаждущих познать новую веру. Механизм отбора отлажен у храмовников замечательно, шпионы, пытавшиеся проникнуть в Храм под видом неофитов, или изгонялись, или были обращены, впитали в себя учение Милостивого Владыки и превратились в истинных его адептов. Мой личный опыт также оказался печальным: я не смог войти в Храм без приглашения, что косвенно свидетельствует о силе Мутабор. А те материалы, что Храм сделал

общедоступными, содержат лишь основные постулаты учения: эволюция человека должна опираться на тело, но не железо. Храмовники отрицают любые искусственные импланты и наномедицину, считают злом Сеть и вживляемые в головы «балалайки». Но при этом создают в своих лабораториях чудовищных ублюдков, вряд ли соответствующих божественному замыслу. Самое же интересное заключается в том, что воспроизвести большинство чудовищ Мутабор неспособна даже «Фарма 1», мировой лидер в генной инженерии среди корпораций.

Впрочем, как ни смешно это звучит, по документам Храм тоже является «всего лишь» корпорацией.

Основой для проникновения Мутабор в Анклавы стала довольно небольшая фирма «Геном SL Inc.», сумевшая заполучить статус транснациональной лишь с помощью хороших адвокатов и нескольких юридических лазеек в Положении – на заре становления Анклавов такое еще было возможно. Обретя фактически свободу от государственного контроля, компания была немедленно продана инвестиционному фонду «Мутабор», сменила название и выкупила все свои акции, находившиеся в свободной продаже. А еще через несколько месяцев инвестиционный фонд приобрел никому не известный – тогда еще никому не известный, – Храм Истинной Эволюции, небольшая секта, зародившаяся, по слухам, где-то в Бразилии. На сегодняшний день Мутабор является единственной в Анклавах корпорацией, которая на сто процентов контролируется изнутри, все ее акции принадлежат группе служащих, являющихся, по совместительству, иерархами Храма. Мутабор соблюдает Положение об Анклавах, не препятствует проверкам СБА, однако это касается исключительно финансовых документов. Охрану своих объектов храмовники осуществляют сами, силами пряток, официально считающихся «лаборантами» и «волонтерами», а не с помощью безов, как того требует Положение, но на это нарушение предпочитают закрывать глаза и в Анклавах, и в государствах. Причина столь странной мягкости – достижения Мутабор в области медицины и генетики. Храмовники опережают конкурентов не на один шаг, а минимум на десять, они за три недели разработали вакцину против белого гриппа, пандемия которого угрожала человечеству, и бесплатно передали ее формулу корпорациям и государствам,

выставив дураками тех, кто обвинял Мутабор в создании этого вируса. Но заблуждается тот, кто считает храмовников ангелами. Впрочем, таких людей немного…

Так что мы имеем? Основанную сумасшедшими учеными секту или становление Традиции? Является ли Милостивый Владыка Грядущего воплощением Бога?

Ответов на эти вопросы нет даже у меня.

Прелаты Храма Истинной Эволюции отличаются от людей. Триста лет назад их бы приняли за восставших из преисподней, в прошлом веке сочли бы инопланетянами, сейчас, во времена расцвета генной инженерии и появления трансеров любого вида, экзотический облик не способен вызвать столь сильных чувств. Но прелаты все равно производят впечатление.

О внешности их лидера ходят еще более странные легенды, однако ни один из рассказчиков не видел Милостивого Владыку лично. Его устами говорят прелаты. Вход в резиденцию повелителя Мутабор дозволен исключительно храмовникам, которые не считают нужным делиться знаниями с непосвященными, а все попытки выудить из них информацию с помощью пыток и «сыворотки правды» ни к чему не привели: адепты Мутабор неспособны описать Владыку, даже находясь под воздействием сильнейших наркотиков.

Чудо ли это? Вполне возможно.

Какие еще тайны скрывает Храм? Неизвестно.

Но тайны у него есть. Я в этом не сомневаюсь.

книга Урзака

Часть III

территория: Европейский Исламский Союз
направление: Анклав Москва
не все маленькие рыбки золотые, некоторые из них – пираньи

Говорят… даже не говорят – известно точно, что термин «суперсобака» родился в России. Именно в Анклаве Москва так стали называть поезда на электромагнитной подушке. Что побудило загадочных славян обозвать скоростной экспресс псом – непонятно, однако название прижилось и навсегда вошло в общеевропейский сленг, как некогда стало мировым термином слово «балалайка». И это несмотря на то что стремительно летящий над полотном обтекаемый двадцативагонный состав ни капельки не походил на собаку, даже на таксу, скорее уж – на выпущенную из лука стрелу. Но «стрела» – это пошло и традиционно, к тому же по российским железным дорогам бегала «Красная стрела», в Исламском Союзе – «Пиренейская стрела», а потому требовалось новое название. Оно и появилось. Как всегда – вовремя. Так же, как и сами экспрессы, ставшие одним из краеугольных камней в плотине, которой мир отгородился от хаоса Нефтяного Голода. Океанские атомоходы, дирижабли, мобили и «суперсобаки» поддержали разваливающиеся коммуникации лишившегося привычного топлива мира и не позволили обществу откатиться на уровень девятнадцатого века.

– Тебя не пугает этот вид? – Чика-Мария кивнула в окно, за которым стремительно мелькали обрывки сельского пейзажа. Деревья, домики, поля, ветряные электростанции, мобили – все сливалось в размазню нелепого художника, неспособного изобразить мир таким, какой он есть, а потому выдумавшего «новое направление в искусстве». Скорость набравшего ход экспресса не позволяла вычленить из мешанины заоконья хоть что-нибудь цельное, сосредоточиться, а потому проводники рекомендовали особо чувствительным пассажирам выводить на напыленный на окно наноэкран какую-нибудь мирную картинку. Или использовать его в качестве телевизора. Девушку смазанный пейзаж заметно раздражал, однако Вим к числу впечатлительных не относился.

– Если страшно – закрой штору.

– Я просто спросила.

– А я ответил. И теперь ты можешь просто заткнуться.

Они занимали двухместное купе, кресла которого легко трансформировались в удобные диваны, соседей не было, а

потому Дорадо позволил себе не церемониться.

В ответ Чика-Мария усмехнулась:

– Никак не можешь успокоиться?

И тут же повела плечами. Бретельки тонкой майки послушно скользнули по татуированным плечам, и полная грудь девушки едва не вывалилась из широкого выреза.

«Сука!»

Но Вим ничего не сказал.

– Ненавидишь меня за то, что хочешь?

С первой же минуты их второй встречи – Каори лично привела Чика-Марию в камеру Дорадо и с улыбкой сообщила, что «она составит тебе компанию» – девушка вела себя подчеркнуто провокационно, всем своим видом давая понять, что не прочь вновь заняться с Вимом любовью. То ли выполняла приказ мамбо, то ли по собственной инициативе. Подобрала соответствующий наряд: нахальная майка, под которой волновалась налитая грудь, короткая эластичная юбка, больше напоминающая широкий пояс…

До сих пор Вим только скрипел зубами, однако сейчас не выдержал:

– За что тебя ненавидеть?

– За то, что я оказалась умнее!

– Да уж, ноги ты раздвигаешь по-умному!

– Я же говорю, что ты меня хочешь!

Теперь в движение пришли бедра.

– Сука!

Она расхохоталась и вдруг метнулась вперед, оказалась на коленях Дорадо, уперлась руками ему в плечи – не вырвешься.

А он и не хотел вырываться. Уже не хотел.

– Сука!

– Правда?

Первая мысль – ударить наглую тварь! Сбросить на пол, врезать по физиономии, выбить пару зубов и еще добавить… Но первая мысль умчалась так же быстро, как появилась. Захотелось взять похотливую дрянь. Взять немедленно, резко, крепкими, тяжелыми толчками, приносящими и удовольствие, и боль.

– Сука!

Вим потянул бретельки еще ниже, одной рукой обхватил девушку за талию, другой сдавил левую грудь. Вцепился губами в ее рот, почувствовал, как нарастает возбуждение, как желание вытесняет из головы мысли. На его коленях сидела не предательница, не приставленная к нему надзирательница, а женщина, которую он хотел. Чика расстегнула на Виме рубашку, затем брюки, залезла в них, движениями бедер превратила юбку в

собранное на поясе кольцо ткани, уселась сверху, изогнулась…

Ее уже не беспокоил пейзаж за окнами летящей к Москве «суперсобаки».

Кодацци вышел на связь примерно через час после «кукольного театра». К этому моменту Вим переместился в более комфортабельную комнату и даже успел принять душ. Звонок от «компаньона» пришелся как нельзя кстати, лишний раз продемонстрировав Каори, что, оставив Дорадо в живых, она поступила правильно.

Говорил Чезаре спокойно, но очень коротко, деловито:

«Как дела с аукционом?»

«Все в порядке. Клиенты ждут сигнала».

«Сколько их?»

«Четверо».

«Гм… я думал, будет больше».

«Подождем еще?»

«Пожалуй, нет».

«Я объявляю торги?»

Дорадо не знал, как задать нужный вопрос. После разговора с Каори Вим старался продумать беседу с Кодацци в нужном ключе, но ни черта не получалось. Не в том он был положении, чтобы поинтересоваться, где Чезаре находится. Слишком уж подозрительно это прозвучит… Как ни странно, Кодацци сам поднял нужную тему:

«Ты должен оставить Марсель и перебраться в Москву».

«Зачем?»

«Заберешь книгу, Вим, тебе ведь придется отдать ее победителю».

«Лично?»

«Это уж тебе решать, камрад. Когда ты сможешь приехать в Москву?»

Вим вызвал на коммуникатор расписание марсельского транспортного узла, прикинул и ответил:

«Послезавтра».

«Значит, послезавтра и проведем аукцион».

Прослушав разговор, Каори заявила, что все идет по плану.

«Уверена, Кодацци хочет обойтись без личной встречи, но ты должен выманить его. Только в этом случае все будут довольны».

– Ты трахался, словно последний раз в жизни!

«Естественно!»

Она была молода, еще достаточно привлекательна, но, увы, безнадежно глупа. Она думает, что ее заметили, что ее оценили.

Она считает, что ей поручили серьезное дело, выполнение которого поможет шагнуть на пару ступенек вверх, заполучить покровителей из Католического Вуду, приподняться над той серостью, в которой ей пришлось жить до сих пор. Но Чика-Мария не спросила себя, почему приглядывать за опытным dd поручили ей, похотливой франкфуртской курице, а не профессионалам, которые наверняка есть в колоде Каори? Ответ прост: чтобы не привлекать к делу лишних людей. По каким-то только ей известным причинам Каори скрывает происходящее даже от своих, а значит, у тех, кто прикоснулся к тайне, мало шансов выжить.

Увидев, что к нему приставили Чика-Марию, Вим окончательно понял, что Каори намерена избавиться от него после операции. Во всяком случае, пока мамбо склоняется именно к этому варианту. Но Дорадо не испугался, он был готов к любому развитию событий. Сейчас они с Каори в одной лодке, им обоим нужен Кодацци. Но ничего не мешает ему размышлять, как освободиться из тесных объятий колдуньи.

Как вернуть себе свободу.

Вопреки ожиданиям мамбо, история с куклой хоть и произвела на Вима впечатление, но не ввергла в панику, не заставила опустить руки. Он поверил, что Каори держит его в кулаке, что она способна отыскать его, где бы он ни спрятался, или убить с помощью куклы. Но… Когда страх схлынул, Дорадо подумал о другом: что происходит с чарами в случае гибели колдуна? В большинстве сказок, которые Вим читал в детстве, заклинания в этом случае рассеивались. Дорадо увидел страшную сказку, финал которой обещал ему смерть, но имела ли она хоть что-то общее со сказками из детских книг? Потеряет ли кукла свои невероятные свойства в случае гибели Каори? Проверить это можно только опытным путем. Да и другого выхода из положения Вим не видел. Он понимал, что вряд ли сумеет одолеть Каори, но твердо решил постараться.

И поэтому, услышав от Чика-Марии: «Ты трахался, словно последний раз в жизни!» – Вим подумал: «Естественно!»

Завтра состоится аукцион, после которого его ожидает полная неизвестность, и Дорадо, по старой солдатской привычке, брал все, что мог.

* * *

анклав: Москва
транспортный узел «Шереметьево»

раннее утро
хороший волк умеет прикинуться собакой

Согласно Положению об Анклавах и договоренностям, достигнутым между корпорациями и национальными правительствами, проезд на независимые территории осуществлялся через гигантские транспортные узлы, по одному на каждый Анклав. Сюда направлялся главный поток грузов и пассажиров, сюда были переориентированы железнодорожные ветки, сюда летели самолеты и дирижабли. Разумеется, в каждый Анклав входило множество шоссейных дорог, перекрытых СБА и пограничными службами сопредельных государств, однако основные перевозки осуществлялись через узлы. Аденауэр (транспортный узел имени Конрада Аденауэра) во Франкфурте, Стейн (транспортный узел имени Роберта Стейна) в Эдинбурге, московский Шарик… Все они давно переросли привычное для прошлого века понятие «вокзал». Железнодорожные платформы и взлетно-посадочные полосы, башни для швартовки дирижаблей, линии метро и многоуровневые подъездные пути. Сотни гектаров земли, забитых ангарами, складами, залами ожидания и людьми. Неисчислимым количеством людей.

Плотность человеческого потока в транспортных узлах зашкаливала за все разумные нормы, тотальный контроль был невозможен в принципе, поэтому безам оставалось лишь приглядывать за порядком да пытаться выполнять полученные приказы. Именно пытаться.

– Доброе утро! Добро пожаловать в Анклав Москва…

В стандартной «суперсобаке» путешествует не меньше тысячи человек. Если вычесть туристов, то все они – граждане Анклавов, привыкшие к бешеному ритму жизни на корпоративных территориях и искренне считающие, что время переезда попросту потеряно для жизни. Выйдя из поезда, они едва не бегут по платформе, стараясь поскорее успеть в метро или взять такси. Они подталкивают друг друга в очередях к стойкам СБА и демонстративно поглядывают на висящие на стене часы. У каждого из них есть важное дело, и каждый из них хоть раз в жизни подписал обращение к СБА с требованием прекратить проверку пассажиров на внутренних рейсах Анклавов. Такие петиции ежегодно ложились на стол президента СБА, но Цюрих пока держался и не менял правила.

– Пожалуйста, поверните голову, чтобы сканер мог считать вашу «балалайку». Спасибо за понимание.

Проверки на внутренних рейсах не отменяли, однако плотность пассажиропотока в транспортных узлах была такова,

что досматривали путешествующих между Анклавами весьма и весьма формально. Сканеры запрашивали в чипах исключительно коды, а сверка происходила лишь с базой данных местного филиала СБА. Наноскопы вынюхивали только самые запретные вещи: «синдин» и «поплавки», и тысяча человек просачивалась через кордон за пять-семь минут. Задерживать людей на большее время безы не рисковали, опасаясь дестабилизировать работу узла. Проверка при посадке была еще более условной, и нарушалась эта благостная картина лишь в крайних случаях.

– С какой целью вы прибыли в Анклав Москва?

Такой вопрос привычен для пассажира самолета или дирижабля, для гражданина государства, но услышать его при проверке «суперсобаки» из Франкфурта?

«Кого вы ищете, ребята, меня или Дорадо?»

Или кого-то еще? Террориста? Насолившего корпорациям ломщика? Серийного убийцу? Стоящий в очереди Кодацци видел, что особое внимание безы уделяют именно мужчинам – всматриваются в лица, выискивая следы нервозности, задают дополнительные вопросы. А за стойками подпирают стену четыре бойца с «дрелями» на изготовку. Группа поддержки.

– Доброе утро.

– Доброе утро, коллега. – Чезаре, не дожидаясь приказа, повернул голову к сканеру. – Кого-то ищете?

Контролер поднял голову:

– СБА?

– Европол.

– А-а… – протянул без, ухитрившись вложить в недлинный звук все свое отношение к европейским силам правопорядка. Однако коллега есть коллега, пусть он и работает в государственной структуре. – Да, ищем кое-кого…

На экране сканера появился ответ из базы данных СБА: Анвар Сулимани, капитан Европол, Франция.

– Что привело вас в Анклав?

– Мне приказано явиться в посольство Исламского Союза.

– Добро пожаловать в Москву. – Без выдал Кодацци дежурную улыбку и повернулся к следующему пассажиру: – Доброе утро.

Отсчет времени начался с того момента, как коды ушли в базу данных. Посадка во Франкфурте прошла в обычном режиме, немецкие безы никого не искали, а потому ограничились лишь формальной сверкой. Москвичи же настороже, значит, будет запрос, и Чезаре мог рассчитывать максимум на полчаса. Но Кодацци не торопился. Спокойно спустился в метро, сел на ближайший поезд и десять минут спустя оказался в Сашими, ближайшей к Шарику территории неподконтрольной

корпорациям. Там Чезаре избавился от «балалайки» и, натянув на лицо наномаску, растворился на улицах Анклава.

Сигнал тревоги поступил в СБА через двадцать шесть минут после того, как Кодацци прошел проверку.

* * *

анклав: Москва
территория: Сити
«Пирамидом»
отсутствие результатов не повод для паники

– Фалини использовал схему «дублер», широко распространенную среди ломщиков Европы, – негромко сообщил Мишенька. – Они узнают настоящие коды сотрудников Европол, а затем изготавливают под них «балалайки». Живет такой чип только до планового обновления паролей, но пока этого не произошло, он способен пройти проверку.

База данных московского СБА подтвердила сидящим в Шарике безам подлинность кодов, но при этом перенаправила запрос в Европол. Первый ответ, пришедший через десять секунд, оказался положительным – пароли совпали, все в порядке. Фалини пропустили. Однако затем информация о запросе отправилась в архив, и только там сетевой робот заметил несоответствие: один и тот же полицейский находился в двух разных местах. Именно в этом заключалась уловка: в архиве приходящие сообщения обрабатывались последовательно, и у преступника появлялось от пятнадцати до тридцати минут выигрыша во времени.

– Их ведь только что атаковали нейкисты, – пробурчал Мертвый. – Почему Европол не сменил пароли?

Щеглов пожал плечами. Для него, выросшего под руководством Кауфмана, подобное разгильдяйство тоже было странным. В московском филиале СБА порядок соблюдался строго: любая нештатная ситуация или серьезное происшествие давали старт цепочке мер по укреплению собственной безопасности, иногда – превентивных мер. А уж смена паролей не подчинялась никакой системе, что делало невозможным применение схемы «дублер».

– Мы запустили глобальный поиск, но проследить Фалини сумели только до Сашими, – закончил Мишенька. – И еще: книги в его багаже не было.

– И в Консорциум он не обращался, – прищурился Мертвый. –

Получается, книга осталась во Франкфурте?

– Ему необязательно лично передавать ее покупателю, – подал голос Грег. – Фалини мог спрятать книгу в банке, а победитель аукциона заберет ее, назвав пароль.

– А деньги? Кто перечислит деньги, не убедившись в наличии книги?

– С банком можно придумать любую схему. Например, представитель клиента приезжает, разглядывает книгу, но получает ее только в том случае, если управляющий банка видит, что деньги отправились на счет Фалини. Немного сложно, зато безопасно. Организовать передачу можно из любой точки Земли, и книгу с собой таскать не нужно.

– Я с тобой согласен, – кивнул Кауфман. – Думаю, Фалини поступил именно так.

– А что, если он попросту лег на дно, чтобы не мешать Дорадо вести дело? – предположил Мишенька. – Один выходит на сцену, торгуется, другой, оставшись в тени, стережет книгу.

– Мы вроде участвуем в аукционе? – проворчал Слоновски.

– Мы только думаем об этом, – поправил его Максимилиан.

– Никто не гарантирует, что наше предложение окажется наилучшим, – вздохнул Щеглов. – Сейчас много людей ломают головы над тем, сколько предложить за книгу.

– И каким образом усилить свою заявку, – добавил Мертвый.

– Само собой.

– А мы пока топчемся на месте…

Грега никто не обвинял, никто не говорил, что он провалил задание. И Кауфман, и Щеглов понимали, что осечки возможны у всех, но Слоновски все равно чувствовал вину: поездка во Франкфурт не дала результата. Дорадо не найден, книга упущена. И плевать, что руководила операцией Пэт, – он был там и ничего не сумел сделать.

– Кстати, Слоновски, кого ты пострелял в «Венеции»?

– Негров, – отрапортовал Грег.

– Вуду, значит, – протянул Мертвый. – Этого следовало ожидать.

– Мне только что сообщили, что в Шарике приземлился личный самолет архиепископа Баварского, – доложил Мишенька, взглянув на коммуникатор. На время совещания и Щеглов, и Слоновски вытащили «балалайки», но Мишенька всегда оставался на связи. – Папы Джезе в нем нет, прилетела Каори.

– Помощница Ахо, – уточнил Грег.

– Его личный киллер.

– Это уже кое-что! – оживился Мертвый. – Похоже, мы правильно поступили, отказавшись от поисков Дорадо, – все идут

за Фалини.

– Тем не менее переговоры по аукциону по-прежнему ведет Дорадо.

– Но книга-то у Фалини, а она – главный приз. Фалини, судя по всему, вообще не должен был светиться, но теперь о нем известно и нам, и неграм.

– Знает ли об этом он сам?

– Как минимум – предполагает. Иначе не использовал бы «дублера» на въезде в Москву.

– Но и от аукциона он не отказывается. Значит, торги пройдут в самое ближайшее время.

– Мы в цейтноте.

– За Каори будут следить лучшие люди, – пообещал Мишенька. – Но кто будет проводить силовые акции?

Необходимость в которых наверняка возникнет.

События могут пойти по любому сценарию: вдруг негры доберутся до Фалини? Или до Дорадо? Или Фалини возьмут люди Мертвого, а в самый неподходящий момент появятся вудуисты. Если станет известно, что офицеры московского филиала ловят преступника, о котором они и знать-то не должны, могут появиться ненужные проблемы. Отношения с Цюрихом у Кауфмана испорчены окончательно, президент СБА Ник Моратти будет раздувать любую оплошность до катастрофы вселенских размеров. К тому же китайцы давно подозревали Кауфмана в связи с ненавидимым ими Чудовищем, и Максимилиан не хотел давать им пищу для размышлений. Другими словами: СБА не знает о существовании книги, СБА не знает о происходящем, СБА не должна вмешиваться. Иначе возникнут вопросы. Почему вас интересует наследство Хасима Банума? Что вам известно о его гибели? Да и самого факта проявленного интереса достаточно, чтобы враги окончательно убедились в том, что во главе одного из самых мощных филиалов СБА стоит приверженец давно похороненной Традиции.

Разумеется, у Мертвого существовала возможность провести операцию в обстановке полной секретности – в возглавляемом Слоновски отделе прямых переговоров была собрана гвардия Кауфмана, классные оперативники, готовые выполнить любой его приказ. Но…

– Я не хочу, чтобы в истории с книгой засветилась СБА, – бросил Кауфман. – Случиться может всякое, поэтому наших ребят подключим только в самом крайнем случае.

– А кто будет действовать?

– Есть люди, появление которых в деле ни у кого не вызовет удивления.

* * *

анклав: Москва
транспортный узел «Шереметьево»
МКАД
дорога в ад вымощена благими намерениями

Пересекать границу веротерпимых Анклавов было значительно приятнее, чем въезжать в Исламский Союз. Особенно когда ты – прилетевшая на частном самолете VIP-персона. Диспетчеры Шарика направили белый «А-19х» на специально выделенную для дорогих гостей площадку, безы подкатили передвижной наноскоп прямо к трапу – есть правила, которые нельзя игнорировать, – но держались предельно вежливо, ограничившись стандартной проверкой «балалайки». Присланная архиепископом Джошуа Таллером машина – роскошный лимузин «Мерседес Мао» – ожидала тут же, неподалеку от трапа, и, покончив с формальностями, мамбо немедленно переместилась в прохладный салон. Ее спутники разместились в двух машинах сопровождения, после чего кортеж покинул транспортный узел, выехал на МКАД и взял курс на юг, к Занзибару.

К московскому оплоту Католического Вуду.

Водитель скрывался за непрозрачной перегородкой, урбанистические картинки за окнами лимузина не казались интересными, а потому откинувшаяся на мягкие подушки Каори без помех продолжила начатые еще в самолете размышления.

«Ты веришь, Каори, и не теряй веру. Я не знаю, что ты увидишь, пойдя за книгой, но полагаю, тебе будет нелегко. И умоляю: верь! Только вера сможет тебя уберечь. Верь, несмотря ни на что».

Мамбо ожидала от Джезе любого совета, кроме этого.

Он усомнился в ее вере? Вряд ли. Архиепископ слишком хорошо ее знает и не может не понимать, что слово Вуду проникло в каждую ее клеточку, до краев наполнило душу, и нет для Каори другого света, кроме того, что дарит Иисус Лоа. Да и любой мало-мальски понимающий в тайнах Католического Вуду человек знает, что без искренней веры невозможно достичь тех высот, на которых стояла Каори. Невозможно обрести ее силу.

Тогда в чем дело?

Джезе призывал ее быть твердой? Можно подумать, мягкий человек смог бы вызвать смешанное со страхом уважение архиепископов. Не говоря уж о хунганах и мамбо. Ее считали беспощадной, но все, даже недруги соглашались, что садизмом Каори не страдает. Она делала то, что считала правильным и

нужным. Вера вела ее вперед. Вера не позволяла ей стать слабой.

Но что же имел в виду Джезе?!

К сожалению, произнеся последнюю фразу, архиепископ потерял сознание, и влетевшие в комнату хирурги унесли его на операцию. Да и не стала бы Каори переспрашивать, не попросила бы уточнить.

«Верь, несмотря ни на что!»

Подразумевая: «что бы ты ни увидела»? Но что ее может ждать такого, что способно поколебать веру?

Каори прекрасно понимала, что Католическое Вуду отнюдь не единственная Традиция в мире и есть на свете люди, которые черпают силу не у духов Лоа. Есть. В противном случае других Традиций попросту бы не существовало. И ей доводилось бороться с этими людьми. С китайцами, с арабами, с индусами… Чем они могут ее удивить?

Ничем.

И пусть поймавший пулю Джезе твердил, что его подстрелил не генавр, не трансер, не прятка, а именно человек Традиции. Что это меняет? Враг остается врагом, какое бы обличье он ни принял. Откуда бы он ни черпал свою силу. К тому же столкновения Традиций неизбежны, как восход солнца на востоке. Более того, именно они придают высший смысл банальным войнам за остатки ресурсов…

И резануло:

«А не от таких ли мыслей предостерегал меня Джезе?»

Можно ли совместить веру и цинизм?

С одной стороны, искренне верить, с другой – понимать, что институт церкви крайне выгоден с политической точки зрения. Что он позволяет объединять народы и страны в единое целое, создавать армии. Что он дает власть.

А что происходит, когда высшие иерархи церкви ставят власть выше веры? Уж не Собрание ли Недовольных? Институт церкви удобен, но он стоит лишь до тех пор, пока нет сомнений у его адептов, пока уверены они в правильности своего пути, пока власть – это лишь инструмент для укрепления веры, а не наоборот.

«Джезе говорил об этом?»

До сих пор Каори была уверена, что в архиепископе легко уживаются и вера, и цинизм, но так ли это на самом деле? А если и уживаются, то не стал ли чрезмерный цинизм причиной поражения в бою? Не повлиял ли он на крепость его веры?

«Не потому ли ты заговорил о вере, что понял свою ошибку?»

Тем временем «Мерседес» съехал со МКАД на проспект Святого Мботы, и вокруг сразу же появились мотоциклисты,

расчищающие путь кортежу высокой гостьи. Бравые ребята без церемоний разгоняли мобили рядовых адептов Замби, не стесняясь ни в выражениях, ни в угрожающих жестах, и без конца разрывали городской гомон пронзительными сиренами. Монсеньор Таллер приложил все силы, чтобы ублажить беспощадную посланницу всемогущего Ахо.

Однако Каори не оценила прием. Она прикрыла глаза и шептала не слышащему ее Джезе:

«Лучше бы ты ничего не говорил…»

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
доходный дом Урзоева
иногда приходится работать с теми, кому не веришь, кого не понимаешь или боишься…

И опять проклятые сомнения!

Из Франкфурта его действия казались ясными и продуманными: выйти на связь с нужными людьми, договориться о встрече, заинтересовать их предложением, от которого им будет крайне сложно отказаться. Последовательность казалась понятной, не простой, но выполнимой. Черт побери, Кодацци был уверен, что справится!

Но вернулись сомнения!

Сомнения вызывали люди, с которыми предстояло договариваться. И не потому, что им нельзя доверять – доверять нельзя никому. Не потому, что они сильны – слабаки не сумели бы помочь. Сами люди. Уж больно непохожи были они на… людей.

И Кодацци не знал, как к ним относиться.

Чезаре неплохо разбирался в людях. Научился из чувства самосохранения – на задворках современного мира идиоты не выживали. А если и выживали, то ничего не добивались. Кодацци же не без оснований считал, что сумел кое-чего добиться, сумел избежать уготованной ему участи, приподняться над дном. Он знал, что человек слаб, и умел играть на струнах страстей и желаний. При этом сам иногда попадал впросак из-за собственных слабостей. Относился к этому спокойно, как к должному – потому что считал себя человеком. А разве человеческая жизнь обходится без ошибок? Книга Банума, которую бегло просмотрел Кодацци, подтвердила его выводы:

человек слаб. Особенно тот, кто по определению должен – нет, обязан! – быть сильным. Сильным духом. Тот, кому верят и в кого верят. Тот, за кем идут. Тот, кто на вершине. Но чем выше взбираются люди, тем больше у них появляется соблазнов. Или амбиций, порождающих спесивую самоуверенность. Или приходит страх. Страх потерять то, чего достигли. Струны вибрируют, льется музыка, вроде бы прежняя, но при этом – неуловимо другая.

Мелодия становится чужой, потому что тот, кто теряет силу духа, лишь проводит руками по струнам – играют за него другие.

Чезаре соглашался с тем, что человек слаб, и именно поэтому его смущали те, к кому он хотел обратиться за помощью. То ли они не были слабыми, то ли они не были людьми. Их презирали и боялись. А Банум – пролистав книгу, Кодацци понял, что этот человек немало повидал на своем веку, – их, как минимум, уважал.

«Вы слишком не похожи на остальных…»

Чезаре еще раз перечитал светящееся на экране сообщение.

«Уважаемые господа! Если вам о чем-нибудь говорит имя Хасим Банум, свяжитесь со мной…»

Далее следовал номер незарегистрированного коммуникатора.

А в правом верхнем углу экрана висело окошко: «Send? Yes. No». Требовалось выбрать.

«Риск?»

«Еще какой!»

«Но их участие позволит больше никого не подключать к делу. Все мои друзья, помощники – никому из них не придется светиться. Я сохраню связи и смогу уйти на дно после операции».

«Решено?»

«Решено!»

Чезаре выбрал «Yes», и сообщение отправилось на официальный сайт Мутабор.

* * *

территория: Российская Федерация
направление: Анклав Москва
хуже плохих новостей только постоянно плохие новости

– Продолжаются процессы по результатам последних Олимпийских игр. Напомним, что адвокаты сборной США по

футболу предъявили суду Манхэттена убедительные доказательства того, что вероятность победы их подзащитных в финальном матче с аргентинцами была выше и составляла пятьдесят восемь процентов против сорока двух. В связи с этим адвокаты настаивают на отмене результата 5:0 в пользу сборной Аргентины и присуждении ей технического поражения со счетом 0:3. Судья Линкольн согласился с доводами, однако апелляционный суд Нью-Йорка, в который обратились адвокаты аргентинской сборной, опротестовал это решение. Президент МОК заявил, что следует провести переигровку на нейтральном поле, например в Детройте…

– Выключи эту дрянь, – промурлыкала Чика-Мария.

И многообещающе потерлась щекой о плечо Вима.

– Я хочу послушать новости.

– Эти?!

– Скоро начнется европейский блок.

– Вот тогда и включишь!

Девушка надавила на кнопку пульта, напыленный на окно наноэкран погас, и перед глазами вновь замельтешил размытый пейзаж.

– Не смей!

После короткой возни Дорадо удалось отобрать пульт и надавить на кнопку включения.

– …остальные результаты Олимпиады, установленные судом Манхэттена, апелляционный суд оставил без изменений. Олимпийским чемпионом по боксу в первом полусреднем весе, по сумме предыдущих достижений, назван американец Гарри Фишер, нокаутированный во втором раунде полуфинала кубинцем…

– Мне надоело! – Коммуникатор вновь умолк.

– Отдай пульт!

– Не отдам!

Чика рассмеялась, быстро убрала пульт за спину и выставила перед собой руки, показывая, что не прочь продолжить возню. Вим поддержал игру, тоже рассмеялся, навалился сверху, стараясь извлечь плоскую коробочку из-под девушки.

Диванчики, в которые разбирались кресла, оказались удобными, но не очень широкими, лежать вдвоем было тесновато, но это ведь не повод для того, чтобы лежать раздельно. Тем более что до Анклава оставалось еще полтора часа дороги.

– Лучше включим порноканал, – предложила Чика.

– Мне этой радости в жизни хватает, – пробурчал Вим и повернулся, услышав пиликанье лежавшего на столике коммуникатора.

– Да?

– Господин Дорадо?

– Да.

– Это генерал Аль-Кади.

– Сейчас не лучшее время для переговоров, генерал, – проворчал Дорадо. Чика-Мария хихикнула. – Аукцион начнется…

– Я помню, что аукцион состоится завтра! – рявкнул Аль-Кади. – Я звоню вам, чтобы сообщить, что помимо денежного взноса мы добавим к предложению кое-что существенное.

– Что именно?

– Камиллу.

Дорадо вздрогнул.

– Что случилось? – удивленно прошептала девушка.

Коммуникатор Вим выставил на минимальную громкость, и Чика-Мария не слышала ни слова. В ответ Дорадо отрицательно покачал головой: «Не сейчас, объясню потом» – и продолжил разговор:

– Почему вы решили, что меня заинтересует ваше предложение?

– Я предположил, – мягко уточнил Аль-Кади.

«Не показывать своих чувств!»

Жаль, что не сдержался, что вздрогнул. Но теперь – все. Стиснуть зубы и… нет, не стискивать – заметят. Взять себя в руки, говорить спокойно, уверенно. Говорить как обычно, чтобы все поверили, что говоришь правду.

– Если бы Камилла что-нибудь для меня значила, вы бы ее не нашли. Я бы предупредил ее об опасности.

– Кто такая Камилла? – подала голос Чика.

«Заткнись!»

– Повторяю, господин Дорадо, я всего лишь высказал предположение, – усмехнулся Аль-Кади. – Когда будете рассматривать результаты аукциона, вспомните, что мы увеличили свое предложение на одну жизнь.

«Что делать? Что делать?!»

Промолчать? Закрыть тему? Но в этом случае арабы могут подумать, что Камилла ему действительно безразлична. А спросишь о ней – неладное заподозрит Каори.

– Камилла прекрасный музыкант, – произнес Вим. – И совершенно ни при чем.

– В первую очередь она ваша близкая знакомая, – ответил Аль-Кади. – А уже потом музыкант. Всего хорошего, господин Дорадо.

– Всего.

Жизнь несправедлива, и Вим искренне считал, для

большинства людей так, пожалуй, даже лучше.

Но Камилла! Камилла!!

Маленький экран, на котором никогда не появлялось изображение собеседника, потемнел. Вим вернул коммуникатор на столик и потер подбородок.

– Скажешь, что произошло? – осведомилась девушка.

– Сама поймешь, – вздохнул Дорадо. – Из следующего разговора.

Вудуисты позаботились о том, чтобы Вим добрался до Москвы без приключений. Опытные пластики подправили Дорадо внешность – не очень сильно, зато незаметно для наноскопа. Под новое лицо Виму выдали новую «балалайку», настоящую «балалайку», официально зарегистрированную в одной из стран Католического Вуду, и, разумеется, подключились к ней. Программа качала машинистам Каори все, что видел и слышал Дорадо, и все сообщения, которые он получал или отправлял. А потому Вим не сомневался, что мамбо очень скоро узнает о звонке араба.

Он уселся у окна и закурил, задумчиво глядя на коммуникатор. Чика-Мария хоть и ерзала на диванчике, но безмолвствовала, больше с расспросами не лезла, поняла, что не время.

Каори же вышла на связь через три минуты. И церемониться не стала:

– Тебя проняло?

– Разве ты не поняла?

– Хочу услышать от тебя.

– Ты знаешь мои обстоятельства, – грустно усмехнулся Дорадо. – Вопрос поставлен просто: или я, или Камилла. На мой взгляд, выбор очевиден.

– Все правильно, Вим.

– Я понятливый, – вздохнул dd. – Не волнуйся, Каори, я знаю, что из этой мышеловки выберется только один.

– Молодец.

Мамбо отключилась.

Дорадо бросил коммуникатор на стол, взял открытую бутылку вина и сделал большой глоток прямо из горлышка. Отвернулся, разглядывая стремительный пейзаж. Снова глотнул.

Очень хотелось кого-нибудь убить.

Чика-Мария выждала пару минут, а затем негромко поинтересовалась:

– Жизнь дерьмо?

Ругаться Виму не хотелось. Орать не хотелось. Злость срывать не хотелось. Убить – да. Но без шума. А вот орать – нет.

Пустота.

Он вдруг понял, что принес звонок генерала – пустоту. Омерзительную пустоту внутри.

«Камилла…»

Вернулась пустота.

И Дорадо подтвердил:

– Дерьмо.

И снова глотнул вина.

– Когда мне было двенадцать, мать отдала меня пушеру, – тихо сказала Чика-Мария. – Его звали Усман. Поскольку я была девственницей, он расщедрился на целых четыре дозы. И насиловал меня неделю. На нормальных баб у него не вставал, только на малолеток. – Она поднялась с дивана, уселась рядом с Вимом, взяла из его руки бутылку и тоже сделала глоток. – На улице взрослеют рано, если бы не Усман, меня бы трахнули на месяц или два позже, так что я на него не в обиде. К тому же он предпочитал обычный секс, без извращений… Все было нормально. – Еще один глоток. – А вот простить мать я не смогла.

– Отомстила ей?

– Зачем? – Чика-Мария улыбнулась, и Дорадо вдруг подумал, что она впервые сделала это по-настоящему. Искренне. Потому что улыбка у девушки получилась робкой, застенчивой и… чуть виноватой. – Я ушла. Ушла навсегда.

– И не вернулась, когда ей потребовалась помощь, – понял Вим.

– Я не радовалась ее проблемам, – медленно ответила Чика. – Но и не огорчалась. Она оценила меня в четыре дозы. Она их получила. И с этого момента не могла на меня рассчитывать.

Он знал, что девушку раздражает смазанный пейзаж, а потому протянул руку и надавил на кнопку, заставив оконный наноэкран потемнеть. Помолчал и спросил:

– Зачем ты это рассказала?

– Я догадалась, что у тебя произошло.

– И решила поддержать?

– Нет, решила напомнить, что в этой поганой жизни каждый сам за себя. Окажись Камилла на твоем месте, она бы тоже позаботилась о себе.

– Жизнь дерьмо, – вздохнул Дорадо. – Но почему мне должно нравиться чувствовать себя таким же куском дерьма, как все вокруг?

– А чем ты лучше?

– Я хочу быть лучше.

– Тогда тебе нужно во что-то верить.

– Как ты?

– Например.

Странное это ощущение – пить с кем-то из одной бутылки. Из горлышка. Забытое ощущение и… странное. Здесь – странное. В Африке Вим легко делил с камрадами и воду из фляжки, и вино из бутылок. Там это было в порядке вещей, там это было нормально. Но пить так тесно с женщиной, с которой ты спал, которая тебя предала, а потом ты снова с ней спал… Странное ощущение. При этом Вим понимал, что, если бы они пили вино из бокалов, вряд ли бы их разговор оказался столь искренним.

– А ведь ты меня предала.

– Так было нужно.

– Разве вера не накладывает на человека моральные обязательства?

– Ты не веришь.

– А если бы я был мусульманином?

– Есть только одна истинная вера.

– Католическое Вуду?

– Да.

– И ты никогда не предашь вудуиста?

Чика-Мария обдумывала ответ почти минуту. Приложилась к бутылке, но сразу же вернула ее Дорадо. Пару раз неуверенным жестом провела рукой по волосам. Покрутила головой. Наконец сказала:

– Я думаю, ты сильный человек, Вим. Не без слабостей, но сильный. Я не такая. Я сбежала от Усмана, потому что надоела ему и он решил перепродать меня какому-то приятелю. Я сбежала, но вернуться к матери не могла. Мне было двенадцать лет, и я даже ноги толком раздвигать не умела. Как думаешь, долго бы я протянула в Анклаве?

– Не очень, – кивнул Дорадо.

Но Чика не ждала ответа, не услышала его. Она рассказывала о своей нехитрой жизни, рассказывала, судя по всему, впервые и не собиралась останавливаться.

– Мне повезло, я случайно забрела в Palmenviertel, где меня подобрал хороший человек по имени Гельмут. Он накормил меня, разрешил помыться и позволил переночевать в одной комнате с его детьми. А на другой день отвел меня в приют при соборе Святого Мботы. – И снова улыбка. И снова немного робкая. – Не скажу, что в приюте было особенно весело, но другого шанса выжить мне не дали. – А теперь голос девушки стал тверже. – Вуду – моя семья, Вим, и ради нее я не задумываясь обману или предам.

* * *

территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
«Башня Стражей»
идти ва-банк тоже надо уметь

– Судя по всему, Хамад, твой козырь оказался пустышкой, – произнес Аль-Кади, испытующе глядя на майора. – Дорадо не поддался.

– Или сделал вид, что не поддался, – немедленно ответил Аль-Гамби.

– Ты имеешь в виду фразу, которую Дорадо произнес в конце разговора?

– Совершенно верно, господин генерал. Она показывает, что Дорадо небезразлична судьба девушки.

И дает Хамаду еще один шанс. Если бы проклятый dd промолчал, если бы совсем никак не показал своего настоящего отношения к Камилле, майору нечем было бы ответить генералу. Пришлось бы признать, что он не только проиграл Дорадо схватку, но и не сумел разобраться в этом человеке, не сумел отыскать струнку, задевающую душу dd.

– Дорадо мог произнести фразу нарочно.

– Для чего?

– Чтобы показать, что ему небезразлична судьба Камиллы.

– Для чего?

Аль-Гамби понял, куда клонит генерал, но прекрасно знал, когда ум и сообразительность следует демонстрировать ему, а когда – начальству. Сейчас настала очередь Аль-Кади.

– Дорадо хочет, чтобы мы думали, что можем на него давить с помощью Камиллы, хотя в действительности она ему безразлична.

– Слишком сложно для dd, господин генерал.

– Мы говорим о том самом dd, который выставил тебя дураком, или о каком-то другом?

– О том самом, – подтвердил Хамад. – Но хочу заметить, что мы вышибли из Камиллы все воспоминания о ее встречах с Дорадо, о ее мыслях, о ее чувствах. Я больше чем уверен, что Дорадо ее любит. По-настоящему любит.

– В первую очередь люди думают о себе.

– Дорадо пытался показать, что девчонка для него ничего не значит. Но последняя фраза расставила точки над i: Дорадо переживает. Полагаю, этой фразой он дал нам знак.

– Какой еще знак? – поморщился генерал. – Хамад, хватит играть в шпионов!

– Что, если во время разговора рядом были его компаньоны, и

Дорадо не мог говорить открыто? Такое ведь возможно?

– Возможно, – признал Аль-Кади.

– И эта фраза – единственная его возможность сказать, что разговор не окончен.

Генерал подошел к окну, несколько мгновений молча стоял, разглядывая Мюнхен, после чего, не оборачиваясь, поинтересовался:

– Ты хочешь продолжить?

– Так точно.

– Хочешь отправиться в Москву?

– Другого выхода у нас нет.

– Пожалуй. – Снова короткая пауза. – Бери девчонку, бери пятерых спецназовцев, садись в самолет и лети. Справишься – станешь полковником. Не справишься…

– В лучшем случае я буду до пенсии пересчитывать деревья в какой-нибудь австрийской дыре, – криво усмехнулся Аль-Гамби.

Генерал не повернулся к майору, не поддержал шутку, хотя бы ради шутки. Остался предельно серьезен:

– Все правильно, Хамад, в лучшем случае так и будет. Но это в лучшем случае.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
бар «Пьяный мастер»
хороший товар всегда найдет покупателя

Если хочешь пройти в заведение незаметно, воспользуйся задней дверью. Как правило, она выходит во внутренний двор или в узкий переулок, где мало посторонних глаз и ушей, где никто тебя не заметит, а если и заметит, то не обратит внимания. Ведь люди, которые предпочитают замусоренные закоулки, хорошо усвоили золотое правило: «Меньше знаешь – дольше живешь». Они не полезут в чужие дела и не станут корчить из себя героев. Если увидят распластанное на асфальте тело – вытащат бумажник и пойдут дальше, если заметят, что из черного хода выбегают грабители – отвернутся. В закоулках свои правила. Именно поэтому предусмотрительные хозяева оснащали задние двери не меньшим, а то и большим количеством видеокамер, чем главные. Как говорится, кто предупрежден, тот вооружен.

Люди, подъехавшие к черному ходу «Пьяного мастера», прекрасно знали о предусмотрительности владельца бара, а

потому остановили черный мобиль метрах в тридцати от двери, за пределами зоны обзора видеокамер, и проделали остаток пути пешком. Их было трое: двое, идущий впереди и замыкающий, – высокие, плечистые ребята. Характерные выпуклости под куртками свидетельствовали о том, что они не только прекрасно тренированы, но и вооружены. Причем не «дыроделами», а кое-чем посерьезнее, как минимум – «дрелями». Третий, что семенил между телохранителями, на их фоне выглядел плюгавым малышом, хотя в действительности это было совсем не так. У третьего было обычное сложение для мужчины его лет, однако привычка сутулиться, бесформенный плащ, укутывающий его с ног до головы, и особенно плечистые спутники создавали обманчивое впечатление субтильности.

В «Пьяном мастере» их ждали. Едва троица оказалась в полутемном коридоре заведения, перед ними вырос молодой вихрастый парень, из-за пояса которого торчала рукоять «дыродела», и поинтересовался:

– Вы те самые люди, о которых нас предупреждали?

Первый телохранитель молча приподнял наномаску, продемонстрировав парню еще одну, из тонкого титапласта, которая закрывала нижнюю часть лица. Она не была украшением, а защищала тонкие, наполовину вживленные в кожу трубочки, идущие откуда-то из затылка в ноздри мужчины.

Перед парнем стоял прятка.

– Все в порядке. Подымайтесь по лестнице на второй этаж. Налево по коридору, в комнату, на двери которой нацарапано «задница». Вам туда.

Прятка невозмутимо кивнул.

Помещение, в которое направил гостей парень, оказалось небольшим и довольно грязным. Обои с потеками, два пыльных кресла, обшарпанный стол, лампочка без абажура, зато на стене – новенький коммуникатор, совершенно не подходящий к обстановке. Прятка извлек из кармана плаща черную коробочку, просканировал комнату и, увидев зеленый огонек на панели, вернулся в коридор. В этот момент на коммуникаторе замигал сигнал входящего вызова, однако вошедший в помещение сутулый не торопился. Снял плащ, положил его на кресло, разгладил черную водолазку, поправил висящую на груди цепь с медальоном, потянулся, внимательно разглядывая комнату, и только после этого надавил на кнопку приема. На экране появилось изображение мужчины, лицо которого скрывала наномаска.

– Я рад, что вы согласились встретиться…

В тот самый миг, когда включился экран, сутулый отвернулся

и провел указательным пальцем по столешнице. Внимательно изучил потемневшую от грязи подушечку, но ничего не сказал. Переместился к креслу, по-прежнему оставаясь спиной к коммуникатору.

Сбитый с толку мужчина замолчал, затем кашлянул и продолжил:

– Я бы хотел…

– Это не встреча, – скрипучим голосом произнес сутулый. – Я приехал сюда не для того, чтобы смотреть телевизор.

– Меры предосторожности, – неуверенно ответил мужчина. – Сигнал идет с незарегистрированного коммуникатора, наш разговор останется в тайне.

– Меня зовут Люциус Минг, я прелат Храма Истинной Эволюции, – оказывается, скрипучие голоса тоже могут звучать высокомерно. – Слова «незарегистрированный коммуникатор» не имеют для меня смысла. Но если потребуется тебя найти, я тебя найду.

– Я знаю.

– Сними маску.

Это был приказ.

А чтобы усилить слова, прелат резко обернулся, позволив собеседнику увидеть свое лицо. Даже не лицо – глаза. Неестественно выпученные, будто у человека, страдающего базедовой болезнью, неестественно большие, словно пересаженные от кого-то другого, и черные, абсолютно черные. Не было ни зрачков, ни роговицы, ни белка – лишь беспросветный мрак.

Мужчина снял маску.

– Пожалуйста.

– Теперь назови свое имя.

– Я уже говорил…

Глаза прелата неожиданно сменили цвет. Только что были черными и вдруг стали пронзительно алыми, напомнив то ли языки пламени, то ли фонтан вырвавшейся из артерии крови. Мужчина вздрогнул.

– Сулимани не является твоим именем, – скрипнул храмовник. – Его носит другой человек.

– Откуда вы знаете?

– Теперь назови свое имя.

– Кодацци, – ответил мужчина. – Чезаре Кодацци. К вашим услугам, господин прелат.

– В Храме Истинной Эволюции не используется термин «господин».

– Извините.

– Обращайся ко мне: «досточтимый».

– Как скажете. – Чезаре понял, что начисто проиграл начало разговора. Он потер подбородок, снова кашлянул и попытался вернуться к привычному тону: – Итак, досточтимый прелат, вас заинтересовало мое сообщение?

– Мы услышали имя: Банум. Теперь мы хотим услышать собственно сообщение. Что ты знаешь о мертвом человеке?

– Так получилось, что я стал одним из его наследников.

– Банум был бесплоден.

– Но его собственность нашла новых хозяев.

– Что досталось тебе?

– Две обгоревшие страницы текста. Очень странного текста. Он написан латиницей, но представляет собой полную белиберду. Я вам зачитаю… – Кодацци взял в руки лист бумаги: – «Авва марда Авва. Куар…»

– Достаточно, – оборвал его Люциус. – Откуда это у тебя?

– Не у меня, а у Банума, – поправил прелата Кодацци.

– Откуда?

– Судя по сопроводительным записям, текст достался ему после сингапурских беспорядков. Помните разгром филиала Мутабор? Банум считал, что имеет дело с неким шифром…

– Поэтому он и погиб, – отрезал Минг. – Слишком вжился в этот мир, со всеми его шифрами, мобилями, вездесущей соей и «незарегистрированными коммуникаторами». Забыл о корнях…

– Что?

– Ничего, – пронзительно скрипнул голос. Но фраза прозвучала иначе: «Не твое дело!» – Сколько ты хочешь за текст?

– Он достанется вам бесплатно, досточтимый прелат.

– Услуга?

– Да, – кивнул Кодацци. – У меня образовалось очень много врагов. Дайте слово, что поможете мне выпутаться, и через час бумаги будут у вас.

Храмовников не без оснований считали психами, но все знали, что они очень щепетильно относятся к данному слову. Собственно, это была едва ли не единственная черта, напоминающая человеческую. Храмовники держали слово.

Глаза прелата вновь сменили окрас: с красного на глубокий синий, однако на этот раз Кодацци не вздрогнул. Привык.

– Ты взял книгу Банума, Кодацци, – заявил Люциус.

– Она вам тоже нужна?

– Она у тебя?

– Я дал слово, что выставлю книгу на аукцион, – твердо произнес Чезаре. – Я не могу ничего изменить.

Уловка удалась. Что такое «дал слово» прелат понимал.

Помолчал, сменил цвет глаз с синего на красный и выдал:

– Книга не у тебя.

Он просчитывал ситуацию не хуже компьютера. И Чезаре вдруг подумал, что, несмотря на разделяющее их расстояние, несмотря на то, что разговор идет через сеть, храмовник видит его насквозь. Подумал и почувствовал себя очень неуютно.

– Она в надежном месте. – Кодацци сглотнул. – Где именно, знаю только я.

– Не устраивает, – заявил Минг. – Слишком велик риск. Книга должна быть у тебя.

– Как вы правильно заметили – слишком велик риск. Книга – моя страховка.

– Теперь твоя страховка – мы, – оборвал Чезаре Люциус. – Ты этого хотел, ты это получил. Слушай условия. Я даю слово Мутабор, что мы не станем отнимать у тебя книгу и позволим провести аукцион. Но книга должна быть здесь, у тебя. Или никакой сделки.

– Если я откажусь от сделки, меня ожидают последствия, – криво усмехнулся Кодацци. – Какие?

– У тебя есть важные для нас документы. Мы будем их искать.

– То есть я поссорюсь с Мутабор?

– Вступая в переговоры, ты должен был просчитать варианты.

На самом деле предложение устраивало Чезаре: Мутабор не возражает против проведения аукциона. Это главное.

– Выворачиваете мне руки, досточтимый прелат?

– Определяю условия сотрудничества, – невозмутимо ответил Минг. – Если бы ты захотел безопасности, мы бы укрыли тебя на территории Мутабор. Но ты хочешь рисковать, а книга не тот предмет. Мы должны точно знать, где она.

– Я не успею привезти книгу до начала аукциона, – хмуро ответил Кодацци.

– Где она?

– В одном из франкфуртских банков.

– Сообщи, как ее забрать. Наши люди из Франкфурта доставят книгу в Москву и отдадут тебе. Слово Мутабор. Если согласен, то в течение часа должен передать нам текст.

Чезаре вновь усмехнулся:

– Согласен.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото

гостиница «Караван-сарай»
здоровая подозрительность еще никому не мешала

Хорошо, что «балалайки» не умеют читать мысли. Они запоминают приходящие тебе сообщения, пишут последние сорок восемь часов твоей жизни, но, несмотря на наличие сложнейших нейросоединений, еще неспособны докопаться до души. «Балалайки» не читают мысли, и разум – единственное убежище, в котором ты можешь укрыться от мира. И непонятно, что будет, когда ученые взломают и эту стену.

Машинисты Каори видели глазами Дорадо, читали или слушали все сообщения, которые поступали в его чип, но они не могли проникнуть дальше.

«Жизнь – дерьмо».

Известие о том, что арабы взяли Камиллу, привело Вима в бешенство. Не сразу. А когда он свыкся с заполонившей душу пустотой. Когда понял, что это бессмысленное ничто – навсегда. Вот тогда навалилось бешенство. Его нежная, хрупкая красавица сидит в «Башне Стражей»! И наверняка выкладывает полицейским все подробности их взаимоотношений. Не сама, конечно, выкладывает. Дело слишком важное, чтобы доверять словам. Ей предложили расслабиться, затем вкололи мягкую химию, которая едва касается сознания, уложили на кушетку и принялись задавать вопросы. Разные вопросы.

«Если в Европоле еще остались умные люди, они уже поняли, что я ее люблю».

Подумал и удивился.

«Я ее люблю?»

Дорадо никогда не задумывался об их взаимоотношениях. Ему нравилось быть с Камиллой, нравилось играть с ней, нравилось заниматься сексом. Но любовь…

«Я бы хотел прожить с ней остаток дней?»

«Да».

«Вот и ответ на вопрос».

На первый вопрос. На главный вопрос: будет ли ему больно, если Камилла умрет?

Да, ему будет очень больно. Его будет грызть пустота.

Сможет ли он прожить с этой болью?

Нет.

Сможет ли забыть о ней?

Нет.

«А о чем ты думал, когда решил мстить? Надеялся, что с тобой будут играть в поддавки? Нет, dd, в этой игре только одно правило – победа любой ценой!»

«Если бы тогда, в Северных Альпах, я бы повернул в Цюрих, Кодацци все равно отыскал бы меня и приплел к делу».

Тоже не поспоришь.

Будет ли ему больно, если Камилла умрет?

Да. Но вряд ли боль продлится долго – ведь он тоже ходит по лезвию. Сумеет ли он победить в противостоянии с Каори? Шанс один на миллион.

«Я почти покойник».

А это значит… А это значит, Вим Дорадо, что думать о себе глупо. От того, что ты попытаешься спасти Камиллу, твои ничтожные шансы не изменятся. Зато там, наверху, тебе не будет за себя стыдно. Именно так: не будет за себя стыдно.

Ведь это очень важно.

«Я тебя вытащу, Камилла, я тебя вытащу!»

«Отдашь книгу арабам? А где гарантии, что они вернут девушку?»

«Я получу гарантии».

«Ты представляешь, что сделает с тобой Каори?»

«Я все равно собирался убить эту тварь».

«Ты собирался умереть, пытаясь убить эту тварь. Она тебе не по зубам».

«Может, она и колдунья, но пули от нее не отскакивают!»

Гостиница, в которой Каори велела им остановиться, оказалась приличным, по меркам Болота, разумеется, заведением. Она занимала первые три этажа высокого здания на Спартаковской площади, то есть не поднималась выше второго уровня мостовой, но при этом была лишена отличительных признаков отеля нижнего мира. У входа не толклись проститутки – если клиенту приспичит, он может привести девочку со стороны. В холле не терлись пушеры, а в грязноватом туалете не воняло травкой. Вполне достойное место для ночевки.

> «Выбрав „Караван-сарай“, вы поступили правильно. Но только в том случае, если вы действительно ищете покой и безопасность. Владелец гостиницы, уважаемый Тенгиз-заде, человек строгих моральных принципов и глубоко религиозен, он приветствует приличных клиентов, которые понимают слово „отдых“ в его классическом толковании…»

Сообщение выдала знаменитая «Дыры и заборы. Книга для тех, кто хочет прожить в Москве больше одного дня», по мнению большинства специалистов – лучший городской путеводитель в мире. Ее облегченную версию Вим поставил себе еще в Шарике и

теперь, услышав комментарий, перестал удивляться царящему в «Караван-сарае» порядку.

– Ты меня понимаешь? – поинтересовался здоровенный вышибала еще до того, как Вим и Чика-Мария подошли к стойке портье.

– Да, – кивнул Дорадо. Помимо «Дыр и заборов» он поставил в «балалайку» переводчик с русского.

– Наркотики и алкоголь у нас запрещены. В номерах не курить, не нюхать и не колоться. Девок приводить можно, но чтобы без проблем. Все понятно?

– Девки нам не нужны, – заметила Чика-Мария. – Разве не видно?

Из-за переводчика разговор шел с двухсекундными паузами, которые вышибала использовал для того, чтобы как следует разглядеть грудастую метелку.

– Видно, – согласился охранник, когда его «балалайка» перевела вопрос, и осклабился. – Бывает, что приезжают двое, а потом из-под одеяла по десять пяток торчат. – И закончил: – За горячую воду платить отдельно.

– Мы знаем.

Религиозный Тенгиз-заде оказался человеком практичным: помимо двухдневной платы за номер он требовал с постояльцев двадцать юаней задатка, разумно рассудив, что это проще, чем гоняться потом за должниками по всей Москве.

Оказавшись в комнате, Вим бросил на пол сумку с нехитрыми пожитками, плюхнулся на кровать и ленивым движением извлек из затылка «балалайку».

– Что это значит? – насторожилась Чика-Мария.

– Буду звонить насчет оружия, – спокойно объяснил Дорадо. – Я предупреждал Каори.

Опасаясь, что Кодацци каким-нибудь образом проследит перемещения Вима, мамбо решила сократить общение с Дорадо до минимума. Они договорились, что Вим будет действовать как обычно, не вызывать подозрений и, соответственно, добывать снаряжение самостоятельно, по своим каналам. А торговцы нелегальным товаром очень не любили общаться с людьми, не вынувшими чипы.

– Звони, – кивнула Чика с таким видом, словно давала разрешение, а не констатировала факт.

Наблюдая за раздевающейся девушкой, Вим набрал номер, а услышав ответ, негромко произнес:

– Я много слышал о вас от серьезных людей из Франкфурта…

– Дорадо договаривается о встрече с торговцем оружием, –

доложил машинист. – Все в порядке.

Сигнал о том, что Вим вытащил чип, пришел Каори автоматически, и она сразу же связалась с контролирующим ситуацию техником.

– Где они?

– Только что приехали в «Караван-сарай».

Машинист вел обе «балалайки», и Дорадо, и Чика-Марии, а потому единственное, что ему не удалось увидеть, был номер, который Вим набрал на коммуникаторе. Сам разговор он слышал через чип девушки.

– Проблем не было?

– Никаких.

– Хорошо.

Каори отключилась. Машинист убрал звук с коммуникатора, на который шел сигнал из головы Чика-Марии, и вернулся к стоящему на столе стакану с лапшой. Все под контролем.

– Потрешь мне спину?

– Иду. – Продолжающий валяться на кровати Вим проводил девушку взглядом. – Или подождать тебя здесь?

– Прими душ, грязнуля!

– Ладно, ладно, иду…

Дорадо обозначил движение: мол, приподнимаюсь, раздеваюсь… Однако, едва Чика-Мария скрылась в ванной, так и не вставивший «балалайку» Вим схватил коммуникатор и торопливо вышел в сеть.

Сайт международного сервера знакомств. Женщины, живущие в Баварском султанате. Женщины сорока двух лет. Женщины, весящие сорок два килограмма. Женщины, родившиеся второго числа четвертого месяца.

Она была одна.

– Сорок Два, ты жив, – с улыбкой прошептал Вим, набирая указанный в объявлении номер.

Разумеется, номер незарегистрированного коммуникатора. Разве приличная женщина из Баварского султаната может себе позволить появиться на сервере знакомств под настоящим именем? Только текстовый режим, никакого голоса, никакого изображения.

«Сорок Два еще играет в „девятку“?»

Дорадо не надеялся услышать ответ сразу: Сорок Два мог быть занят. Однако напарник отозвался едва ли не мгновенно:

«Рад тебя слышать!»

«У меня большие проблемы. Сижу под плотным колпаком».

«Арабы?»

«Негры».

«Книга?»

«Иду за ней. Нас продал Кодацци».

«Вывернуться сможешь?»

«Лишний друг не помешает».

«Он у тебя есть».

– Что-то случилось? – с легким удивлением поинтересовалась Каори.

– Я сразу поняла, что он не просто так выдернул «балалайку», – прошептала Чика-Мария. – Тоже мне секрет: номер торговца оружием! Короче, я пошла в ванную, включила воду, он думал, я ничего не слышу, но ты ведь помнишь, я улучшала слух…

– Я помню, Чика-Мария, поэтому и выбрала тебя, – подтвердила мамбо. – Кому звонил Дорадо?

– Он общался в текстовом режиме, но я слышала, как он прошептал: «Сорок два».

– Сорок два?

– Да… Вим, почему так долго? – Чика-Мария повернулась к вошедшему в ванную Дорадо. Улыбнулась. – Мне было одиноко.

– Я устал…

– Устал?

– Но теперь снова в форме. – Вим встал под струю пахнущей хлоркой воды и прижал девушку к себе. – А чем занималась ты?

– Размышляла о том, кто потрет мне спинку…

«На что ты надеешься, Вим? На чью помощь?»

Мамбо была раздосадована нарушением плана, но в то же время почувствовала некоторое уважение к Дорадо:

«Ты не сдаешься, Вим, ты молодец. Может, действительно оставить тебя в живых?»

По-настоящему упорные люди встречаются редко.

Обдумав ситуацию, Каори поняла, что без помощи не обойтись, и набрала номер архиепископа.

– Привет, Джез, как твои дела?

– Лучше, чем было, но хуже, чем хотелось бы, – довольно бодро отозвался Папа. – Здесь отличные медсестрички.

Судя по всему, архиепископ шел на поправку. Каори почувствовала прилив теплоты.

– Чем занимаешься?

– Изучаю материалы по Мюнхену.

Едва придя в себя, Папа принялся искать хоть что-нибудь, что поможет Каори в ее делах. В первую очередь он думал о ней, и

только о ней. А ведь его действительно окружали симпатичные и податливые помощницы, да и рана давала о себе знать. Но он отложил на потом и развлечения, и боль.

– Джез, в этих материалах не встречалось число сорок два?

– Возможно, еще и встретится.

– Я серьезно. Что может означать для Дорадо число сорок два?

– Спроси у него.

– Сейчас не могу. И не хочу показывать, что мне известно больше, чем он думает.

– Я понял… – протянул архиепископ. – Покопаюсь.

– Спасибо.

– Еще не за что. – Папа отключил коммуникатор и задумчиво повторил: – Сорок два?

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
бар «Подпрограмма»
истину можно подкрепить только истиной

– Тяжелый разговор? – осведомился Прокопыч.

– Тяжелые новости, – вздохнул Сорок Два. – Друг под колпаком.

– У тех, от кого ты ушел?

Приехав в Москву, Сорок Два не стал откровенничать с владельцем «Подпрограммы», не рассказал, почему заявился, но бывший ломщик Прокопыч прекрасно понял, что происходит. Видел не раз, как заезжие ломщики появлялись среди ночи, снимали комнаты и сидели в них, не выходя на улицу. Сам когда-то поступал так же, стряхивая прилипший во время операции хвост. Кого попало Прокопыч к себе не пускал, осторожничал, но Сорок Два принял без вопросов: во-первых, потому что ломщик именитый, во-вторых, потому что наследил не в Москве.

– Нет… – протянул Сорок Два. – Друг мой попался к другим людям. Но по тем же причинам.

– Сложное дело?

– Очень сложное.

В любом Анклаве работает масса машинистов, тысячи ломщиков, огромная армия людей, так или иначе связанных с Цифрой. Количество заведений, в которых труженики сети могли пообщаться друг с другом, не поддавалось учету, однако в Москве

главными из них считались «Подпрограмма» и «Бинарный Код». В первом расслаблялись преимущественно ломщики, во втором – честные машинисты.

Прокопыч, некогда круто работавший под ником Монгол, считался абсолютно надежным человеком, к которому брат по сети мог прийти в любое время с любой проблемой. Благодаря былым заслугам старик был известен далеко за пределами русского Анклава, и Сорок Два рванул в Москву в том числе из-за него – укрыться, посоветоваться. И надо же, так удачно: сюда нагрянул Дорадо.

– У нас на хвосте Европол, вудуисты и, возможно, Триада.

– Ни фига себе! – оценил масштаб происходящего Прокопыч. – Умные люди ссорятся с кем-то одним. Или по очереди. Но не со всеми этими ребятами одновременно.

– Знаю.

– Из-за этого дела разгромили мюнхенский сервер dd?

– Да.

– Теперь твой приятель кому-то попался?

– Да.

– А ты хочешь ему помочь?

– Да.

Прокопыч глотнул пива и покачал головой:

– А я-то считал тебя умным.

– Нас подставили, – вздохнул Сорок Два. – Когда мы поняли, что влипли в Очень Серьезное Дело, было поздно соскакивать. Загрузка началась – не остановишь.

– Любую загрузку можно остановить.

– Выдернуть штекер из розетки?

– Например.

– Именно это нам и обещают: выдернуть штекер из розетки. Навсегда.

– Так круто?

– Они кончают всех, кто в деле.

Прокопыч бросил в рот несколько орешков, тщательно их прожевал, залил пивком и поинтересовался:

– Парень на коротком поводке?

– На очень коротком. К тому же – с шипами.

– Тогда уходи, Сорок Два, – посоветовал старик. – Уходи как можно дальше. Ложись на дно и забудь обо всем. Всем доводилось бросать друзей. Выпьем потом за еще одного ломщика, навсегда ушедшего в Цифру.

Во второй раз за несколько дней Сорок Два предлагали уйти, бросить все и уйти. И снова совет прозвучал от человека понимающего. В прошлый раз он послушал и спасся, но сейчас

отступать не хотел.

– Он не ломщик, он dd.

Владелец «Подпрограммы» поперхнулся:

– Ты рискуешь ради наемника?

А в выцветших глазах старика отчетливо читалось недосказанное:

«Идиот!»

Прокопыч не был совсем уж плохим человеком: случалось – предавал, случалось – защищал до последней возможности. Случалось, сначала защищал до последней возможности, а затем предавал. Все, как у всех. Может, потому и дожил до своих лет. А может, секрет его долголетия заключался в том, что доверял старик только своим и рисковал, соответственно, только ради них. Ломщики и машинисты, нейкисты или нет, не важно, в конечном итоге все они так или иначе прославляли Поэтессу, одним словом – люди Цифры, вот кого Прокопыч считал своими. Тот, кто неспособен осознать красоту бинарного кода, никогда не поймет машиниста, никогда не станет ему братом, никогда не сможет думать так, как человек Цифры. Вот почему, услышав признание Сорок Два, старик был ошарашен, подобно древним церковникам, которым объявили, что Земля круглая.

– Он тебя предаст!

– Он мой друг.

– Что он понимает в Цифре?

– А что мы понимаем в мире? – резко ответил Сорок Два. – В том мире, который находится за пределами сети?

– Мы много понимаем и в мире, и в жизни. Но даже самые тупые братья знают, что человекам доверять нельзя.

– Потому что они не умеют писать программы?

– Нет, потому что мы умеем. Мы способны на то, что недоступно их пониманию, мы обогнали их в развитии, они теряют свой мир, потому что он становится Цифрой, становится нашим. – Прокопыч принес еще по бокалу пива, добавил в опустевшую тарелку орешков, и продолжил: – Ты, Сорок Два, слишком много времени проводишь в сети, тебе позволительно спрашивать: что мы знаем о мире? Потому что ты его видишь только через монитор коммуникатора. Мир для тебя – это взломанные серверы и чистый путь для твоего dd, мир для тебя – игра. А большинство машинистов общается с человеками каждый день. Они виляют между полицейскими и бандитами, ходят на работу в Сити или ломают порносайты. Они живут, они знают законы мира. И они видят, что Цифра приближается. Не верят, а видят. И те человеки, что способны соображать, тоже это видят. И поэтому не любят нас. На подсознательном уровне не любят.

Интуитивно. А ты собираешься рискнуть собой.

– Я собираюсь рискнуть ради приза, который назначен победителю, – хмуро ответил Сорок Два.

– Что за приз?

– Рукописная книга.

Старик едва не поперхнулся второй раз. Судя по смятению, появившемуся в его глазах, он не сразу понял, о чем идет речь. Сначала надо было сообразить, что книги когда-то делали из бумаги, вспомнить, как эти книги выглядели, затем осознать, что кто-то способен наполнить страницы не печатным текстом, а от руки, с помощью…

– Кажется, это называлось «авторучка»?

Сорок Два пожал плечами:

– Я не знаю, чем написана книга: авторучкой или карандашом, мы должны были просто украсть ее. В результате книгу увели у нас из-под носа, мы оказались крайними, а потом началась свистопляска. Европол встал на уши, оцепил едва ли не все Альпы и разгромил мюнхенское отделение dd.

– За что вы как следует врезали Исламскому Союзу.

– При чем здесь Евросоюз? – поморщился Сорок Два. – Гораздо важнее то, что перед делом моему dd выдали амулет. Колдовской амулет. И dd сказал, что эта штука работала! Понимаешь? Работала! Вот о каких законах мира я говорил: о неизвестных нам! Мы знаем, что «синдин» расширяет сознание, позволяет нам сливаться с Цифрой, но, черт побери, мы и понятия не имеем, как он работает! И даже кто его создал!

– Храмовники!

– Это одна из версий.

– Ладно, плевать на «синдин»! – хмыкнул Монгол, испытующе глядя на Сорок Два. – Но сказки…

– Я говорю не о сказках, а о законах, которые объясняют необъяснимое! О формулах невозможного и аксиомах чуда. О тех законах, которые упустила из виду Поэтесса и которые мешают наступлению Цифры.

Сорок Два ждал, что Прокопыч рассмеется ему в лицо, однако старик оставался серьезен. А когда понял, что молодой ломщик ждет ответа, отвел взгляд и чуть дерганым, неуверенным движением погладил поверхность стойки.

– Ты считаешь, что таких законов нет?

Прокопыч отрицательно покачал головой:

– Я видел…

Взгляд не поднял.

И Сорок Два догадался:

– Ты видел необъяснимое?

– Не жди откровений и больше ни о чем меня не спрашивай, – тихо отозвался старик. – Я знаю очень мало и видел совсем чуть-чуть, но если буду трепать об этом – меня убьют.

– Кто?

– Все, что я могу тебе сказать: да, твои подозрения имеют под собой основания.

Прокопыч повернулся и медленно направился в подсобное помещение бара. Удивленный Сорок Два покачал головой и жадно сделал несколько глотков пива. На его верхней губе появились белые пенные усы.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
«Шельман, Шельман и Грязнов
Колониальные товары и антиквариат»
маленькие дети – маленькие заботы,
большие дети – большие заботы

– Феномен высшей силы, так же как и феномен веры, невозможно осознать, не пропустив через себя, – негромко, мягким, но наставительным тоном произнес Кирилл. – Эти категории можно только почувствовать. Они являют собой форму, стоящую вне правил обыденного мира, и не подчиняются законам повседневности. Именно поэтому безнадежно глупо выглядят рассуждения о религии какого-нибудь атеиста: в лучшем случае он говорит лишь о надводной части айсберга. Суть ему недоступна.

– То есть духи Лоа существуют?

Грязнов вздохнул – он ждал от дочери другого вопроса, но ответил:

– Да.

И сделал маленький глоток вина.

– И высшая сила католиков? – продолжила Пэт.

– Да.

– И китайцы, и индусы…

– И арабы, – кивнул Кирилл. – Каждая Традиция позволяет достичь вершины. В каждой Традиции есть люди, посвятившие свою жизнь познанию глубинных смыслов. Не каждому это удается. Но результаты есть.

– И все они будут с нами воевать?

– Необязательно, – улыбнулся Грязнов. – Войны человеческие

вызывают неудовлетворенные радикалы. Войны же Традиций разжигают те, кто завис между миром материальным и миром духовным.

– Священники?

– Священники-политики, использующие веру как инструмент. В действительности же они поклоняются Власти. А этот бог не знает Традиций. Но там… – Грязнов указал пальцем на потолок, – его нет. Он скитается здесь, в Срединных мирах, так же как и бог по имени Жадность.

– То есть столкновение Традиций – это столкновение людей?

Этот вопрос Пэт понравился Кириллу значительно больше.

– Совершенно верно, дочь. Костры на алтарях разжигают люди. При этом они не всегда интересуются мнением богов.

– Которые мирно уживаются друг с другом?

– Необязательно, – рассмеялся Грязнов.

– То есть можно предположить, что там тоже идут бои, а у нас лишь отголоски?

– Этим и утешаются священники-политики: тычут пальцами в небо и заявляют, что остаться должен только один Бог. Истинный. Но если истинный только один, почему сильны ложные?

– Так боги воюют между собой?

– Никто не знает, что происходит в Верхнем царстве.

– Даже ты? – удивилась Пэт.

– Даже я, – серьезно подтвердил антиквар. – Моя жизнь и моя судьба здесь, в Срединных мирах.

– В мирах?

– И твоя судьба тоже.

В первый раз девушка пропустила оговорку мимо ушей, теперь сообразила:

– Ты сказал «в мирах»!

– А разве диск Земли покоится на трех слонах?

– Кирилл!

– Давай вернемся к тому, с чего начали, – предложил Грязнов, всем своим видом давая понять, что не станет развивать заинтересовавшую Пэт тему. – Судя по тому, что ты рассказала, в «Венеции» ты повстречалась с хунганом Католического Вуду, впавшим в боевой транс. – И небрежно закончил: – Я искренне удивлен, что тебе удалось выжить.

– Удивлен?! – Девушка хотела возмутиться, но тут же поняла, чем вызвано такое отношение Кирилла: – Ты думаешь, победа сделает меня самоуверенной?

«Она быстро учится!»

– Да.

Пэт нахмурилась, но через пару мгновений кивнула:

– Правильно думаешь. Но это не повод скрывать от меня правду.

– Я и не собирался.

– Тогда скажи.

Грязнов отставил бокал, поставил локти на подлокотники кресла и свел перед собой пальцы.

– Ты сильна, дочь, но еще не осознаешь масштабов своего могущества. Не управляешь своими возможностями в полной мере, а потому – уязвима. Пожалуй, столь же беззащитной ты станешь примерно через год, когда понимание силы затуманит твой разум и заставит потерять осторожность.

– Но я победила!

– Ты действовала машинально, позволила самой силе защитить тебя, и, повторюсь, тебе повезло. Окажись рядом второй хунган, тебе пришлось бы плохо. С двумя тебе пока не совладать.

– А я должна?

Спросила азартно, предвкушая ответ и не сомневаясь в нем.

«Я сильна? Скажи, насколько я сильна? Обозначь горизонты! Или их нет? Тогда скажи, что их нет!»

– Несколько лет назад у меня возникли недоразумения с вудуистами, и Олово пришлось устранять архиепископа с двумя помощниками. Одновременно. А ты, дочь, гораздо сильнее Олово.

Глаза Пэт вспыхнули:

«Я сильна!»

«Да, дочь, ты сильна».

– Мне еще многому надо научиться.

Она сказала это не для проформы. Сказала уверенно, как человек, прекрасно понимающий, что его ждет, и согласный пройти по дороге. Пэт была готова учиться.

И потому Кирилл решил подсластить свой отзыв о ее поездке во Франкфурт:

– Мне понравилось, как ты себя вела, дочь. Понравилось, что ты прислушивалась к советам, это очень важно.

– Важно знать, к чьим советам прислушиваться.

– Мы подобрали тебе хороших помощников.

– Грега?

– Не только его. Со временем ты познакомишься с другими людьми, которые будут тебе служить. Оберегать. А если потребуется – умрут за тебя.

– Потому что ты им прикажешь?

Этот вопрос понравился Кириллу больше всего. Перед ним сидела Избранная, перед ним сидела та, что рождена повелевать, и она каждой клеточкой чувствовала, что такое власть. Она еще ничего не умеет, ничего не знает, но уже понимает разницу

между теми, кто предан, и теми, кто служит.

– Ты – моя дочь, – жестко ответил Грязнов. – Ты – это я. Мой новый этап. Мое новое воплощение. Мое завтра. Ты самостоятельна, но в тебе всегда будет частичка меня. И в твоих детях. И в твоих внуках. И люди, которых мы выбрали, это понимают. Они воспримут тебя, как меня. И тебе останется лишь не разочаровать их.

– Я все поняла. – Пэт помолчала. И решила сменить тему, точнее – вернуться к прежней: – По крайней мере, поездка во Франкфурт не оказалась совсем бесполезной: книгу я не нашла, но вудуистов отшила, так?

– Они продолжают поиски, – махнул рукой антиквар.

– И послали людей в Москву?

– Ага.

Лицо девушки окаменело.

– В таком случае, я хочу продолжить начатое.

– Ими займутся.

– Я хочу продолжить! – Тон Пэт не оставлял сомнений в том, что решение – окончательное.

– Кажется, мы только что говорили об излишней самоуверенности, – напомнил антиквар. И вновь потянулся за вином. – Отдыхай.

– Мне нужна книга.

– Ее возьмут другие люди.

– Отец!

Кирилл не вздрогнул, не изменился в лице, но внутри, внутри…

«Она впервые назвала меня отцом!»

– Отец, подключи меня к операции.

– Я подумаю, – пообещал антиквар.

– Надо было думать до того, как ты послал меня во Франкфурт, – отрезала девушка. – Теперь поздно. Я должна довести дело до конца.

– Хорошая привычка, дочь, – кивнул Грязнов. – Очень хорошая привычка.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
ночной клуб «Пришют маньяков»
старые друзья – самые лучшие

Главный питейный зал «Приюта маньяков» располагался в полуподвале старинного, но еще крепкого дома, и оформлявшие интерьер дизайнеры умело использовали особенности помещения. Выставили напоказ кладку, счистив штукатурку и вернув кирпичу первоначальный вид. Сохранили идущие под потолком трубы и повесили настоящие, сделанные еще в двадцатом веке светильники. Вдоль стен разместили громоздкие радиаторы отопления, а мебель поставили подчеркнуто грубую. Выдержав, так сказать, стиль. А может, и не было никаких дизайнеров, может, рачительные хозяева просто использовали то, что было под рукой, по принципу «дешево и сердито», но получилось все равно эффектно: болотным эстетам нравилась атмосфера «подлинной» городской старины, и они частенько забредали в «Приют маньяков», разбавляя своим присутствием обычное для заведения общество.

– Со мной не пойдешь, – буркнул Вим, – останешься за столиком.

И пригубил пива из пластиковой, но сделанной «под алюминий» кружки.

– Это еще почему?

– Почему я не ходил с тобой во Франкфурте? – Чика-Мария задумалась. – Вот то-то. Я понимаю, тебе надо выполнять приказ Каори, но есть правила, и ты их знаешь. Люди не станут говорить со мной в твоем присутствии.

– И «балалайку» ты вынешь, – заметила девушка.

– Разумеется.

– Не думаю, что мамбо это понравится.

– Она знала, на что идет, – пожал плечами Дорадо. – Развлекайся, я скоро. – Помолчал и добавил: – Пожалуйста, не строй никому глазки.

Они оба видели взгляды, которыми завсегдатаи изучали фигуру девушки.

– Ревнуешь?

– Не хочу устраивать здесь перестрелку.

– Из-за меня?

Вим перегнулся через столик и поцеловал Чика-Марию в губы:

– А из-за кого еще?

– Мне приятно.

Дорадо улыбнулся и направился к барной стойке.

Ночным клубом «Приют маньяков» назвали исключительно из вежливости. По сути, заведение представляло собой круглосуточно работающий бордель с огромным баром на первом

этаже и номерами на четырех последующих. В самом большом зале подвала танцевали стриптиз и пили, в остальных – только пили. А в номерах занимались любовью и проворачивали делишки. Территорию, на которой находился «Приют», контролировала кантора братьев Бобры, одна из самых крупных на Болоте; удачное расположение клуба позволило ему стать опорным пунктом западных владений братьев, а посему работали в нем не покладая рук. По количеству проходящих наркотиков, оружия и краденого «Приют» уступал только штаб-квартире канторы в Лялином переулке и по праву считался одной из главных жемчужин в бандитской короне братьев.

В комнате на третьем этаже Дорадо ожидали двое мужчин. Тот, что помладше, щеголял трехдневной щетиной и золотой улыбкой – потерянные некогда зубы он заменил не имплантами, а фиксами. То ли выделиться хотел, то ли на спор сделал. Не меньшее внимание он уделял и одежде: брюки из тонкой шерсти, хлопковая рубашка, короткая куртка из настоящей кожи. Дорогое облачение демонстрировало, что золотозубый – человек с положением, с достатком. А откуда взялся достаток, показывал «дыродел» в наплечной кобуре.

Пару щеголю составлял массивный, слегка напоминающий кабана, здоровяк, облаченный в грязноватые камуфляжные штаны армейского образца, тяжелые ботинки и застиранную серую майку с логотипом питерской федеральной тюрьмы. Был здоровяк невысок, но массивен, и его могучие мышцы могли вызвать зависть у любого профессионального спортсмена.

Казалось, что главный в этой парочке щеголь, а громила честно служит ему телохранителем, однако Вим знал, что это не так. И поэтому сразу же обратился к здоровяку:

– Привет, Тимоха.

Старший из братьев Бобры по-немецки говорил, а потому ответил, без двухсекундной задержки.

– За долгом пришел? – И криво усмехнулся.

– Ты мне ничего не должен, – спокойно ответил Дорадо.

– Тогда зачем?

– Помощь нужна.

– Значит, за долгом, – подвел итог бандит.

– Я всегда говорил, что ты ограниченный ублюдок. Вбил себе в башку черт знает что и радуешься.

Золотозубый, не проявлявший до сих пор к разговору никакого интереса, удивленно вытаращился на Тимоху: старший Бобры славился крутым нравом, и никто не рисковал разговаривать с ним подобным образом. Но здоровяк не обратил внимания на нахальство гостя.

– Я называю вещи своими именами.

– Ни хрена не своими! – скривился Вим. – Тоже мне бухгалтер выискался! Баланс подводит, кто кому что должен!

– Вот теперь узнаю! – радостно заревел Тимоха. – А то явился, как козел, урод уродом! Морда кирпичом, ботинки чистенькие, словно долбаный менеджер, мать! А?

– Пошел ты!

Старший Бобры сгреб Дорадо в объятия.

– Здорово, дружище!

– Здорово! – Вим похлопал Тимоху по спине.

– Десять лет, черт тебя дери!

Как говорится, если вам долго не звонят друзья, значит, у них все хорошо.

– Больше, – пробормотал Дорадо.

– И пароль не забыл – молодец! Я как его услышал, сразу понял, что кто-то из старых притащился. Из наших… Где шлялся?

– Можно сказать, на дне лежал. Надоело все до…

– Ребята говорили, ты в Америку подался.

– В Баварии жил.

– По чужой ксиве?

– Ага.

– Значит, удался твой финт с албанцами?

– Удался.

– Рад за тебя.

– Теперь поздно радоваться, – вздохнул Дорадо.

– Влип?

– Да.

– По старым делам?

– Нет, по новым… – Вим улыбнулся: – Развлекался иногда, по старой памяти.

– Да уж, жить легко очень трудно, – заржал Бобры.

– Не то слово, – поддержал старого друга Дорадо, покосившись на золотозубого.

Тимоха понял намек и жестом подозвал к себе щеголя:

– Митроха, братан мой. А это… – Взгляд на Дорадо: – Тебя как нынче зовут?

– Вим Дорадо.

– А это Вим, сослуживец по легиону. Ты не смотри, Митроха, что он хлипковат с виду – парень меня два километра на себе тащил! И вытащил!

– Дело прошлое, – заметил Дорадо.

Старший Бобры покачал головой:

– Шкура у меня одна, Вим, а спас ее ты. Так что это дело не прошлое, а настоящее. Рассказывай, с какой бедой явился –

помогу.

– Подожди обещать, – предостерег старого друга Дорадо. – Когда узнаешь, кто у меня на хвосте…

– Я тебе должен.

– Опять ты за свое!

– Проехали, Вим, проехали. Говори, кто за тобой идет?

– Негры. Арабы, – скромно перечислил Дорадо. – Возможно, китайцы. А может, и еще кто-нибудь.

– Ты не терял время даром, – уважительно произнес Тимоха.

– Я же говорил, что дело сложное.

– Дело как дело, что мы негров не гасили, что ли? – подал голос Митроха. – От нас до Занзибара далеко, но если надо, мы кого угодно достанем.

– И хунганов достанете?

Бобры переглянулись.

– Так ты с неграми поругался или с вудуистами?

– А есть разница?

– Вудуисты в наши разборки особо не лезут, не светятся. У них свои игры.

– С вудуистами.

Бандиты снова посмотрели друг на друга. Митроха казался недовольным, было видно, что ему не хочется воевать с хунганами, Тимоха же являл собой странное зрелище: задумчивый кабан.

– Я же говорил, что дело серьезное, – негромко закончил Дорадо. – Если соскочишь – не обижусь.

Митроха улыбнулся и кивнул: «Мол, хорошо, что не обидишься, потому что мы…»

– За дохлых колдунов в нашем приходе дополнительные бонусы положены, – решительно произнес старший Бобры. Митроха поскучнел. – Мы на своей земле, Вим. Рассказывай, за что эти уроды на тебя наехали?

* * *

анклав: Москва
территория: Аравия
доходный дом Аль-Харти
приятно осознавать, что твои расчеты сбываются

– Вы не генерал Аль-Кади!

«А тебе не все ли равно?»

Но ответил майор вежливо, ни к чему злить и без того

взвинченного dd:

– Меня зовут Хамад. С этого момента все оперативные решения по нашему делу буду принимать я.

– Хорошо, как скажете, – не стал спорить Дорадо. – Я звоню по поводу предложения, которое вы высказали утром…

«Все-таки я тебя достал! – возликовал араб. – Достал!»

Несмотря на продемонстрированную генералу уверенность, Аль-Гамби нервничал всю дорогу до Москвы. А вдруг Дорадо окажется заурядным наемником, заботящимся только о своей шкуре? Что, если любовь для него ничего не значит? Или он попросту плюнет на девушку?

Антрепренеры, с которыми успел переговорить Хамад, в один голос твердили, что Вим от Камиллы без ума, что взгляды, которые он бросал на девушку, способны были прожечь камень. Никто из них не сомневался, что Дорадо и Камилла любовники. Но… Но Вим был перевертышем, двуличным ублюдком, и гнались полицейские не за талантливым музыкантом, а за хитрым dd. Вспомнит ли он о девушке?

Вспомнил.

– Аукцион состоится завтра.

– Я знаю, господин Петерсон. – И замолчал, напряженно ожидая реакцию Вима.

Трехсекундная пауза показалась арабу вечностью.

– Очень хорошо, что вы знаете, – тихо произнес Дорадо.

– Ваш отец не был первой скрипкой Венской оперы, Хьюго, он был дирижером.

– Что это меняет?

– Зачем вы обманули девушку?

– К сожалению, я обманул ее только в этом. – Вим уже пришел в себя.

«Они узнали. Молодцы, хорошо допросили Камиллу и хорошо поработали. Но что вам это дает? Хьюго Петерсон навсегда остался в балканской помойке».

– Ваш послужной список внушает уважение, – продолжил Хамад. – Африка, Балканы, вы даже в Белграде побывали.

– Я рад, что сумел произвести на вас впечатление, но предлагаю вернуться к делам.

– Давайте вернемся, Хьюго, я не против.

– Я хочу, чтобы к завтрашнему дню вы перевезли Камиллу в Москву, – твердо сказал Дорадо.

– По-моему, вы не в том положении, чтобы торговаться, – заметил Аль-Гамби.

– Я знаю свое положение, – невозмутимо ответил Вим. – И ваше, кстати, тоже. Точнее – догадываюсь, что с вами сделают,

если вы упустите книгу.

«Проклятый подонок!»

– У меня мало времени, Хамад, так что слушайте и не перебивайте. Вы должны перевезти Камиллу в Москву. Завтра, сразу после аукциона, я пришлю вам текстовое сообщение, в котором будет указано место и время встречи. Вы приедете туда с девушкой и деньгами – пятью миллионами юаней. Я отдам книгу, и мы расстанемся.

– Почему текстовое сообщение?

– Я буду со своими компаньонами, которым безразлична судьба Камиллы. – Вим помолчал. – Компаньонов я беру на себя. Ваше дело – привезти девушку и деньги.

В Аравии, московской территории, заселенной преимущественно выходцами из Европы, Хамад чувствовал себя в относительной безопасности. Люди шейха Удэя встретили полицейских в Шарике и отвезли на Балаклаву – шумный проспект, делящий Аравию на северную и южную части. Поскольку Хамад, не желая привлекать к себе лишнего внимания, попросил не размещать группу в отеле, им предоставили пятикомнатные апартаменты в приличном доходном доме.

Девушку заперли в самой дальней комнате, единственное окно которой – наглухо закрытое, разумеется, – выходило во двор. Два других помещения заняли спецназовцы. Четвертое выбрал себе Хамад. Большую гостиную определили местом общих сборов и столовой. Холодильники оказались под завязку набиты едой, так что покидать квартиру полицейским не требовалось.

Поговорив с Дорадо, Аль-Гамби вышел в гостиную, в которой вели скучный разговор спецназовцы, оглядел бойцов и сообщил:

– Завтра. Во второй половине дня или ближе к вечеру. Установите график дежурств по помещению и кухне.

Проверять выполнение приказа Хамад не стал: со всеми спецназовцами он был знаком много лет и знал, что они, пусть и не спеша, под разговоры и шутки, распоряжение выполнят.

Ему же предстояло переговорить с генералом Аль-Кади по поводу денег. Пять миллионов юаней – это меньше, чем пришлось бы заплатить на аукционе, но сумма все равно приличная. Захочет ли Аль-Кади с ней расстаться?

Обдумывая предстоящий разговор, Хамад прошел в дальнюю комнату, приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Камилла лежала на кровати, вытянувшись во весь рост. Глаза закрыты. Правая рука под головой. Перед тем как ей предложили «отдохнуть с дороги», спецназовцы пристегнули девушку наручниками к спинке – окно, конечно, закрыто, но предусмотрительность еще никому не

вредила. Впрочем, девушка не сопротивлялась и не возражала, легла как велели и почти сразу же уснула: сознание Камиллы до сих пор туманила вколотая перед путешествием химия. Худенькая, хрупкая, с кое-как собранными в хвост волосами. Жалкая. Вечернее платье, в котором Камиллу привезли из Ланданабада, сгинуло в «Башне Стражей», сейчас девушка была одета в серые джинсы и рубашку. На полу стояли дешевые кроссовки.

Заложница.

До сих пор Аль-Гамби относился к ситуации предельно спокойно. Он придумал использовать Камиллу, он ее использовал, он смотрел на нее без эмоций, как на инструмент, с помощью которого можно добиться цели. А можно и не добиться. Он не чувствовал к ней жалости ни когда ее, перепуганную, доставили в «Башню Стражей», ни когда накачивали химией и задавали вопросы, ни сейчас, глядя на худенькое, беззащитное тело…

«Врешь!»

И признался себе:

«Да, вру».

Сейчас его отношение к Камилле изменилось. Его замысел удался, он достал Дорадо, нащупал слабое место dd. Нащупал слабое место у ветерана африканских войн, у одного из тех, кто зачищал Белград, у беспощадного убийцы. Который… который неожиданно принял решение спасти девушку. Отказаться от сулящего миллионы аукциона и спасти. Очень редкий случай для нашего мира. Необычайно редкий.

И Хамад вдруг понял, что не может наслаждаться победой.

Ему доводилось убивать, обманывать, лжесвидетельствовать, чтобы упечь преступников в тюрьму, но он утешался тем, что делает правое дело. Ему доводилось угрожать террористам убийством их родителей и детей и доводилось расстреливать родственников несговорчивых бандитов. Но сейчас он взял не отца и не мать Дорадо, он взял его женщину. И ублюдок dd, убийца и вор, двуличный перевертыш оказался лучше него, кадрового офицера Европола. Презренный наемник знал, что такое любовь, и готов был рискнуть жизнью ради другого человека.

И стоя в дверях превращенной в камеру спальни, Аль-Гамби понял, что убьет Дорадо.

Потому что иначе до конца жизни будет считать себя дерьмом.

* * *

анклав: Москва
территория: Занзибар
собор Тринадцати Пантеонов
в кошки-мышки можно играть по-разному

Учитывая положение Каори в иерархии Католического Вуду, Джошуа Таллер предложил под базу любое здание на ее выбор, и мамбо решила разместиться в главном храмовом комплексе Занзибара. Не в молельном зале, конечно, в одной из примыкающих к собору построек, но все-таки на территории, освященной Лоа. Архиепископу она объяснила, что выполняет секретную миссию и желает быть подальше от посторонних глаз и ушей. Подчиненные ничего не спрашивали. А себе… себе Каори призналась, что ей нужно почувствовать близость духов Лоа. Прикоснуться к их силе. Подпитать свою уверенность.

Ведь слова Папы Джезе до сих пор заставляли мамбо нервничать.

«Лучше бы ты промолчал…»

Каори опасалась, что подчиненные хунганы и мамбо поймут ее состояние, вот и перестраховалась, выбрала под резиденцию святой дом.

– «Приют маньяков» принадлежит канторе братьев Бобры. Осведомители докладывают, что вечером, когда Дорадо посещал клуб, никто из братьев там не появлялся. Но остается вероятность, что Дорадо связался с ними через коммуникатор.

Джошуа Таллер, архиепископ Российский, на совещании не присутствовал, докладывал ближайший помощник монсеньора – Питер Ош. Но Каори это обстоятельство только радовало, она знала, что пятидесятилетний хунган отвечает за безопасность Занзибара и превосходно ориентируется в московских реалиях.

– Вы ведь допрашивали Дорадо, мамбо? Он что-нибудь говорил о своих связях с московскими бандитами?

– Нет, не говорил.

– А в Москве Дорадо бывал?

– Два или три раза, выполняя контракт.

Каори отвечала уверенно, ни один человек на Земле, за исключением разве что Папы Джезе, не смог бы догадаться, что она лжет. В действительности мамбо ничего не знала о связях Дорадо с московскими бандитами: когда допрашивала, ее эти подробности не интересовали, а потом стало поздно. Каори

понимала, что рискует, что подставляет под удар команду, но… близость духов Лоа делала свое дело – говорила мамбо веско.

– Если у Дорадо нет личных связей, Бобры не станут с ним сотрудничать, – спокойно продолжил Ош. – И никто не станет. Ему нечего предложить. Ему никто не поверит.

– Даже личные связи вряд ли помогут, – подал голос еще один московский хунган, Василий Тула. – С ребятами из Занзибара болотники повоевать могут, но с Католическим Вуду связываться не станут, поостерегутся.

И презрительно рассмеялся. Василий был высок и широк в кости. Он производил впечатление недалекого увальня, однако был единственным замбийцем из всех присутствующих, не считая Каори, разумеется, а в ордене дураков не держали.

– То есть вы считаете, что Дорадо просто купил у Бобры оружие? – уточнила Каори.

– Да.

– Я вообще не понимаю, для чего вы на это пошли, мамбо, – проворчал Лу Мендес, один из птенцов Папы Джезе, отправленных баварским архиепископом в помощь Каори. – Мы сами могли бы обеспечить Дорадо и оружием, и снаряжением.

Невысокий, но очень плотный, почти квадратный на вид, Лу являлся главным помощником Папы Джезе в оперативных делах, выполняя для архиепископа примерно те же поручения, что Каори для Ахо. Он слыл умелым бойцом и отличным тактиком, досконально просчитывающим каждую операцию, хотя и несколько горячим парнем. Сейчас Мендес не обвинял мамбо в некомпетентности или глупости, просто хотел услышать объяснения.

– Я сделала это специально.

– Это я понимаю. Но оправдан ли риск?

– Мы держим Дорадо на очень коротком поводке, но идеальных ситуаций не бывает, – спокойно ответила Каори. – Вим хитер и умен, не сомневаюсь, что он ищет способ избавиться от опеки, а потому самоуверенность способна сыграть с нами злую шутку. Поняв, что его обложили со всех сторон, Дорадо может отыскать неожиданный, нестандартный ход, который поставит нас в тупик. Он на это способен. Поэтому я и ослабляю поводок, даю ему возможность действовать предсказуемо. Это позволит Дорадо не искать слишком умные решения, а нам – не расслабляться.

– Хитро.

– Наша гостья любит рисковать, – улыбнулся Ош.

– У прижатых к стене воинов два пути: биться до последнего или сдаться. Дорадо пойдет по первому. И мы должны постоянно

помнить об этом.

– То есть, ослабив контроль, вы не его напрягли, а нас?

– Совершенно верно, – кивнула Каори. – Я начала операцию в Мюнхене, продолжила во Франкфурте и до сих пор не добилась успеха. В Москве все должно пройти как надо. А для этого мне нужно, чтобы все мы действовали предельно внимательно.

– Все будет о'кей, – пообещала молчавшая до сих пор Леди Пустышка.

Эта мамбо тоже приехала из Франкфурта. Статная, полногрудая, с длинными светлыми волосами, которые она предпочитала не собирать в узел, а лишь перехватывать кожаным ремешком. Пустышка славилась и боевыми навыками, и любвеобильностью: слухи о том, что она переспала со всеми европейскими хунганами, ходили даже по Новому Орлеану. А взгляды, которые Леди изредка бросала на Каори, показывали, что она видит в пришлой мамбо соперницу.

«В борьбе за сердце Папы Джезе?»

– К сожалению, мы до сих пор не знаем, с кем именно связывался Дорадо из номера отеля… – задумчиво протянул Тула.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Palmenviertel
собор Святого Мботы
если вы хотите чего-то добиться – научитесь
делать правильные выводы

Он был еще очень слаб, могучий организм с трудом преодолевал последствия ранения, он соврал, что работает, но… Но теперь Папа Джезе не мог позволить себе бездействовать. Каори, его глупой, взбалмошной Каори, срочно требовалась помощь, а потому архиепископ, несмотря на запреты врачей, накачался стимуляторами и принялся просматривать информацию, относящуюся к мюнхенскому делу.

А посмотреть было на что.

За последние сутки осведомители из баварского Европола засыпали вудуистов огромным количеством сообщений. Были среди них копии отчетов об обыске квартир Дорадо, и конспиративной, и основной, были разрозненные сведения об операции в Северных Альпах. И, наконец, были кое-какие сведения о сервере dd.

Несмотря на то что информация по базе нейкистов была

полностью засекречена, Джезе узнал некоторые подробности операции – привет службе собственной безопасности Европола! – и отметил, что одному из менеджеров dd удалось уйти. Пятнадцать рабочих мест – четырнадцать трупов. Версию о том, что кто-то из работников сервера взял больничный, Джезе отмел сразу. Оставался один вариант – пятнадцатый нейкист спасся.

Архиепископ отодвинул подвешенный над кроватью коммуникатор, опустился на подушки, подложил под голову руки и задумался, уставившись в потолок.

Дано: перевертыш.

Жизнь Вима Дорадо состояла из двух частей: законопослушный музыкант и лихой dd. Последние десять лет все свои темные делишки Дорадо проворачивал только через сервер наемников и тщательно соблюдал конспирацию. Он не был связан с преступным миром Мюнхена или Франкфурта. Изредка общался с барыгами, но это не в счет. Одиночка. Вот и получается, что единственная его надежная связь – все те же нейкисты. Они в деле. Они серьезно пострадали от арабов, и они злы. Им не надо ничего объяснять. Им надо только указать цель, и они с радостью продолжат мстить за погибших братьев. А Дорадо может указать цель.

Джезе хорошо чувствовал свой организм и понимал, что действие стимуляторов вот-вот закончится, а потому немедленно вызвал к себе помощника.

– Арабы, как я понял, берегут вещи Дорадо?

– До них не добраться, – покачал головой хунган. – К тому же никто из наших осведомителей не знает, куда их спрятали.

– А вещи из логова нейкистов?

– Не уточнял.

Шум в голове нарастал, веки закрывались сами собой. Архиепископ из последних сил боролся со сном, но он должен был отдать приказ до того, как отключится:

– Свяжись с осведомителями, предлагай любые деньги, но пусть они достанут что-нибудь из вещей нейкиста, который ушел от Европола. – Папа Джезе закрыл глаза и едва слышно закончил: – Проснувшись, я хочу услышать хорошие новости.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
деловой центр «Баку»
к победе ведет упорство

«Поэтесса не имела возможности прикоснуться к тайнам, а потому ее картина мира не полна. Верна, но не полна. У нас есть уникальная возможность дополнить Учение, узнать подноготную необъяснимого и соединить его с Цифрой. Если вещи, которые Поэтесса считала сказками, действительно реальны, мы обогатим Учение и закончим работу Поэтессы!»

«Хочешь стать пророком?»

«Я думаю только об Учении. Об эпохе Цифры. О нашей эпохе!»

«Она приближается с каждым днем».

«Но не наступает!»

«Уже наступила».

«Власть Цифры велика, но не безгранична. Мы все еще недостаточно сильны, чтобы объявить этот мир нашим».

«Это произойдет само собой».

«Ничто на этом свете не происходит само собой. Это закон, который будет действовать даже в эпоху Цифры».

«Она уже наступила!»

«Вы спорите не о том».

«Сорок Два отвергает основные постулаты!»

«Он сомневается в них».

«Я не сомневаюсь в том, что эпоха Цифры наступит. Но я верю, что прежде мы должны узнать как можно больше о мире прошлого. Мы обязаны узнать все его тайны!»

Его убежденность пронзала сетевые соединения и достигала душ собеседников. Его вера не вызывала сомнений. Все, что он узнает, он использует на благо Цифры. Он был таким же, как все они, он был нейкистом. И в его словах был смысл.

«Всем известно, что под действием „синдина“ великие ломщики расширяют сознание и сливаются с Цифрой. Но неизвестен механизм этого действия. Непонятно, почему это происходит. До тех пор пока мы этого не знаем, мы похожи на моряков, плывущих по воле волн. Я уверен, что книга даст нам ответы. Пора взять управление кораблем в свои руки!»

«Ты уверен, что dd отдаст нам книгу?»

«Ему некуда больше податься. Мы – его единственная надежда».

Ему запретили использовать мощности московского сервера dd, но на все остальное Сорок Два получил карт-бланш. В его распоряжение поступили три высококлассных ломщика, знающих местные реалии и умеющих работать в условиях постоянного контроля со стороны всевидящей СБА. Менеджеры dd заключили

контракты с четырьмя наиболее подходящими для операции наемниками: повышенная агрессия и склонность к насилию. Ему дали отличную точку входа: маленький офис с мощным сетевым каналом в одном из деловых центров Болота. Ему дали два «поплавка».

Точнее, обещали дать.

Мощные процессоры были слишком горячим товаром, а потому их доставят непосредственно перед операцией. Завтра, во второй половине дня. Тогда же приедут помощники, и работа закипит.

Они будут прикрывать Дорадо.

Сорок Два еще раз прошелся по комнате. Потрогал выключенные мониторы, провел пальцами по клавиатурам, погладил системные блоки. Он любил ласкать «железо» перед работой и верил, что оно чувствует хорошее отношение.

«Цифра стала вершиной развития, вобрала в себя все достижения человеческого разума. Почти все. Цифра вошла в жизнь каждого, но еще не проникла глубже…»

Лишь несколько ломщиков на свете могут сказать, что их душа оцифрована. Всего десять человек в мире способны вставить в «балалайку» «поплавок», уколоться «синдином» и полностью слиться с сетью.

Избранные.

Пока избранные.

«Я донесу свет Цифры до всех остальных!»

Скрытые законы мира – последний бастион на пути эпохи Цифры. Иррациональные, необъяснимые, невозможные, но действующие. А раз действуют, значит, работают. А раз работают, значит, существует функция, которую можно описать с помощью бинарного кода. Можно оцифровать чудо. И душу. И все на свете.

Главное – изучить законы. Понять корневые шифры.

Последним Сорок Два приласкал свой верный «раллер». После чего выпил воды, расстелил на полу одеяло и улегся спать.

«Завтрашний день станет самым великим после написания Поэтессой „Чисел Праведности“…

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
кафедральный собор Приход Непорочного Зачатия
если не знаешь, куда идти – иди к Богу,
если не знаешь Бога – тебе все равно, куда идти

Ритм жизни в Анклавах, казалось, не спадал никогда. Утром люди бегут на работу, вечером – домой. Днем зарабатывают деньги, ночью развлекаются. И так развлекаются, словно урвали у судьбы несколько лишних минут и теперь спешат их потратить. Пока не отняли. Казалось, что жители Анклава не торопятся лишь когда спят или под кайфом. Но так только казалось. В Аравии и Урусе, Шанхайчике и Кришне находилось немало людей, проводящих свои дни неспешно. Они пили чай, медленно обсуждали новости, играли в нарды или мацзян, но большинство из них были стариками.

А обычный житель Анклава или работает, или куда-то торопится.

Однако мужчина, подошедший к католическому храму на Малой Грузинской, являлся счастливым исключением из правил.

Или место здесь было такое?

Несмотря на позднее время и расположение – все-таки Болото, а не Сити, – возле храма не болтались ни бандиты, ни проститутки. Не валялись обколотые торчки. Не шумело призывной рекламой развлекательное заведение. Разумеется, без ночных клубов, притонов и баров Малая Грузинская не обходилась, однако ближайший центр веселой жизни находился в сотне метров от собора. Как говорится, пустячок, а приятно.

Мужчина опустился на относительно чистую скамейку и закурил, не сводя глаз с закрытого храма. Место для отдыха он выбрал ловко: лавка стояла дальше всех от фонаря, и разглядеть лицо мужчины было трудно даже с близкого расстояния. Впрочем, человек, который подошел к мужчине, лицом его не заинтересовался. Как и показаниями сканера, говорившими, что под одеждой гостя прячется пистолет, – безоружные жители Анклава вызывают гораздо большее подозрение.

– Добрый вечер.

– Добрый. – Ночной визитер ответил по-английски, но, судя по всему, прекрасно понял русское приветствие. «Балалайки» все-таки бывают полезны.

– Не возражаете, если я присяду?

– Ни в коем случае.

Мужчина опустился на скамью рядом с гостем. Тоже закурил и дружелюбно спросил:

– Вы из Европы?

– Сегодня утром приехал из халифата, – подтвердил гость.

– Впервые в Москве?

– Ага.

– Случайно здесь оказались?

Визитер понял вопрос правильно. Улыбнулся:

– Нет, не случайно. Я хотел зайти в храм, поговорить со святым отцом, но не успел. Дела, чтоб их…

– Понимаю. – Мужчина помолчал, стряхнул пепел на асфальт и предложил: – Зайдите завтра.

– Я рано уезжаю. Поэтому просто посижу… посмотрю… – Гость вновь перевел взгляд на собор. – К чему проверка, камрад? Здесь неспокойно?

– Община приглядывает за порядком.

– Я вижу.

– Потому что из Европы поступают нехорошие известия.

– Убийства священников?

– Вы слышали?

– Разумеется. – Гость бросил докуренную сигарету в урну. – Четверо, если не ошибаюсь.

– Пятеро за год. Из них двое за последние две недели.

– Отвратительно. – Ночь выдалась не слишком теплой, и визитер хотел засунуть руки в карманы куртки… Остановил движение на полпути, улыбнулся и подчеркнутым жестом сложил их на груди. – Насколько я знаю, убийства случались только в странах Исламского Союза.

– Тем не менее мы настороже.

– Правильно, – одобрил гость. – Кто предупрежден, тот вооружен.

И посмотрел собеседнику в глаза. Тот ответил дружеским кивком головы. Понимающим кивком.

«Мы одной веры. Мы у порога храма. Но мы ничего друг о друге не знаем. Поэтому руки следует держать на виду».

– Работаете охранником?

– Прихожанин.

– Тратите свободное время?

– Мы несем дежурства по очереди.

– Почему не наняли сторожей?

– Охранники сидят внутри. Мы приглядываем снаружи.

– Почему?

– Это мой долг.

– Перед кем?

– Перед самим собой.

– Хороший ответ, камрад, – медленно произнес визитер. – Очень хороший ответ.

– Но вас он, как мне кажется, удивил.

Гость покачал головой:

– Я давно не был в церкви.

– Почему?

– Потому что слышу там не слово Божье, а его толкование.

– Господь говорит с нами устами своих слуг, – пожал плечами мужчина. – Так было всегда.

– Вы в это верите?

– А вы, похоже, нет.

Гость вздохнул, аккуратным жестом извлек из кармана куртки пачку сигарет, раскурил одну, на мгновение осветив свое лицо язычком огня, и угрюмо ответил:

– Я устал верить.

Это прозвучало искренне.

– У вас что-то случилось?

Прихожанин задал вопрос не с жалостью, не проявляя участие, а с прямым мужским интересом. Он не был равнодушен, но показал, что не полезет с утешениями. И может быть, именно поэтому визитер ответил:

– У меня случилась жизнь.

– Настолько плохая?

– В общем, ничего особенного… – Гость задумчиво посмотрел на тлеющий кончик сигареты. – Отца я не знал, мать была проституткой. Меня воспитывала бабушка.

И каждое воскресенье:

«Мы должны идти в церковь, Чезаре».

«Зачем?»

«Так надо».

Она надевала свою лучшую одежду: черное платье, отороченное белыми кружевами, и блестящие туфли. Брала сумочку и важно отправлялась к собору, в который ходила всю свою жизнь. А он шел следом и очень гордился тем, что одет во все чистое. Потом, после службы, он вновь переодевался в обычные тряпки, на которых виднелись отметины всех уличных приключений, и начинал ждать следующего воскресенья.

Повзрослев, он понял, что эти визиты позволяли ему ощущать себя не обычным голодранцем, а человеком.

– Я верил, камрад. Но трудно, чертовски трудно сохранить веру, когда тебе говорят: парень, твоя непутевая мамаша ухитрилась подцепить «изумрудный синдром», пойди, попрощайся. Ты приходишь в ее квартиру, видишь тело, которое весит тридцать шесть килограммов, и понимаешь, что она месяц лежала одна. Совсем одна. И никто о ней не вспоминал, пока владелец дома не явился за квартплатой. А потом умирает бабушка, и тебя отправляют в приют. Ты плачешь, а святой отец говорит об испытании. – Визитер улыбнулся. Прихожанин не видел улыбки собеседника, иначе бы он вряд ли стал продолжать разговор. Но тон, несмотря на зловещую улыбку, гость не

изменил, продолжил говорить медленно и размеренно: – Черт побери, все и всегда говорят об испытаниях, которые нам ниспосланы. Священник твердит, что я должен быть сильным, а сам разглядывает мою задницу. Мою молодую, крепенькую задницу.

– Уверен, что так? – колючим голосом спросил мужчина.

– Через пару лет святой отец помер, на его похоронах тусовалось множество геев, – невозмутимо ответил гость. – Видимо, случайно зашли.

Прихожанин неразборчиво пробормотал пару слов, но от внятных комментариев отказался.

– Из приюта у меня было три дороги, – продолжил визитер. – В тюрьму, в армию или на низкооплачиваемую работу. Я выбрал тюрьму, стал бандитом то есть. К счастью, мне достался хороший учитель, бывший вояка, если бы не он, я бы стал наркоманом и загнулся лет десять назад. А этот парень заставлял меня читать книги, представляешь, камрад? Меня! Щенка из приюта. Его звали Полковником, и он часто повторял, что мало уметь убивать. Нужно уметь убивать по-умному. Что побеждает тот, кто думает, а не машет кулаками.

– То есть вы преступник?

– Вас это смущает?

Прихожанин неопределенно пожал плечами. Гость решил, что жест означает «нет», усмехнулся, раздумывая, стоит ли продолжать, и решил, что стоит: ему хотелось, очень хотелось исповедаться.

– Вы будете смеяться, но тогда я еще верил. Я видел много грязи. Видел умирающих от передозы «синдина», видел, как продают людей и их органы, видел, как проигрывают в карты детей, а потом режут себе вены. Я много видел. Но верил. Верил, потому что человек слаб. Он может сотворить любую мерзость, но до тех пор, пока он способен раскаяться, пока способен испытать стыд – он человек. А человек слаб. Я верил, а потом задумался: почему же вера не делает человека сильнее? Может, все дело не в слабости человека, а в слабости веры? Может, не случайно кровь стала вином?

– Не богохульствуйте, – попросил прихожанин.

Но гость его не слышал.

– Однажды на Пасху я оказался в Новом Орлеане. И увидел миллион человек, собравшихся на площади перед храмом Иисуса Лоа. Миллион, камрад, целый миллион. Поверь, это невероятное зрелище. А уж какие испытываешь чувства… Сопричастность, вера, единый порыв…

– В Мекке собирается больше людей, – заметил

прихожанин. – Но это не повод…

– Мекка не имеет отношения к Христу.

– Католическое Вуду тоже.

– Тогда почему к Мботе ушла целая ватага кардиналов?

– Вы сами сказали, что человек слаб.

– А потому идет туда, где сила.

Прихожанин отшатнулся. Эта фраза ударила его сильнее, чем признание гостя в том, что он преступник.

– Не волнуйтесь, камрад, – рассмеялся визитер, – я не стал еретиком, не принял причастие из рук хунгана. Хотя, не скрою, посещал проповеди вудуистов.

– Зачем?

– Хотел узнать, хотел понять… Но убедился только в том, что они толкуют слово Господа еще шире, чем наши пастыри. При этом у них есть сила, которую мы куда-то подевали.

– Я хочу сказать…

Но гость не позволил прихожанину продолжить.

– А потом мне в руки попала странная книга. Ее написал человек, который лично знал высших иерархов всех современных религий, представляете? Всех. Он рассказал о сделках, которые Ватикан заключал с мусульманами. Рассказал о том, как поднималось Католическое Вуду. О китайцах… И даже о тех, чья религия давным-давно считается мертвой. Он много чего рассказал.

– Ее опубликовали?

– До нее никак не могут добраться, камрад, – весело прищурился визитер. – Убивают всех, кто к ней прикоснулся.

– Кто убивает?

– Те, о ком он писал. И на этой книге уже столько крови, что можно не сомневаться: все, что в ней написано, – правда.

– И вы окончательно потеряли веру?

– Нет, камрад, я окончательно понял, что был прав в своей ненависти к так называемым слугам Господа нашего. Они выхолостили веру. Они, и никто другой. У них было все, и они все потеряли. Жалкие обманщики, которые…

– Я попросил бы вас не говорить обо всех священниках.

Просьба прозвучала настолько твердо, что распаленный гость осекся.

– Хорошо. – Пауза. – Ты прав, я видел достойных святых отцов. Но к ним я испытываю жалость. Пытаюсь их спасти…

– Как?

Визитер не ответил. Поднялся со скамьи и протянул прихожанину руку:

– Прощай, камрад. Спасибо, что выслушал.

Поколебавшись, мужчина пожал ладонь гостя, но задержал рукопожатие и негромко поинтересовался:

– Можно задать вопрос?

– Конечно.

– Что вы здесь делали?

Несколько секунд визитер внимательно смотрел в глаза прихожанина, а затем медленно ответил:

– Пытался кое-что найти.

– Что?

Еще одна пауза.

– Себя.

– Хороший ответ, камрад, – покачал головой прихожанин. – Очень хороший ответ.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
третий уровень Третьего кольца
город на ладони

Третье кольцо – многоярусная дорога, окружающая центр Анклава Москва, – не считалось официальной границей Болота. В некоторых местах территория выходила за него, в некоторых, наоборот, соседние районы наползали внутрь окруженной Третьим зоны, а Федеральный Центр, к примеру, и вовсе располагался посреди Болота, этакий маленький анклав государственности внутри территории, находящейся на независимой территории… Одним словом: черт ногу сломит в этих официальных определениях! Короче, Федеральный Центр торчал посреди Болота, границы которого в основном определялись Третьим кольцом. По предпоследнему уровню кольца – самый верхний, четвертый, еще не был достроен – мчался алый «Судзуки Плутон», в двигатель которого, форсированного по технологии «шаттл», впряглось бессчетное количество лошадей. Поток машин не был плотным – все-таки глубокая ночь, а потому одинокий байкер не ограничивал себя в скорости, кометой пролетая мимо редких мобилей. Казалось, он поставил себе целью набрать первую космическую и, оторвавшись от асфальта, рвануть в ночное небо, протаранив Луну и разметав ее осколки среди потревоженных звезд.

Казалось…

Четыре круга по кольцу вдули в кровь Патриции нужное количество адреналина. Не вымотали, но наполнили приятной усталостью. Девушка сбросила скорость, остановилась на аварийной площадке, дала бортовому компьютеру приказ на трансформацию, закурила и отошла к ограждению, задумчиво разглядывая залитый ночными огнями Анклав.

Расстилавшееся перед ней Болото являло собой причудливую смесь, возможную лишь при полном попустительстве властей и отсутствии какого-либо единого архитектурного плана. Особенно хорошо болотный хаос был виден днем – мешанина из старинных кирпичных и блочных построек, современные небоскребы, кое-как отреставрированные бывшие заводские цеха, крыши и многоуровневые мостовые, – но и ночью было понятно, что архитектурный облик Болота далек от совершенства. Некоторые районы казались обыкновенными «спальниками»: жилые дома без подсветки, редкие уличные фонари, тишина. Другие жили полной жизнью: небо таранили прожектора, взрывались огнями рекламные экраны ночных заведений. Третьи и вовсе погрузились в полный мрак: территории складов, мелких мастерских, или просто – темные территории, жители которых предпочитали проворачивать свои делишки при полном отсутствии света, даже электрического. В одних местах – скопление многоэтажек и высотных зданий, в других над крышами домов проходит последний ярус мостовой. Болото. Кипящее, бурлящее, разное.

А если посмотреть налево, то виден Сити, в котором, похоже, ночь не наступает никогда. Небоскребы залиты огнями с первого до последнего этажа, с той же тщательностью освещены мостовые и пешеходные дорожки, а уличные экраны не завлекают в сомнительные заведения, а демонстрируют солидную рекламу для солидных людей.

> «Отель „Антарктида Gold“ – изысканное путешествие к Южному полюсу!»

Пэт стряхнула во тьму пепел.

Болото, Сити… А за спиной – Аравия. Еще одна территория, еще один мир, наполненный заботами, радостями и людьми. Большим количеством людей. Огромным.

«А ведь мне предстоит войти в жизнь каждого из них. От моих решений будет зависеть, как будут они жить, где работать, что есть… И будут ли есть вообще…»

Это случится не сегодня и не завтра, но обязательно случится. Дед учил, что ей придется руководить корпорацией, нести ответственность за судьбы тысяч служащих. Но Деда больше нет, зато появились другие люди, которые лишь

улыбнулись, услышав прежние планы:

«Корпорация? Господи, дочка, какая ерунда! В нашей игре другие ставки: континенты, народы, Традиции. В нашем банке весь шарик. Побудь пока за спиной, понаблюдай за игроками, но рано или поздно тебе придется сесть за стол…»

«Потому что я – Избранная?»

Пэт подошла к «Плутону», успевшему трансформироваться из спортивного байка в элегантный «чоппер», уселась в седло и уверенно взялась за руль.

«Нет, не потому что я – Избранная. А потому что они знают – я справлюсь!»

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
доходный дом Урзоева
каждый человек должен знать свои слабости

«Но куда ведет ваше слово?»

«По правильному пути, сын мой, по правильному пути…»

Священник сделал благословляющий жест, и в тот же самый миг из его макушки брызнул красно-серый фонтанчик. Вошедшая в подбородок краш-пуля разворотила череп, вырвалась на свободу и на остатках энергии устремилась под своды храма. Святой отец покачнулся, но кровь не успела окропить камни собора.

Засиял ослепительный свет, выдал величавые ноты орган, за которым сидел сосредоточенный Дорадо, и раздался голос:

«По правильному пути, сын мой, по правильному пути…»

«Отец!»

Рука, в которой был зажат «дыродел», упала на пол. Не было крови. Не было боли. Упала вторая рука.

«Отец!!»

Дорадо обернулся, скривился в быстрой усмешке и тут же вновь сосредоточился на игре. Перед ним лежала раскрытая книга мертвого старика. Пальцы Вима бегали по клавишам, но орган молчал, не смел мешать Голосу:

«Кого ты ищешь, Чезаре?»

«Себя!»

«Разве ты себе нужен?»

Кодацци вскочил на кровати, слепо выставил перед собой пистолет. Тот, что лежал под подушкой. А второй рукой машинально нащупал «дыродел» на тумбочке, сжал, все еще

ничего не видя, направил ствол в другую сторону.

«Нужен! Я ищу! Неужели ты не понял, что я ищу?!»

Указательные пальцы дрожали на спусковых крючках, но Кодацци не стрелял. Его сознание пребывало во сне, но он был слишком хорошо тренирован, чтобы тратить патроны просто так, только потому, что испугался. Он должен почувствовать врага, не увидеть, так услышать, уловить движение. И только после этого бить. Наверняка.

А врага не было. Ни шороха, ни звука, ни неясных теней.

Только Дорадо, сгорбившийся над бесшумным органом. Только озаренный светом неф, и кровать, что стояла посреди выпачканного кровью храма.

Кодацци открыл глаза.

Никого.

Встал, бесшумно прошел на кухню, заглянул в ванную, проверил входную дверь. Никого, никого, заперто. Опустился на пол, прижался спиной к стене и судорожно вздохнул.

«Все, Чезаре, как бы там ни повернулось, это дело станет последним. С такими нервами в нашем бизнесе долго не живут…»

А может, причина в том, что он уже вторую ночь подряд спит один? Не занимается любовью, не чувствует рядом тепло человеческого тела? Вот и навалились кошмары. Трудно припомнить, когда в последний раз с ним не делила ложе женщина. Офелия, Хала, Жизель… К сожалению, ему нужен трансер, и только трансер. Но если по его следу идут, то привычки следует менять или хотя бы на время от них отказываться. Обычные женщины Кодацци не возбуждали, вот и приходится спать одному.

Он вернулся на кухню и включил кофеварку.

«Ладно, если все пойдет так, как нужно, уже сегодня ночью я буду развлекаться с какой-нибудь девчонкой…»

И вздрогнул, услышав звонок коммуникатора. Усмехнулся:

«Да уж, нервы ни к черту!»

Вернулся в комнату и взял заголосившую машинку:

– Алло?

– Последние новости, господин Кодацци, – безразличным тоном сообщил неизвестный человек. – Посылка из Франкфурта прибудет в полдень. Где вам удобно ее получить?

Да уж, храмовники, конечно, ублюдки, но слово держат.

– Оставьте посылку у портье гостиницы «Воробей».

– Договорились, господин Кодацци, до свидания.

– До свидания.

Чезаре вновь вышел на кухню, взял чашку и сделал глоток кофе.

Жадность, проклятая жадность!

Он убедился в честности храмовников, понял, что им можно доверять, и должен был бы договориться с ними. Продать книгу Люциусу, присовокупив к цене требование прикрытия, и исчезнуть. Хирурги Мутабор дадут сто очков вперед любому пластику на свете, из-под их ножа он выйдет совершенно новым человеком, а храмовники наверняка смогут обеспечить его надежными документами. Но… Но Мутабор много не заплатит. Храмовники поняли, что он не уверен в себе, а значит, предложат ему за книгу сущие копейки, значительно меньше, чем можно выручить на аукционе.

Вот и приходится рисковать. Проводить торги, кончать Дорадо, забирать деньги, отдавать книгу победителю и уходить на дно.

Проклятая жадность!

Но ради таких денег можно и рискнуть.

Кодацци допил кофе, поставил чашку в раковину и набрал номер:

– Вим?

– Да.

– Назначь аукцион на семь часов вечера.

– Договорились.

* * *

анклав: Москва
территория: Сити
«Пирамидом»
иногда приходится уступать

Никто на свете не мог похвастать, что видел главу московского филиала СБА в столь странной, одновременно нелепой и завораживающей позе. Кауфман стоял в маленькой комнате, примыкающей к его кабинету, у высокого старинного зеркала в бронзовой раме. Пиджак Мертвый снял, рукава рубашки закатал, и обе его руки были погружены в мутное, непрозрачное стекло. Глаза директор закрыл, однако голос его звучал столь уверенно, словно он прекрасно видел человека, с которым говорил.

А может, он действительно видел?

– Полагаю, вам следует сообщить, где произойдет обмен. Я отправлю людей, и они заберут книгу.

«Предположение неверное, Максимилиан, – спокойно ответил

невидимый собеседник. – Люциус дал слово и будет защищать Кодацци».

– Я никому ничего не обещал, – с напором на «я» произнес Кауфман.

«Именно поэтому вы не узнаете, где произойдет обмен».

– Неоправданный риск! – прорычал Мертвый. – Книга в наших руках, а вы собираетесь вновь ее отдать…

«Мы дали слово».

– Мы ходим по кругу, черт побери! Надо быть практичнее!

«Надо быть теми, кто мы есть. – Из голоса собеседника исчезла ирония, теперь он говорил довольно сухо, как человек, который не может оборвать диалог, но которому чертовски надоело повторять одно и то же. – Победа не будет стоить ничего, если ее добьется не тот, кто уходил в поход».

– Из похода всегда возвращаются другими!

«Не в нашем случае, Максимилиан, не в нашем случае. – Пауза. – Или вы не согласны?»

Мертвый крякнул, но спорить не стал.

«Мы сообщим, если потребуется ваша поддержка, Максимилиан. Однако прошу вас с уважением отнестись к тому факту, что теперь вопросами возвращения книги занимаемся мы».

– Смотрите не надорвитесь, – пробурчал Кауфман, вынимая руки из зеркала.

Несколько мгновений он недовольно смотрел на мутное стекло, после чего пожал плечами и принялся натягивать на руки тонкие кожаные перчатки. Поправить рукава, застегнуть пуговицы – все это можно сделать в перчатках. Они не мешают. Они привычны. Они стали привычными очень, очень давно. Максимилиан Кауфман вынужден был скрывать свои руки задолго до того, как появилась аббревиатура СБА.

«Дали слово… Подумаешь, важность. Если бы я выполнял все обещания, то уже давно был не Мертвым, а мертвым».

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
гостиница «Караван-сарай»
любая вещь стоит столько, сколько за нее готовы платить

Непонятно, что именно так на него подействовало: то ли известие о захвате Камиллы, то ли встреча с Бобры, подарившая надежду на благополучный исход дела, но этой ночью Вим не

испытывал никакого желания спать с Чика-Марией. Солдатское ощущение «бери все, пока есть возможность» пропало. Он больше не хотел брать то, что может. Он хотел взять то, что ему дорого, что для него действительно важно.

Дорадо с удовольствием провел бы ночь в покое. Сначала обдумал бы предстоящий день, а затем отоспался как следует, набираясь сил перед аукционом и встречей с Кодацци, однако такое поведение могло вызвать у вудуистов подозрения. Если думаешь, значит, чего-то замышляешь. А потому, вернувшись из «Приюта маньяков», Вим вновь занялся с девушкой любовью, демонстрируя пыл и желание, которых на самом деле не было. И заснул, усталый, не утруждая себя ни мыслями о будущем, ни чувством вины перед Камиллой.

Весь следующий день они не выходили из номера. Дорадо чистил оружие и смотрел новости через стационарный коммуникатор. Чика-Мария валялась на кровати, изучая через «балалайку» местные развлекательные программы. Пару раз она пыталась затащить Вима в постель, но он отказывался, ссылаясь на то, что «не в настроении». Здраво рассудив, что днем такое поведение покажется нормальным.

И звонок Чезаре мало что изменил. Дорадо предупредил о времени начала аукциона всех его участников и вернулся к своему занятию. Чика-Мария отправилась в ванную.

Еще несколько пустых часов жизни, которая обещала быть не очень длинной.

И лишь без пяти минут семь Вим, который даже не соизволил одеться, перевел незарегистрированный коммуникатор в режим конференции, вызвал всех заинтересованных абонентов, среди которых, разумеется, был и Кодацци, и сообщил:

– Приготовьтесь, господа, мы начинаем.

Чика-Мария присела рядом, прижалась к плечу Дорадо и внимательно уставилась в экран.

«А тебе-то, милая, какое до всего этого дело? Ты в любом случае вне игры».

Но девушке Вим ничего не сказал: хочет – пусть смотрит. В конце концов, не каждый день наблюдаешь торги на миллионы. Финал Очень Серьезного Дела.

– Первый круг, господа, – объявил dd, когда в правом нижнем углу экрана заморгали цифры 19.00. – Начинаем!

Участники выступали под безликими номерами, и лишь Дорадо знал, что «первыми» были арабы. Пять миллионов юаней.

«Кажется, я догадываюсь, откуда взялась эта цифра…»

«Вторые» (вудуисты) и «третьи» (китайцы) оказались щедрее – по десять миллионов. «Четвертые», Вим предполагал, что это

Мутабор, предложили семь.

– Определились лидеры, – прошептала Чика-Мария, завороженно глядя на количество нулей. Она знала, что горящие на экране цифры никогда не превратятся в деньги, но магия больших чисел завораживала.

– Еще нет, – буркнул Вим. – Второй круг, господа.

На обдумывание результатов первого выступления давалось пять минут, и все клиенты полностью использовали это время, никто не дал предложение раньше.

Арабы и вудуисты подняли цену до пятнадцати миллионов. Китайцы и «четвертые» предложили по двадцать.

– Вот теперь действительно определились, – пробормотал Дорадо.

Он не сомневался, что вудуисты и европейцы отойдут в сторону – им не было нужды выкладываться, они уверены, что книга у них в руках. Странно, что подняли цену «четвертые»… Или это не Мутабор?

В третьем, и последнем, круге соревновались только те, кто дал наилучшую цену во втором. На этот раз тоже существовало ограничение по времени – двадцать минут, аукцион должен был закончиться в половине восьмого, но участники сами определяли, с какой частотой делать предложения.

Китайцы добавили пять миллионов. «Четвертые» ответили десятью. Десять и еще пять сверху. После минутного размышления и эта цена была перебита. Еще…

– Я не верю, – прошептала Чика-Мария.

– Я тоже, – искренне согласился Вим. – Я тоже.

Кодацци говорил о тридцати миллионах. Дорадо не надеялся, что кто-нибудь поднимется выше двадцати – за что платить-то? И потому царящая на экране вакханалия поразила его.

Сорок миллионов…

Перебито.

По мере увеличения суммы смена цифр занимала все больше времени – участникам аукциона приходилось советоваться с начальством, тем не менее она происходила. Китайцы и «четвертые» проверяли друг друга на крепость, азартно выкладывая на стол все больше и больше.

Пятьдесят миллионов…

Пятьдесят пять…

Шестьдесят…

Кодацци, начавший хохотать еще на цифре сорок, никак не мог остановиться. Других эмоций у него не осталось.

Девяносто пять!

– Кажется, это рубеж…

Но после шестиминутной паузы на экране загорелись новые цифры:

«100 000 000.00»

Чика-Мария сглотнула и, не отрывая взгляд от экрана, поинтересовалась:

– Скажи, ты читал эту книгу?

– Нет, – покачал головой Вим. – И мне советовали не делать этого.

– Похоже, правильно советовали, – протянула девушка. – А для надежности я бы еще достала справку, что не умею читать.

«100 000 000.00»

Сто миллионов юаней. Предложение китайцев осталось непобежденным. Ровно в половине восьмого Дорадо откашлялся и тихо произнес:

– Аукцион закончен, господа. Всем спасибо.

Чика-Мария молча качала головой. Кодацци распечатал бутылку шампанского. Каори презрительно усмехнулась. Хамад и стоящие вокруг спецназовцы переглянулись.

* * *

анклав: Франкфурт
территория: Palmenviertel
собор Святого Мботы
умный беглец не оставляет следов,
а умный человек ни от кого не бегает

Этой ночью Европол окончательно упал в глазах Папы Джезе. Отдавая распоряжение отыскать и доставить во Франкфурт «что-нибудь из вещей бежавшего нейкиста», архиепископ не особенно надеялся на то, что его приказ будет выполнен – ведь дело касалось Традиции, и баварцы обязаны были принять все меры предосторожности, запрятать как можно дальше всю свою добычу. Не запрятали. И уж никак не ожидал Папа, что приказ его будет выполнен столь быстро. Джезе думал, что колесики завертятся только утром, когда основные сотрудники Европол придут на работу, что искомые вещи, если их удастся добыть, будут доставлены ему не раньше конца дня, и смирился с тем, что не сможет помочь Каори. Однако действительность не оставила от мрачных ожиданий камня на камне. То ли духи Лоа соизволили вмешаться, то ли кому-то из полицейских срочно требовалось внести взнос по кредиту, но искомую вещь продали посланцам Папы в рекордно короткие сроки.

В полдень она оказалась во Франкфурте, а ровно в час дня архиепископ, опираясь на трость, вошел в свой рабочий кабинет и с улыбкой положил на алтарь обыкновенный карандаш, обошедшийся ему в десять тысяч динаров.

– Ну, что, Каори, похоже, святые духи по-прежнему тебе благоволят. Это внушает оптимизм.

И принялся разжигать свечи.

Папа был слишком слаб, чтобы использовать самый надежный, но и самый сложный способ отыскать нейкиста – слиться с одним из духов Лоа. И хотя здесь, в храме, этот ритуал требовал гораздо меньше сил, чем в другом месте, архиепископ не хотел рисковать: не удержишь своенравного духа, разорвешь контакт – наверняка потеряешь сознание. А в его положении можно проваляться без чувств до следующего утра. Поручать же столь важное дело кому-то другому Джезе тоже не хотел, а потому оставался лишь один вариант: призыв.

Покончив со свечами, Папа тяжело опустился в кресло, отставил палку и вытащил из тумбочки плотный лист картона, на котором были нарисованы два круга, один внутри другого. По линии внешнего располагались, против часовой стрелки, буквы алфавита, во втором – цифры. Затем архиепископ взял в руки карандаш и намотал на кончик красную нить, превратив его в примитивный маятник. На втором конце нити Джезе сделал петлю, в которую продел мизинец, перебросил нить через два средних пальца, сжал ее указательным и большим, вздохнул и закрыл глаза.

Оставалось самое главное и, в его положении, самое трудное – призвать духа.

* * *

территория: Китайская Народная Республика
заповедная зона побережья Южно-Китайского моря
груженный золотом осел может овладеть не всякой крепостью

Ляо выполнил приказ Председателя – отправился в отпуск. Старый разведчик прекрасно понимал, когда имеет смысл настаивать на своем, а когда следует отступить, проявить послушание, склониться, чтобы затем вновь прыгнуть выше всех. На этот раз, как ни печально, требовалось уйти в тень. Уйти, несмотря на то что книга способна в корне изменить его положение, превратить все предыдущие поражения в победу,

стать последним, самым главным доказательством существования Чудовища… Но ведь возможен и другой вариант. Книга Урзака могла оказаться пустышкой, обычными мемуарами престарелого колдуна, хорошо знавшего современных лидеров, и содержать никому не интересные политические секреты. Упрешься, пойдешь наперекор всем, а потом заполучишь вот такое, с позволения сказать, «сокровище», и репутации окончательно придет конец. Несколько мощных ударов, которые получил генерал в последнее время, цепь поражений, начавшаяся с «МосТех», не только уронила его в глазах руководства Поднебесной, но и поколебала уверенность в собственных силах. Противник оказался умен и хитер, он способен импровизировать и готов совершать непредсказуемые ходы. Генерал понимал, что еще одну ошибку ему не простят, не в отпуск отправят, а в отставку, и тогда…

А Ляо был патриотом. Он желал продолжать борьбу, желал защищать Поднебесную от врагов, в существование которых, похоже, верил только он один, и подчинился.

Отправился в отпуск.

Пребывание на море успокоило душу генерала. Первый день он провел на побережье. Заставил себя не думать о работе, гулял, наслаждался превосходным пейзажем, вдыхал морской воздух. Однако уже на следующий день переместился на веранду и не покидал ее до вечера. Покачивался в кресле, пил чай и размышлял. Затем приехал полковник Ван и сообщил, что скоро начнется аукцион. Помощник не рассказывал, что именно побудило его примчаться на побережье, однако Ляо понял, что так распорядился Председатель. Старый друг знал, как важно для генерала лично наблюдать за окончанием операции.

Хотя внешне старик не проявлял никакого интереса.

Наблюдая за торгами, Ляо не подавал реплик, не подсказывал, какую сумму следует выставить, одним словом – не мешал Вану. Или не помогал. Молча сидел напротив коммуникатора и следил за изменяющимися цифрами. Раскрасневшийся же полковник, гордый порученным заданием и не до конца верящий, что распоряжается столь гигантскими средствами, выкладывал на стол миллион за миллионом, пока не приблизился к цифре сто. Одержанная победа заставила его вскрикнуть и вскинуть вверх кулаки.

Ван победил.

И тут же посмотрел на генерала.

«Что скажете?»

Ляо знал, что следующей фразой он навсегда испортит отношения с полковником, но ему было безразлично: он не собирался оставлять Вана у себя. Генерал поднялся с кресла и

негромко произнес:

– Не нужно обращаться к «И-Цзин», чтобы понять – победители аукциона стали известны задолго до его начала. Мы присутствовали на комедии.

– Разумеется, – согласился Ван. – Ни одна страна в мире не в состоянии соперничать с Народной Республикой.

«Он ничего не понял. – И сразу же другая мысль: – Не Тао, совсем не Тао».

Ляо повернулся к полковнику спиной и вышел из комнаты.

Старик был благодарен Председателю за то, что тот выделил на приобретение книги Урзака баснословные деньги. Жест бессмысленный, но приятный. Жест, который показал, что у него, генерала Ляо, еще есть возможность продолжать борьбу. Жест, который чуть-чуть, совсем чуть-чуть подсластил горькую пилюлю поражения.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
гостиница «Караван-сарай»
иногда одно короткое приглашение собирает
массу незваных гостей

– Ты потрясен, камрад? – весело поинтересовался Кодацци.

– Не скрою, результат превзошел мои ожидания, – спокойно ответил Вим.

Дорадо уже пришел к себя и решил не показывать «компаньону», что ошарашен результатами аукциона.

– По пятьдесят миллионов на брата… Теперь ты не жалеешь, что я втащил тебя в дело?

– Теперь не жалею.

– Вот и хорошо. – Чезаре перешел на деловой тон: – Кто победил?

– Я думаю – китайцы. Но точно не уверен.

– Молодцы косоглазые.

– Наверное. – Вим кашлянул. – Они уже звонили, спрашивали, когда мы сможем провести обмен? Они хотят увидеть книгу до того, как переведут деньги.

– Законное желание. – Кодацци подмигнул Дорадо. – Скажи им, что тебе нужно пять часов. А сам приезжай к девяти вечера в «Стаканы». Знаешь, где это?

– Найду. А там?

– Ты приезжай, камрад, я позвоню.

Кодацци отключился.

– Одевайся, – приказал Дорадо Чика-Марии, и тут же на коммуникатор пришел еще один звонок.

– Встретимся по дороге в «Стаканы», в подземном гараже на Русаковской, – распорядилась Каори. – Схему проезда я скинула тебе в «балалайку». Там и обсудим тактику.

– Я понял.

– До встречи.

Мамбо не задавала лишних вопросов, она уже знала о звонке Кодацци. И теперь наверняка просматривает информацию по этим неведомым «Стаканам», прикидывая, как наилучшим образом сыграть партию. Единственное, о чем Каори не знала, так это о том, что информацию с «балалайки» Дорадо снимал кое-кто еще…

– «Стаканы» на территории Султана Сулеймана, – проворчал Петруха Бобры. – Если без разрешения устроим заваруху, хлопот потом не оберемся.

– Что значит без разрешения? – поинтересовался Тимоха, сосредоточенно набивающий текст на незарегистрированном коммуникаторе. – С каких это пор мы должны разрешения спрашивать, чтобы пострелять?

– Просто так пойдем? – поинтересовался Митроха.

– Нет. – Тимоха поднял голову, подумал и через «балалайку» вызвал самого младшего брата, оставшегося в канторе на хозяйстве. – Николай Николаевич!

– Да?

– Предупреди Сулеймана, что мы на его территории небольшую бузу устроим. Типа, маленькое личное дело.

– Хорошо.

– По коням, пацаны, выезжаем! – Несколько джипов с боевиками покинули двор канторы, и когда последний из них пересекал ворота, Тимоха наконец-то справился с коммуникатором и отправил по указанному Дорадо номеру короткое послание:

> «Стаканы». Девять вечера. Не забудьте деньги и Камиллу».

– Комплекс находится на Болоте, – пробормотал Мендес, – на противоположном от нас краю. По нынешним пробкам подъедем к нему аккурат ко времени.

– Без нас не начнут, – хмыкнул Василий Тула. – Кодацци ждет

Дорадо, а Дорадо ждет нас.

– Тоже верно.

– Лу, у меня не открывается северная половина комплекса, – пожаловалась Леди Пустышка. – Ты битый файл прислал.

– «Балалайка» у тебя битая, как, впрочем, и вся башка.

Пустышка продемонстрировала хунгану средний палец.

– Ладно, ладно, сейчас пришлю еще раз.

Каори улыбнулась. Ей нравилось, что ребята относятся к предстоящей операции спокойно, без лишних нервов. Ей нравилось чувствовать их уверенность и силу.

«Духи Лоа со мной! Мы победим!»

Она победит. Привезет книгу, и Ахо введет ее в Совет мамбо.

Настроение отличное. Все идет по плану, и… Кстати! Каори достала коммуникатор и связалась с Ошем.

– Питер, ты меня слышишь?

– Да, – коротко отозвался хунган.

– Делай свою работу.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
деловой центр «Баку»
иногда ты даже не понимаешь, как тебя смогли победить…

– «Поплавки» запущены! Работают в штатном режиме!

Доклада не требовалось, Сорок Два и сам слышал: гудение системного блока, в который вставлены суперпроцессоры, ни с чем не спутаешь. Звук очень характерный: ровный, басовитый, а вентиляторы охлаждения не останавливаются ни на секунду.

– Связь без перебоев! Все каналы открыты и защищены.

Сотрудники делового центра разбрелись по домам, нагрузка на местные коммуникации упала, что было на руку нейкистам, которым требовался широкий доступ в сеть. В корпоративные зоны люди Сорок Два не лезли, работали только в общедоступных сетях, ничего пока не ломали, а потому надеялись, что роботы безопасности их не засекут.

– Агенты в полной готовности! Заняли позицию в машине и ждут инструкций!

Четверо dd в полной боевой выкладке сидели в фургоне. Те самые, с высоким уровнем агрессивности и склонностью к насилию. Вооружены до зубов и готовы выполнить любой приказ.

Однако самого главного доклада до сих пор не было: Вим не

давал о себе знать.

«Ну, где же ты, Девятка?! – Сорок Два побарабанил пальцами по раскрытому „раллеру“. – Давай, приятель, выходи на связь!»

Лишние инструкции были ни к чему: трое парней, которых Питер Ош взял с собой на дело, давно работали под его началом, приказы понимали с полуслова. Боевые программы «балалаек» работали в режиме «штурм в группе» и позволяли действовать как единое целое, не тратя времени на ненужные переговоры.

Да и что, скажите, святые духи, сложного в этой операции? Так, прогулка…

В деловой центр вудуисты проникли в фургоне муниципальной коммунальной службы, водитель которого согласился помочь хорошим людям за небольшую плату. Вышли в подземном гараже, сразу же нырнули в лифт и поднялись на нужный этаж. Планы «Баку» проработали заранее, прикинули, что отключить стоящие в коридоре видеокамеры не получится, а потому приняли решение действовать очень быстро. Не дать нейкистам опомниться.

Едва лифт открылся, двое парней с тяжелым тараном ринулись вперед и первым же молодецким ударом вынесли дверь. Продолжив движение, они влетели в комнату и растянулись на полу. Ош и третий боевик ворвались в офис мгновением позже и взяли застывших в изумлении ломщиков на прицел. Одному из них врезали по шее, но так, для острастки – оказывать сопротивление обалдевшие нейкисты не планировали.

– Кто Сорок Два? – прорычал Питер. – Кто из вас Сорок Два?

Пока он говорил, двое первых парней успели вскочить на ноги и взять на изготовку снабженные глушителями «дыроделы». Теперь вудуисты полностью контролировали небольшое помещение, профессионально распределившись так, чтобы не перекрывать друг другу зоны обстрела.

– Спрашиваю в последний раз: кто Сорок Два? – Ош приставил пистолет к голове ближайшего ломщика. – Вам что, нужны лишние трупы?

– Не нужны. – Вперед шагнул бритый наголо мужчина. – Я – Сорок Два.

– На колени!

Нейкист поколебался, но подчинился.

– Руки за голову.

Выполнено.

Ош кивнул, и его парни открыли огонь. «Балалайки» в режиме «штурм в группе» позволяют общаться едва уловимым шепотом, и они давно распределили, кто в кого будет стрелять.

Три пистолетных хлопка слились в один. Ломщики повалились на пол. У Сорок Два отвисла челюсть.

– А с тобой мы должны поговорить, – произнес Питер и достал коммуникатор, на экране которого появилось лицо Каори. – Ты в состоянии говорить?

«В состоянии ли я говорить? В состоянии ли думать? Делать что-то? Не знаю… Не знаю!»

Перед глазами трупы парней. Трупы братьев. И растекающаяся по дешевому офисному линолеуму кровь. И гудение готовых к работе «поплавков». И хлопки выстрелов, такие тихие. Такие оглушительные…

Перед глазами поплыло. Сорок Два покачнулся, но опытный Ош успел схватить нейкиста за плечо и удержать в вертикальном положении.

– Если будешь молчать, я тебя пристрелю.

– Я… могу говорить, – запинаясь, произнес Сорок Два.

На его глазах показались слезы.

– Вот и хорошо, – весело улыбнулась Каори. – Я правильно поняла, что вы из мюнхенского сервера dd, так? Вы – старый приятель Дорадо?

– Я его менеджер, – прошептал Сорок Два.

– Я догадывалась, что он обратится именно к вам. В конце концов, больше ему податься не к кому.

«Они подслушали наш разговор… Они знали, что Девятка будет мне звонить… Они… Но как? Как же они меня нашли?!»

Сорок Два и сам удивился последней мысли. Он стоит на коленях, к его голове приставлен «дыродел», а он думает только о том, как…

– Как вы меня вычислили? Кто-то сдал? Кто? Я говорил с Дорадо по незарегистрированному коммуникатору, вы не могли…

– Чудо, Сорок Два, простое чудо, – самодовольно ответила Каори. – Нейкисты способны сотворить чудо?

– Хватит морочить мне голову!

– Видимо, неспособны.

Ош ухмыльнулся.

– Я…

– Заткнитесь!

Питер потянул нейкиста за волосы, запрокинул голову и ткнул стволом в подбородок. Сорок Два понятливо замолчал.

– Я хочу знать, о чем вы договорились с Дорадо? Что ему нужно?

– В любом случае, он этого уже не получит, – прохрипел нейкист.

– Я хочу знать, о чем вы договорились с Дорадо? – повторила Каори. – Если ответите – оставлю в живых.

– Врете!

– Вы мне безразличны, Сорок Два. Вы неспособны мне помешать.

И правда – ни ей помешать, ни Девятке помочь. Его вывели из игры. И теперь решался вопрос, выведут ли его из жизни.

– Дорадо попросил прикрыть его сегодня вечером, – ответил нейкист. – Ему были нужны надежный машинист и группа поддержки.

– Вы подготовили dd?

– Они ждут сигнала.

– Пусть ждут. – Каори улыбнулась. – А теперь я хочу знать, зачем вы влезли в это дело? Мне казалось, европейцы преподали вам неплохой урок и показали, что в этой игре участвуют только серьезные люди.

– Я хочу прочесть книгу, – угрюмо выдавил Сорок Два.

– Зачем? – Мамбо казалась удивленной. – Вы ведь отрицаете прошлое, считаете, что Традиции основаны на выдумках.

– Тогда почему вы тратите столько сил, чтобы заполучить книгу?!

– Вы склонны к анализу?

– Я хочу прочесть книгу, – повторил Сорок Два. – Я хочу узнать о вас все.

– И не боитесь, что, прочитав книгу, разочаруетесь в нейкизме?

– Нет.

– Молодец, – одобрила Каори. – Вы были искренни, Сорок Два, поэтому я отвечу на ваш первый вопрос. Предательство ни при чем. Мы отыскали вас с помощью карандаша, который вы забыли в Мюнхене. С помощью святых духов Лоа, существование которых вы отрицаете. – Мамбо помолчала. – Как я уже говорила: с помощью небольшого чуда. Нейкисты творят чудеса?

Сорок Два промолчал.

– Ответ вам известен. – Каори вздохнула и другим, очень холодным тоном закончила: – Питер, проверь его показания с помощью химии. Если соврал – убей.

– А если не соврал?

– Если не соврал, пусть живет.

Ош отключил коммуникатор, засунул его в карман и с улыбкой поинтересовался у Сорок Два:

– Ты ведь не соврал?

Ломщик отрицательно покачал головой. Из его раскрытых, немигающих глаз текли слезы.

* * *

анклав: Москва
территория: Болото
территория: Мутабор
пирог специально пекут маленьким, чтобы всем не хватило

«Черт побери, они меня не обманули!»

С того самого момента, как он забрал из «Воробья» книгу, Кодацци то и дело возвращался к этой мысли. Он и верил, и не верил в происходящее. Храмовники не скрывали своего интереса к рукописи, наверняка принимали участие в аукционе, какое-то время она была у них в руках… И они ее отдали. Потому что дали слово. Этот факт стал казаться Чезаре еще более диким после торгов.

«Сто миллионов юаней! А они ее отдали. Куда катится мир?»

Адептов Мутабор, не стесняясь, называли сумасшедшими. Говорили, что они отличаются от людей едва ли не абсолютно: и внешностью, и образом жизни, и даже образом мышления. И вот – на тебе! Держат слово, как персонажи рыцарских романов.

«Психи!»

«А может, и нет…»

Прелат потребовал от Кодацци взять книгу с собой: «Не для того мы тащили ее из Франкфурта, чтобы вы опять ее спрятали». И это требование показало Чезаре, что храмовники отнюдь не столь благородны, как кажется. Судя по всему, они позволят ему закончить дело, получить деньги и отдать книгу. А потом отнимут ее у победителя аукциона. Ведь будущему обладателю книги они слова не давали…

«Нет, ребята, думаете вы так же, как все остальные. Но слово, черт бы вас побрал, держите! И на этом я вас поймал!»

Книга лежала в рюкзаке за спиной. Опасно, конечно, разгуливать по Болоту со столь ценным грузом, но… но Кодацци все равно был доволен собой.

Ему готовы заплатить сто миллионов юаней. Его прикрывают едва ли не лучшие в мире солдаты. И все, что ему осталось сделать, – грохнуть Дорадо и забрать у него коммуникатор, в памяти которого – номер победителя. Ничего не менялось и в том случае, если хитрый Вим подстраховался и очистил память устройства – победитель наверняка выйдет на связь. Ну а на самый крайний случай, если коммуникатор будет поврежден в ходе перестрелки, Чезаре мог выложить в сеть сообщение с указанием нового номера. Впрочем, доводить дело до крайнего случая Кодацци не собирался. Он был уверен в себе и знал, что не

промахнется: пуля попадет Виму прямо в лоб.

«Ничего личного, парень, просто правила этой игры писал я, а не ты».

– Электричество к «Стаканам» подвели строители, однако после того, как проект заморозили, его отрубили. Внутренней сети нет, подключиться не к чему, поэтому ориентироваться будем по старым схемам и по месту.

– А как же огни? – поинтересовалась Каори, в ее «балалайке» было открыто «окно», в которое транслировался вид комплекса из полицейского дирижабля. Эти данные, позволяющие добропорядочным водителям ориентироваться в пробках, шли в сеть в онлайн-режиме, и подключиться к ним за небольшую плату мог любой желающий. – Я вижу освещенные окна и пару уличных фонарей.

– В комплексе обитают бродяги, – объяснил Василий Тула. – Они подключаются к окрестным кабелям и сосут электричество до тех пор, пока коммунальщики не находят точку и не отрубают их. Затем все повторяется.

Они встретились там, где и договаривались: в подземном гараже на Русаковской. И теперь совещались, стоя вокруг разложенного на капоте мобиля плана «Стаканов». Каори, Тула, Мендес, Леди Пустышка и Вим.

– Бродяги? – переспросила Пустышка.

– А кому еще там жить? В «Стаканах» полным-полно наркоманов и алкашей.

– Они нам не помешают?

– Грузовые строительные лифты сняли, а внутренние так и не были установлены, поэтому выше пятого-шестого этажа бродяги не лезут.

– Но мы не знаем, где Кодацци назначит встречу. Может, вообще на улице.

– Это был бы наилучший вариант, – обронила Леди Пустышка, которая не хотела шнырять по недостроенным зданиям. Да еще в окружении недружелюбных бродяг.

– Поэтому он наименее вероятен, – скривился Лу.

– Северная башня почти закончена, – продолжил доклад Тула. – В южной пятнадцать этажей, в восточной двенадцать. Западную даже не подняли, там сейчас котлован.

– Котлован или что-то сделано? – потребовала уточнений Каори. – Подвал построили?

– Ну, да, фундамент, какие-то ходы…

– Значит, коммуникации к ней подведены, и из этого «котлована» можно попасть в другие башни? – спросил Дорадо.

– Если знать ходы, – кивнул Василий.

– Полагаю, Кодацци их знает. Иначе бы он вряд ли назначил встречу в «Стаканах». – Вим еще раз посмотрел на карту. – Что представляет из себя площадь между башнями?

– Местный Бродвей.

– То есть там всегда народ?

– Ага.

– Вряд ли Кодацци пойдет через нее, он не любит бессмысленный риск. Я думаю, он назначит встречу или непосредственно в котловане, подальше от местных обитателей, или на верхних, незаселенных этажах какой-нибудь башни. Но проникнет он в нее через котлован.

– Надо перекрыть его, – поняла мысль Вима Каори.

– Он может войти в любую башню извне и пробраться на нужный этаж, – недовольно проворчал Тула. – Это безопаснее, чем ходить по подземельям.

– Я лишь высказал предположение.

– Но разумнее всего назначить встречу у котлована, ведь там никто не живет и местных практически не бывает. – Мамбо еще раз оглядела схему комплекса. – Я и Тула пойдем на запад, прикроем котлован. Леди, ты займешь позицию между северной и восточной башнями, внутрь периметра не входи, наблюдай.

– Понятно.

– Лу, ты со своими ребятами встанешь между восточной и южной.

– Ясно.

– Вим и Чика-Мария идут со мной. – Каори решительным жестом свернула план. – Выдвигаемся, времени у нас не очень много.

Дорадо внимательно оглядел рассаживающихся по машинам вудуистов. Леди Пустышка, на поясе которой грозно висела расстегнутая кобура с тяжелым «дыроделом». С ней двое, вооружены дробовиками. Лу Мендес и его парни предпочитали «дрели». Тула выбрал штурмовую винтовку. У Каори блестящий «Маузер». Пара боевиков, которая пойдет с ними, из джипа не вылезала, а потому их снаряжение осталось неизвестным, но тоже небось что-нибудь скорострельное. Именно так подумали Бобры, которые наблюдали за вудуистами глазами Вима.

– На северо-востоке девка и два жлоба. Петруха, это твои клиенты, – распорядился Тимоха. – Они на джипе.

– Понял.

– Три придурка на юго-востоке. Митроха, займешься!

– Сделаю.

– Я поеду на запад.

Петруха и Митроха согласно закивали. При этом Петруха выглядел менее весело, чем брат. Северная часть комплекса практически примыкала к границам Мутабор, и младшему Бобры очень не хотелось разгуливать в опасной близости от территории отмороженных храмовников. Однако спорить с Тимохой он не стал – себе дороже.

– Без команды не стрелять, ничем себя не выдавать.

– Не в первый раз!

– И помните, братья, среди них хунганы.

– Разберемся!

Колдуны вудуистов изредка принимали участие в уличных столкновениях, вели в бой канторы своих последователей, а потому бандитам уже доводилось с ними сталкиваться. Богами их Бобры не считали, а по боевым качествам ставили на один уровень с классными генаврами или прятками. Соперниками хунганы были опасными, но… Но в машине каждого брата сидело по пять опытных, вооруженных «дрелями» бойцов, и Бобры не сомневались, что сумеют обеспечить такую плотность огня, что навыки хунганов окажутся бесполезными.

– Эти козлы тоже смотрят картинку с дирижабля, ставьте машины так, чтобы их не было видно.

– Ты еще напомни, чтобы мы пушки с предохранителей сняли.

– Ладно-ладно… – Тимоха почесал в затылке. – Где же поганые арабы?

Достаточно было бросить всего один взгляд на комплекс, чтобы понять, почему он получил свое – неофициальное – название. «Стаканы» состояли из трех круглых зданий со сплошным остеклением по фасаду. Строить его начали пять лет назад, еще в те времена, когда эту часть Болота контролировал любивший красивые проекты Данила Соловей. Сначала дело шло быстро, Данила выбрал площадку, снес старые постройки и начал активное строительство. К сожалению, его благим намерениям не было суждено осуществиться. Месяцев через девять после закладки комплекса Соловей ухитрился разозлить Мертвого, и СБА стерла его кантору в порошок. Затем последовала война за наследство, затем Султан Сулейман, которому отошел район, наводил порядок и устанавливал новые правила, деньги на строительство все это время никто не перечислял, проект замер. И таковым и остался. Новый хозяин соловьиным размахом не отличался. Султан считался человеком прижимистым и не особенно далеким. Поднялся он из мелких сошек, и поднялся,

можно сказать, случайно, не потому, что был умным, а потому, что другие кандидаты в лидеры оказались еще тупее. Кантора его держалась на жестокости, но все сходились во мнении, что долго ему не протянуть: еще пара-тройка лет, и его сожрут те же Бобры, с любопытством поглядывающие на аппетитные территории. Догадывался об этом Сулейман или же просто не хотел вкладывать честно заработанные деньги в непонятные проекты, но «Стаканы» он бросил, удовлетворяясь традиционными для кантор заработками: вымогательством, торговлей оружием и наркотиками да контролем за индустрией развлечений.

Пару раз к недостроенному комплексу проявляли интерес инвесторы, но после первых же переговоров с Султаном отступали: уличный громила, возглавляющий банду уличных громил, не вызывал никакого доверия, и инвесторы принимали решение обождать, когда район захватят более вменяемые уголовники. И недостроенные «Стаканы» оставались стоять памятником бандитскому идиотизму.

– Местечко, прямо скажем, дрянь, – пробормотал Редха, спецназовец, которому Хамад приказал досконально изучить комплекс. – Внутри, судя по всему, полным-полно бродяг, которым не понравится вторжение на их территорию. Что теперь творится в зданиях, неизвестно. Полагаю, Дорадо и его компаньоны дружат с местными бродягами, потому и выбрали «Стаканы» базой, но нам туда соваться не стоит.

– Согласен. – Аль-Гамби посмотрел схему. – Остановимся вот тут, у южной башни, и подождем.

– Встреча состоится в котловане, – негромко произнес Боска. – Если она пройдет так, как запланировал Кодацци, то после убийства Дорадо он отступит вот сюда, на северо-запад. – Палец скользнул по карте. – Сядет в свой мобиль и уедет. На всякий случай напоминаю, что Дорадо мы не трогаем. Мы атакуем Дорадо только в том случае, если он завладеет книгой.

– Почему так? – поинтересовалась Пэт.

– Кодацци сказал, что это его дело, – объяснил Боска. – Мы прикрываем, а не делаем за него грязную работу.

Договариваясь с дьяволом, нужно быть внимательным в мелочах. Люциус Минг дал слово защитить Кодацци от тех, кто может явиться за книгой: от вудуистов, арабов, китайцев, индусов – от кого угодно. Но не от компаньона. Если Кодацци проиграет Дорадо, прятки заберут книгу и уйдут.

– А если возникнут накладки?

– Если возникнут накладки, мы прикроем Кодацци и уведем его в Мутабор. И там заключим новое соглашение.

– Вы специально посоветовали Кодацци назначить встречу так близко от границ Храма?

– Разумеется. Мы не можем рисковать книгой. – Боска посмотрел на Пэт. – У тебя есть возражения?

– Нет.

– Вот и хорошо.

Их было четверо. Боска старший. Кроме него – Зут, Номо и Шира, с которой Пэт уже была знакома. Одинаково худощавые и одинаково немногословные. Комбинезоны из мягкой, но прочной кевлайкры аккуратно подогнаны. Никакого лишнего оружия: у каждого «дрель», с десяток запасных магазинов на боевом поясе, пара гранат и длинный нож. Лица скрыты масками. Прятки. Их появление стало для Пэт очень, ОЧЕНЬ большой неожиданностью.

Грязнов не предупредил, с кем придется работать. Сказал, что группа подготовлена и ее ждут, указал место встречи. Пэт приехала к «Стаканам», ожидая увидеть Слоновски и безов из личной гвардии Кауфмана, а нашла бойцов Мутабор.

«Кирилл их нанял?»

Но выяснять остереглась – с храмовниками рекомендовалось общаться осторожно, тщательно взвешивая слова. Выслушала предложенный план, задав всего пару вопросов, и лишь после того, как инструктаж закончился и бойцы группы заняли позиции вокруг котлована, поинтересовалась у лежащего неподалеку Боски:

– Правда, что вы умеете уклоняться от пуль?

Пэт не спросила, почему им придется сражаться вместе. Не спросила, почему они должны защищать Кодацци, а не просто отнять у него книгу. Не спросила, хотя хотела. Но впереди ее ждал бой, и Пэт неожиданно для себя задала вопрос, который бы задал воин. Она хотела знать, кто будет рядом.

– А правда, что ты подстрелила архиепископа Вуду?

Боска тоже был воином и тоже собирался в бой.

– Слухи расходятся быстро? – усмехнулась девушка.

– Мы спросили, кто с нами пойдет, и нам ответили, – серьезно отозвался прятка. – Ты правда подстрелила архиепископа?

– Да.

Храмовник поразмыслил над ответом, после чего уважительно произнес:

– Это сложнее, чем уклоняться от пуль.

«Черт! Прятка признал меня равной!»

Пэт пришлось приложить все силы, чтобы удержать удивленное… или радостное восклицание. Чтобы не измениться в лице. Она выдержала короткую паузу и, глядя Боске в глаза,

спросила:

– А если мне просто повезло?

Тот покачал головой:

– Хороших хунганов – а архиепископ очень хороший хунган – защищают духи Лоа. Они пожирают всю случайную удачу. Так что везение ни при чем. Ты его подстрелила. Ты.

– Ну что ж, – пробормотала Пэт, переводя взгляд на котлован. – Вот и познакомились.

Кодацци мог подключиться к редким уличным видеокамерам, окружавшим «Стаканы», или следить за окрестностями через дирижабль, а потому Каори высадила Вима и Чика-Марию в двух кварталах от комплекса. Район оказался малолюдным: обитатели «Стаканов» отпугивали нормальных людей, заставляя их держаться подальше от комплекса, и спутники добрались до ограды «Стаканов», не встретив ни одного человека.

Остановились за углом дома, не переходя последнюю улицу, и закурили. Не для того чтобы успокоиться, а в надежде, что запах табака разгонит доносящуюся из комплекса вонь. Центральная площадь «Стаканов», когда-то заваленная лишь строительным мусором, теперь превратилась в обыкновенную свалку, а может, заодно и в кладбище.

– Боишься?

– Нет. – Чика-Мария резко мотнула головой. Но потом, поняв, что Дорадо ей не поверит, пробурчала: – Не очень. Мне еще не доводилось принимать участие в перестрелках.

– Твое дело маленькое, – усмехнулся Вим. – Оставайся здесь и жди.

Она неуверенно кивнула. Пистолет, что выдала ей Каори, слегка подрагивал.

«Да уж, красавица, это не ножки раздвигать, заманивая в ловушку кретинов вроде меня».

– Все будет хорошо.

– Надеюсь.

– Тихо! – Дорадо поднес к уху зазвонивший коммуникатор: – Я слушаю, Чезаре.

Выбранной позицией Чезаре тоже остался доволен. Строители успели построить лишь нулевой этаж западной башни и связать ее с остальными зданиями подземными коммуникациями, лезть в которые Кодацци не собирался – слишком опасно. А вот бетонная площадка, крыша нулевого этажа, показалась ему идеальным местом встречи. Она была изрядно захламлена мусором – и строительным, и отходами

жизнедеятельности местных обитателей, – и окружена насыпью, за которой залегли прикрывающие его прятки. За тыл Чезаре не переживал: появление местных обитателей не предвиделось. А если вынырнут из подземных ходов, окажутся под прицелом храмовников.

Все в порядке. Все предусмотрено. И поэтому, разглядев в темноте неясную фигуру, он вытащил пистолет и громким спокойным голосом крикнул:

– Привет!

– Это Кодацци, – усмехнулась Каори.

И шагнула вперед. Тула и два бойца молча последовали за ней.

– Привет!

Кодацци говорил, не отдаляясь от бетонной панели, одной из нескольких, что строители беспорядочно свалили на площадке. Укрылся хорошо, виднеются лишь правое плечо и рука, в которой поблескивает оружие.

– Поганое местечко ты выбрал! – крикнул Дорадо.

– Не хуже других, камрад. – Чезаре прищурился: ему показалось, что на противоположной стороне насыпи мелькнула чья-то тень. – Ты один?

– А как ты думаешь? – Вим не приближался, остановился в тени ближайшей кучи мусора. Укрытие, конечно, так себе, но все-таки… – Книга у тебя?

– Да.

– Тогда давай позвоним клиенту и договоримся, что будем делать дальше.

– Давай, – согласился Кодацци и надавил на спусковой крючок.

Чезаре знал, что Вим не подпустит его к себе ближе, чем на двадцать-тридцать метров, все-таки Дорадо не дурак. Знал, а потому готовился стрелять с большого расстояния. И «дыродел» подобрал подходящий – длинноствольный «МаузерSD». Стоящий в «балалайке» стрельбовой комплекс, несмотря на плохое освещение, сработал блестяще – пуля должна была попасть туда, куда целился Чезаре – в голову Вима, но ожидавший подвоха Дорадо упал на землю за мгновение до выстрела – среагировал на едва различимое движение руки «компаньона». Перекатился, одновременно выхватывая «браунинги», и ответил несколькими выстрелами.

– Цели на той стороне насыпи, – невозмутимо сообщил Зут,

занимающий самую северную позицию. – Вижу двоих.

Прятки залегли вдоль восточной стороны котлована и с любопытством наблюдали за разворачивающейся перестрелкой.

– Я вижу еще двоих, – добавил Номо, находящийся южнее всех. – Они хотят обойти котлован и ударить Кодацци в спину.

– Ждем, – распорядился Боска. – Накроем, когда подойдут ближе.

– Что у вас за стрельба?! – Это не выдержал Мендес.

Хладнокровная Пустышка помалкивала, послушно ожидая распоряжений, а этот не сдержался.

– Внимание всем! – прошептала Каори. – Кодацци у котлована! Повторяю: Кодацци у восточной стороны котлована. Мы идем с запада. Леди и Лу, выдвигайтесь внутрь периметра и отрежьте ему возможные пути отступления.

– Понятно!

– Понятно!

– Там перестрелка!

– Что видно с дирижабля?

– Слишком темно! – Редха разочарованно покачал головой. – Какие-то тени и вспышки выстрелов. Ни черта не разобрать.

Один Дорадо против неизвестного числа компаньонов. Аль-Гамби надеялся, что Вим разберется с приятелями без лишнего шума, но, если завязалась перестрелка, нужно идти на подмогу. Дорадо, конечно, профессионал, но ведь и напарники его наверняка не лыком шиты. А одному профессионалу против двух профессионалов делать нечего.

– Ахмед, Омар и Малек за мной! Сауд и Редха, остаетесь здесь! Приглядывайте за девчонкой!

– Тимоха, что нам делать?! Негры пошли внутрь!

– Знаю… – Старший Бобры напряженно обдумывал ситуацию. С одной стороны, цель уходит, с другой – сигнала от Дорадо не было. А как ни крути, только Вим знает, когда следует выходить из засады. Но… может, у него нет времени подать сигнал? В любом случае, чем ближе окажутся бойцы, тем быстрее они придут Дорадо на помощь.

– Двигайтесь следом. Только осторожно!

«Надеюсь, Вим, мы ничего не испортим…»

– Эй, Кодацци, тебе что, мало пятидесяти миллионов? – Дорадо лежал за кучей мусора, торопливо перезаряжал «дыроделы», а чтобы не тратить зря время, решил попытаться

выяснить местонахождение противника с помощью нехитрой уловки. – Какого черта ты хочешь меня пришить?

Уловка действительно оказалась нехитрой. Чезаре не ответил. Но хуже всего было то, что Вим не слышал его передвижений. Открытое пространство несло в себе слишком много помех: неподалеку гудели проезжающие по многоуровневой улице мобили, из открытых или разбитых окон ближайшей башни гремела музыка, а по пустырю, которому когда-то предстояло стать площадью, шуршали ноги и слышались голоса: местные обитатели торопились узнать, кто вторгся на их территорию.

– Не хочешь говорить, не надо, – пробормотал себе под нос Дорадо и, вздохнув, выкатился из-за кучи.

И сразу же открыл огонь, увидев мелькнувшую тень.

И сразу же…

Каори не сдержалась.

Разум подсказывал, что следует выждать еще несколько мгновений, подождать, когда Чезаре окажется ближе, но нетерпение сыграло свою роль: едва Кодацци, осторожно приближающийся к перезаряжающему пистолеты Дорадо, вынырнул из тени бетонного блока, мамбо открыла огонь. Насмешка заключалась в том, что будь в руках Каори ее любимый пистолет, она бы вряд ли промахнулась. Но «Маузер» покоился в кобуре на поясе, в руках же девушка держала более скорострельную, но, увы, и менее точную «дрель». Шесть пуль вылетели из ствола, повинуясь мягкому нажатию на спусковой крючок. Еще столько же успел выпустить лежащий рядом с мамбо боец, но… но все они лишь выбили искры из бетона, заставив Чезаре вновь нырнуть в укрытие.

– Дерьмо! – Девушка отшвырнула провинившийся автомат в сторону, выхватила «дыродел», вскочила…

И тут же бросилась на землю, почувствовав, особым чутьем мамбо уловив опасность. А вот ее напарник ничего не ощутил, за что и получил две пули в грудь и одну в шею.

– Тула! Нас атакуют местные!

– Не местные!

Возможно, окажись Лу Мендес более хладнокровным, события в «Стаканах» пошли бы по другому сценарию. Но сдержанность никогда не входила в число главных достоинств хунгана, к тому же он услышал, что Каори вошла в перестрелку, заторопился, а потому все получилось так, как получилось.

– Эй, ребята, подкиньте пару динаров на бедность!

Вставший на пути вудуистов бродяга выглядел обычным обитателем дна: рваные штаны, перепачканный плащ на голое тело, немытое лицо. Заурядная трусливая тварь. И Мендес ответил так, как привык обращаться с бродягами:

– Прочь с дороги!

– Тогда плати за проход, придурок, – окрысился обитатель «Стаканов». – Вы на нашей территории!

Это заявление Лу оспорил выстрелом. Стрелял хунган гораздо лучше, чем разбирался в дипломатии. Бродяга повалился на землю, однако порадоваться победе над нахалом Мендес не успел: со всех сторон в его группу полетели пули.

Зут и Боска открыли огонь по Василию и его напарнику одновременно с Номо, Широй и Пэт, которые палили по Каори. Но с меньшим успехом. В отличие от мамбо, Тула из-за насыпи не показывался, о его присутствии прятки знали, но самих вудуистов не видели, лишь обозначили атаку, не позволяя Василию и его бойцу высунуть головы и открыть огонь по убегающему из котлована Кодацци.

Ругающийся Вим кинулся следом за Чезаре, но его прятки пропустили.

– Лу! Леди! Кодацци уходит к вам!

– Тимоха, мочи вудуистов! Кодацци мой!

– Боска, сзади!

И стройная, во всяком случае, понятная до этого момента, картина боя развалилась, превратившись в окровавленное лоскутное одеяло.

Хамад знал одно – он должен поддержать Дорадо, и только его. Или книга у Вима, или он точно знает, где она. А потому, увидев залегших за насыпью неизвестных, майор не колеблясь отдал приказ открыть огонь. Подобравшиеся почти вплотную спецназовцы атаковали пряток с убийственного расстояния, и лишь окончательно сгустившиеся сумерки, с которыми не справлялись даже стрельбовые комплексы «балалаек», не позволили арабам уничтожить противника.

– Номо ранен! – Шира, успевшая сменить позицию, теперь палила в глубь комплекса, откуда подобрался новый враг. – Прикройте!

– Пэт! Прикрой Ширу! – Девушка не ответила. Боска громко выругался, кивнул Зуту, показав, что идет на помощь товарищам, и снова позвал: – Пэт!! Ты где?!

Как и ожидала Патриция, Кодацци не стал отсиживаться в котловане. Едва Чезаре понял, что Вим пришел не один, он немедленно бросился к восточной части, где залегли храмовники, взобрался, прикрываемый прятками, на насыпь, но не остановился, побежал дальше, к северной башне «Стаканов».

«Трус!»

Следом мелькнула еще одна фигура.

«Дорадо?»

Верные своему замыслу прятки пропустили Вима, сосредоточившись на других врагах Кодацци. А может, они были слишком увлечены перестрелкой? Как бы там ни было, Пэт поняла, что должна последовать за книгой.

– Боска! Я за Кодацци!

Однако увлеченный перестрелкой прятка ее не услышал.

Ширу, сам того не желая, спас Тимоха Бобры.

Номо, поймавший две пули в спину, истекал кровью где-то справа. Пэт пропала. Боска далеко. Со стороны южной башни подходят трое или четверо бойцов, и удержать их одним стволом не получится: Шира уже поняла, что ее атакуют профессионалы, которых не смущает ни плотный огонь, ни темнота и которые умеют работать в группе. Будь прятка одна и будь у нее возможность маневрировать, она сумела бы изменить ситуацию в свою пользу. Однако Шира не имела права оставлять беззащитного Номо. Пришлось сидеть на месте, отбиваясь от внезапно появившегося противника. Стреляла она отлично, на некоторое время арабы прижались к земле, но Шира не могла стрелять по всем одновременно, и спецназовцы, определив, что ведут бой с одним человеком, начали постепенно приближаться.

А Тимоха рассуждал еще проще. Для него, как и для Хамада, врагом был любой человек, кроме Дорадо, и он не видел ничего плохого в том, чтобы положить всех находящихся в «Стаканах»: и местных обитателей, и пришлых.

Роли поменялись мгновенно.

Еще секунду назад Хамад прижимал Ширу к котловану, а теперь его отряд оказался между двух огней. Шесть стволов ударили с юга, почти в упор. Омар лег на месте. Двое других спецназовцев развернулись, отвечая подобравшимся врагам, но почти сразу же вскрикнул Ахмед – пуля прилетела сзади, попала в плечо – приободрившаяся Шира отомстила за Номо. Малек еще держался, но он находился ближе всех к котловану, зажатый с трех сторон, и Хамад понял, что парня не вытащить.

Вопрос стоял просто: или оставаться здесь, принять бой и

лечь, так и не раздобыв книгу, или уйти, бросить бойцов, но сохранить надежду на выполнение приказа. Майору не потребовалось много времени, чтобы принять решение.

«Простите, ребята…»

Путь на юг, к машине, был отрезан, а потому Хамад кинулся к северной башне.

Кто и по кому стреляет, непонятно. Лу, окруженный местными, застрял на полпути к котловану и уже потерял двух парней. Не идет вперед Тула – слишком плотный огонь. Пустышка со своими бойцами пока в порядке, но они движутся по «Стаканам» крайне медленно, опасаясь наткнуться на бродяг. Стреляют справа, стреляют сзади. Но самое главное – Кодацци и Дорадо исчезли из поля зрения.

Каори, воспользовавшись тем, что обстрелявшая ее группа завязала бой с неизвестными, откатилась под защиту кучи мусора:

– Леди, Кодацци уходит к северной башне. Достань его.

Ответ ее не интересовал, да и что Пустышка могла ответить, кроме «хорошо»? Кто осмелится спорить с Каори? Мамбо на несколько мгновений закрыла глаза, впадая в боевой транс, а затем вскочила и бросилась вперед. Но не на врагов, а через котлован, за Кодацци, за Дорадо, за книгой…

Расстрелять бегущую через котлован Каори Боска не сумел – слишком уж быстро двигалась мамбо. Без толку опустошил магазин, выругался и вызвал Ширу:

– Что у тебя?

– Номо без сознания. У нас огневой треугольник.

– Кто с кем?

– Понятия не имею! Кто пришел, с тем и воюем.

– Бери Номо и ныряй в котлован. Я прикрою с севера. Выйдем к Зуту, там разберемся.

– А Кодацци?

– Надеюсь, за ним пошла Пэт…

Пустышка не сомневалась, что большая часть местных сгрудилась вокруг идиота Мендеса, что ей неприятностей от бродяг ждать не следует, но все равно двигалась неспешно: в отличие от Лу, Леди не пренебрегала разумной осторожностью. Ее бойцы старались избегать освещенных участков, огибали разведенные в бочках костры и небольшие кучки местных и сумели без приключений добраться почти до центра площади.

– Леди, Кодацци уходит к северной башне. Достань его.

– Рассредоточиться, – прошептала Пустышка. – Цель…

Закончить фразу мамбо не успела – под ее ногами взорвалась прилетевшая из темноты граната.

Как ни странно, первым использовать гранаты сообразил Петруха Бобры. Младший из отправившихся в «Стаканы» братьев умел рисковать, не боялся драк, но и к себе, любимому, относился трепетно. Шкурой своей дорожил, а потому приказал бойцам в первую очередь забросать вудуистов гранатами и лишь потом навязывать огневой бой. Если, конечно, останется кому навязывать.

Василий Тула заметил рывок Каори, понял, что мамбо вошла в боевой транс и начала преследование Кодацци, и задумался, что делать дальше. С одной стороны, он оттягивал на себя тех, кто прикрывал Кодацци из-за насыпи, не позволял им покинуть огневой рубеж и последовать за Каори. С другой – он не способен помочь мамбо. Нарвавшийся на местных Лу перестал отвечать. Оставалась надежда на Пустышку, но и она замолчала после грохота взрывов.

«Что делать?!»

Ответ, как и положено в таких случаях, пришел неожиданно: Тула заметил приближающегося Боску, понял, что его берут в клещи, крикнул напарнику: «Прикрой!» – и рванул к северной башне.

– Ушел! – бросил Зут. – Меня его приятель накрыл, голову не дал поднять. А он ушел.

Теперь «приятель» валялся мертвым, снятый выстрелом старшего прятки, но вот второй…

– Догоним! – Боска вызвал Ширу. – Ты как?

– Тащу Номо. Через тридцать секунд буду у вас.

– К нам не надо. Уноси Номо в Храм. Мы с Зутом идем за Кодацци.

Сначала он намеревался обойти северную башню с востока, выйти за периметр «Стаканов» и добраться до стены, ограждающей владения Мутабор. Однако раздавшиеся справа взрывы заставили Кодацци изменить направление движения. А поскольку возвращаться и обходить здание с запада было поздно, Чезаре принял единственно правильное в его положении решение: пройти северную башню насквозь. Длинноствольный «МаузерSD» давно перекочевал в кобуру, теперь в руках Кодацци была штурмовая винтовка, которую он предусмотрительно

оставил неподалеку от пряток и подхватил, удирая из котлована. Это не «дрель», скорострельная, но страшная лишь людям. Патроны у винтовки тяжелее, убойная сила выше, к тому же подствольник… Первым выстрелом из которого Чезаре снес хлипкую дверь в башню, ворвался внутрь, стреляя по всему, что движется или хотя бы обозначает движение, и помчался по загаженному холлу к противоположному выходу из здания.

Лу Мендес был обречен с самого начала. Не помогли ему ни навыки хунгана, ни обученные помощники – это оказался тот самый случай, когда число бьет умение. Обитатели «Стаканов» не отличались классной боевой подготовкой, но их было много, очень много. И двигала ими первобытная, не разбавленная ненужными рассуждениями ярость, ненависть к чужакам, осмелившимся проникнуть на их территорию. Будь у Лу возможность маневрировать, он бы наверняка спасся: в движении жизнь, постоянно меняй позицию, перепрыгивай с места на место, прорывайся… куда угодно прорывайся – тогда спасешься. Но Мендес позволил себя окружить, а потому был обречен.

По вудуистам палили со всех сторон, из-за каждой кучи мусора, из-за каждой коробки, из-за каждой бочки. Назвать этот шквал огня прицельной стрельбой можно было с большой натяжкой, но это был именно шквал, плотная завеса свинца, она не могла не стать эффективной. Бойцы Лу превратились в решето, так и не успев ответить на нападение. Сам хунган успел войти в боевой транс, но что он мог? Выстрел сюда, выстрел туда… пуля чиркнула по руке… выстрел сюда… что-то обожгло бедро… выстрел туда…

Мендес мог лишь надеяться, что прихватит с собой как можно больше врагов.

– Тимоха! Помоги! – Митроха в очередной раз проклял себя за ошибку и дал длинную очередь в темноту. – Тимоха!!

Ему не следовало ввязываться с заварушку, но средний Бобры не удержался: пальнул по появившемуся Мендесу, снес израненному хунгану голову метким выстрелом. А теперь его парни с трудом отбивались от наседавших бродяг. К счастью, их не сумели окружить, просто набросились, увидев нового врага, но приятного в столкновении с отбросами было мало.

– Тимоха!!

– Тимоха! Северная башня!

Это Вим. Старина Вим, когда-то спасший его шкуру.

– Дерьмо! – Старший Бобры взмахнул громадным кулаком. – Дерьмо!!

Он только что покончил с теми, кто… Кто пришел из темноты. Судя по снаряжению, они были спецназовцами Европол. Ввязались в драку и сдохли. Тем лучше. Но что делать дальше? Виму нужна помощь у северной башни, Митроха пропадает где-то между восточной и южной.

– Север!

– Тимоха!

Друг или брат? Чувство благодарности или родная кровь? Сто миллионов юаней, что тащил убегающий Кодацци, или золотозубый Митроха?

– Тимоха!

– Иду, – пробурчал Бобры, отключая канал связи с Дорадо. – Петруха, как дела у тебя?

– Я своих кончил, – жизнерадостно отозвался младший. – Бродяг вокруг нет.

– Они Митроху давят.

– Я слышал.

– Разворачивайся и иди на юг. Я подойду с запада. Возьмем придурков в клещи и вытащим брата.

– А Дорадо?

– Заткнись! – Тимоха сплюнул.

«Извини, Вим, извини…»

Надежды на Тимоху было мало. Дорадо прекрасно слышал, что творится в «Стаканах», понимал, что территория превратилась в одно большое поле боя, и сомневался, что старший Бобры, даже если он немедленно бросится на помощь, успеет вовремя – слишком уж быстро улепетывал Кодацци. Вим даже не был уверен, что расстояние между ними сокращается.

«Я доберусь! Доберусь!!»

Пусть даже придется сдохнуть, но только убив врага. Только убив!

В отличие от незадачливого Мендеса, возможность для маневра у Митрохи оставалась, во всяком случае, для маневра назад. А потому, послав сигнал о помощи, Бобры приказал своим отступать. А еще точнее – бежать, потому что противостоять переключившимся на его отряд местным у Митрохи не было ни возможности, ни желания.

«Извини, брат, но мне твой приятель шкуру не спасал, и пропадать из-за него я не собираюсь!»

Улепетывать ребятам пришлось другой дорогой – старый маршрут перекрыли обитатели «Стаканов», и Митроха велел взять южнее. Впрочем, им было плевать на то, что машина осталась в

стороне: за пределы периметра бродяги не выйдут – побоятся. А даже если и выйдут, то потеряют преимущество знания местности. На нейтральной территории разговор будет другим. И потому изо всех сил рвались к ограде комплекса.

Которую они, подгоняемые пулями, преодолели неподалеку от южной башни.

Не останавливаясь, пересекли проходящую вдоль нее улицу, укрылись за ближайшим строением, но на месте не остались: в движении – жизнь, пошли вдоль, торопясь добраться до машины, и наткнулись на припаркованный фургон.

– Майор, вы где?

– Преследую Дорадо! Приближаюсь к северной башне.

– Мы можем помочь?

– Оставайтесь на месте! Если меня накроют – уезжайте! Это приказ!

– Мы можем помочь, – пробормотал Редха, разглядывая карту. – Объедем «Стаканы» по периметру и окажемся у северной башни…

– Согласен, – кивнул Сауд, жаждущий отомстить за погибших товарищей.

И чуть подался вперед, дотягиваясь до ключа зажигания, но… подкравшийся Митроха дал длинную очередь прямо через стекло. «Дрель» завизжала, выплюнула двенадцать пуль, превратив Сауда в окровавленное решето. Двое других канторщиков распахнули дверцу фургона и расстреляли Редху.

– Тимоха! Я нашел девку твоего друга!

Дома начинались примерно в пятидесяти метрах от живой изгороди. Даже не дома – глухие двухэтажные стены с черепичной крышей. Возможно, с другой стороны в них были двери и окна, возможно – террасы и балконы, но на Болото они не выходили.

Гладкие каменные стены.

– Эй, кто-нибудь! – Кодацци посмотрел налево, направо: дом или дома тянулись далеко, стояли впритык друг к другу. Никакого намека на арки или ворота. Не добежишь, не спрячешься – на всем пространстве от изгороди до стен даже дерева ни одного нет, лишь аккуратно подстриженный газон.

А сзади уже подпирают.

Чезаре обернулся, увидел продирающегося через кустарник Вима, усмехнулся, отбросил опустошенную винтовку и вытащил из кобуры «Маузер».

Были в Анклаве Москва весьма защищенные территории: усилиями СБА корпоративные зоны превратились в настоящие крепости, способные устоять во время самых кровопролитных бунтов, когда на оборонительные линии лезли тысячные толпы разъяренных людей. Были в Москве страшные районы, в которые избегали забредать даже самые отмороженные наркоманы – печально знаменитые Рукава, под завязку набитые отходами производств и жизнедеятельности, в которых копошились навсегда опустившиеся бедолаги. Но существовала в Москве территория, которая сочетала в себе и то, и другое: и надежную защиту, и ауру страха. Территория Храма Истинной Эволюции. Центральная штаб-квартира корпорации Мутабор.

Ее не защищали выставленные напоказ пулеметные вышки, не было рва и колючей проволоки, однако пересекать без разрешения живую изгородь, что храмовники высадили по периметру своих владений, рисковали немногие. И хотя Храм вызывал неприязнь, а то и ненависть у многих соседей по Анклаву, он редко, очень редко подвергался атакам даже во время массовых беспорядков. Свои территории жители защищали стойко, в случае необходимости и китайцы, и арабы, и негры, и обитатели Болота сражались за каждый дом, за каждый переулок, но все они, даже вымуштрованные Мертвым безы, никогда не забывали о себе: и отступали, и убегали, если того требовали обстоятельства. А вот храмовники давно доказали, что не только не задумываясь убьют, но и не задумываясь умрут, исполняя приказ своего живого бога – Милостивого Владыки Грядущего.

Страх, который внушали фанатики, хранил территорию Мутабор лучше самых надежных укреплений, и поэтому Пэт весьма удивилась, увидев, что преследующий Кодацци Дорадо без раздумий преодолел кустарник, окружающий территорию Мутабор, и бросился к притормозившему у стены Кодацци.

«Что же тобой движет: ненависть или глупость?»

Или гордыня?

Но, в отличие от Пэт, Каори была далека от подобных размышлений. Находящаяся в боевом трансе мамбо не могла думать о чем-то, кроме сражения. Живую изгородь в человеческий рост она перемахнула с ходу, словно невысокий легкоатлетический барьер. Приземлилась, увидела Кодацци, Дорадо, вскинула пистолет…

И покатилась по земле, уйдя от автоматной очереди.

Прятки разделились еще в «Стаканах»: Боска проследовал за Кодацци через северную башню, а Зут обогнул ее, вышел к ограде

и потому на несколько секунд опередил напарника. Он увидел, что Каори взяла на прицел Чезаре, и без колебаний открыл огонь.

Возможно, будь у Василия Тулы время подумать, он бы не стал жертвовать собой ради Каори. Ведь она была всего лишь его начальником в операции, смысла которой он так и не узнал. К тому же – не самым лучшим начальником. Но хунган в боевом трансе превращается в машину, повинующуюся исключительно инстинктам и различающую лишь «свой – чужой». Без полутонов.

И поэтому, увидев, что на Каори несется выскочивший из кустов и не замеченный ею противник, Тула без колебаний рванул наперерез, сбил мамбо с ног и, перекатившись по земле, дважды выстрелил во врага. Зут грузно осел на землю, но и вскочивший хунган тут же скривился: одна из пуль прятки пробила ему левое плечо. Боевой транс глушил боль, но остановить кровь он не в состоянии, а значит, скоро наступит слабость.

«Где Каори?»

Тула повернулся, однако следующая пуля швырнула его на землю. А затем последовало еще несколько пуль из «дрели», на спусковой крючок которой давил Хамад.

В битвах, так уж принято, частенько побеждает тот, кто успевает последним. Аль-Гамби все делал правильно: атаковал противника сразу, едва увидев, но мгновения, которые он потратил на расстрел Василия, стали для него последними – вынырнувший из-за живой изгороди Боска ударил Хамаду в спину.

Каори поняла, что Тула ее прикрыл, ввязался в бой, но помогать ему не стала, даже не обернулась, чтобы посмотреть, справляется ли Василий с противником. Откатилась в сторону и сразу же вскочила на ноги.

Книга! Каори манила книга, и только она. Нужно подстрелить Кодацци, не дать ему уйти, задержать, а уж потом разбираться с остальными врагами.

Мамбо сфокусировала взгляд на Чезаре, и тут…

– Спускайте собак, – холодно распорядился Люциус Минг, увидев умирающего Зута.

Теоретически в этом приказе не было необходимости: на поле боя оставались Боска и Пэт, способные взять ситуацию под контроль, однако прелат, вопреки досужим домыслам о храмовниках, умел испытывать и боль, и ярость. На его глазах

только что погиб прятка, брат по вере, верный адепт Милостивого Господина Грядущего, и Люциус хотел отомстить.

«Опасность!»

Взвыли обостренные боевым трансом инстинкты. Каори резко развернулась и увидела, как с черепичной крыши дома соскользнули две расплывчатые тени. Быстрые, злые и зубастые тени. Тени сторожевых терьеров Мутабор. А ведь где-то сзади прятка. А впереди – Кодацци. Так близко, что можно дотянуться рукой… Если ее не отгрызет кошмарная псина.

Но разве собака, даже модифицированная гениальными генетиками, способна совладать с мамбо?

От первого выпада Каори ушла элегантно, чуть посторонилась и пропустила взмывшего в воздух терьера. А когда голова пса поравнялась с дулом пистолета, надавила на спусковой крючок и вышибла терьеру мозги. Такие раны смертельны даже для живучих тварей Мутабор.

Продолжая движение, Каори мягко присела и встретила вторую собаку четко направленным в шею ударом. Позвонки хрустнули, терьер на долю секунды замер, вновь бросился вперед и наткнулся на вторую руку мамбо, в которой был зажат «Маузер». Пуля вошла собаке в глаз.

Все.

«Все?»

Собаки обезврежены, прятка стреляет, но не в нее, а взрыв эмоций таков, словно над головой завис топор. Словно лежишь на плахе. Словно шансов на спасение почти нет…

«Опасность!»

Покончив с терьерами, Каори продолжала двигаться. Кувырком ушла вперед, поднимаясь, совершила уклон, обернулась, и ее взгляд уперся в стройную девушку.

«Опасность!»

«От этой соплячки?!»

Но уже в следующее мгновение Каори поняла, что стоящая перед ней девчонка и есть тот самый воин, который уложил Папу Джезе.

«Опасность!!»

«Ты еще ничего не умеешь, но это означает только то, что ты не знаешь и не контролируешь себя. На самом деле твои способности невероятно велики. Верь в себя. Доверяй себе. И главное – не мешай себе…»

Не мешай себе… Не волнуйся. Не паникуй. Не уступай врагу заранее!

Не испытывай страха!

Битвы проигрываются не потому, что одна сторона оказалась сильнее, а потому что другая – слабее. И не надо искать виновных на стороне: ты проигрываешь сам. Потому что был слишком самоуверен или, наоборот, труслив. Потому что поспешил или промедлил. Или потому, что оказался слишком глуп. Ты, и только ты, несешь ответственность за свои поражения.

И побеждаешь тоже ты.

Только ты.

И в этот момент сдох напыленный на глаза наноэкран.

Исчезли фиксирующие противника технические «окна», погас целеуказатель стрельбового комплекса, растворилась информационная строка.

«Я одна?!»

И сразу:

«Не мешай себе!»

Пэт подавила зарождающуюся в душе панику.

Рука ее стала твердой, взгляд – уверенным, а восприятие… Восприятие, несмотря на исчезновение наноэкрана, не ухудшилось. Скорее – наоборот.

В глубине души Пэт понимала, что приближающаяся к ней женщина движется необычайно быстро, что обычный человек неспособен уловить ее перемещения, что он увидит лишь смазанную тень. В глубине души понимала. Но при этом ей казалось, что Каори едва ковыляет. Что ее действиям не хватает стремительности. Более того, Пэт поняла, что способна предсказывать, где окажется женщина в следующий миг.

«Духи Лоа!»

Каори не понимала, что происходит. Она открыла огонь, едва увидев девчонку. И сразу же начала движение, не только совершая уклонения, но и атакуя. Она посылала в проклятую сучку пулю за пулей. И не могла попасть.

И даже сквозь боевой транс пробилось недоумение:

«Почему?!»

От которого всего один шаг до неуверенности.

«Ты веришь, Каори, и не теряй веру. Умоляю: верь! Только вера сможет тебя уберечь. Верь, несмотря ни на что!»

Но как сохранить веру, когда не удаются даже самые простые вещи? Когда ты чувствуешь, что осталась совсем одна? Когда понимаешь, что духи Лоа, на которых ты привыкла полагаться, отступают под давлением чужой, очень мощной силы?

«Верь!»

Но Каори дрогнула. Остановилась на мгновение, словно

желая получше разглядеть неведомую соперницу. Перестала уклоняться, перестала двигаться и уже в следующую секунду поняла, что этой остановкой признала свое поражение. Боевой транс слетел. Мир вокруг вновь стал обычным, не замедленным, не сонным. Стал миром обычных людей.

А в двух шагах стояла девчонка с густыми каштановыми волосами. И в ее глазах не было ни страха, ни неуверенности. Лишь высокомерное превосходство.

– Кто ты?

– Дочь своего отца, – холодно ответила Пэт и выстрелила Каори в голову.

С помощью трансплантатов и гемодификаций человек способен стать сильнее и выносливей, улучшить реакцию и зрение. Говорят, то же самое человек может обрести, пропустив через себя тайны Традиции, прикоснувшись к высшим силам. Но и в том, и в другом случае мы говорим о человеке, о его возможностях, которые можно раскрыть тем или иным способом.

Но иногда человек взлетает над собой без помощи извне. В любви или ненависти обретает невероятную силу. И совершает маленькое чудо.

На ровной площадке было некуда прятаться, но они, ослепленные ненавистью, охваченные жаждой победы, не стали даже падать на землю. Они вскинули оружие и пошли навстречу друг другу, словно одержимые, нажимая на спусковые крючки. И каждая выпущенная пуля попадала в цель, разрывала плоть, разбрызгивала кровь, но… но не останавливала. Пуля из «маузера», пуля из «браунинга», пуля из «маузера», пуля из «браунинга»…

Патроны закончились, когда между Кодацци и Дорадо оставалось всего несколько шагов. Грохот выстрелов сменился сухими щелчками. Окровавленные мужчины одновременно отбросили пистолеты и вцепились друг в друга мертвой хваткой.

По-настоящему мертвой.

– Каори, – прошептала Чика-Мария в коммуникатор. – Каори, ответь! Ну, пожалуйста…

Тишина. «Балалайка» мамбо молчала. Не отзывался и Тула, номер которого также был известен девушке. И никто не возвращался к мобилю.

– Каори…

Чика-Мария поняла, что это конец. Все, кого она знала, все, с кем приехала в Москву, все остались там, за оградой комплекса. И ей вновь придется заботиться о себе самой.

Девушка спрятала пистолет под легкую курточку, вздохнула и медленно побрела по улице, размышляя, как лучше всего добраться до Занзибара.

Обитатели «Стаканов» бились яростно, они были сильны числом, внезапностью и страшны окруженному противнику. Но противопоставить хорошо обученным канторщикам Петрухи и Тимохи им было нечего. Бобры ударили бродягам в спину, закидали гранатами, залили свинцом «дрелей», прошли, как нож сквозь масло, и, отделавшись всего двумя легкораненными, вырвались из «Стаканов» в районе южной башни, именно там, где их поджидал довольный собой Митроха.

Задерживаться у комплекса не стали. Митроха вызвал машины еще до подхода братьев, в которые и погрузились вышедшие из «Стаканов» канторщики.

– Тебя зовут Камилла, да? – хмуро спросил Тимоха, разглядывая хрупкую девушку.

– Да, – безучастно кивнула та.

Она плохо понимала, что происходит. Не видела разницы между арабами и захватившими ее бандитами и убедила себя в том, что скоро, очень скоро умрет.

И надеялась на это.

– Меня можешь не бояться, я друг Вима, – с неожиданной для своей комплекции, и особенно репутации, мягкостью произнес Тимоха. – Знаешь, что здесь?

И кивнул на металлический чемоданчик.

– Нет.

– Пять миллионов юаней. Два из них я заберу себе. За это ты получишь новое лицо от самых лучших московских пластиков и новые документы от самых лучших московских ломщиков. Ты получишь три миллиона и новую жизнь, Камилла. И тебя никто не будет искать. – Помолчал. – Я обещал Виму позаботиться о тебе.

Девушка недоверчиво посмотрела на здоровенного, похожего на кабана бандита, помолчала и тихо спросила:

– Где он?

– Погиб, – односложно ответил Тимоха. Подумал и добавил: – Сегодня много народу полегло…

Некоторых из них она знала по именам, некоторых – только по кличкам. Но некоторые имена были фальшивыми, а некоторые клички – настоящими именами.

Чезаре Кодацци и Вим Дорадо.

Мамбо Каори и еще один вудуист, плечо которого украшала

наколка: «Тула».

Араб, в карманах которого нашлись документы на имя майора Европол Хамада Аль-Гамби.

И Зут.

Все они были мертвы.

Игра закончилась.

«Моей победой».

Но радости Пэт не ощутила, только усталость. Какое-то время она наблюдала за тем, как появившиеся из потайных дверей храмовники убирают тела, затем закурила, подобрала с земли снятый с Кодацци рюкзак, преодолела кусты и медленно зашагала по улице, надеясь поймать такси.

Многие верят, что Золотой Век наступит. Когда-нибудь наступит.

Другие говорят, что Золотой Век давным-давно прошел, что человечество погрязло в пороках, и дух его никогда больше не возвысится над низменными желаниями.

Третьи напоминают о численности населения и считают, что для запуска проекта «Золотой Век» попросту не хватит ресурсов.

И все они в чем-то правы.

И все они по-разному видят Золотой Век.

Гармония человека с миром? Или гармония нового человека с миром? Или гармония человека с новым миром, с тем, который он создал? Или гармония духовного и материального? Каждый видит рай по-своему, но все сходятся на том, что он не совместим с трудовыми буднями. И если верить в то, что Золотой Век являет собой эпоху приятного времяпрепровождения, лишенного обязательств и необходимости трудиться, что наполнен он будет лишь счастливым созерцанием окружающей благодати, то можно смело заявлять, что Золотой Век никогда не наступит. И что его никогда не было.

Но в него верят. Наступление рая на Земле обещает едва ли не каждая Традиция. Благоденствие и расцвет культуры, отсутствие войн, достаток, сытые волки и целые овцы. Остается ответить на маленький вопрос: какое же учение ведет человечество к Золотому Веку? Классические христиане уверены в своей правоте, у вудуистов на этот счет иное мнение, так же, как и у китайцев, мусульман, индусов и храмовников. А нейкисты и вовсе полагают, что он уже наступил, осталось лишь

слиться с Цифрой. И каждая Традиция готова отстаивать свою правоту с оружием в руках, приближая Золотой Век с помощью танков и напалстера, уменьшая количество неверных, то есть тех, кто верит в свой Золотой Век.

Войны за ресурсы, войны за души…

Люди находят врагов даже своим богам, приписывают Верхнему царству свои нормы поведения, свою мораль. Люди слушают пророков, но рассматривают их учения лишь с практической точки зрения: подойдет для объединения или нет? Найдет ли последователей? Существует ли возможность создания иерархической пирамиды? Принесет ли прибыль?

Духу человеческому комфортно в Срединных мирах, ведь здесь все понятно. И его давно уже не тянет вверх.

А Золотой Век…

А Золотой Век превратился в красивую легенду.

книга Урзака

Эпилог

– Вот уж не думал, что Урзак на старости лет подастся в романтики, – рассмеялся Кирилл, захлопывая книгу. – «Золотой век»! Прелюбопытнейшая теория, кстати. Будет о чем подумать на досуге.

– И все? – поинтересовалась Пэт.

– Что «и все»?

– Это все, что ты можешь сказать о книге? Посмеялся над романтизмом Урзака, и только?

Патриция, в отличие от Грязнова, с книгой Банума не знакомилась. Кирилл изъял рукопись, едва девушка вернулась домой. Ей предложил принять душ: «Ты немного испачкалась», а сам ушел в кабинет. То ли читал он быстро, то ли проглядел только наиболее интересные места, но, когда Пэт пришла к отцу, он долистывал последние страницы.

– А что о ней еще можно сказать?

– За нее предлагали сто миллионов.

– Ага, – подтвердил Грязнов.

– И перебили множество людей.

– Точно.

– Я рисковала жизнью.

Антиквар широко улыбнулся:

– Я уже говорил, что в этой истории ты… ты меня приятно удивила, дочь. Я не ожидал, что твое становление пойдет столь быстро.

Становление.

Чувствовала ли она изменения в себе? Нет. А что должно появиться? Картинки грядущего? Для этого есть Читающая Время. Бурление силы? Так ведь она вроде не паровой котел…

– Во время драки у меня произошел сбой в «балалайке», – неожиданно припомнила девушка. – На некоторое время сдох наноэкран.

– Это будет повторяться, – тихо произнес Грязнов.

– Как долго?

– До тех пор, пока экран не исчезнет.

Пэт удивленно приподняла брови:

– Совсем?

– Ты становишься сильнее, дочь, и твой организм отвергает гаджеты. Сначала сдохнет наноэкран, потом – «балалайка».

– Ты шутишь?

Антиквар покачал головой.

«А ведь он не подключен!»

И Мамаша Даша обходится без чипа. И Кауфман…

– Мне кажется, дочь, лишиться «балалайки» не такая уж большая жертва.

– Пожалуй. – Она еще не привыкла к мысли, что окажется вне сети, не осознала до конца, но развивать тему не стала. Надо все обдумать. Пока же Пэт интересовало другое: – Что в книге, Кирилл? Почему она так важна?

Антиквар выдержал взгляд дочери, вздохнул, поняв, что она не отступит, многозначительно посмотрел на часы, но все-таки ответил:

– В ней правда, дочь. Вся правда, которая была известна Урзаку.

– Только правда?

– И ничего, кроме правды.

– О чем?

– Обо всем. – Грязнов провел пальцами по переплету. – Люди, которые за ней охотились, прекрасно знают то, что написал Урзак. Им известно, как образовалось Католическое Вуду и почему произошла мягкая исламизация Европы. Они знают о договоренностях, принимавшихся на самом верху. Они в курсе того, что ведущие машинисты корпораций и государств – правоверные нейкисты, ведь программное обеспечение вышло на столь высокий уровень, что создать новое могут только адепты Поэтессы.

– Потому что они лучшие?

– Да, – подтвердил антиквар. Помолчал. – Людей, которые гнались за книгой, не интересовали даже мысли Урзака о Мутабор. Точнее, их интересует Мутабор, но они знали, что Урзак не смог проникнуть в тайны Храма Истинной Эволюции.

– Тогда в чем же дело?

– В самой первой главе, – ответил Кирилл. – Можно сказать – автобиографической. Откуда есть пошел Урзак. В этой главе наш друг рассказал о своей юности, о своем прошлом, о древних, давно забытых богах и об их Последнем Храме. О том, кто им служил и какой силой обладал. Урзак написал о нас, Пэт. Полагаю, задолго до того, как мы повстречались. Он писал мемуары, но вряд ли предполагал, что они станут настолько важны.

– А они стали важны, потому что китайцы вышли на наш след, – поняла девушка.

– И потому что Урзака убили, – добавил Грязнов. – Все знали, что он обладал колоссальной силой, и поняли, что перед смертью он встретился с кем-то, его превосходящим.

– И захотели прочесть первую главу.

– Чтобы найти нас.

– Но ведь Урзак не знал о нас.

– Но мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь добрался до Последнего Храма, – жестко объяснил антиквар. – Пока не можем. Пока мы еще уязвимы.

И замолчал, давая понять, что разговор окончен. Однако Пэт не унималась:

– Кстати, о храме. Почему Мутабор помог нам?

– У храмовников был свой интерес в этом деле, – ровно произнес Кирилл.

– Не уходи от ответа. Я спросила, почему Мутабор помог нам, а не почему ввязался в дело.

Грязнов поднялся с кресла, взял книгу Урзака в руку, чуть повернулся в сторону двери, но после короткой паузы все-таки ответил:

– Потому что мы друзья.

– Просто друзья?

– У храмовников был свой интерес, и они наши друзья. Большие друзья.

* * *

Этот запах узнал бы любой полицейский, любой без, любой машинист – запах «синдина» не спутать ни с чем. Тонкий, навсегда запоминающийся аромат едва улавливался при вскрытии ампулы, но здесь, в обширном помещении без окон, он царил повсюду. Им благоухал воздух, им пропитались стены, его, казалось, выдыхали из себя стоящие в центре люди. И не просто люди – прелаты. Их глаза светились белым, но не белым с прожилками сосудиков, не белым, переходящим в беж или синеву, а чистым, снежно-чистым белым горных вершин.

А вот у стоящего в центре комнаты мужчины с глазами все еще было в порядке. Они были неестественно выпучены, словно у больного базедовой болезнью. Они были огромны, словно пересаженные от кого-то чужого. Но они все еще напоминали глаза обычного человека: белки, зрачки, радужная оболочка…

Мужчина, не мигая, смотрел прямо перед собой и уверенно отвечал на вопросы:

– Чувствуешь ли ты силу в себе?

– Да.

– Чувствуешь ли ты уверенность в себе?

– Да.

– Знаешь ли ты, какое испытание тебе предстоит?

– Да.

– Готов ли ты к нему?

– Да.

– Знаешь ли ты, что будет в случае неудачи?

– Я умру.

Губы Люциуса Минга растянулись в презрительной улыбке:

– Ты умрешь в любом случае, человек. Ты никогда не будешь таким, как прежде. Ты разделишь силу с Милостивым Владыкой Грядущего, ты встанешь на следующую ступень, ты изменишься. Ты умрешь.

– Я умру, – после короткой паузы подтвердил мужчина. – Я умру.

Прелат возложил руку на голову мужчины и негромко, немного нараспев начал:

– Авва марда Авва. Куар…

И по мере того как Люциус произносил слова, глаза еще-человека стремительно наливались глубоким синим цветом.

* * *

«Ее не вернуть, не вернуть…»

Никогда еще спальня архиепископа не пребывала в столь свинском состоянии. На полу валяются вдребезги разбитый коммуникатор, разорванное в клочья белье и обломки мебели – остатки тумбочек, кресел, дверцы шкафов. Накурено до последнего предела, сизый сигарный дым стелется даже над ковром, плавно огибая препятствия и потихоньку исчезая в дверной щели. Обычная вентиляция не справляется, а не вовремя заработавший кондиционер Папа расстрелял из любимой «Беретты NeoGun». Повсюду пустые бутылки. Врачи, пытавшиеся не дать разъяренному пациенту надраться, жестоко избиты и изгнаны. Слуги не рискуют входить, прислушиваются к происходящему из коридора.

«Каори!»

«Ее не вернуть…»

Пустая бутылка полетела в стену, грохнула выстрелом, взорвалась облаком стекла.

«Где же вы были, духи Лоа? Почему не помогли моей девочке?!»

– Где вы были?!

О смерти Каори архиепископу сообщил лично монсеньор Таллер, думал, так будет лучше. В ответ услышал о себе много интересного. Затем Джезе избил врачей, разгромил спальню и

нахамил самому Ахо. Позвонил и высказал все, что о нем думает. Или сначала нахамил Ахо, а затем разгромил спальню?

Какая, в сущности, разница?

Ведь Каори не вернуть.

«Не вернуть…»

Несмотря на всю его силу.

И постепенно в голове Папы Джезе осталась одна-единственная мысль:

«Ненавижу!»

* * *

Он рассказал все, что знал. Без утайки, ничего не добавляя от себя. Рассказал все, что произошло в «Баку».

Его выслушали молча.

Он предъявил «балалайку», которую вудуисты почему-то не заставили его вытащить. Ее содержимое просмотрели, коротко и сухо отметив, что записанные события полностью совпадают с рассказом.

И вновь замолчали. Они отказывались верить в невозможное.

«Карандаш? Глупости. Нас кто-то предал».

«Согласен, нас предали».

«Среди нас прячется доносчик».

Его никто не обвинял в предательстве, по крайней мере – открыто, но Сорок Два знал, что проверять его будут досконально и вновь поверят ему не скоро. Он был главным менеджером мюнхенского сервера dd – сервер разгромлен. Он возглавил оперативную группу – все ее члены убиты. Смерть такого количества братьев всколыхнула нейкистов. Они требовали разобраться. Уточнить. Но требовали вежливо, дипломатично, хотя смысл слов от деликатных оборотов не менялся: «Выверните наизнанку единственного выжившего!» Вот чего они требовали. А его не нужно было выворачивать наизнанку, он рассказал все, что знал.

Без утайки.

А еще Сорок Два узнал, что машинисты отказываются с ним работать, ведь он приносит несчастья.

«И это говорят те, кто не верит в карандаш…»

Но как заставить их поверить? Как доказать свою правоту? Как объяснить, что, упираясь в догмы Поэтессы, они убивают нейкизм? Не позволяют Учению превратиться в Традицию? Как?

Он сидел за узким столом в маленькой комнате дешевого эдинбургского отеля и, положив руки на раскрытый «раллер», как

сомнамбула, повторял:

– Чудо, мне нужно чудо. Мне нужно чудо. Мне…

«Нейкисты творят чудеса?»

Издевательский вопрос не шел из головы.

«Нейкисты творят чудеса?»

Тогда он не ответил. Но сейчас Сорок Два понимал, что без чуда ему не обойтись. Никак не обойтись.

Он отломил головку ампулы, наполнил одноразовый шприц «синдином», вздохнул и аккуратным, привычным движением загнал иглу в вену. А затем сделал то, на что до сих пор не решался. О чем мечтал, чего желал больше всего на свете и чего боялся.

Сорок Два взял со стола «балалайку», обычный процессор которой был заменен на «поплавок», и решительно вставил ее в головной разъем.

Он пытался сотворить единственное доступное нейкистам чудо.

* * *

А чудес не бывает.

Они остались в детских сказках. В замечательных историях, в финале которых на сцену является добрая фея и взмахом волшебной палочки исправляет безумства, сотворенные проклятым колдуном. Но если козни черного властелина можно расстроить, то сотворенное людьми зло остается навсегда.

Потому что нет волшебных палочек. Нет добрых фей.

Потому что никогда больше он не позвонит, не приедет и не обнимет. Его пальцы никогда не коснутся клавиш рояля, пробуждая в ее душе чарующую мелодию любви. И на звезды ей теперь придется смотреть без него.

– Знаешь, когда я узнала, что меня схватили из-за тебя, я тебя возненавидела. А теперь постоянно плачу.

Земля в Анклавах дорогая, кладбища давно исчезли с их лица, и те, кто хотел похоронить своих близких, везли их за пределы Москвы, на погосты России. Остальных покойников кремировали, а урны с прахом или отправлялись домой, или хранились в колумбариях – в длинных, унылых стенах, сложенных из мертвых людей.

– Мне страшно от мысли, что тебя больше нет. – Камилла закусила губу, помолчала, через силу продолжила: – И еще, Вим, завтра я уезжаю. А сейчас…

Она знала, чего бы он хотел. Она раскрыла футляр, достала

скрипку, положила ее на плечо, закрыла красные от слез глаза и нежно провела смычком по струнам.

Она играла для всех, кто лежал в стене.

Она играла только для него.

Словарь

dd (dark dog, «темная собака») – 1. сетевое сообщество наемников. 2. агенты сетевого сообщества наемников.

АММИЯ – аравийский диалект арабского языка.

АСА (Административный Совет Анклавов) – структура управления Анклавами, координационный совет, решения которого носят рекомендательный характер.

АССОЦИАЦИЯ (Всемирная Ассоциация Поставщиков Биоресурсов) – трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на работорговле, поставке оригинальных (не клонированных) органов и похищении людей.

АРАВИЯ – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из стран Европы, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Аравийского полуострова.

БАЛАЛАЙКА (сленг.) – чип беспроводного подключения к информационной сети, вставляемый во вживленный в голову разъем. Сленговое название объясняется треугольной формой устройства. Первые *Б* управлялись голосом, а роль экрана выполняли специальные очки, подключаемые к *Б* с помощью *психопривода* (см.). В настоящее время экран наносится на глаза, а помимо голосового управления предусмотрено вживление активных элементов в подушечки пальцев.

БАТАРЕЯ ЛЛЕЙТОНА – аккумулятор большой емкости, применяемый в качестве источника питания для двигателей *мобилей* (см.). Изобретение *БЛ* позволило в краткие сроки перевести наземный транспорт на электричество.

БЕЗ (*множ.: безы*) (сленг.) – сотрудник СБА.

БЛОХА (сленг.) – нелегальный пассажир, пытающийся попасть в Анклавы на *суперсобаке* (см.).

БОЛОТО (сленг.) – территория Анклава Москва.

БОЛЬШОЙ НЕФТЯНОЙ ГОЛОД – топливный кризис, разрушивший предыдущую версию мировой экономики. *БНГ* стал результатом непродуманной политики и неоправдавшихся надежд на открытие новых месторождений нефти. Постоянное увеличение объемов добычи и оказавшийся пузырем проект «Атлантические скважины» привели к тому, что ни одно государство мира не оказалось готово к кризису. Мировую экономику лихорадило в течение пяти лет. Прошла череда локальных конфликтов, получивших название *Нефтяные войны* (см.), в ходе которых государства пытались установить контроль над последними разведанными месторождениями. В настоящее время потребности мировой экономики в перевозках

удовлетворяются с помощью электричества (см. *Батарея Ллейтона* и *«Суперсобака»*), основным поставщиком которого стали атомные станции. Добыча нефти осуществляется на Тихоокеанских глубоководных месторождениях и Полярных скважинах Русского Севера.

ВЕРХОЛАЗ (сленг.) – человек, обладающий высоким положением в обществе. Как правило, *капер* (см.) высшего звена.

ВАГОН (сленг.) – общее обозначение клана байкеров.

ВУДУИСТ (сленг.) – адепт *Католического Вуду (см.)*.

ГАДЖЕТ (сленг.) – небольшое электронное устройство.

ГЕМОДИФИКАЦИЯ – операция по изменению человека с целью получения дополнительных, передаваемых по наследству свойств.

ГЕНАВР – человек, прошедший *Гемодификацию* (см.).

ГЕТРАНСПЛАНТАЦИЯ – операция по трансплантации натуральных или специально разработанных органов. Используется для получения тех или иных качеств (улучшение зрения, слуха, вживление ядовитых желез, когтей и т. п.). Изменения не передаются по наследству, *Г* влияет на чистоту генетической карты.

ГРАВЕР (сленг.) – специалист по производству электронного оборудования: наносхем, процессоров и т. д.

ДРЕЛЬ (сленг.) – пистолет-пулемет «Р16-88 м» разработки «Науком». Сленговое название получил благодаря высокому звуку, издаваемому при стрельбе очередями.

ДЫРОДЕЛ (сленг.) – пистолет крупного калибра. Пример: «Рудобой» производства «Науком».

ЕВРОДИН (Европейский динар) – денежная единица Европейского Исламского Союза.

ЕВРОПОЛ (Европейская полиция) – полицейская служба стран Европейского Исламского Союза.

ЗАНЗИБАР – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Африки и Северной Америки, исповедующими *Католическое Вуду* (см.).

ЗАМБИЕЦ (множ. замбийцы) – монах *Католического Вуду* (см.), член ордена Замби Всемогущего.

ЗАПРЕТНЫЙ САД – особо охраняемая зона на территории Шанхайчик, место проживания и работы лидеров китайской диаспоры.

КАНТОРА (сленг.) – организованная преступная группировка.

КАНТОРЩИК (сленг.) – член организованной преступной группировки.

КАПЕР (сленг.) – сотрудник корпораций.

КАТОЛИЧЕСКОЕ ВУДУ – религиозное течение, основанное на

смешении классического католичества и культа Вуду. *КВ* зародилось в Северной Америке и сравнительно быстро стало религией мирового масштаба. В настоящее время *КВ* исповедуют в странах Южной и Центральной Америки и большей части Африки, которые образуют Конфедерацию стран Католического Вуду.

КОЛЫМА (сленг.) – территория Анклава Москва, на которой размещены промышленные объекты корпораций.

КОНСОРЦИУМ (Консорциум Транснациональных Перевозчиков) – трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на контрабанде.

КОНСТРУКТОР (сленг.) – хирург (как правило – подпольный), специалист по трансплантации.

ЛОМЩИК (сленг.) – специалист по несанкционированному извлечению информации из компьютерных сетей.

МАМБО – женщина-священник *Католического Вуду* (см.).

МАШИНИСТ (сленг.) – специалист по работе с компьютерами и информационными сетями.

МОБИЛЬ – общее название электромобилей, работающих на *батареях Ллейтона* (см.). В силу невысоких тактико-технических данных (мощность двигателя, запас хода) *М* рекомендуется использовать на дорогах с хорошим покрытием и не удаляться от станций подзарядки.

МОЛОТОК (сленг.) – ПС9399 «Молотов», станковый пулемет производства «Науком».

МУТАБОР – 1. транснациональная корпорация, лидер в области генной инженерии и генной медицины. 2. территория Анклава Москва, занимаемая корпорацией Мутабор. (См. также: *Храм Истинной Эволюции*).

НЕВЫНИМАЙКА (сленг.) – «*балалайка*» (см.), в обязательном порядке вживляемая гражданам некоторых государств.

НЕЙК Эммануэль Мария – автор романа «Числа Праведности», считающегося библией *машинистов* (см.). В своих работах Нейк поднимает сложные вопросы жизни человека в современном обществе и выводит идеалы, к которым следует стремиться. Не рекомендуется к прочтению. Если вы обнаружите электронную или печатную копию романа «Числа Праведности», немедленно сообщите об этом представителям власти. Спасибо за понимание.

НЕЙКИСТ – последователь учения, сложившегося под влиянием романа *Нейк* (см.) «Числа Праведности».

НЕФТЯНЫЕ ВОЙНЫ – локальные конфликты, ставшие следствием *Большого Нефтяного Голода* (см.). Отличались особым ожесточением и широким применением биологического оружия.

ОКР – Объединенный Комитет Расследований, спецслужба РФ. Находится в прямом подчинении Президента РФ.

ОРДЕН ЗАМБИ ВСЕМОГУЩЕГО – монашеский орден *Католического Вуду* (см.).

ОТКРЫВАЛКА (сленг.) – сыворотка правды.

ПИНГВИН (сленг.) – Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

ПЛАСТИК (сленг.) – специалист в пластической хирургии.

ПОДНЕБЕСНИК (сленг.) – китаец.

ПОПЛАВОК (сленг.) – процессор, построенный по «плавающей» технологии Копперфильда – Найденова.

ПОЭТЕССА – см. *Нейк*.

ПРЯТКИ (*ед. число: прятка*) (сленг.) – *генавры* (см.), прошедшие операцию в *Мутабор* (см.).

ПСИХОПРИВОД – устройство подключения «*балалайки*» (см.) к компьютерным системам.

ПУШЕР (сленг.) – торговец наркотиками.

РАЛЛЕР (сленг.) – сверхбыстрый компьютер *ломщика* (см.). Не следует думать, что так можно называть любой мощный компактный компьютер. Настоящий *Р* производится *граверами* (см.) вручную, по индивидуальному заказу, все его параметры, вплоть до формы корпуса и положения кнопок, подогнаны под конкретного человека. Не бывает двух одинаковых *Р*! При этом даже в эпоху наноэлектроники размеры *Р* достаточно велики (до десяти дюймов длиной), а весит средний *Р* порядка пятисот граммов.

РЕВУН (сленг.) – Тяжелый Штурмовой Комплекс (ТШК) 9899 разработки «Науком». Калибр снарядов 11,4 мм, стандартный боезапас 400 выстрелов, расширенный – 600 выстрелов. Возможна ленточная подача боеприпасов. Также в стандартную комплектацию входит подствольный гранатомет.

РУБЛЬ – денежная единица Российской Федерации.

РУКАВА – территории Анклава Москва, плохо приспособленные для жизни человека.

САМУРАЙ (сленг.) – выходец из Японии.

САРАНЧА (сленг.) – Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

САШИМИ – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Автономной Восточной Провинции КНР.

СБА (Служба Безопасности Анклавов) – охранная структура. *СБА* разбита на филиалы, во главе каждого из которых стоит директор. Общее руководство осуществляет президент *СБА* (должность выборная). Центральная штаб-квартира расположена в Анклаве Цюрих. *СБА* исполняет полицейские функции в Анклавах и обеспечивает безопасность корпораций. *СБА*

выступает перед государствами гарантом соблюдения корпорациями Положения об Анклавах.

СИНДИН – синтетический динамический наркотик. По некоторым данным, *С* был разработан Мутабор по специальному заказу *машинистов* (см.), поскольку при определенных обстоятельствах позволяет необычайно глубоко погрузить сознание в виртуальную реальность.

СИТИ – территория Анклава Москва, занятая корпорациями.

СОСЬЕТТЕ – монастырь *Католического Вуду* (см.), в котором в том числе проходит обучение будущих жрецов.

СТРАТ (сленг.) – самолет межконтинентальных рейсов, в процессе полета выходящий за пределы атмосферы.

СУПЕРСОБАКА (сленг.) – суперскоростной экспресс на электромагнитной подушке. Основное средство международного транспорта.

ТРАНСЕР – человек (животное), прошедший *Гетрансплантацию* (см.).

ТАБУРЕТКА (сленг.) – мопед на электродвигателе.

УРУС – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из России.

УНИВЕРСИТЕТ – территория Анклава Москва, занимаемая одноименным учебным заведением.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР – территория Анклава Москва, занимаемая представительствами государственных организаций России.

ХРАМ ИСТИННОЙ ЭВОЛЮЦИИ – 1. религиозное учение, исповедуемое *Мутабор* (см.); 2. второе название корпорации Мутабор.

ХРАМОВНИК (сленг.) – адепт *Храма Истинной Эволюции* (см.).

ХУНГАН – священник *Католического Вуду* (см.).

ЧЕРНОБУРКА (сленг.) – женщина-офицер ОКР. Как правило, сироты и полукровки, отбираемые в детских домах и исправительных учреждениях. Неоднократно доказывали преданность Президенту.

ЧЕРЕНОК (сленг.) – подросток.

ШАРИК (сленг.) – Центральный Транспортный Узел «Шереметьево», включающий в себя аэропорт, терминал скоростных поездов, четыре станции метро и складской комплекс.

ШАНХАЙЧИК – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Юго-Восточной Азии, преимущественно из Китая.

ЭЛЕКТРОЛАБА (сленг.) – рабочая лаборатория *гравера* (см.).